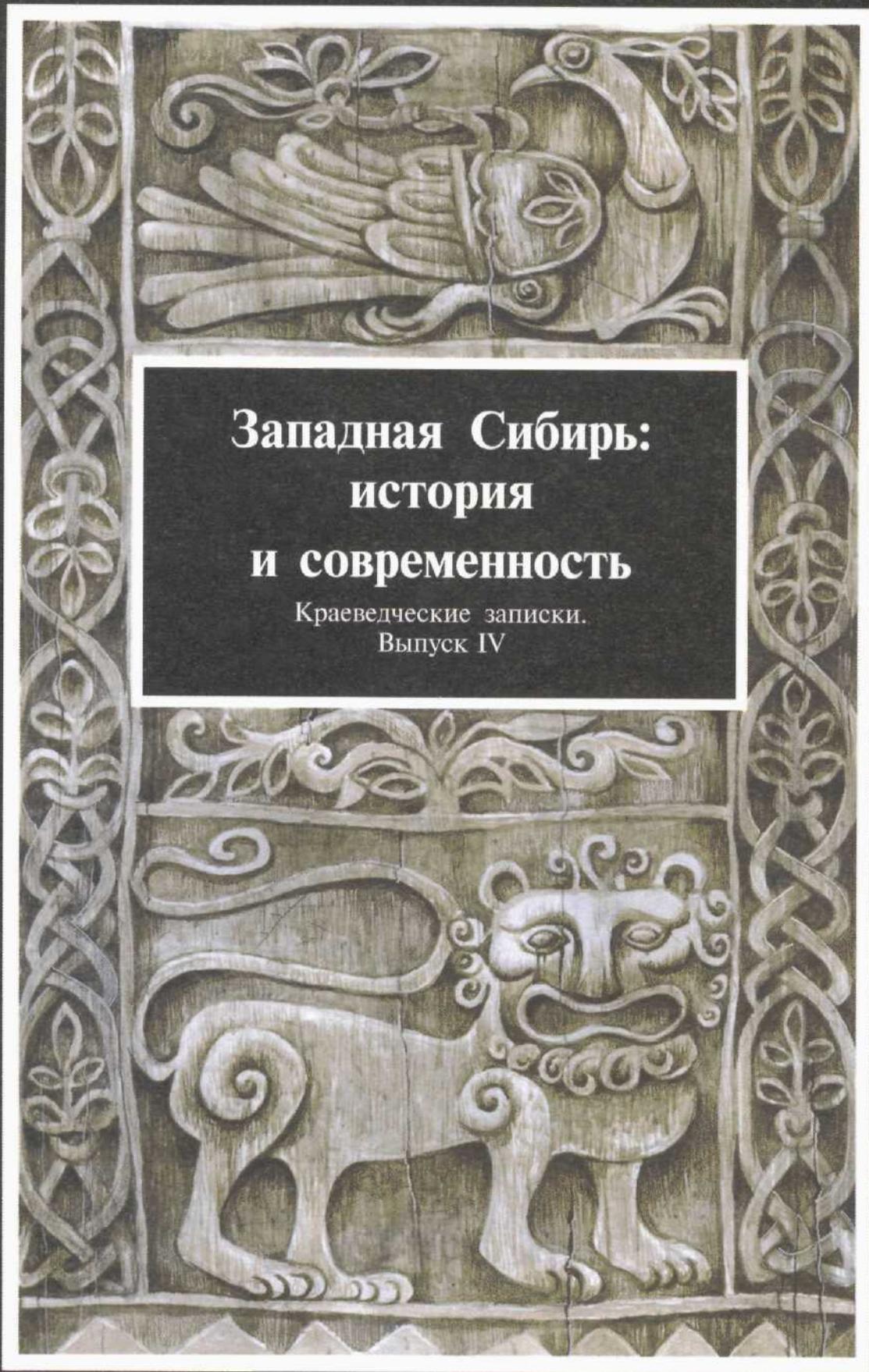

26.89(252.3)
к
2-30

**Западная Сибирь:
история
и современность**

Краеведческие записки.
Выпуск IV

Муниципальное учреждение
«Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный педагогический институт
Муниципальное информационно-культурное учреждение «Библиотечная система»
Нижевартовского района

Миро не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь:
история и современность
Краеведческие записки. Выпуск IV

Ответственный за выпуск: Чернышева В.В.

ИИ) ''

Тюмень, 2001

- 3 30** **Западная Сибирь: история и современность:** Краеведческие записки. Вып.4 /МУ «БИС»; НГПИ. -- Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2001. - 160 с.

Четвертый выпуск краеведческих записок «Западная Сибирь: история и современность» продолжает публикации исследовательских материалов, подготовленных как известными учеными, так и начинающими краеведами по истории, этнологии, социологии, экологии. В сборник включены новые разделы: здравоохранение и лексикография.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

Редакционная коллегия

Солодкин Я.Г., профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории России Нижневартовского государственного педагогического института (ответственный редактор)

Смирнов Н.П., член Союза журналистов России и член Союза писателей России

Воробьева Т.В., заместитель директора Нижневартовского муниципального учреждения «Библиотечно-информационная система»

Семенова Л.Ф., заведующая отделом краеведения Нижневартовской центральной городской библиотеки

© МУ «Библиотечно-информационная система» г. Нижневартовска (нхиппе), 2011

© Кухтерин А.С. (иллюстрации, обложка). 2011.

© Издательство Ю. Мандрики (оформление). 2001.

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ

Военные функции воевод западносибирских городов (кон. XVI - нач. XVII вв.)

Присоединение Северо-Западной Сибири к Московскому государству являлось сложным процессом, составной частью которого служило строительство городов и острогов как форпостов в борьбе с инородцами. Естественно, что формирующаяся местная администрация в первую очередь наделялась военной компетенцией. Выбор воеводской формы управления в Сибири оказался неслучайным, он отражал не только специфику общероссийской системы местного управления, но и объективную необходимость закрепления на новых территориях.

Назначая воевод в Сибирь в конце XVI века, московское правительство ставило перед ними много задач, первоочередной из которых было «управление военными делами».

В историографии проблема реализации первыми сибирскими администраторами военных функций затрагивается лишь попутно, в контексте рассмотрения процесса колонизации Западной Сибири.

Г.Ф. Миллер в «Описании Сибирского царства» пишет о строительстве воеводами первых городов и острогов, борьбе местной администрации с инородцами.

И.А. Андриевскому принадлежит обобщающий очерк о функциях воевод, включая военные. Но автор не останавливается на этапе становления воеводской власти, а рассматривает ее историю за XVII век в целом и применительно к России вообще.

П.Н. Буцинский только констатирует, что на первых воевод возлагались задачи основания новых городов и покорения Пегой Орды.

С.В. Бахрушин лишь вскользь рассматривает полномочия первых сибирских воевод, в частности, их военные функции. В специальной работе «Воеводы Тобольского разряда» С.В. Бахрушин останавливается на более позднем периоде сибирской истории (после Смуты), хотя и упоминает о первых тобольских воеводах.

В одной из глав обобщающей «Истории Сибири» более подробно, нежели в других работах, рассматривается военная деятельность первых воевод в процессе колонизации новых территорий и закрепления на них, в частности, говорится о формировании воеводами отрядов служилых людей, руководстве войсками, при-

нятии предупредительных мер относительно нападений неприятеля.

В.И. Сергеев, рассматривая правительственную политику в Сибири накануне и в период основания первых русских городов, выделил такой важный аспект, как процесс утверждения государственной власти в Сибири в конце XVI — нач. XVII вв. Безусловно, что данная задача возлагалась на первых воевод, которые реализовывали ее прежде всего путем борьбы с коренным населением. Хотя В.И. Сергеев конкретно не останавливается на анализе военных функций сибирских воевод, но он рисует достаточно широкую картину борьбы русских войск с Кучумом, считая, что на данном этапе военно-функциональный принцип организации власти был основным.

В работе Е.В. Вершинина о воеводском управлении в Сибири военные функции воевод и голов не рассматриваются вообще, несмотря на то, что в XVII в. они не вполне утратили значение: так, воеводам было необходимо принимать меры по предупреждению восстаний либо их подавлению.

Недавно появилась работа О.Ю. Шаходановой «Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVII вв.». Автор лишь вскользь затрагивает процесс становления воеводской власти в Сибири, не рассматривая функции воевод, в частности, военные, вообще.

Итак, следует констатировать отсутствие специальных работ, посвященных проблеме реализации военных функций первыми сибирскими воеводами, несмотря на источниковые возможности для раскрытия этой темы, в частности, наличие ряда документарных публикаций и некоторых архивных материалов.

Постараемся рассмотреть, как проходил процесс складывания воеводской власти в Сибири, конкретно остановившись на проблеме реализации военных функций первыми сибирскими администраторами.

После гибели Ермака и смерти князя Семена Волховского в 1585 г. из Москвы в Сибирь прибыл отряд воеводы Ивана Мансурова. Воевода приказал поставить крепость на Оби, напротив Ир-

тышского устья. Эта крепость, где Мансуров пробыл зиму 1585-1586 гг., получила название Обский городок.

В 1586 г. московское правительство отправляет за Урал воеводу Василия Сукина и Ивана Мясного во главе большого отряда, включавшего и казаков Ермака.

На первых воевод возлагалась нелегкая задача основать крепость как форпост в борьбе с Кучумом.

Сведений о деятельности первых воевод при возведении города Тюмени практически нет, можно думать, что он строился по той же схеме (отраженной в наказах 1593 и 1594 гг.), что и Пелым с Сургутом.

В дальнейшем воеводам также предстояло подавлять сопротивление инородцев. Из царской грамоты тюменскому голове Алексею Безобразову видно, что в 1603 г., когда практически Пегая Орда была разгромлена, сохранялась опасность нападения со стороны сына Кучума Алея и нагайцев. Воевода предостерегался от возможных нападений на «сибирские города и на ясашные волостивойною».

А. Безобразову наказывалось, чтобы «на острог были сторожи крепкие, днем и ночью безпрестанно, и... на караулы посылать наших служивых людей часто».

Поскольку Тюмень — «это первая опора русского владычества в Сибири, базис, опираясь на который, русские начали вторично, после смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство», местные воеводы находились в более тяжелых условиях, чем, к примеру, последующие, находившиеся в Пельше, Березове и других юрдах Сибири.

Как известно, строить Тобольск был отправлен один письменный голова Д. Чулков, без воеводы. Г.Ф. Миллер объясняет это тем, что «Москва» не могла «наперед усмотреть той пользы», которая от строения сего города надеяться можно было».

Впоследствии прибывшему в Тобольск воеводе В.В. Кольцову-Мосальскому пришлось продолжить войну с Кучумом, который летом 1590 года разграбил окрестности Тобольска и совершил набеги на Курлацкую и Сальчекскую волости. Эти набеги были направлены в первую очередь против коренного населения, которое признало власть Московского государства.

Воеводе удалось разгромить «Кучумово» войско, взять большое количество пленных, сына и двух жен хана и с «богатою добычей» вернуться в Тобольск.

Строительство двух основных военных форпостов — Тобольска и Тюмени — создало возможность дальнейшего распространения русского владычества на восток.

Теперь первоочередной задачей являлось налаживание транспортных путей, «необходимо было

обеспечивать продовольствием, военными и иными припасами гарнизоны двух острогов».

В связи с этим в 1589 году принимается решение об основании Лозвинского городка. Документального материала о его строительстве не сохранилось.

Неизвестно и о том, кто был основателем города. Г.Ф. Миллер предположил, что город был построен воеводой Иваном Григорьевичем Нагим. А. Т. Шашков же считает, что после того, как «Верхнетагильский городок был «покинут впус-те», а его гарнизон перевели на Лозьву, через год «тагильские стрельцы были заменены устюжскими, прибывшими сюда вместе с князем Иваном Михайловичем Вадбальским, отправленным из Вологды, а в Лозьве появился Иван Григорьев сын Нагой».

Возможно, на воеводу возлагались, помимо типичных военных функций, еще и обязанности по строительству судоверфи. Воевода должен был контролировать поступление и дальнейшее следование грузов: «взять... с Перми на них по чети муки, и того пятьдесят две чети, и отвезти с Перми на Лозьву...». Когда началась известная экспедиция П. Горчакова и Никифора Траханиотова в Лозьву, с ними прибыли 150 человек.

Воевода должен был отправлять их на судах, которые предписывалось делать в Лозьве. Иногда судов не хватало, и тогда «проезжие воеводы должны были совместно делать суда, так в наказе князю Петру Горчакову предписывалось «приехав (в Лозьву) вместе с И. Ногим суды делать и конопатить наспех неотступно день и ночь».

На первых воевод Пельма, Березова, Сургута возлагалась организация строительства этих городов.

Как правило, в первую очередь ставился острог, чтобы там могло укрыться войско, если бы пришлось сражаться с Пегой Ордой либо остатками войска Кучума. Воеводам приписывалось «занять город и на чертеж начертити, и всякие крепости выписать, а сперва острог на том месте занять и поставить».

Затем воевода с головой должны были «спешно» приступить к строительству города. В наказах основателям Пельма и Сургута Петру Горчакову и Федору Борятинскому можно усмотреть практически одну схему строительства города, который следовало возводить наспех: «лес на город ронити легкой, чтобы вскоре город сделать».

При строительстве крепости воеводе необходимо было организовать людей для строительных работ: «... а сперва их всех перечесть велети им лес ронить и привозить под город».

К сооружению крепости привлекались и инородцы: «... а делать им городовое дело как и своими да тутошними людьми, пелымскими вогуличами». Но в наказе 1594 года Ф. Борятинскому предписывалось опасаться местного населения:

«... а сперва тутошних людей беречися, велите лес ронить и привозить под город, а стояли б под городом, а в город их не пушать...». П. Горчакову приказывалось инородцам «дати место возле острогу, а с русскими людьми бы им не быть». Далее отношения с инородцами должны были строиться в зависимости от обстановки: «то делать, посмотри по тамошнему делу, как будет пригоже».

Места для основания города воеводы, как правило, определяли сами, хотя в наказах содержались указания на более предпочтительные в районах будущих крепостей. П. Горчаков должен был решить, возводить город на месте старого остяцкого городниш «в Тоборах» или выбрать новое. Что касается Сургута, то его предполагалось «ставить в Сургуте или в Безековой волости в Лунпеках».

Точных данных о строительстве Березова в документах не сохранилось, но, судя по наказу П. Горчакову, Н. Траханиотов, будущий березовский воевода, оказав помощь князю Петру в строительстве и укреплении города «на Тоборах», должен был отправиться в Тобольск: «а воеводе Микифору Васильевичу со товарищи, а с ним ратные люди, дети боярские, и атаманы, и казаки... пермичи, вятчане, вымичи, усольцы пойдут по росписи в Сибирь в Тобольской город», а затем отправиться на Березов остров, где выстроить город.

При строительстве Пельма на вторых ролях находились головы Богдан Воейков, Иван Змеев, Семен Ушаков. Голова являлся помощником воеводы практически во всех вопросах строительства и обороны. Так, Ушакову предписывалось «... быть со князем Петром (Горчаковым. — Н.С.) у государева дела...» и «о всем промышлять князю Петру, и люди устроить, и места под дворы раздавати жилецким людям и казакам, смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее». В наказе 1594 года о сооружении Сургута везде содержатся предписания о строительстве, устройстве и обороне города на имя сразу воеводы Федора Петровича Борятинского и головы Владимира Аничкова.

По мнению Е. В. Вершинина, письменные головы являлись практически вторыми воеводами в первые годы утверждения административной системы в Сибири, хотя в местнических спорах между ними ведущее место отводилось воеводе.

Поскольку первые города возводились как форпосты в борьбе с коренным населением, воеводам необходимо было организовать их оборону. В наказе 1594 года Ф. Борятинскому поручается выставить караулы, следить за несением службы: «и жити в городе с великим береженьем и сторожи по городу и караулы были в день и в ночь крепкие, и выбрати сторожей к житницам и городовым воротам их казне ратных людей, которых добрых...».

Людей для службы воевода также должен был назначить сам. Опасность нападения со стороны отрядов Кучума еще сохранилась, следовало и опасаться коренного населения, которое принимало участие в строительстве Пельма, Сургута, Березова. Они возводились наспех, и потому крепости быстро ветшали. Последующие воеводы должны были заботиться об их ремонте и содержании.

Работы по строительству могли быть приостановлены, как, например, в Пельме, что связано было с нехваткой людей. В царской грамоте констатируется, что «на Пельме де и города нарубить и покрыть некому, плотников нет, а служилых людей мало ж, а пашенные люди нужны и голодны», и воеводе Богдану Полеву предписывалось строительные работы приостановить, хотя продолжать заботиться об укреплении города — «только б у вас острог и город был укреплен, чтоб в острог и город жить было бесстрашно».

В царской грамоте березовскому воеводе Ивану Волынскому содержится похвала за «радение о благоустройстве города». Приняв город от воеводы Василия Плещеева и головы Тимофея Лазарева, тот произвел и ремонтные работы: «город и башни покрыли и в город велели сделать для остяцкого обиходу, погреб, да и острог поставили новый. И вы то сделали добро».

Можно отметить, что функции первых воевод в процессе строительства городов Северо-Западной Сибири являются типичными, поскольку города строились почти одновременно и в схожих военно-политических условиях.

Первые воеводы выступали прежде всего как военачальники, призванные осуществлять борьбу с инородцами, участвовать в подавлении сопротивления коренного населения.

Целью экспедиции П. Горчакова наряду с закладкой города являлась борьба с союзником хана Кучума — князем Аблегеримом. Поисками Аблегерима должны были заниматься все воеводы: «и воеводам Микифору Васильевичу с товарищи, став против Пельки на старом городище послать ратных людей в малых судах ото всех воевод искать Аблегерима Пельмского».

Но в поход против Аблегерима князь П. Горчаков должен был отправиться сам, «и жены и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи».

В наказе предписывалось «извоевать и угрозить» князя только в случае, если Аблегерим откажется «идти под руку государеву», П. Горчакову необходимо было привлечь на свою сторону коренное население, «чтобы они от государя на себя опалы большие не наводили, а пошли без боязни по государевым воеводам и пельмского князя привели».

В наказе предписывалось «приманя князя Пельмского Аблегерима и детей его, потому ж са-

мого князя и сына большего казнити... и меньшего сына с женою и с детьми взять с собою в Тобольский город».

Сведений о том, как исполнили воеводы данные предписания, не сохранились, но АТ. Шашков предположил, что замысел полностью удался. Ведь в Погодинском летописце упоминается, что князь Петр Горчаков «пелымского князя Аблегерима, призвав в город, поймал».

П. Н. Буцинский считал, что «московское правительство... боялось Аблегерима, считая его сильнее, чем он был на самом деле, и ожидая с его стороны сильных нападений на русское войско».

Но трудно недооценивать и опасность со стороны коренного населения. Так, в 1595 г. в Березовском уезде вспыхнуло антирусское выступление коренного населения. Причиной восстания, судя по воспоминаниям березовских служилых людей о мятеже 1595 г., стал отказ инородцев платить ясак: «те де остеки и самоядь тобольских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили». Основной причиной восстания стало желание освободиться от русского владычества.

Из одного более позднего документа узнаем, что «и ис Тобольска де наши воеводы присылали на Березов выручати Черкаса Александра с служилыми людьми».

На помощь березовским служилым людям были прежний воевода Пелыма П. Горчаков (который в 1594 г. уже был отозван в Москву) и Александр Хрушов с отрядом служилых людей.

Воеводы подчинили инородцев «и ясак с них взяли». Тех же, кто оказывал сопротивление и «ясаку давать не похотели», предписывалось казнить, а родовитых бунтовщиков — «князьков, лутчих людей», прислать «к нам к Москве...».

Из наказа сургутским воеводам о посылке служилых людей в поход на Пегую Орду 1597 г. известно о готовящемся походе из Сургута «в поход в войну в Пегую Орду, на Воню князя... да и на те волости велено послать в войну, которые волости стоят по Оби вверх, а государю непослушны и ясака государева не платят».

Сургутский воевода ОТ. Плещеев и голова И. И. Колемин в отписке в Москву 1596 г. сообщали, что князь Воня собирает войско «с братею и с детьми собирается 400 человек», царь Кучум заключил с Волей договор, «чтоб весною (1597 г.) со всеми своими людьми идти против Сургута...».

Можно думать, что борьба была ожесточенной, и первым воеводам приходилось, помимо текущих дел, постоянно быть в готовности, чтобы противостоять войскам Кучума.

После окончательного разгрома Пегой Орды в 1602 г. первым администраторам уже не приходилось столь активно организовывать и участвовать в военных операциях, хотя значение военной функции сохранялось еще долгое время, ко-

ренное население порой открыто сопротивлялось. По мере распространения русского владычества возникала необходимость строительства новых укреплений, так как Кучум «постоянно мог находить новые средства к борьбе между прежними своими подданными, иртышскими татарами, и время от времени появляться в подвластных Москве татарских волостях в качестве грозного мстителя». С этой целью принимается решение о строительстве города на Иртыше.

В 3594 г. для основания Тары отправляются воевода князь Андрей Елецкой и письменные головы Борис Доможиров, Григорий Елизаров. Город строился по той же схеме, что и предыдущие Пелым, Березов, Сургут. Воевода сам должен был определить место под строительство, «присмотря под город место, где пригож быти новому городу». Предполагалось, что он будет заложен «поближе к кочевьям Кучума, в волости Ялынской». Но город был возведен при устье небольшой реки Ангарки, хотя сохранил за собой «имя реки Тары, как он назван еще в наказе, ибо предполагаюся построить его именно при этой реке».

Сначала, как при постройке других сибирских городов, возводился острог, «по месту смотря, да острог де... сажень в триста, и в четыреста». Воеводе следовало самому определить размер острога в зависимости от численности принявших участие в строительстве «несмотря по людям там».

Город возводился наспех: следовало «лес возить всею ратью, всеми людьми и конными и пешими...», так как Кучумовы войска в любой момент могли атаковать прибывших русских.

Прибыв на место, основатели города должны были выяснить, где находится Кучум и каковы его планы: «про Кучума царя и про ногайских людей проводывать, где ныне Кучум».

Воеводе предписывалось остерегаться возможных нападений Кучума — «и от него (Кучума) беречися, что б на них не пришел». Сначала администраторам предписывалось применить дипломатические шаги, попытаться договориться с Кучумом, «что бы ему не приходиться тех волостей которые за новым городом будут». Как только город будет построен и укреплен, воеводе с «товарищами» предписывалось заняться поисками Кучума «промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить», всевозможными способами отговаривать его лучших людей от службы Кучуму и привлекать на службу «государеву».

Если же Кучум не признает власть государя, тогда воеводе А. Елецкому предписывалось «над Кучумом царем промыслять и его извоевагь». В 1594—1595 гг. и начинаются военные экспедиции, в результате которых было покорено несколько татарских волостей (Тереня, Любарь и Бараба), но до ставки Кучума русским не удалось добраться.

Из царской грамоты от 1595 г. видно, что А. Елецкому удалось установить, где находится Кучум со своими приближенными (они «вверх по Иртышу... на Черном острове поставили городок, и в том городке зимуют»). Узнав о ставке хана, воевода снаряжает военную экспедицию, возглавил которую голова Борис Доможиров. Всего с ним отправились в поход 276 человек. Русскому войску удалось разгромить ставку Кучума и захватить в плен его людей, но хану удалось бежать. Ставка Кучума была сожжена, а вслед за ним Б. Доможиров «посылал за Кучумовыми людьми литву и казаков и стрельцов 70 человек».

За эту экспедицию администраторы были отмечены московским правительством «золотыми деньгами», воеводе следовало и составить список отличившихся в этом походе, за их службу «золотые деньги роздать по росписи».

Вскоре, весной 1595 года, воевода предпринимает новую попытку разгромить Кучума. Он снова отправляет Б. Доможирова в поход, чтобы подчинить новые волости: «волость Чангулу, волость Лугуй, волость Любу, волость Келему, волость Турат, волость Бараму, волость Кирпкики». Войску Б. Доможирова удалось покорить новые волости и их жителей заставить платить ясак русскому царю.

В 1595 году на смену А. Елецкому из Москвы прибывает новый воевода Ф. Елецкой и письменный голова В. Хлопов. Предписания, содержащиеся в наказе от 1595 года тарским администраторам, подобны другим, к примеру, сургутским (от 1594 г.). Воеводе и голове надлежало «быть в новом городе на Таре с великим бсрезеньем». Им следовало опасаться нападений со стороны «Кучумовых» войск, так как, несмотря на успешные военные операции русских, хан не был захвачен в плен и представлял еще большую опасность.

В наказе говорилось о необходимости проведения экспедиции, опять же с целью подчинения новых ясачных волостей, которые «государю не послушны». Возглавить поход должны были головы Василий Хюпов и Борис Доможиров, с ними предписывалось отправиться лучшим конным и пешим казакам. Обо всех перемещениях Кучума письменным головам и тарскому следовало сообщать в Тобольск и Тюмень, чтобы предотвратить попытки внезапного нападения ногайцев.

Хотя этот поход окончился «счастьем и пользою, однако ж победа была бы гораздо более совершеннее, ежели бы самого хана с прочими его сыновьями захватить можно было», — писал Г.Ф. Миллер.

В 1597 году Ф. Елецкого сменил воевода С. Кузьмин и головы А. Воейков и П. Пивов. Из отписки А. Воейкова от 4 сентября 1598 года видно, что тарские воеводы предприняли экспедицию, которая фактически завершила борьбу рус-

ских с Кучумом. Голова, узнав о местонахождении Кучума, «со всеми своими людьми», отправился «с Черных вод на Обь реку», где и состоялось решающее сражение, после которого в плен были взяты его дети, жены «...и детей его царевичев и царицего поймал и брата Кучумова... да сына Кучумова... да двух царевич, Алей царевича детей на бою убили, да живых взяли Кучумовых детей...».

И хотя Кучуму снова удалось избежать плена, но он уже не представлял столь большой опасности, как раньше. Следует отметить, что тарские воеводы не всегда должны были следовать предписаниям наказов, многое зависело от способности воеводы вовремя разобраться в ситуации. Заметим, что, как правило, в поход выступал голова, а воевода оставался в городе.

В 1598 году после разгрома союзника хана Кучума князя Вони был заложен Нарымский острог. Его предписывалось построить временно, только на одну осень, пока воеводы не приведут вясачную зависимость отдаленные волости.

Сведений о деятельности первых нарымских администраторов практически нет. Известно лишь, что первым из них был Тугарин Федоров — сургутский казачий атаман, строитель острога. Возможно, что возводился острог наспех, в условиях военной опасности, так как, несмотря на разгром Пегой Орды, Кучум продолжал представлять опасность.

Нарымским воеводам приходилось выполнять те же задачи, что и другим администраторам, в частности, подавлять сопротивление инородцев. К примеру, в 1602 году возникла опасность антирусских выступлений, о которых один из «новокрещеных остяков» сообщил сургутскому воеводе Я. Борятинскому: зачинщики мятежа были казнены («изменников Басаргу с товарищи десять человек повесили»). Видимо, в остроге находился в то время или голова, или казачий атаман, который зависел от сургутских воевод.

По мнению П.Н. Буцинского, бунт нарымских остяков стал причиной основания Кетского острога, так как трудно было держать в повиновении достаточно отдаленные от Нарыма ясачные волости.

Основателем Кетского острога предположительно является все тот же Тугарин Федоров, в задачу которого, видимо, входило в первую очередь приведение в покорность ясачных волостей и сбор «мягкой рухляди».

По мере освоения русскими новых сибирских просторов возникала необходимость постройки новой дороги, которая бы значительно сократила путь между «Русью» и Сибирью. Такая дорога была найдена посадским человеком А. С. Бабиновым. Вскоре после ее открытия в 1597 г. воевода В. П. Головин и голова

И.В. Воейков были посланы из Москвы в Сибирь для постройки города на месте прежнего городища Неромкура, находившегося «от реки Туры по берегу...». Воеводе предписывалось ставить «нового города три стены», а «с четвертую сторону от реки... велели поставить хоромы в стену воеводские...».

Воеводе так же, как и другим сибирским администраторам, наказывалось город возводить наспех («город и острог поставити для поспешенья вскоре»), хотя ощущалась нехватка людей и средств, которые выделило правительство. Перед воеводой возникла задача привлечь на строительство людей, так как имевшиеся запросили высокую цену за работу. В связи с этим принимается решение строить город по государеву приказу.

С основанием Верхотурья отпала необходимость в Лозьвинском городке, и в 1598 году принимается решение разрушить его. Пелымскому воеводе П. Шаховскому следовало перевезти с Лозьвы строительные материалы и употребить их на «постройку» Пелыма, а стрельцов с Лозьвы «велети отослать... на **Верхотурье** для городского дела...».

Первым верхотурским воеводам, также, как и другим сибирским администраторам, предстояло наспех возводить стены острога и города, военные функции уже не являлись ведущими для верхотурских администраторов.

В грамоте от 30 января 1600 г. в Тюмень голове Федору Янову предписывалось построить острог в Епанчине юрте между Тюменью и Верхотурьем.

В задачу Ф. Янова в первую очередь входило заведение пашни, но, на взгляд П.Н. Бунинского, «помимо всего этого правительство, кажется, при основании Туринского острога руководствовалось и стратегическими соображениями...». Думается, однако, что первоочередной задачей Ф. Янова являлось возведение острога, так как опасность нападения со стороны ногайцев еще сохранялась. Потому-то Ф. Янову и указывалось «как придешь в Епанчин юрт и учнеш ставити острог, и как пашенные люди учнут пашню пахать и ты б жил с великим бережением, и сторожи бы у тебя были крепкие, и про ногайских людей и про сырянцов проводывал, чтоб ногайские люди, пришед без весно, на кого дурны не учинили». Лишь после того, как укрепление будет построено, тогда Ф. Янову предписывалось распределить землю подпашни.

В 1600 году в Мангазею были отправлены воеводы князь М. Шаховской и письменный голова Д.Хрипунов. Воеводы должны были сами организовать постройку судов для экспедиции, «с торговыми людьми на суды лес ронить».

Сначала экспедиция двинулась по воде, но потерпела крушение. Судя по наказу, экспедиция дождалась самоедов и затем в их сопровождении двинулась по снегу. Но по дороге на рус-

ских напали инородцы, «убили тридцать человек казаков, а князь Мирон де ушел ранен, а с ним шестьдесят человек казаков.., а про Данила не ведают, ранен ли или не ранен», — читаем в наказе следующим «начальным людям» Мангазеи. П.Н.Будинский предполагал, что причиной разгрома экспедиции явилось противодействие коренного населения и «торговых людей» строительству острога, и, стало быть, установлению русской власти, которая бы контролировала торговлю и собирала ясак.

Вслед за первой экспедицией на «Мангазею» отправляются воеводы В.М. Рубец-Мосатьский и письменный голова С. Пушкин, которым предстояло выяснить обстоятельства разгрома экспедиции и заложить город.

Следовать в Мангазею второй экспедиции предписывалось «не мешкая нигде ни часу, чтоб... в Мангазею и Енисейск пройти водяным путем...»: по всей видимости, московское правительство опасалось новых столкновений с инородцами.

Судя по наказу, В. Рубец-Мосальский и С. Пушкин прибыли в острог на реке Таз, который предположительно М. Шаховскому и Д. Хрипунову все же удалось заложить. Прибыв на место, воеводе в первую очередь следовало укрепить острог «накрепко», остерегаясь нападений инородцев. В том случае, если острог не был сооружен, воеводе предстояло самому «розыскать место накрепко, что б розыскать места лучшего, которое место было угодно...». Видимо, строительство Мангазеи проводилось по той же схеме, что и других сибирских городов и острогов.

Инородцев, которые отказывались признать власть русского царя, **предписывалось «повоевать»** отряду С. Пушкина. Непокорных следовало приводить в острог и сажать в тюрьму до тех пор, пока они не согласятся «государю служить и ясак платить».

Несмотря на то, что Мангазея была основана фактически после разгрома Пегой Орды, военные функции являлись для ее администраторов первостепенными, так как предстояла борьба с инородцами, не признававшими власть Московского государства, в частности, отказывавшимися платить ясак.

В 1604 году сургутскому воеводе Ф. В. Головину предписывалось отправить письменных голов Г. Писемского и В. Тыркова для возведения Томска.

Ставить город решено было «вверх по Оби на реке Томи в Томской волости». Известно, что крепость предстояло построить примерно за одно лето, так как письменные головы со служилыми людьми должны были добираться к месту будущего города водным путем, а к зиме служилых людей предписывалось голове «отпустить назад, не зимовать».

Можно думать, что основатели Томска выполняли те же функции при закладке города, что и другие сибирские воеводы. Но их деятельность уже не была сопряжена с такой опасностью, как у воевод и голов первых сибирских городов, потому что князь Тоян добровольно передал ясачные волости Москве.

Таким образом, военные функции воевод и голов являлись одними из основных в период становления административной власти в Северо-Западной Сибири, хотя нужно отметить, что четкого разграничения **функциональных** обязанностей в этот период не существовало, это было связано с процессом оформления новой системы управления.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией имп. Академии наук. СПб., 1841. Т. 2.
Андреевский Н.Я. О наместниках воеводах и губернаторах. Рассуждения. СПб., 1864.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
Буцинский П.Н. Сочинения: В 2-х т. Тюмень, 1999.
Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XIX Пшж). Екатеринбург, 1998.
Гезенаинкель К.Б. Материалы для справочно-биографического словаря сибирских деятелей//Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1893. Вып. 1.
История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
Мишер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн. 1. Первое столетие сибирских городов. Новосибирск, 1996.
Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.
Русская историческая библиотека. М., 1875. Т. 2.
Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов// Новое о прошлом нашей страны. М., 1968.
Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1909. Вып. 2.
Тобольский **архиерейский дом в XVII** веке. Новосибирск, 1994.
Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала//Уральский сборник. Екатеринбург 1997.
Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI—нач. XVIII века// Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
Югорск: От легенды до точки на карте. Екатеринбург. 1997.

Я. Г. Солодкин

Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования

В конце XVI в. в Сибири, как и в европейской части России, складывается воеводская система управления.¹ Одним из путей её изучения, которое весьма интенсивно ведётся в последнее время, является рассмотрение биографий местных администраторов. Постараемся сделать это на примерах первых воевод и письменных голов Берёзова.

Не касаясь пока спорного вопроса о времени и обстоятельствах возникновения города, отметим, что, по мнению большинства историков, русская крепость Б устье Северной Сосьвы, на месте заброшенного укрепления Сурмут-ваш, принадлежавшего ранее яппинскому князю, была заложена в 1593 г. отрядом служилых и даточных людей под началом воевод Н. Траханиотова, М. Волконского и головы И. Змеева.

Никифору Васильеву сыну Траханиотову, являвшемуся накануне чердынским воеводой,² согласно наказу П. И. Горчакову о «постановлении» города на территории Пелымского княжества (конец 1592 или начало 1593 г.), следовало идти в Лозьву, где делать суда, а затем направиться «в Тоборы» для сооружения крепости, оставаться там неделю или две, «покамест острог укрепят и лесу поронят», «извовать и угрозить» за это время местного владельца Аблегирима, после чего двигаться в Тобольск. Поэтому Е. К. Ромодановская считает Траханиотова (которого ошибочно называет князем) основателем Пелыма наравне с Горчаковым.³ (По её утверждению, они же возвели Берёзов, с чем трудно согласиться).

Некоторые исследователи полагают, что находившиеся под началом Траханиотова берёзовские казаки и стрельцы в устье реки Полуи выстроили острог, названный Носовым, или Обдорским городком.⁴ Больше оснований думать, что этот острог возвели П. И. Горчаков с А. В. Хрушевым.⁵ К тому же последнее упоминание Траханиотова как берёзовского воеводы относится к августу 1594 г.⁶

Сослуживцем Никифора Васильева сына Е. В. Вершинин называет князя Михаила Петровича Волконского.⁷ В «разрядах» сказано об отправке в 1591/92 г. «ставить» Пелым с предписанием быть затем в Берёзове М. Жмурки (Мурки) Волконского и службе в городе, основанном в устье Северной Сосьвы, Михаила Константинова сына Волконского (1592/93—1593/94 гг.).⁸ По данным Е. Г. Волконской, в Сибири служил не М. П. Жмурка, а М. К. Хромой (Орёл).⁴ В начале XVII в. последний числился среди выборных дворян по **Перемышлю** с окладом 400 четвертей. В 1595—1596 гг. М. К. Волконский служил головой в Тобольске, после чего князя «отпустили» «к Москве». (Восходящее к Г. Ф. Миллеру мнение об участии Михаила Константинова сына в основании Сургута ошибочно). В период тушинской осады Москвы М. К. Волконский ведал обороной Фроловских ворот; со сторонниками «Вора» он сражался и под Калугой. Князь героически погиб при защите Пафнутьева Боровского монастыря летом 1610 г.¹⁰

Письменный голова Иван Змеев зимой 1593—1594 гг. во главе отряда казаков и кодских остяков

прошёл от устья Конды до городка Картаужа - столицы Кондинского княжества; оно было разгромлено, его правитель Агай с братом и старшим сыном очутились в плену. Не исключено, что это одно лицо с упомянутым в разрядных записях под 1562/63 г. (а не в 1571 г., как утверждает Л. И. Ивина) Иваном Змеевым, являвшимся помещиком Угличского уезда, выборным дворянином по Мешовску Иваном Матвеевым сыном Змеевым, в 1577 г. служившим головой у стрельцов, и тем Иваном Змеевым, который в 1592 г. выступал в роли губного старосты Обонежской пятины. В. И. Щербаченко утверждает, что одним из основателей Берёзова был Иван Григорьевич Змеев, родившийся в 1547 г., служивший со времени «полоцкого взятия», в 1592 г. посланный в Пермь, а оттуда за «Камень»; в 1613 г. он присутствовал на Земском соборе, а умер в 1632 г.¹¹ Однако эти сведения явно относятся к разным лицам.

В 1594 г. берёзовским головой был Афанасий Иванов сын Благой (Благово); осенью того же года он в одиночку управлял городом. В 1582 г. А. И. Благой (Е. В. Вершинин неточно именует его Иваном Афанасьевичем) состоял среди дворовых Грозного, в царствование Фёдора, будучи выборным дворянином по Ржеву с окладом 400 четвертей, посылаясь в Новгород, где шло формирование армии, двинувшейся вскоре против шведов. В 1590 г. А. И. Благой — стрелецкий голова в Ивангороде, только что занятом русскими войсками, в 1596/97 г. — приставу папского посла; в 1602/ОЗг., имея уже оклад 700 четвертей, ржевский выборный дворянин ведал посадом в Ярославле, через год в головах участвовал в «таркском» походе и «в Шехвалской земле» попал в плен.¹²

В 1594 г. казачьим головой в Берёзове служил Молчан Павлов сын Норов, десятилетие спустя бывший выборным дворянином по Коломне (с окладом 500 «четей»).¹³

В 1594/95 г. на берёзовское воеводство послали В. С. Волынского и Ф. Е. Елчанинова; «Фёдора на дороге не стало», и взамен направили голову В. С. Толстого и дьяка П. Жукова. (В книге Е. В. Вершинина сослуживцами В. С. Волынского они не называются).

Василий Степанов сын Волынский, принадлежавший к мешовскому «выбору» (в 1588/89 г. его оклад составлял 600 «четей»), дважды — при Фёдоре Ивановиче (еще до назначения в Берёзов) и вскоре после воцарения Бориса Годунова-воеводствовал в Белеве, в 1589 г. собирал в шведский поход служилых людей Дорогобужского и Каширского уездов, в 1590—1591 гг. служил в Новгородке и был определен «в сени» государя, в царствование Шуйского находился в Москве; Сигизмунд I II собирался пожаловать ему с сыновьями Андреем и Петром земли в Серпейском, Дорогобужском и Рязанском уездах. Из одного местнического дела 1628 г. мы узнаем, что В. С. Волынский служил по

Серпейску.¹⁴ В боярском списке 1610/11 г. В. С. Волынский значится большим.

Умерший по дороге в Берёзов Фёдор Елизарьев сын Елчанинов был опричником, затем дворовым Ивана IV, ездил гонцом в Речь Посполитую, участвовал в походах против крымцев, в Ливонию и на «луговую черемису», в обороне Москвы в ханский «приход» 1591 г.; он имел высший (600 четвертей) оклад среди ростовских выборных дворян.¹⁵

Василий Степанов сын Толстой, видимо, пробыл в Берёзове недолго. В середине 1590-х годов этот выборный дворянин Зубцовского уезда, владевший землями также близ Ржева и Торжка, воеводствовал в Пелыме. В 1611 г. пребывание в Сибири (якобы двенадцатилетнее) В. С. Толстой выдал за ссылку — «мучение». Осенью 1604 г. он находился «за заставою» где-то в Европейской России, сразу после воцарения Шуйского был напрасен приводить к присяге донских казаков и «являти» им жалованье.¹⁶

Евфимий Антропьев Истомин сын Жуков, по прозвищу Пешек (Псшко, Пешка, Пушок), еще в 1573 г. служил на государевом дворе с окладом 13 рублей. В 1576 г. он дал большой вклад (100 рублей) в Троице-Сергиев монастырь. Дворовым Грозного П. Жуков был и в 1582 г. (за десять лет до этого он имел поместье в Бежецкой пятине). При царе Фёдоре П. Жуков-Ржевский сын боярский, дьяк, участник шведской кампании 1589—1590 гг. и («в дошаном городе») обороны Москвы в «приход» Казы-Гирея. В начале XVII в. дьяк Пешек — межевый судья на русско-литовском пограничье, у Горопца; его четвертное жалованье равнялось 50 рублям, против Лжедмитрия I он выставил одного всадника. Жуков составлял тогда нижегородскую десятню, служил (с перерывами) на Холопьем дворе и в Печатном приказе (до 1616/17 г.), объезжим головой в столице, «при боярех» вел кабальные книги в приказе князя Ф. Волконского; Сигизмунд III намеревался отдать его подмосковное поместье (на Клязьме) дьяку В. Юрьеву; в 1613 г. взамен ярославского поместья получил земли в Пошехонском и Кашинском уездах.¹⁷

В 1595/96 г. наряду с В. С. Волынским Берёзовым управлял Григорий Иванов сын Микулин, прежде являвшийся головой в Пелыме. (Р. Хелли, думается, без должных оснований усматривает в этом факте признак утраты им былого значения). Известный с 1571 г., когда он входил в свиту царевича Ивана, Микулин принадлежал копричному и дворовому окружению Грозного, был землевладельцем Московского и Вяземского (по которому числился в «выборе») уездах, ездил в ранге посланника царя Бориса в Англию, затем размежывал русские польско-литовские владения, в Белгороде перешёл на сторону «расстриги», пожаловавшего ему думное дворянство, возможно, погиб вскоре после убийства первого самозванца.^{18*}

С конца 1596 до весны 1599 г. «начальными» людьми Берёзова являлись Василий Тимофеев сын Плещеев и Алексей Петров сын Нашокин.

Первый из них, сын опричника, в 1572 г. в чине головы участвовал в Ливонском походе Грозного, а вскоре стал рындой (с сулицей). В 1581 г. Плещеев «по литовским вестем» действовал в рядах передового полка у Пскова. Год спустя он упоминается среди дворовых царя Ивана, затем состоял в приставах у английского посла. При Фёдоре Ивановиче Василий Тимофеев сын исполнял «береговые службы» (в полку левой руки), воеводствовал в Гдове, на случай татарского вторжения находился с ратными людьми в Кашире, Рязани, Пронске, посылался «тулян збирать» в шведский поход 1589—1590 гг., когда был головой «в ясаулах», потом служил в Деделове и Орле, ездил в Кахетию, где обещал помощь против шамхала, состоял приставом во время приезда в Россию папского посла. В царствование Бориса Годунова дворянин московский Плещеев (это звание он получил не позднее 1588/89 г.) являлся объезжим головой в столице, с дипломатической миссией ездил в Речь Посполитую, в качестве второго воеводы управлял «Новым Царёвым городом» на Северском Донце, служил в Рязани и в 1604 г. получил отставку. Осенью 1606 г. Василий Тимофеев сын — воевода в Орешке; в марте следующего года он скончался в Великих Луках.¹⁹ Вместе с братом Осипом, тоже дворянином московским, В. Т. Плещеев располагал поместьями в Вяземском, Ржевском и Суздальском уездах.

Про А. П. Нашокина известно гораздо меньше. В 1564/65 г. «Олеша» служил в Вильяне, а четверть века спустя был послан в Новгород. Ржевский — выборный дворянин, по-видимому, тоже участвовал в шведском походе царя Федора. В Берёзове А. П. Нашокина сменил переведённый из Тобольска (куда его послали в декабре 1596 г.) Тимофей Матвеев (Юмшанов) сын Лазарев.²⁰

Последний относился к выборным дворянам Суздальского уезда. В течение 1588/89—1610/11 гг. его оклад вырос с 450 до 600 четвертей. Лазарев находился среди участников царского похода на шведов, затем посылался из Москвы к боярину Б. К. Черкасскому с приказом отвести войска на реку Осётр, к Почепу. В 1601/02 г. вместе с дьяком И. Палицыным Тимофей Матвеев сын ездил в голодающий Псков раздавать государевы запасы, через год был направлен во Владимир «за разбойники», затем воеводствовал в Холмогорах и Арзамасе. В январе 1609 г. во главе отряда тушинцев пытался овладеть Нижним Новгородом, однако попал в плен. Сигизмунд III хотел пожаловать ему земли.²¹

Вапреле 1599—1600г. (как минимум до октября) в Берёзове несли службу Иван Григорьев сын Волинский и Иван Петров сын Биркин.

Дворянин московский Волинский в конце царствования Грозного (начиная с 1575/76 г.) и

при его преемнике воеводствовал в Коловери, Лихоборе (Лиговере), Вильяне, Чебоксарах, остроге Казани, Свяжске, Новосили, Саратове, «в поезде» участвовал в свадьбе Ивана IV с Марией Нагой, сражался с мятежной «черемисой». В поход против Лжедмитрия I Иван Григорьев сын снарядил 6 «конных» воинов — столько же, сколько выставили совместно его братья Михаил и Меньшой. В марте 1607 г. его «отставили» от службы.²²

И. П. Биркин в чине жильца был в 1581 г. дворовым царя Ивана (брат будущего головы Берёзова Родион являлся в «особом» дворе заметной фигурой), принадлежал к помещикам Рязанского уезда, в «выборе» которого с окладом 400 «четей» он упомянут в боярском списке 1588/89 г. Через десять лет вместе с князем Г. П. Шаховским Биркин собирал в Рязке казаков. В конце царствования Бориса Годунова Иван Петров сын служил головой в Пронске и Новгороде Северском; в январе 1605 г. за участие в разгроме отрядов самозванца его наградили золотым угорским. В. Д. Назаров вопреки мнению И. И. Смирнова думает, что Биркин тогда не предводительствовал даточными людьми из Комарицкой волости. За переход на сторону Лжедмитрия II рязанские владения Ивана конфисковали и передали небезызвестному З. П. Ляпунову; затем Биркин покинул стан «Вора».²³

С осени 1600 г. (по Е. В. Вершинину, с 1601) в Берёзове воеводствовал Иван Михайлов сын Манка Бяратинский. В 1588/89 гг. он был жильцом, десять лет спустя — выборным дворянином (вероятно, как и в 1602/03 гг. — Суздальского уезда), членом Земского собора, избравшего на царство Бориса Годунова. Князь унаследовал вотчину матери сельцо Бестужево в Арзамасском уезде и владел суздальским сельцом Пестрцово. По утверждению А. П. Павлова, Бяратинского послали в Сибирь в 1598/99 г. Однако первый документ, в котором князь Иван значится берёзовским воеводой, относится к сентябрю 1600г., что делает сомнительным заключение Л. М. Сухотина и В. И. Корецкого, будто он попал на восточную окраину России по делу Романовых. По возвращении из Сибири Бяратинский занял ту же должность в Воронеже, затем был назначен на старый Земский двор, а весной 1604 г. князя отправили в Шацк «прибирать» на службу осевших там донских и волжских казаков. Вторжение «расстриги» застало бывшего воеводу Берёзова в Карачеве, откуда Бяратинскому предписали отвезти осадную артиллерию к Кромам. В разгар Смуты Иван Михайлов сын сделался членом Тушинской думы. Верность Лжедмитрию II он сохранил и в калужский период движения «Вора». В 1610 г. Бяратинский выехал из нового алатырского поместья в Воронеж с целью подготовить там новую ставку «царика» на случай его отступления из Калуги и собрать для самозванца дополнительные силы в Рязанском,

Арзамасском и Шацком уездах. (Утверждение И. О. Тюменцева о воеводстве И. М. Бярятинского в Воронеже в 1609—1610 гг. не подтверждается имеющимися источниками). В 1611 г. власти Первого ополчения назначили князя, получившего звание окольничего, воеводой в Арзамас; оттуда он бежал, когда местные жители присягнули Лжедмитрию III. В 1611—1613 гг., по сведениям Е. В. Вершинина, Иван Михайлов сын вновь воеводствовал в Берёзове. В 1620 г. Бярятинский тщетно добивался возвращения сельца Палашкино и деревни Средниковой, которые в годы его сибирской службы (как заявлял князь Иван, ссылки) достались властям Рождественского монастыря во Владимире.²⁴

Одновременно с Бярятинским головой в Берёзов был назначен Василий Михайлов сын Нагай Хлопов,²⁵ но он просил оставить его «на Руси», так как недавно вернулся из Сибири,²⁶ и взамен в этот город определили Григория Потапова сына Викентьева, который в 1588/Х9 г. входил в состав ярославского «выбора» (с окладом 450 «четей»), а накануне владел вотчиной в Подмосковье. Тот же оклад Викентьев имел в начале XVII в.²⁷

В 1603—1604 гг. власть московского самодержца на берегах Северной Сосьвы олицетворяли Федор Андреевич Татев и Юрий Игнатъев сын Кобяков. Происходивший из стародубских князей, Татев в 1588/89 г. посылался в Новгород, очевидно, для участия в походе против шведов, в 1597 г. был направлен в Данков, где вёл сыск о нападении казаков на нагайцев, гнавших табуны лошадей в Москву. В самом начале царствования Бориса Годунова Фёдор Андреевич, подобно своим братьям Ивану и Семёну, относился к столичным дворянам. Головой «в ясаулах» он участвовал в серпуховском походе новозбранного государя, затем был объезжим головой в Москве, воеводой в Осколе; «для сибирские службы» Татев получил наперёд жалование за 1603/04—1604/05 гг. Согласно боярской книге 1615 г. до московского разорения его оКпан равнялся 800 четвертям и 80 рублям.²⁸ Кобяков, отец которого принимал участие в Молодинской битве головой у казаков, выставленных Строгановыми, в 1588/89—1602/03 гг. — выборный дворянин по Рязани с окладом 600 «четей», назначался «на крыльцо», в конце XVI в. являлся стоялым головой на «Поле», головой в Ельце («для полевые посылки»), Шацке, Осколе, «в судовой рати» сопровождал запасы хлеба, предназначенные для гарнизона Царёва-Борисова.⁴

Итак, за первое десятилетие существования Берёзова там сменились шестнадцать воевод и голов. Трое из них (М. К. Волконский, И. М. Манка-Бярятинский, Ф. А. Татев) носили княжеский титул, четверо (Н. В. Траханиотов, В. Т. Плещеев, И. Г. Волынский, Ф. А. Татев) представляли московское дворянство, остальные — выборное, причём двое относились к ржевской корпорации, столько же — к рязанской, суздальской и, возможно, мешовской,

другие были «записаны» по Вязме, Зубцову, Ярославлю, видимо, Перемышлю. Ф. Е. Елчанинов и В. М. Хлопов, лишь назначенные головами в Берёзов, тоже относились к «выбору» (по Ростову и Ржеву). Примерно таким же статус первых воевод и голов был и в соседних западносибирских, и в полевых уездах России (в последних, по подсчётам В. Н. Глазьева, из 27 «старших» воевод 19 принадлежали к столичному дворянству и приравненным к нему княжеским корпорациям, а 8 — к выборным дворянам, как и большинство вторых воевод и голов³⁰). Даже казачий голова М. П. Норов упомянут в перечне выборных дворян. Однажды среди берёзовских «начальных людей» оказался дьяк (П. Жуков), что для небольших крепостей было редкостью. До «присылки» в Берёзов в ролях воевод и голов успели послужить Н. В. Траханиотов, М. К. Волконский, А. И. Благой (Благово), В. С. и И. Г. Волынские, Г. И. Микулин, В. Т. Плещеев, А. П. Нашокин, Т. М. Лазарев, Ф. А. Татев, Ю. И. Кобяков, возможно, И. Змеев. Покинув этот сибирский город, те же должности занимали, насколько известно, Н. В. Траханиотов, М. К. Волконский, А. И. Благой (Благово), В. Т. Плещеев, И. П. Биркин, И. М. Бярятинский, Т. М. Лазарев. Служба в Берёзове, надо думать, содействовала их административной карьере.

В 1595 г. ляпинский князь Шатров Лугуев с остяками и «самоядь» «приступал к Берёзову городу», выжег острог, перебил многих казаков. На выручку осажденным, державшимся более полугодом, из Тобольска со служилыми татарами прибыл сподвижник Ермака Черкас Александров.³¹ Тогда же против «ослушников», не дающих «ясаку», из Москвы «с нарядом» и донскими казаками к Берёзову двинулись воевода П. И. Горчаков и головы А. В. Хрущев, П. И. Толстой и Ф. И. Жихарев. Мятеж был подавлен, ряд его участников казнили, несколько князцов и «лучших людей» «отослали» в «царствующий град».³²

Руководитель этой карательной экспедиции, по допущению А. И. Андреева, впрочем, малоосновательному, незадолго до основания Пельма воеводствовал в Берёзове. В 1585/86 г. арзамасский помещик Горчаков — голова в Тетюшах, где являлся «жильцом», затем служил на Чусовой, весной 1589 г. был послан «на поле за Черкасы в конной» рати из Шапка, вступив в местнический спор с пронским казачьим головой И. Губиным, а вскоре в головах «у наряду» участвовал в походе Фёдора Ивановича на шведов. В списке выборных дворян первой половины 1590-х годов Пётр Иванович сын упомянут в числе «выведенных из понизовых городов»; потом он входил в состав алексинской корпорации, а не позднее 1606/07 г. стал дворянином московским. Назначение в Сибирь Горчаков получил и следом за воцарением Бориса Годунова, но где и кем служил тогда потомок черниговских князей (если попал за Урал), неясно. Из-под Тулы, где укрывались бо-

лотниковцы, Пётр Иванов сын вместе с боярином М. Б. Шейным был направлен на воеводство в Смоленск. Они руководили и героической обороной этого города от польско-литовских войск. В отличие от первого смоленского воеводы Горчакову каким-то образом удалось избежать плена, и в начале царствования Михаила Фёдоровича в приказе Казанского дворца князь давал показания о пути, которым четвертью века прежде достиг Березова." (При возвращении оттуда ратники Горчакова, возможно, «срубили» Обдорский острог).

Александр Васильев сын Хрущев в 1582 г. привёз в Псков известие о заключении русско-польского перемирия, позднее ездил гонцом в Речь Посполитую и вернулся от Стефана Батория с грамотой «о порубежном деле и обиде». В первые годы царствования Фёдора Ивановича Хрущев — голова «на» Деდიлове, Плове и Солове, Крапивне. Накануне похода против шведов Александр Васильев сын был «отослан для татарских кормов». Тогда Хрущев принадлежал к тульскому выборному дворянству, и его оклад составлял 500 четвертей. В 1590-х годах Александр Васильев сын наделял землями путивльских конных самопальников и в рядах сторожевого полка служил опять «на Крапивне». В самом начале XVII в. мы застаём Хрущева в Валуяхах. Его за что-то постигла опала, и он был смещён с «головства», но вскоре, опять-таки в гонцах, отправился с царской грамотой в Крым (после высылки ханом князя Ф. П. Барятинского).³⁴

Прокофий Иванов сын Толстой в конце Ливонской войны служил осадным головой в Почепе, затем «гонял» к польско-литовскому королю с известием об отпуске его посла Л. Сапеги ввиду смерти Грозного. В 1588/89 г. Толстой — выборный по Ржеву с окладом 400 «четей», привлекался к подготовке шведского похода царя Фёдора. Четвертной оклад Прокофия Иванова сына достиг в начале XVII в. 20 рублей.³⁵

Фёдора Иноземова сына Жихарева мы встречаем среди вотчинников Московского уезда середины 1580-х годов. Позднее Жихарев — Можайский выборный дворянин, шатерничий царевича Фёдора Борисовича в 1601 г. — участник усмирения берёзовского мятежа сопровождал от Калуги до Орла крымских ганцов, в 1604 г. выставил одного всадника в поход против самозванца; в первые месяцы царствования Шуйского Жихарев и Пётр Зекзюлин — другой местный землевладелец (кстати, тоже побывавший в Сибири) возглавили антиправительственное восстание в Можайске.³⁶

Судя по тому, что вместе с П. И. Горчаковым в Березовский край послали сразу трёх голов «ослушником» государевой воли, пришлось столкнуться с многочисленным войском. Раз речь шла о подчинении неплательщиков ясака, можно думать, что предводители направленных из Москвы «ратных людей» были облечены, между прочим, администра-

тивными полномочиями, тем более, что центр складывавшегося уезда надолго очутился в осаде. По словному положению, да и «послужному списку», как мы видим, воевода и головы, «присланные» «с Руси», дабы разгромить бунтовщиков, не отличались от тех, которые управляли Берёзовым в первое десятилетие его существования.

¹ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 240; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург. 1998. С. 9.

² Of.: Солонкин Я. Основатель Березова Никифор Траханиотов//Югра, 1998. №7. С. 18-19; Шаткое А. Т. К истории основания Березова и Пелыма//Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 250—252.

В. И. Шербаченко в книге «Пушкины в Сибири» (СПб., 1999. С. 22-23) утверждает, что Траханиотов «находился в Берёзове только в начале строительства, а затем был отозван в Москву», так как этот дворянин был царским казначеем, и скорее всего он остался бездетным. Однако Никифора Васильева сына назначили казначеем с избранием на престол Михаила Фёдоровича (тогда его денежный оклад составлял 200 рублей, а поместный — 1000 четвертей, см.: Акты Московского государства (далее — АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 166), при «связшаре» Фёдоре ту же должность занимал (до отправки в Лозьву) родной брат основателя крепости при впадении Северной Сосьвы в Обь Иван. У Н. В. Траханиотова был сын Иван, унаследовавший его громадные земельные владения (Павлов А. П. Указ. соч. С. 196; Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 204-205 и др.).

³ Ромодановская Е. К. К биографии Черкаса Александрова//Сургут. Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 400-летию юрода Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 119.

⁴ Голушев А. В., Зайцев Г. С., Прибыльский Ю. П. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. С. 33; Буцинский П. Н. Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 312. Комм. 3.

- Шишков А. Т. Указ. соч. С. 253. Примеч. 7. — Из фактов биографии Н. В. Траханиотова укажем и на составление им в 1606/07 г. вместе с дьяком С. Звягиным ряжской десяти денежной раздачи. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 193.

⁶ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. 2. Стб. 101-102.

⁷ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 151.

⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 292; Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 41, 68.

⁹ Род князей Волконских: Материалы, собранные и обработанные княгиней Е. Г. Волконской. СПб., 1900. С. 29-31, 71-73.

¹⁰ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 98, 103, 123, 124, 162, 187; Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 229. Ср.: С. 259; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 498; Андреев И. Л. Сотенные головы в России XVII века// Исторические записки (далее — ИЗ). Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 9. — Е. Г. Волконская ошибочно приурочила гибель М. К. Волконского к 1606 г. (Род князей Волконских. С. 44, 54. 260-261).

¹¹ См.: Аннилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 420; Ивина Л. И. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг 20-30-х годов XVII в. как источника по исторической географии (на материалах Угличской земл[...]/Вспомогательные исторические дисциплины (далее — ВИД). Л., 1982. Т. 13. С. 206; Боярские списки Ч. 1. С. 94; Щербаченко В. // Указ. соч. С. 24—25.

¹² Боярские списки. Ч. 1. С. 138, 201, 309, 334; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. С. 57; Разрядная книга. 1475-1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3.

- С.151,152. Мнение об участии А. И. Благово в основании Берёзова *наряду с* Н. В. Трахашеговым (*Ромодновская Е. К.* Указ. соч. С. 119) несостоятельно.
- ¹³ *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. Прилож. С. 2; Боярские списки Ч. 1. С. 220; М., 1979. Ч. 2.
- ¹⁴ Тогда в Берёзове служил и Гневаш Усеинов сын Норов, очевидно, его родственник. См.: РИБ. Т. 2. Стб. 101—102. Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 990, 993.
- ¹⁵ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бскбулатовича//Археографический ежегодник (далее—АЕ) за 1976 год. М., 1977. С. 173.
- ¹⁶ Порой он неверно отождествляется с Василием Ивановичем Толстым (по прозвищу Шарп). Си.: Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 594. В 1618/19 г. оклад В. Толстого в Устюжской чети составлял 63 рубля; за погорельскую, боровскую и можайскую службы, а также рану предыдущего года этот оклад был увеличен на 25 рублей (РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 690).
- ¹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 327; *Сторожев В.* Материалы. Вып. 2. С. 62; *Самокасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 292; Четвертки Смутного времени (1604—1617)/Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1912. С. 6; *Аимшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года//Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 26; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 185—186, 587; *Корецкий В. И.* К истории восстания И. И. Болотникова//Исторический архив. 1956. №2. С. 126; *Станиславский А. Л.* Десять по Арзамасу 1597 года//Сверстские архивы (*dawe—CA*). 1976. №3. С. 100. Примеч. 2; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 240; *Корецкий В. И., Лукячев М. П., Станиславский А. Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг./Источниковедение отечественной истории (*дсыее—ИОИ*): 1989. М., 1989. С. 267; Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.)/Составил академик С. Б. Веселовский. М., 1994. С. 14, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 35, 49, 50, 52, 269, и др.
- ¹⁸ *Солодкин Я.* Григорий Микулин в Берёзове//Югра. 1998. №3. С. 18-20; *Он же.* К биографии Григория Микулина//Вопросы истории (далее - ВИ). 2000. №9. С. 172-173; *Микулин Н. В.* Возвращаясь к напечатанному (Письмо Э. Хоби Г. И. Мнуклину 1602г.)//Отечественные архивы. 1999. №1. С. 124-126; *Он же.* Г. И. Микулин — государственный деятель конца XVI-начала XVII века//ВИ. 2000. №3. С. 135—138; *Он же.* Комментарии к назначению российского посланника и Англию Григория Ивановича Микулина и его пребыванию в Лондоне в 1600—1601 гг.//ВИД. СПб., 2000. Т. 27. С. 32-38. См. также: *Сторожев В.* Материалы. Вып. 2. С. 60; Сб. имп. Русского исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 6. 170. *23в: Лракохруст Е. И.* Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начата XVII века//Сб. статей по истории СССР XVI-XVII вв. М., 1941. С. 66-71; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного//АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 47; *Павлов А. П.* Указ. соч. С. 148. Примеч. 21; *Ифеиц Р.* Холопство в России: 1450-1725. М., 1998. С. 154-155; *Богатырев С. Н.* Английские источники о России XVI-начала XVII в. (итоги и перспективы изучения)//Россия и IX-XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 77; *Тюменцев И. О.* Смута. С. 278. В мае и июле 1590 г., то есть вскоре после участия в осаде Нарвы, Микулин (что не было отмечено его биографами) встречал и провожат персидских послов, в частности, шамарханского царевича Шихима. См.- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 120-122, 149-152.
- ¹⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая—17 июля 1610 г.)/Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914. С. 63; Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974. С. 120, 147-148, 169 и др.
- ⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 116. В перечне тобольских воевод и голов. составленном Е. В. Вершининым. Т. Лазарев не упомянут.
- ²¹ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 103; *Белокуров С. А.* Разрядные записи С. 143, 216; Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.)/Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1915. С. 316—321 и др.; *Шенелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608-1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 118, 368; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 514; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 196; Боярские списки Ч. 1. С. 132, 197, 279, 333; *Скрынчиков Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 72; Архив СПб. филиала Института истории РАН. К. 174. Оп. 2. № 92. *Ареп М. С., Богатырёв С. Н.* Англичане в Москве времён Бориса Годунова (по документам посольства Т. Смита, 1604-1605 гг.)//АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 447, 448 и др. Утверждение Е. В. Степанова, будто в 1595-1598 гг. в Берёзове воеводствовал Ф. П. Барятинский (Югорья: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т.1. С. 89) - явная ошибка.
- Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. М., Варшава, 1998. С. 101, 102, 118-120 и др.
- ²¹ АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 66; Разрядные книги С. 158-160, 164, 167; Разрядная книга 1475-1605. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 38; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 165; *Назаров В. Д.* К истории начального периода первой Крестьянской войны в России//Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 192. Примеч. 24; *Шенелев И. С.* Указ. соч. С. 129. Затруднительно определить, прежний берёзовский голова или какой-то другой Иван Биркин в 1605/06 г. дозирал чёрные волости Галичского уезда, а в начале царствования Михаила Федоровича воеводствовал в Рязске. См. об этом: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 588; *Корецкий В. И.* Формирование... С. 280.
- ¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическое экспедицией имп. Академии наук (далее - ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 51; РИБ. Т. 2. Стб. 158—159; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг./Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина М., 1911. С. XXIII-XXV. Примеч. 2. С. 21. 24. Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг. М., 1912. С. 250; Арзамасские поместные акты С. 394, 417, 445; Разрядная книга. 1550-1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 206, 216; Боярские списки. Ч. 1. С. 198; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 241; *Эскин Ю. М.* Смута и местничество//Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 77; *Седов П. В.* Лжедмитрий II//Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 27; *Тюменцев И. О.* Органы государственного управления в Тушине в 1608—1610 гг.//Средневековая и новая Россия: Сб. научных статей: К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 405, 418; *Он же.* Смута. С. 229, 288, 295, 296, 301, 490, 514, 557. Отдел рукописей Рос. Гос. библиотеки. Ф. 218. №1355. Ед. хр. 1. Л. 63. В историческом очерке Е. Богдановича «Род князей Барятинских» (СПб., 1898. С. 8-9) И. М. Манка спутан с И. М. Чермньш-Барятинским. В 1604 г. упоминают, видимо, вдова последнего Акулина (Боярские списки. Ч. 2. С. 76).
- ²⁵ В 1588/89 г. — ржевский выборный дворянин с окладом 600 четвертей, в 1601 г. — пристав у ссыльного князя И. Б. Черкасского.
- ¹¹ В 1595-1597 гг. он был письменным головой в Тюмени и Таре (*Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 168, 180).
- ¹¹ Боярские списки. Ч. 1. С. 35, 201. Ср.: С. 309; *Павлов-Сильвацкий В. Б.* Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584-1568 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи»//ИОИ: 1984. М., 1986. С. 243.
- ^{2*} АМГ. Т. 1. Стб. 143; Четвертки. С. 9; Разрядные книги. С. 24, 34, 97, 107, 125.
- ¹⁰ Разрядные книги. С. 17, 51, 80, 89, 92, 107, 109, 125; Разрядная книга 1475-1605. Т. 3. Ч. 3. С. 86-87, 112, Т. 4. Ч. 1. С. 19, 49, 65, 91 и др.
- С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский утверждают, что в феврале 1603 г. вместе с Ю. И. Кобыяковым в Берёзов направили и З. И. Безобразова (Вступительная статья//Боярские списки Ч. 1. С. 41). На самом деле этого ржевского выборного дворянина тогда послали «на Тару». Си.: Разрядная книга 1550-1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 208; *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 168.

- ²ⁿ Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века//ИЗ. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 7, 8.
- В. И. Корецкий, стало быть, попустил преувеличение, утверждая, что в самом начале XVII в. «центральный и местный воеводский аппарат управления» находился в руках столичного дворянства (*Корецкий В. И.* Формирование. С. 190).
- ¹ Шишков А. Т. **Потопинский** летописец и начало сибирского летописания//Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург. 1996. С. 131. 155. Примеч. 34; *Он же.* Берёзовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога//Югра. 1999. № 1. С. 19-21.
- ¹ Разрядная книга 1475—1605 г. Т. 4. Ч. 1. С. 112; Тобольский архиерейский дом в XVII веке/Изд. подгот. Н. Н. Покровский. Е. К. Ромодановская. Новосибирск. 1994. С. 183—184.
- ¹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 165; РИБ. Т. 2. Стб. 1068; *Aidreee A. И.* Заметки по исторической географии Сибири XVI-XVIII вв.//Изв. Всесоюз. Географ. общества. 1940. X° 2. С. 152-155; Разрядная книга 1475—1598 г. С. 378, 407, 417; *Коапюхина Л. М.* Записи XIII—XVIII вв. в рукописях Воскресенского монастыря//АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 279; Документы Печатного приказа. С. 196. 384-385. 415 и др. См. также: *Солодкин Я.* Строитель Псыма князь Пётр Горчаков//Югра.

2000. № 7-8. С. 106-107; Очерк истории Югры. Екатеринбург. 2000. С. 124, 126-127, 130. Не зная о карательном походе 1595 г. к Бсрззову. А. И. Андреев на основании памяти сысольшох целовачьникам Ф. Антипину «с товаришп в ьдержке, что пошло в отпуск» П. И. Горчакова, предполагал, что князь добирался через Вымь к этому' городу в 1590—1591 гг. В энциклопедии «Югория» (Т. 1. С. 244) неверно говорится о воеводстве П. И. Горчакова в Пельше в 1618 г. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 11. Примеч. 36; Местнические дела 1563-1605 гг./Собраны и изданы Н. П. Лихачёвым. СПб., 1894. С. 73. 75-77; Местнический справочник XVII века/Издан Ю. В. Татищевым. Вальна, 1910. С. 47, *Антип.-югов Г. Н.* Новые документы. С. 130, 299; Разрядные книги. С. 125; Описи Царского архива и архива Посольского приказа за 1614 года. М., 1960. С. 75, 132; Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 474-477 и др.
- ³⁵ Четвертки. С. 16; Боярские списки. Ч. 1. С. 138, 171, 187, 202. 311; Описи. С. 71. ПО и др.
- ¹ *Корецкий В. И.* Актовые и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова//СА. 1976. № 5. С. 48-49, 58; Боярские списки. Ч. 1. С. 325; Ч. 2. С. 64; *Павлов-Сичьянский В. Б.* Явочный список. С. 239-240.

Я. Г. Солодкин

Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (Новые материалы)

400 лет тому назад, в 1601 г., как считают многие исследователи, князь В. М. Рубец-Мосальский с С. Т. Пушкиным достроили Мангазейский острог, который незадолго до этого стали сооружать М. М. Шаховской и Д. П. Хрипунов-Дубенский. Вскоре по соседству был возведён и «Тазовский город», сделавшийся центром «златокипящей» «государевой вотчины» на северо-восточной окраине Московского царства.

Изучение биографий воевод и письменных (т. е. имевших право «писать» в центральные правительственные учреждения) голов Мангазеи служит немаловажным направлением исследования её административной истории.¹

В. М. Рубец-Мосальский в первые два года царствования Шуйского воеводствовал в Кореле. Отозванный в Москву, приближённый Лжедмитрия I вскоре очутился в Тушине. Он стал одним из вождей «воровской» думы, хотя не смог вернуть себе чин дворецкого, который получил от «расстриги». После бегства Лжедмитрия II в Калугу захудалый князь сделался приверженцем польско-литовского короля и отправился на переговоры с ним к Смоленску.² Едва ли можно утверждать, что вслед за воцарением Шуйского Рубец-Мосальский превратился в его сторонника,³ а посылая Василия Михайловича в Корелу, новый государь сводил с ним личные счёты.⁴ После исследований Р. Г. Скрынникова нельзя быть уверенным и в том, что прежний мангазейский воевода сдал первому самозванцу Путивль.⁵

Преемник Мосальского в «Тазовском городе» Ф. Ю. Булгаков принадлежал (по меньшей мере с конца 1580-х годов) к рязанским выборным дво-

рянам.¹¹ При царе Василии он являлся «на Резани» вторым воеводой, вместе с князем Б. М. Лыковым сражался против мятежников на Восме, участвовал в осаде Тулы, где укрылись болотниковцы, послался наряду с П. П. Ляпуновым под Гремячий и Епифань, которые удерживали повстанцы, оборонял Москву от тушинцев, находясь на Ваганькове.¹

Царской грамотой от 27 декабря 1603 г. верхотурским властям предписывалось отпустить в Мангазею с «запасом» к Чудину Чортову его «человека» Р. Семёнова.* В боярском списке того времени выборный дворянин по Костроме Ч. С. Чортов (его оклад составлял 450 четвертей) упоминается с пометой «в Сибири». Весной 1601 г. Ч. Чортова и чёрного попа Варлаама из Казани через Верхотурье сослали в Тобольск.⁹ Оттуда, по-видимому, костромского дворянина и направили в острог, «постааченный» накануне в устье Таза. Вероятно, опальный стал мангазейским головой. (В составленном Е. В. Вершининым перечне лиц, управлявших «Тазовским городом», Ч. С. Чортов не значится).¹⁰

Следующий мангазейский воевода Д. В. Жеребцов в день коронации Бориса Годунова вместе с дьяком И. Ефановым охранял вход в Успенский собор «поповских дверей». В разгар Смуты во главе ратных людей из Галича, Костромы, поморских и сибирских городов Давыд Васильев сын осадил тушинцев в Ипатьевском монастыре и овладел им.¹² Позднее сподвижник М. В. Скопина-Шуногого оборонял Троице-Сергиеву и Калязинскую обители.

Сослуживец Жеребцова в крепости на Тазе Курдюк Веригин сын Давыдов в 1591—1592 гг.

числился дворовым сыном боярским по Клину с окладом 400 четвертей (у его отца Вериги Фёдорова было на 100 четвертей больше).¹⁵ В 1613 г. Курдюк владел поместьем близ Твери.¹³

Утверждение И. О. Тюменцева, что при царе Василии Мангазеей ведал И. В. Кольцов-Мосальский,¹⁴ источниками не подтверждается. (Этот князь в начале 1607 г. действовал под Калугой¹⁵).

Сменивший Жеребцова на мангазейском воеводстве И. Ю. Налединский унаследовал и расширил вотчину отца (управлявшего в первые годы XVII в. Нижним Новгородом) в Угличском уезде. В 1604 г., имея чин жильца (его оклад равнялся тогда 350 четвертям), Иван Юрьев сын в отряде воеводы А. Р. Плещеева выступил на «Северу» против Лжедмитрия I. В 1615 г. Налединский являлся уже дворянином московским. В 1618/19 г. он получал в Устюжской четверти 49 рублей.¹⁶ Голова Степан Забелин, который вместе с Иваном Юрьевым сыном нёс службу на сибирской «украине», возможно, был стрелецким сотником при Иване Грозном и «святоцаре» Фёдоре. Согласно расходной книге Устюжской четверти за 1618/19 г., Забелин тогда скончался.¹⁷ В головах он оставался и после приезда в Мангазею нового воеводы В. А. Новокщёнова. Последний происходил из старинного рода новгородских дворян. «Выведенный», согласно боярскому списку 1588—1589 гг., «из Новагорода» с братом Богданом, он тогда принял участие в походе на шведов; среди дворовых оба Новокщёнова находились в канун Смуты.¹⁵ Вчечение 1585—1593 гг., по подсчётам Р. Г. Скрынникова, Воин Афанасьев сын приобрёл тринадцать кабальных людей, заплатив за них свыше 79 рублей (ранее у него был один холоп и три «жонки-робы»). Холопов Новокщёнов покупал и в 1607/08 г.¹⁹ Найденная Л. В. Черепнинным челобитная жены Воина Афанасьева Ирины (1615 г.) позволяет установить, что ему принадлежали поместья в Передольском и Городенском погостах Новгородской земли. (В 1607 г. он владел поместьем брата в Водекой пятине).²⁰ По сведениям Е. В. Вершинина, Новокщёнов продолжал управлять Мангазеей и в 1615—1618 гг., только уже в роли второго воеводы, уступив должность первого **переведённому** из Берёзова И. И. Виркину.²¹ Потомок рязанских бояр Биркин в пору организации Первого земского ополчения был «прислан» П. П. Ляпуновым «с Рязани» в Нижний Новгород «для договору» о совместной борьбе против «литвы» и «воров», затем воеводствовал в Арзамасе, а в декабре 1611 г. в сопровождении нескольких смоленских дворян выехал из «Нижнего» в Казань для сбора рати, которую привёл к Д. М. Пожарскому уже в Ярославль. Умер Биркин в 1618/19 г.²²

Служивший в 1625/1627 г. в построенной вустье Таза крепости А. А. Волохов десятилетие спустя в должности письменного головы оказался в сибирской столице. Осенью 1604 г. с братом Иваном

он снарядил одного всадника в поход против самозванца. В начале «междоусобия» Андрей Афанасьев сын — выборный дворянин по Суздалью. Волохов был и помещиком Ростовского уезда. В 1615 г., являясь сотенным головой, Андрей Афанасьев сын участвовал в разгроме отряда З. Заруцкого в Васильевой слободе Юрьевского уезда, за что был награждён золотым размером в одну четверть золотого угорского. В 1632 г., хотя поместный оклад Волохова равнялся 800 четвертям, за ним числилась всего лишь 41 четверть «на Суздаль», и Андрею пожаловали нижегородское поместье размером в 250 «четей», отобранное у не явившегося в смоленский поход В. В. Волинского. На случай татарского вторжения в 1633 г. видного провинциального дворянина назначили головой у патриарших стольников. В 1635 г. с тобольским подьячим С. Комаровым его послали в Томск для сыска про воеводу Н. И. Егупова-Черкасского. Там Волохов проявил «ко князю Никите» «наружную во всём» дружбу.²³

Кичившийся родством с царствующим домом Г. И. Кокорев, затеявший в Мангазее «смуту» со вторым воеводой А. Ф. Палицыным, согласно боярской книге 1615 г. входил в число столичных дворян.²⁴ К этому же кругу относился тогда «присланный» ему на смену В. А. Давыдов. В 1588—1589 гг. Василий Алексеев сын — коломенский выборный дворянин («без оклада»), отправленный в Новгород для участия в намечавшемся шведском походе; два десятилетия спустя мы встречаем Давыдова среди дворян «Тушинского вора»,²⁵ пожаловавшего Василия и его брата Ивана Селенской волостью в Подмоскowie.

Мангазейский сослуживец В. А. Давыдова Д. Ф. Клокачёв в 1604/05 г. был наделён поместьем наряду с другими смоленскими детьми боярскими. По меньшей мере с наступления «безгосударного времени» Дмитрий Фёдоров сын — выборный по Смоленску; вскоре в числе многих смольнян его с отцом испоместили «на Кинешме»; в 1620 г. ему пожаловали земли в Ярославском уезде. По «смоленскому списку» он служил и позднее; в 1626/27 г. являлся уже дворянином московским.²⁶ Любопытно, что сын Д. Ф. Клокачёва Тимофей умер в 1674 г. на воеводстве в Таре.²⁷

Г. Н. Орлов, «правивший» Мангазейским уездом в 1633—1635 гг., по сообщению официально летописца, во время боёв под Москвой между ополченцами и войсками гетмана К. Ходкевича провёл в Кремль шестьсот гайдуков; при Михаиле Фёдоровиче его пожаловали землями из дворцового фонда. Суздальский и арзамасский помещик Орлов приобрёл два экземпляра Соборного уложения 1649 г.²⁸

Вслед за составителем «Книги записной» Е. В. Вершинин полагает, что Н. М. Барятинский скончался в Мангазее.²⁹ В действительности, как

показал Д. Я. Резун, этому князю после ссоры с дьяком Б. Обобуровым было велено «ехать к Москве». Тем же исследователем выяснено, что вопреки свидетельству Сибирского летописного свода (опять-таки сочтённому Е. В. Вершининым достоверным), А. Т. Секерин являлся не воеводой Мангазеи (в отличие от своего сына Андрея), а сыщиком, подобно направленному туда в 1650/51 г. подьячему Я. Иванову.³⁰

Умерший в 1647 г. на мангазейском воеводстве Я. А. Тухачевский по верстанию 1605/06 г., когда был новиком, получил поместье размером 300 четвертей (его отец, тоже принадлежавший к смоленской корпорации, имел в то время на 200 четвертей больше).³¹ В сентябре 1610 г., то есть через год после того, как польско-литовские войска осадили Смоленск, вместе с четырьмя другими смольнянами Тухачевский получил от Сигизмунда III деревню Зуеву в Буйгородском стане — прежнее поместье знатных дворян Головиных. Жена Якова Астафьева (Остафьева, Евстафьева) сына Матрёна в то время оставалась в окруженном королевской армией Смоленске, где, видимо, после падения города стал нести службу будущий мангазейский воевода.³² Но вскоре Тухачевский «отъезжает» от Сигизмунда III в Москву. В результате смотров февраля — августа 1615 г. Яков Астафьев сын был «написан в естех» и получил жалование «большой статьи», посланное ему под Смоленск. При царе Василии оклад Тухачевского составлял 12 рублей; от боярского правительства смоленский дворянин получил «придачу» в 13 рублей (что позволяет заключить, что он оставил королевскую службу до воцарения Михаила Фёдоровича); в 1615 г. его оклад достиг 35 рублей, между прочим, он увеличился вследствие участия Тухачевского в осаде Смоленска русскими войсками. Тогда Яков Астафьев сын выступал и поручителем за нескольких смоленских дворян. Осенью 1618 г., накануне осады Москвы отрядами королевича Владислава, по словам летописца, ратные люди во главе с ярославцем Б. Тургеневым, смольнянином Я. Тухачевским и нижегородцем А Жедринским «приходяху на бояр з большим шумом и указываху, чего сами не знаху».³³ Тем не менее и в 1626 г. Тухачевский относился к Смоленску «выбору».³⁴ Поэтому нуждается в уточнении взгляд Е. В. Вершинина, будто назначение вторым воеводой «на Тару» (1639 г.) Яков Астафьев сын получил после двадцатилетней службы в Сибири, куда был сослан в чине сына боярского. Поскольку Тухачевский назывался первым среди «умников и горланов» из окружения князя Н. И. Егупова-Черкасского, Е. В. Вершинин предполагает, что этот томский воевода покровительствовал прежнему смоленскому дворянину. В 1635 г. Тухачевский, будучи сыном боярским в Томске, с Д. Старковым посылался к алтын-хану (правителю Западной Монголии). В результате похода 1641 — 1642 гг. в киргизские степи, когда против Тухачев-

ского выступили служилые люди «по заводу» детей боярских Тобольска, были основаны Уйбатский и Ачинский остроги. За эту экспедицию тарский воевода удостоился значительных «придач» к поместью и денежному окладу. Они возросли до 1000 четвертей и 100 рублей. (Известно, что в 1643 г. Тухачевский был землевладельцем Белозерского уезда). Имея в виду Тухачевского, Е. В. Вершинин находит весьма редким случай, когда опальный сын боярский выслужил воеводское место.³⁵

Заслуживает внимания тот факт, что ведавший Мангазеей в 1620 — 1623 гг. И. Ф. Тонеев подобно ряду предшественников и преемников уже в начале царствования Михаила Фёдоровича был дворянином московским.³⁶ Большинство же воевод и письменных голов «Тазовского города» рассматриваемого времени относилось к выборным служилым людям.

Выявленные материалы расширяют наши представления о принципах комплектования сибирской администрации XVII в. и влиянии службы в Мангазее на карьеру тамошних «начальных людей».

¹ Содержащиеся в настоящей работе данные существенно дополняют сведения, приведенные нами в подготовленных для энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа статьях о «начальных людях» Мангазеи.

² Тюменцев И. О. Органы государственного управления в Тушине в 1608—1610 гг. // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 405-407. 416; *Он же*. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия П. Волгоград, 1999. С. 203, 280, 282, 283, 304, 305, 488, 501, 539, 544. *См. также: Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 152, 155, 190; *Солодкин Я.* Кто основал Мангазею // Мир Севера. 2000. №3. С. 90-91. Вдобавок к ранее приведенным сведениям о М. М. Шаховском отметим, что в июле 1606 г. ему была выдана подорожная до Устюжны Железопольской и обратно (*Воскобойниково Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI-нач. XVII в. М., 1994. С. 223).

³ Утверждение, будто В. Мосальский в 1607 г. построил Турханское зимовье (*Резун Д. Я., Василевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 24), безосновательно. Это зимовье было сооружено в воеводство Д. В. Жеребцова.

⁴ *Морозова Л.- Е.* Василий Иванович Шуйский // Вопросы истории (далее - ВИ). 2000. №10. С. 81.

⁵ *Абрамович Г. В.* Князя Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 137.

⁶ *Перевалов В. А., Эскин Ю. М.* Первые воеводы Мангазеи // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск Омск, 2000. С- 296.

⁷ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. в прописи русского войска 1604г. М., 1979. Ч. 1. С. 143, 208, 284. 313, 335.

⁸ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время: 7113-7121 гг. М., 1907. С. 49, 118, 186, 207 и др.; Разрядная книга. 1550-1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 2. С. 240; *Станиславский А. Л.* Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. 1981. №7. С.82; *Корецкий В. И., Соловьёва Г. Б., Станиславский А. Л.* Документы первой Крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. №1. С. 35-

⁹ В. А. Перевалов и Ю. М. Эскин не сумели обнаружить сведения о Ф. Ю. Бултакове-Деннсе. Впрочем, в одной из статей Ю. М. Эскина упоминается о сборе этим рязанским воеводой местных служилых людей, которых намечалось использовать для обороны Москвы от тушинцев

- (но не летом 1607 г., как пишет исследователь, а годом позже). См.: Эскин Ю. М. Смута и местничество//Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 101.
- ¹⁰ Андреев А. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии наук СССР//Летопись занятий Археографической комиссии за 1927-1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 245.
- ⁹ Боярские списки. Ч. 1. С. 199; Врхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. М., 1982. Вып. 1. С. 88. В 1615 г. костромитин Ч. Чортов по старости был отставлен от службы. См.: Документы Печатного приказа: 1613—1615 гг./Составил академик С. Б. Веселовский. М., 1994. С. 348.
- ¹¹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири: XVII век. Екатеринбург. 1998. С. 161.
- ¹² Мят-тея И, Челобитная Михаила Татищева. М., 1907. С. 3. Примеч. 1. См., также: Солюдкин Я. Мангазский воевода — герой Смутного времени//Мир Севера. 2000. №5. С.62-63.
- ¹³ Тюменцев И. О. Смута. С. 418, 444. Кроме того, под началом Д. В. Жерсцова находились «понизовые» служилые люди, в частности, нижегородские стрельцы. Документы. С. 96.
- ¹⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в./Подг. к печ. А. А. Зимин. М., Л., 1950. С. 222. Е. В. Вершинин вслед за К. Б. Газенвинкелем именует Давыдова Курдюком Петровичем.
- ¹⁵ Тюменцев И. О. Смута. С. 288.
- ¹⁶ **Боярские списки. 4. 1. С. 251.**
- ¹⁷ Акты Московского государства (далее — АМГ). СПб., 1890. Т. 1. С. 146; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). М., 1912. Т. 28. Стб. 693; Боярские списки. М., 1979. Ч. 2. С. 16, 17; *Ивица Л. И.* Опыт ретроспективного изучения писцовых книг 20-30-х годов XVII в. как источника по исторической географии (на материалах Угличской земли)//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 200.
- ¹⁸ Тысячная книга. С. 215, 217, 219. Примеч. 8: РИБ. Т. 28. Стб. 694.
- ¹⁹ Боярские списки. Ч. 1. С. 176, 340.
- ²⁰ Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов (1591-1596 гг. и 1602-1603 гг.)/Под. ред. проф. А. И. Яковлева. М., Л., 1938. Ч. 2. С. 407; *Скрышиков Р. Г.* Россия на пороге «смутного времени». М., 1981. С. 102.
- ²¹ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал М., 1909. Т. 2. С. 533; *Черепнин Л. В.* Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в государственном архиве Швеции в Стокгольме//Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 246.
- ²² *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 161.
- ²³ РИБ. Т. 28. Стб. 694; *Андреев А.* Указ. соч. С. 2&4; *Дроб. Лепкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М., Л., 1960. С. 228, 236; *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг.//Источниковедение отечественной истории: 1989. М., 1989. С. 244.
- ²⁴ Боярские списки. Ч. 2. С. 63; РИБ. Т. 28. Стб. 768, 770; Пг., 1917. Т. 35. Стб. 800-802; *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 93-94, 172.
- ²⁵ АМГ. Т. 1. С. 145; *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 94. Выходец из Холма Г. И. Кокорев в самом начале царствования Михаила Романова владел поместьем на Белоозере.
- ²⁶ АМГ. Т. 1. С. 146; Боярские списки. Ч. 1. С. 153, 319; *Тюменцев И. О.* Смута. С. 308, 556.
- ²⁷ *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. Ч. 1. Прилож. С. III-IV; *Мальцев В.* Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 373, 404. См. также: РИБ. Т. 28. Стб. 452.
- ²⁸ *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 169.
- ²⁹ *Сташевский Е.* Указ. соч. Ч. 1. С. 127-128; *Латкин В.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619-20, 1648-49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 194. В 1615 г. с Г. Орлова не взяли пошину с ввозной грамоты на старое поместье «для сибирские службы» (Документы. С. 353).
- ³⁰ *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 162.
- ³¹ *Резун Д. Я.* Городовые летописи как источник по истории социальной борьбе и культуры городов Сибири XVII-начала XVIII в.//Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 33. Ср.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991. С. 113.
- ³² *Марцев В.* Указ. соч. С. 366, 385, 417.
- ³³ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912. С. 252. Кстати, Д. П. Хрипунов, бежавший в Литву ещё накануне Смуты, вместе с четырьмя братьями получил земли от короля в Смоленском уезде (Там же. С. 250. Ср.: С, 12). а в Мангазейский край он отправился, будучи сыном боярским, из Тобольска, куда попал в 1598-99 г. через Верхотурье. См.: Верхотурские грамоты. Вып. 1. С. 43-45. Утверждение А. И. Андреева, что после 1601 г. Д. Хрипунов в источниках не упоминается (см.: *Миуер Г. Ф.* История Сибири. М., Л., 1937. Т. 1. С. 506), следует отклонить.
- ³⁴ РИБ. Т. 28. Стб. 483-485; Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14. С. 145.
- ³⁵ *Старожев В.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 137.
- ³⁶ *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. М., Л., 1941. Т. 2. С. 576-577; РИБ. Т. 35. Стб. 1142-1143; *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причудльемье в XVII-XIX вв. Новосибирск, 1984. С. 42-47; *Он же.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 189-196; *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 40, 89, 169.
- ³⁷ АМГ. Т. 1. С. 146. Происходивший то владимирских служилых людей, И. Ф. Тонеев в 1618 г. участвовал в «московском осадном сидении», а по возвращении из Мангазеи был обезжизим головой «для огней» в царствующем граде». Заметим, что побывавший «на Мангазее» ещё до «поставления» там острога Ф. Дьяков принадлежал в 1592 г. к алескинским детям боярским, а в 1615 г. получил 30 четвертей в поместье «на Бежецком Верху» (*Воскобойникова Н. Я.* Описание. С. 145, 146; Документы. С. 420).

Е.В. Дворецкий, А.И. Попков

Основание первых русских городов на «крымской уkraine» и в Сибири: опыт сопоставления

Неполнота исторических источников, а также неоднозначность их интерпретации порождают различные суждения о датировке основания и обстоятельствах создания многих западносибирских «польских», городов. Как Белгород, Оскол и Валук.

Начиная с Н.М. Карамзина, историки основывались на летописной записи под 1593 годом о намерении царя Федора Ивановича возвести новые города на южных российских рубежах и строитель-

стве Белгорода, Оскола и Валук, как об исполнении этого намерения. Однако сделанная в XIX в. уникальная находка одной из редакции разрядной книги (в 1682 году все эти книги велено было сжечь, чтобы прекратить местнические тяжбы бояр) относилась к построению Белгорода, Оскола, а также восстановления Курска уже к 1598 году. Позднее был найден даже текст указа о строительстве Валуйской крепости, но относящийся к 1599 или 1600 году.

С этого начались продолжающиеся и до сей поры разночтения в датировке основания Белгорода. Предпочтение, отдававшееся длительное время 1593 г., было связано с авторитетом придерживавшихся этой даты крупнейших исследователей истории заселения южной окраины России конца прошлого столетия — Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского. Однако после издания в 1969 г. монографии одного из ведущих исследователей истории Черноземного региона В.П. Загоровского, посвященной истории Белгородской черты, в краеведческой литературе закрепилась еще одна дата основания Белгорода — 1596 год, повторенная в последней монографии этого историка. Основанием к предложению такой даты для самого автора послужила публикация в 1966 г. найденной еще одной редакции разрядной книги. Однако справедливости ради следует отметить, что 1596 г., как один из вариантов датировки основания Белгорода, приводился выдающимся отечественным историком А.А.Зиминим еще в 1955 году, но это осталось незамеченным, в том числе самим В.П. Загоровским. Уместно отметить, что разрядные книги являются источником вторичного происхождения, обобщающим содержание ряда первоисточников, в первую очередь разрядных записей. Государев разряд 1598 г. составлен после смерти Федора Ивановича и, судя по водяным знакам бумаги, написан не ранее 40-50-х гг. XVII в. Таким образом, несмотря на официальный характер разрядной книги, в ней могут содержаться определенные неточности, связанные с ошибками составителей. Наглядным примером тому может служить запись о постройке Белгорода в 1596 г. В Уваровском списке место постройки крепости на Северском Донце трижды названо «Белогородье», а в сохранившемся черновике разрядной книги, относящемся к концу XVI в., дважды упомянуто «Белогорье» и лишь один раз «Белогородье». Это говорит об ошибке переписчика. Данное предположение подтверждается записью в другой разрядной книге. Между тем, в составленном в 30-е гг. XVII в. «Новом летописце» статья «О поставлении украинских городов» находится между статьями «О преставлении царевны Феодосии» и «О послании воевод в Шефкалы». Согласно вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, единственная дочь Федора Ивановича скончалась до 26 сентября 1593 г., а по данным М.М. Щербатова, это событие произошло незадолго до 7 декабря того же года. Вторая статья сообщает о посылке на р. Терек воеводы А.И. Хворостинина в 7102 (1593/94) году. Материалы Посольского приказа свидетельствуют, что значительное русское войско в 15000 чел. под командованием А.И. Хворос-

тинина отправилось в путь между июнем и серединой сентября 1593 г. Таким образом, указание на «поставление на степи» Белгорода, Оскола и Валуек в том же году, когда умерла царевна Феодосия, но до похода А.И. Хворостинина на Терек вполне убедительно дает дату 1593г.

Однако, в конечном итоге, 1596 год надолго был признан наиболее убедительной датой основания Белгорода и Оскола в краеведческой литературе. Тем не менее единого мнения по спорной датировке так и не сложилось. На исторических картах можно было встретить датировку основания Белгорода 1598-м, а в энциклопедических изданиях — 1593 годом.

Сведшийся к двум основным датам — 1593 г. или 1596 г. — спор оказался неконструктивным, т.к. оппоненты стремились не столько аргументировать свою точку зрения, сколько дискредитировать противоположную как недостоверную. Между тем, как это часто бывает, истина заключалась не в противопоставлении, а в сопоставлении обеих дат. С одной стороны, оказалось, что сохранились документы, косвенно подтверждающие датировку существования Оскола (а следовательно, и всегда упоминавшегося рядом с ним Белгорода) в 1593 году: это позднейшие челобитные жителей Оскола - 30 станичных вожей и 20 станичных атаманов, прямо указывавших, что поселены были, как они писали «мы и отцы наши» на Оскольском городе усть Малого Оскольца, т.е. на современном месте, в «прошлом сотом году». Судя по пометам на указанных челобитных, в Разрядном приказе указание на поселение станичников в Осколе в «сотом» году не вызвало возражений. Содержание челобитных было доложено царю, который «велел дать свою государеву грамоту, как они преж сего жили». Соответствующие грамоты были отправлены оскольскому воеводе Даниле Моисеевичу Яблочкову 18 апреля 1629 г. Поскольку в те времена «прошлым» называли не только год, непосредственно предшествующий текущему, но и любой из предыдущих годов, а летосчисление вели «от сотворении мира», то, значит, в 1629 году, когда составлялись эти коллективные челобитные, «прошлым сотым», а точнее — 7100-м годом был 1592 год по современному летосчислению. Таким образом, дата летописи, как официального документа (а по правилам датировки только такой и служит основанием) — 1593 г., подтверждается.

При этом принципиально важным является то обстоятельство, что признание достоверности 1593 года, как даты основания Белгорода, вовсе не исключает достоверность и позднейшей записи разрядной книги о строительстве

городов Белгорода, Оскола и Курска в 1596 году. Сопоставимость обеих дат вытекает из употребления в те времена термина «город» не только в широком смысле применительно к укрепленному поселению вообще, но также, как справедливо отмечал сам В.П. Загоровский, для обозначения особого типа окружавших поселение укреплений (в отличие от острога). «Городовая» стена, в отличие от «острожной» и «заплотной», выполненных в виде частокола или забора, состояла из двух параллельных стен — «тарас» или из срубных конструкций — «городен». При этом, «городом» часто именовалась сама крепостная стена, а при наличии нескольких рядов укреплений — также огороженная каждой из стен часть поселения. Это хорошо известно не только на примере Москвы, где за пределами Кремля последовательно располагались: Китай-город, Белый город, Земляной город. Даже внутри Белгорода XVII века, периметр внешних укреплений которого составлял 1887 саженей (ок. 4 км), выделялся «Белгород Меньшой» с периметром укреплений 558 саженей (1,2 км). Такая многозначность термина «город» объясняет вторичное «строительство» существовавших уже к 1593 году Белгорода и Оскола в 1596 году, когда на месте поселений служилых людей были построены новые укрепления — «городовые» крепости.

Что касается третьего города — Валук, не упоминавшегося в разрядной книге, то существование его еще до появления в 1599 г. указа о строительстве крепости также имеет подтверждение. В том же 1629 году, когда писались челобитные осколян, монахи Валуйского Николопристенского монастыря, пострадавшего от Смоленской войны, также обратились с челобитной, в которой указывали, что монастырь был основан при паре Федоре Ивановиче (скончавшемся в 1598 г.). Так что и в этом случае мы имеем дело, вероятно, со строительством городской крепости на месте уже существовавшего поселения.

Такое поэтапное строительство крепостей достаточно известно в практике российского градостроительства XVI столетия и вовсе не является уникальным для первых городов Белгородчины. Тот же А.А. Зимин в свое время уже обращал внимание на разрыв (порой в несколько лет) между датой основания: Михайлова, Шайка, Дедилова. Черни — и началом строительства на их месте «городов». Еще один пример поэтапного строительства укреплений можно привести из практики сооружений русских крепостей в начале непосредственной колонизации Сибири Российским государством. Так, в 1587 г. в условиях враждебных отношений с татарами и развернувшейся в Сибирском ханстве усобицы, русскими

служилыми людьми были построены Тюменский и Тобольский остроги. Рассчитанные на пребывание в них лишь служилых людей, остроги представляли собой укрепленные тыновой стеной, валом и рвом военные лагеря. Затем, после подавления основных очагов сопротивления, в 1593-94 гг., в Тюмени и Тобольске были возведены рубленые «города». Причем первые сообщения в разрядной книге о назначении воевод в Тюмень относятся к 7099 (1590/91) году, а в Тобольск — к 7101 (1592/93) году. Начиная с 7104 (1597/98) г. назначения воевод в эти города становятся ежегодными. Видимо, первоначально командовали гарнизонами вновь построенных острогов не воеводы, а «головы», имена которых не всегда попадали в разрядные книги. После постройки рубленых городов последние возглавляют уже только воеводы.

В случае со строительством первых городов на Белгородчине такой разрыв во времени имеет свое объяснение. В 1593 г. в самом разгаре были русско-крымские переговоры, завершившиеся подписанием договора в 1594 г. В этой ситуации Россия не могла позволить себе строить на спорной территории городские крепости и назначать туда, соответственно статусу города, воевод. Поэтому при несомненном факте существования первых поселений на Белгородчине уже к 1593 г. об их официальном статусе и характере укреплений можно судить лишь предположительно. Отсутствие до 1596 г. упоминаний о назначении сюда воевод позволяет отождествлять первоначальные поселения с типичными для Белгородчины позднейшего времени казачьими слободами. Что касается укреплений для защиты первопоселенцев, то наиболее вероятным представляется вариант сооружения в качестве таковых «придереней» — небольших крепостей, встречавшихся на юге России и в более позднее время. Высказанное предположение подтвердили и археологические раскопки на Меловой горе, показавшие, что Белгородская крепость конца XVI века имела срубные стены. Кроме того, обнаруженное ниже основания рубленых стен и несколько в стороне от них, на расстоянии около метра, целое, не тронутое огнем бревно позволяет говорить о существовании другого, более раннего ограждения. Скорее всего, это была обычная «острожная» стена, проходившая по внешнему краю первоначального вала³. Такой способ внедрения на спорные территории не повредил переговорам с Крымом, мирившимся с казачьими поселениями на Дону и его притоках. Но состоявшееся уже после подписания договора строительство на месте Белгорода, Оскола и Валук городских крепостей с назначением туда воевод вызвало упреки хана Казы-Гирея по поводу захвата его «Донецких улусов».

Известия «Книги записной» о первоначальном освоении Сибири и их источники

Крупнейшим памятником официального сибирского летописания второй половины XVII столетия является свод, первая редакция которого получила название «Книги записной» (далее — КЗ), составленной в 1687 г. Этот памятник, неоднократно редактировавшийся вплоть до середины XVIII века, сложился в кругах высшей светской администрации Тобольска и воссоздает события истории Зауралья, начиная с экспедиции Ермака. Все пять редакций и один вид Сибирского летописного свода, выделенные Н.А. Дворецкой, открываются рассказом о разгроме «Кучумова царства», который в отличие от ранних сибирских летописей — Есиповской и Строгановской — весьма лаконичен. Это обстоятельство, между прочим, ставит под сомнение утверждение Е.К. Ромодановской, будто «Книга записная» и последующие редакции свода базируются на Есиповской летописи распространенной редакции либо представляют собой ее дополнение. Не отличается точностью и мнение Е.К. Ромодановской, что в основу свода легло «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири». Последнее, как показано Н.А. Дворецкой, является разновидностью самого свода исхода XVII века.

КЗ является ценным источником по истории Сибири первых десятилетий после начала ее присоединения к Московскому царству. Отражая реалии сибирской действительности, КЗ, будучи своеобразным **официальным** справочником, включает многочисленные известия о строительстве городов и острогов, монастырей и церквей, назначении и смене воевод (кто какой город строил и первый воеводствовал там, названы последующие воеводы либо письменные головы).

Составитель этой **официальной** летописи с самого начала объясняет цель своего повествования — «сколько и в каком году бояр, okolничих, столников и дворян на воеводствах бывали, кто какой город ставил и в каком году, от которого царя кто был».

Уникально известие о том, что еще за 8 лет до экспедиции Ермака в Сибирь был направлен полковой воевода князь Афанасий Лыченицын с людьми «Кучума царя воевать», но его поход закончился неудачей (кстати, выражение «полковой воевода» в XVI веке не использовалось, оно появляется только в XVII веке), а пушку и ядра пушечные Кучум «велел спехнуть с Чувашевых гор в реку Иртыш». Приведенный рассказ считается легендарным, в частности, среди московских дворян, тем более князей, Лыченицыных не было.

Видимо, автор записал его, используя какой-то местный устный источник. (Это известие встречается и в Соликамском летописце. Но сказать утвердительно, что составитель КЗ заимствовал его из Соликамского летописца, не приходится. Об уничтоженной татарами пушке, как отмечал И.И. Тыхнов, упоминается и у Н. Витзена).

В отличие от ранних сибирских летописей — Есиповской и Строгановской — о «пошествии атамана Ермака Тимофеева с Волги в Сибирь со всем товариством его» автор КЗ сообщает весьма кратко (может быть, он знал, что это событие описано в других источниках). Налицо некоторые расхождения в дате прибытия Ермака с казаками в Сибирь: в Есиповской летописи указывается, что «в лета 7089 приидоша сии воины с Волги в Сибирь», в Строгановской назван 7090 г., а согласно КЗ — «7088-го году во исходе пришел атаман Ермак Тимофеев в Сибирь».

В летописи подчеркивается факт «присылки» царем Иваном Васильевичем в помощь казакам первых воевод Ивана Глухова и Семена Волховского, что должно было свидетельствовать об участии московских властей в «Сибирском взятии». Из Есиповской летописи известно, что отправка воевод из Москвы последовала в 7091 году, КЗ в этом совпадает с летописью Есипова.

По сообщению летописца после гибели Ермака в Сибирь был прислан отряд Ивана Мансурова, но, узнав, что Ермак погиб, а казаки покинули Сибирь, воевода решил вернуться. Дойдя до Оби, И. Мансуров вынужден был зазимовать, для чего ему пришлось построить на Белогорье «городок». Так появился первый русский укрепленный пункт за Уралом. Это известие о И. Мансурове находим в Есиповской летописи (гл. 27), затем и в своде Игнатия Римского-Корсакова. Вероятно, источником этой известия могла послужить разрядная запись либо устное местное свидетельство.

В КЗ сообщается о «поставлении» воеводами В.Б. Сукиным и И.Н. Мясным, письменным головой Д.Д. Чуйковым «первого города» Тюмени на месте Чингий-города в 1584/85 году. Данила Чулков, по сведениям той же летописи, затем возвел в устье рек Тобола и Иртыша «город Тоболеск», и тогда страна за «Камнем» была наречена Сибирью. Здесь «списатель» допустил явный анахронизм. Поданным Погодинского летописца и Есиповской летописи, Тюмень была построена в 1585/86 году, а Тобольск — год спустя. По другим сведениям, Д. Чулков был послан московским правительством специально для постройки Тобольска и являлся там первым воево-

дои в течение трех лет. Говоря о принятии Тобольском «старейшенства» и воеводстве Д. Чулкова, автор **указывает другой** год сооружения города— 1585/86, очевидно, уже на основании нового источника.

Безвестный автор очень подробно описал возведение первой церкви в Тобольске. Он сообщает, из какого леса был поставлен **«Тобольский»** город, говорит о позднейшей перестройке этой крепости, как и Тюмени с Пелымом. (Согласно КЗ, заложенный князем П.И. Горчаковым Пелымский город сгорел в 1620/21 году при воеводстве П. Вельяминова, а два года спустя, в воеводство И. Вельяминова, был отстроен заново при участии туринцев, верхотурцев и тюменцев).

О «поставлении» Березова в 1592/93 году летописец сообщает весьма кратко, отметив, что город построен «воеводой Никифором Траханиотовым да князем Михайлой Волхонским, да писмянной головой Иваном Змеевым» с пришедшими с ними ратными людьми — вятчанами, пермичами, вымичами и усольцами.

В этом же году, если верить КЗ, П.И. Горчаковым был заложен город Пелым, в строительстве которого участвовали ссыльные угличане. Последнее утверждение является результатом осмысления сообщения Нового летописца, который отнесется к числу главных источников КЗ (глав-

ным образом его общерусских статей). Документально, в частности, наказом князю П.И. Горчакову о поставлении Пелыма, это сообщение не подтверждается, этот документ, известный еще Г.Ф. Миллеру, свидетельствует лишь о переводе впавших в немилость угличан в «Пелымский город» (накануне они жили в Перми).

Любопытно указание официального летописца на ссылку знаменитого угличского колокола, призванного в 1591 году горожан к бунту. Этот колокол отправили в Тобольск, где он занял место в звоннице Софийского собора и позднее погиб во время одного из пожаров.

Согласно КЗ, Тару в 1593/94 году возвели служилые люди сибирских городов, которые были присланы с воеводой князем Андреем Елецким, а Сургут в 1594/95 году был построен под началом воеводы Ф.П. Борятинского.

Год спустя, как указывает летописец, сургутским атаманом Тугариным Федоровым были поставлены Нарымский и Кетский остроги.

Таким образом, сведения КЗ о первоначальном освоении Сибири, нередко восходящие к документальным материалам, порой утраченным, и не дошедшим до нас устным известиям, можно признать ценным источником по истории Зауралья.

О датировке «Книги записной»

«Книга записная» (далее — КЗ), охватывающая события 1572—1687 гг., является крупнейшим памятником городского сибирского летописания. Самой характерной чертой этого свода является постоянный интерес к истории Тюмени, Тобольска, Мангазеи, Нарыма, Сургута, Березова и других городов и острогов Зауралья. Начинается КЗ с известия о походе в Сибирь князя Афанасия Лыченицына, следом рассказано про «посещение атамана Ермака с Волги в Сибирь со всем товариством его». После этого вступления в своде рассказывается о присылке в Сибирь воеводы С.Волховского и головы И.Глухова. Оканчивается КЗ известием о собрании раскольников на р. Юрмыч. Диапазон интересов летописца очень широк — от фактов построения городов, смены воевод, спор между ними и сысков про них до сообщений о «смутах и нестроениях».

Еще Е.Е.Замысловский полагал, что «за исключением известий, которые касаются назначения воевод в разные города Сибири, события, относящиеся к местной истории Тобольска, описаны с такой подробностью, что едва ли можно сомневаться в том, что они составлены в самом Тобольске и что составитель их или был сам очевидцем, или пользовался источни-

ками, составление которых современно описываемому происшествию». Начало составления КЗ исследователь относил ко времени не ранее 1683–1685 гг.

И.И. Тыжнов считал, что КЗ была составлена из отдельных записей, а затем подверглась некоторой переделке, причем кое-какие известия были тогда выпущены, а кое-что прибавлено. Историк рубежа XIX—XX вв. утверждал также, что составление этого памятника было начато одним, а продолжено другим лицом. И.И. Тыжнов делил летопись на две части. Первая часть отличается непоследовательностью погодных записей, начиная же приблизительно с 1680-х гг., летописные сведения упорядочиваются, описание событий становится подробнее, излагаются явления как «гражданско-военной», так и церковной жизни. Внимательное рассмотрение памятника наводит И.И. Тыжнова на мысль, что эта часть летописи написана уже очевидцем. Характерными чертами КЗ И.И. Тыжнов считает — разнообразие известий и единство изложения. На всем протяжении она передает события государственной и церковной жизни и имеет официальный характер. Из этого видно, заключает И.И. Тыжнов, что лич-

ность составителя никак не отразилась на памятнике. Однако исследователь предполагает, что это было лицо, довольно близкое к служилому сословию, может быть, дьяк, служивший в Тобольском Разряде, или же дьяк сибирского митрополита.

С.В. Бахрушин считал, что в основу КЗ легла летопись, составленная по материалам Софийского дома и приказной палаты Тобольска. Исследователь находил, что КЗ не может считаться первым видом свода.

А.Н. Журавинатоже считает, что КЗ написана в Тобольске в последние десятилетия XVII в. на основании данных, извлечённых из архивов съезжей избы и Дома Св. Софии, а также некоторых литературных памятников.

Н.А. Дворецкая думает, что КЗ стала создаваться в 1674—1677 гг., а описание более ранних событий возводит к летописи, составленной при владыке Корнилии в 1674—1677 гг. Создание памятника исследовательница связывает с воеводством П.М. Салтыкова (1673—1676 гг.), поскольку о его семье сказано особенно подробно. Так, отмечено, что 22 марта 1674 г. и 3 января 1675 г. к отцу приезжали «государев» стольник Федор Петрович Салтыков и средний сын А.П. Салтыков, причем «на приездах своих» дети Салтыкова в Тобольске «в соборной церкви великому господину преосвященнейшему Корнилию митрополиту сибирскому и тобольскому великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца сказывали ево государское милостивое жалованное и прерзительное слово ему». Во время приездов Салтыковых Корнилии «в соборной церкви молебствовал со всем освященным собором». В КЗ описана присяга в Тобольске в 1676 г., во время которой крестоцеловальную запись читал сам П.М. Салтыков, присутствовали все члены тобольской администрации, перечисленные в записях за 1673—1676 гг.

Однако вывод Н.А. Дворецкой о причастности Салтыкова к возникновению КЗ **малобедителен**. Ведь в своде содержится немало сведений и о других воеводах. Внимание же автора к этой фамилии можно объяснить ее широкой известностью.

Таким образом, представляется необходимым вновь рассмотреть вопросы датировки этого литературного памятника.

Замышлялась КЗ в виде делового справочника, с конкретной целью: «Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и околничих, и стольников, и дворян, и стряпчих на воеводствах бывали, и диаков, и писмянных голов,

и кто которой город ставил, и в котором году, и от котораго государя царя кто был». Само представление о своде подразумевает постоянное называние новых статей.

Под 1586 годом в КЗ сказано: «А первая в Тобольску поставлена церковь Живоначальная Троицы, да в приделе Николая Чудотворца; а была, где ныне Софийской двор и святительской сад, позади каменной палаты; да на том же месте и мысу, где ныне колокольня Софийская и город первой был поставлен Данилом Чулковым». Согласно же записи за 1683 г., «июня в 22 день, в неделю, на Софийском дворе почали рвы копать, где быть каменной колокольне и совершена 1685 году». Это указание «ныне» явно могло появиться не ранее 1685 г. И поскольку оно встречается в самом начале летописи, можно думать, что если не составление, то ее редактирование началось именно в этот период. Примечательна и запись под 1593 годом: «А колокол, в которой заблаговестили, как царевичу Дмитрию убиение на Угличе учинилось, сослан в Сибирь же, в Тобольск, а ныне он на Софийской колокольне часобитной». В более поздних редакциях Сибирского летописного свода — Головинской и в «Сибирском летописце» — читаем о пожаре в Тобольске (1677 г.), во время которого сгорели приказные палаты, соборная церковь. Сенная и Софийская колокольни и «колокол часобитной углецкой — все растопилось без остатку». Именно поэтому Н.А. Дворецкая утверждает, что начало составления КЗ относится ко времени не позднее 1677 г. Правда, это известие, как и сведения о построении Тобольска (и другие, относящиеся к более раннему периоду, такие, как про походы А. Лыченицына и Ермака), могли быть заимствованы из каких-либо не дошедших до нас источников. Составитель КЗ мог использовать в числе других источников летопись, составленную при Корнилии в 1674—1677 гг. (хотя мнение о существовании такой летописи пока гипотетично).

По словам летописца, «в нынешнем 194 году в начале месяца генваря поставлен на Москве в нововеликокняжественный град Киев в митрополиты рукоположением святейшаго Иоакима, патриарха московского и всея России, из Киево-Печерскаго же монастыря, поколения князя Владимира Киевскаго, бывый в мире Четверти неких князей Гедеон Святополк». Запись сделана в 1685/86 г. Ранее в летописи такое выражение не встречается. На подробном описании известий за этот год рукопись КЗ обрывается. Очевидно, свод намеревались продолжить, о чем свидетельствуют последующие записи, которые продолжаются до 1687/88 года. Описание смены воевод и дальнейшие собы-

тия излагаются с нарушением хронологии: «В Туринском голову переменял во 195-м году Алексей Александрович Юрьев. На Пелыме Иван Иванов сын Дурнова со 192. На Тюмене столник Никифор Иванович Колобов со 192. На Тюмене во 196 году в подьячие с приписью Матфей Борисов».

Под 195 (1686/87) годом записано: «приехал от Ямышева, от солеников в Тару с вестию, Сейдяшев сын и Ондрияша Османов, в 20 числь; и Казенной Государевъ дощаникъ съ покупошною казною, Иванъ Шишкинъ Сейдяшъ: и сказываютъ, что соль съла самая добрая». Эта заметка, скорее всего, сделана лицом, слышавшим об этом или от самих пришедших с дощаником, или от тех, кто был с ними знаком.

Далее следует «общерусское» известие о «Вечном мире» с Речью Посполитой и учиненном (в Москве — О.Д.) молебне по этому поводу, но уже в 194 (1686) году. «На Сибири то молебство было в 195-м году», — уточняет составитель свода. Под этим же годом «того ж году» рассказывается о пожаре Покровской церкви в селе Каменке 27 марта, с замечанием: «а говорят, что раскольщики сожгли». Это известие явно записано составителем как современным событием.

На этом сообщения первоначальной редакции Сибирского летописного свода обрываются. Можно полагать, что мыслилось продолжить этот официальный справочник. Об этом свидетельствуют более поздние Головинская и Нарышкинская редакции памятника, текст которых обрывается на описании событий последующих лет. Так, Головинская редакция обрывается на известии о назначении князей Михаила Яковлевича и Петра Черкасских, И.С. Обрютина в Тобольск в 1697/98 г. Нарышкинская редакция заканчивается известием за еще более позднее время: «в 707-м году прислана с Москвы в Тобольск великого государя грамота, къ Ямышу озеру по соль дощениками ходить не велено».

Создание КЗ — лишь один из этапов оживленной летописной деятельности, которая велась в официальных кругах Тобольска в последней трети XVII века. Основной текст КЗ, как есть основание думать, сложился до середины 1680-х гг. Ее составление в заключительной части, как мы видим, приходится на 1685 -- 1687 гг. Но предполагалось дополнить это сочинение за счет записей о последующих событиях.

Следует отметить, что больше всего записей в КЗ по истории Тобольска. Нельзя отрицать хорошее знакомство летописца с приказными материалами и документами церковного делопроизводства. Скрупулезное описание смежных администрации и классификация автором

их на воевод и письменных голов указывает на то, что летописцу были доступны документы приказной избы. Нередко автор ссылается и на «государевы грамоты». Например, говорится про отъезд из Тобольска Прокопия Соковнина «по государеве грамоте». Сведения о приезде Никифора Веревкина с Нектарием в Тобольск также почерпнуты из документального источника. При этом допущены ошибки в написании фамилий, например, в КЗ упоминается Иван Траханиев (правильно — Траханиотов), Влук Пушкин (следует Савлук). Впрочем, ошибки могли быть допущены и при неоднократном переписывании этого литературного памятника. Известие о посланцах Посольского приказа «в Дауры и в самое Китайское царство» скорее всего выходит к посольской документации.

Некоторые записи позволяют определить и вероятный круг знакомых автора. Говоря о набеге калмыков на Тюмень в 1635 г., автор счел нужным упомянуть, что «в те поры у тобольского посадского человека у Лариона Чебатова у Губаря убили жену ево Василису и двух дочерей ево». В дозорной книге Тобольска 1624 г. двор посадского Лариона Губаря показан за острогом. Там же находился, помимо других, и двор сторожа съезжей избы Сидора Степанова, возможного источника устной информации автора КЗ. Внимание летописца привлекла и женитьба сына илимского воеводы В. Вындомского на дочери «немчины-полковника». Это было отмечено, видимо, потому, что в те времена брак с лицами иностранного происхождения был явлением новым и непривычным.

Об участии летописца в описываемых событиях говорит и тот факт, что в КЗ прослеживается и народная молва, например в изображении судьбы Г.О. Плещеева-Подрезы, но эти сведения не подтверждаются документами. Осада Албазинского острога тоже описывается по наслышке, «сказывают, что де Албазинский острог весь китайская сила во 193-м году повоевали и выжгли». Появлению КЗ предшествовало накопление материала, которым и воспользовался составитель, подвергнув его многочисленной переделке. Первоначальной основой могла послужить Роспись сибирских воевод, дополнившаяся некоторыми церковными известиями и известиями о происшествиях в Тобольске.

Литература

- Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII века). Новосибирск, 1984.
Книга Записная. Томск, 1973.
Миллер Г.Ф. История Сибири. М., Л., 1937. Т.1. Полное собрание русских летописей. М. 1987. Т.36.
Тыжнов И.И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898, 4. 1.

Первый тобольский архиепископ Киприан и светская администрация в Сибири

Со времени учреждения Тобольской епархии в 1620 г. и приезда год спустя в Сибирскую столицу архиепископа Киприана Старорусенкова церковь заняла важное место в административной системе Зауралья. Особенно важной роль сибирских архипастырей в управлении обширной восточной окраиной Московского государства являлась на первых порах, в 20-х — 50-х годах XVII в. В связи с этим взаимоотношения церковных властей и светской («государевой») администрации составляют немаловажный элемент политической жизни Сибири XVII в.

Тема взаимоотношений светских и церковных властей в Сибири этого периода заинтересовала еще П.Н. Буцинского — автора первого специального труда по истории колонизации Сибири, выполненного на документальном материале.¹

Сравнительно недавно к данной проблеме обратился видный новосибирский историк академик Н.Н. Покровский, вместе с Е.К. Ромодановской опубликовавший обширный комплекс документов тобольского владычного дома первых десятилетий его существования (большинство материалов этого комплекса было известно П.Н. Буцинскому). Основываясь на этих источниках, а также некоторых других материалах, опубликованных еще Г.Ф. Миллером, постараемся раскрыть главные аспекты во взаимоотношениях правительственного административного аппарата и вновь учрежденной тобольской архиепископии тех лет, когда ее возглавлял Киприан (1621 — 1624 гг.).

Самые первые царские грамоты из Москвы в Тобольск об открытии новой епархии призваны были дать сибирским властям наглядное представление о масштабности задуманного дела, об особом ранге владыки Киприана по сравнению с местной иерархией светских чинов. Грамоты определяют размеры строительства нового церковного центра, церемонию почетной встречи архиерея местными властями и населением по пути следования и в Тобольске, обязанности этих властей заботиться о самых разнообразных нуждах архиерейского двора. Вскоре следует беспрецедентное царское приказание тобольскому воеводе М.М. Годуну освободить свой двор для Киприана впредь до окончания строительства архиерейского двора. Хотя это распоряжение, уже заранее испортившее отношения архиепископа и боярина, конечно же, не было выполнено, свою роль в декларировании высочайшего ранга сибирского «перво-святителя» оно выполнило.²

Со времени создания новой епархии и соответствующего изменения в системе местного уп-

равления требовалось реальное взаимодействие органов церковной и светской администрации.

Еще П.Н. Будайский, автор первого исследования об открытии Тобольской епархии, основанного на архивных материалах, справедливо констатировал, что «ведению Киприана подлежало не только вообще архиерейское дело, как оно поставлено было в Московской Руси, но ему принадлежал и высший контроль над всем тем, что ведали в Сибири светские власти — воеводы, головы и разные приказные люди». Общий принцип разделения церковного и государственного управления, конечно, существовал, но важно подчеркнуть, что в годы патриаршества Филарета (1619—1633) отступления от этого принципа, давно привлекавшие внимание исследователей, были связаны не только с вмешательством государства в дела церкви (что всегда находило оправдание в тезисе о Царе как высшем церковном попечителе и главе российского православия), но и с сознательными попытками использовать церковную администрацию на местах для контроля над аппаратом государственным. Разумеется, это не способствовало идиллическим отношениям между архиереями и воеводами.³

Хотя до нас не дошел царский наказ первому сибирскому владыке, предоставление ему указанных П.Н. Буцинским особых полномочий надзора за воеводской администрацией находит отражение в ряде документов. Это и отписки самого архиерея царю и патриарху, свидетельствующие о реальном осуществлении Киприаном таких полномочий, и царские грамоты с одобрением подобных действий первого сибирского архиепископа.

К примеру, в отписке архиепископа патриарху Филарету, полученной в Москве 10 сентября 1621 г., после сообщения о церковных делах изложены критические наблюдения о состоянии сибирских городов, их укреплений, пожарной безопасности, детальные замечания о многих корыстных уловках приказных людей разного чина, об их преступных сговорах, методах незаконного обогащения воевод и подьячих за счет населения и казны, о самовольстве сибиряков, о всевозможных притеснениях сибирских аборигенов администрацией, служилыми и посадскими людьми. Архиерейское сообщение патриарху подчас приближается здесь к челобитным сибирских миров государю на притеснения воевод и подьячих. Характерно, что подробный ответ по этим пунктам отписки Киприана Филарету дается в царской грамоте архиепископу (ноябрь 1621 г.): последнему сообщается, что глава светской тобольской администрации боярин М.М. Годунов получил грозное царское приказание произвести сыск о всех за-

меченных архиепископом безобразиях и упущениях «и по сыску всяким людем, которые объявятца, наказанье учинити, а самих воров велено переменитьTM».

Та же грамота подтверждает важнейшее право (и обязанность) архиерея и впредь принимать челобитные всех обиженных (перечислены «татароня и остяки, и черные люди, и пашенные крестьяне») на воевод и других лиц, а затем пересылать эти челобитные царю.

Царская грамота Киприану от ноября 1621 г. после воспроизведения наблюдений архиепископа над сибирскими беспорядками предваряет распоряжения об их устранении следующей фразой: «И ты, богомолец наш, то учинил гораздо, что нашем деле радеешь, и всяких людей нужу разсмотришь, и нам о том ведомо чинишь».⁴

Подчас провозглашенное государством право церковного «печалования» и даже контроля оборачивалось вполне конкретными административными заданиями царя архиерею. Вот лишь одно из них: в грамоте от 20 февраля 1621 г. царь сообщает Киприану, что воеводские власти Сибири очень нерадиво выполняют приказ 1619 года о проведении общей переписи городских и сельских жителей, их земельных владений и о реорганизации на основании этих сведений всей системы государственных налогов и повинностей. Как читаем в грамоте, было «велено им (воеводам — М.А.) в Тоболске и во всех сибирских городех переписать жилецких торговых людей и в пашенных городех торговых же и пашенных крестьян, имяны и с прозвищи и какими, торги торговые люди промышляют, или которые торговые люди и пашенные крестьяне в уездах поселились и деревни устроили, и пашут на себя пашню, и данные до пашни у них или купленные. И на пашенных крестьян велено пашни прибавити и вновь пашенных крестьян прибрати, издавав пашенные крестьяном старым и новым, которых в пашенные люди устроят, имянную и пашне подлинную роспись, велено прислати к Москве в Казанской дворец.

И боярин князь Иван Семенович Куракин и дьяк Иван Булыгин о том не писывали и переписных книг не присылавали, и делали, о том не радея, для того, что многие пашенные крестьяне пахали на них».

В грамоте 1621 г. с гневом констатируется саботирование царского повеления всеми сибирскими воеводами — одни вообще не прислали требуемых сведений, другие представили давние, сильно устаревшие переписные книги с явно заниженными (ради воеводской корысти) сведениями. Архиепископу предписывалось практически заменить здесь светскую администрацию церковной, проведя своими силами соответствующий «дозор» по всей Сибири, собрав сведения о численности населения, размере «собинной» и государевой запашки пашенных крестьян, торгов и промыслов торговых людей, возможностях

увеличения пашни. Затем все необходимые меры следовало обсудить с главой светской администрации боярином М.М. Годуновым и сообщить свои соображения в Москву. Одновременно архиерей должен был контролировать расходование воеводами нематой суммы (500 рублей), полученной ими из Москвы для поддержки новых крестьянских хозяйств, а заодно и сообщить царю о степени воеводского радения, злоупотреблениях и насилиях.

Понятно, что церковь не имела сил и возможностей для подобной подмены светской администрации, но показательна сама тенденция расширить сферу церковного контроля. Конечно же, о реальной подмене не думали и в Москве, недаром каждый раз подобные распоряжения перемежались с обычным указанием архиереям и воеводам рассматривать и решать все дела в добром совете и согласии между собой.

В комплексе самых первоочередных мер, принятых Москвой в связи с назначением Киприана, любопытно предписание царской грамоты от 9 января 1621 г. тобольским воеводам, чтобы они «ни в какие духовные дела не вступались». В полном соответствии с традицией и каноническим правом государь указывает, чтобы воеводы по первому требованию предоставляли архиерею приставов, обеспечивающих явку в духовный суд священников, а по духовным делам — «мирских людей» «всяких чинов».⁵

Среди документов, скопированных Г.Ф. Миллером в Сибири, имеется несколько таких, которые свидетельствуют об энергичных попытках Киприана наладить функционирование духовного суда. В отписке архиерея в Мангазею воеводам Дмитрию Погожему и Ивану Тонееву сообщается о назначении туда десятильником сына боярского Василия Стогова и о наделении его в соответствии с не дошедшим наказом царя Киприану полномочиями в сфере духовного суда. А в следующей архиерейской отписке «на Мангазею» воеводам Ивану Пушкину и Федору Уварову от 1 февраля 1623 г. детально очерчены границы компетенции этого суда, в частности, перечисляются состав его дел и категории церковных людей.

Среди миллеровских копий имеются и отписки тобольских воевод М.М. Годунова и Ю.Я. Сулешова в Туринск с повелением воеводам (на основании царских грамот) признавать прерогативы церковного суда и помогать десятильникам налаживать его функционирование.

Но в сибирских актах 1620-х годов гораздо больше свидетельств о нежелании многих воевод выполнять царские распоряжения о духовном суде. Уже 27 июля 1621 г. царь в ответ на сообщение Киприана патриарху об отказе воеводы Туринского острога Д. Милославского признавать власть архиерея над духовенством местного Покровского монастыря приказал воеводе «не вступатца» «в ду-

ховные ни в какие дела» и велел начать розыск о поведении воеводы. 29 июля 1622 г. Михаил Федорович сходным образом должен был реагировать на сообщение Киприана Филарету о том, что архиерей никак не может укрепить своей судебной власти ни над собственными дворовыми людьми, ни (в духовном деле) над тобольским стрельцом С. Филипповым, которому покровительствует сам М.М. Годунов. Царь советовац архиерею осуществлять свой духовный суд, «не боясь в том никою». 19 декабря 1622 г. царь еще раз помогает архиерею преодолеть непослушание сибирских «церковных людей». Показательно, что не получивший поддержки местной власти архиерей сообщает имена виновных и конкретные факты их неповиновения патриарху, а наказание ослушникам объявляется царской грамотой архиерею.

В ответ на сообщения Киприана Филарету о многочисленных нарушениях в Сибири христианских этических норм, всевозможных насилиях и обидах патриарх отправляет 11 февраля 1622 г. архиепископу обширную «учительную грамоту», где призывает его сначала увещевать виновных, а если это не поможет, то и «казнем подлагати» при содействии светской власти. Тобольские воеводы, извещая подчиненных им воевод сибирских городов об этой грамоте патриарха, в свою очередь приказывали всячески содействовать архиерейским десятильникам в осуществлении церковного суда.⁶

Но подобные распоряжения встречали противодействие, в том числе и в Тобольске. Уже во время чтения патриаршей «учительной грамоты» в Софийском соборе 30 апреля 1622 г. воеводские дети боярские, придя в собор «невежливым обычаем пьяни с ослопы», «не сняв шапок», «подняли мятеж великой и учили шумети и задор чинити». По мнению Киприана, эта демонстрация неодобрения патриарших поучений была совершена «по наущенью» самого М.М. Годунова. Киприан обвинял первого тобольского воеводу в том, что тот, хотя и рассматривал дело об этом «церковном мятеже» вместе с архиереем, в конце концов наказал виновных очень легко, хотя, по мнению Киприана, их стоило бы сжечь. В ответ на это сообщение царь затребовал от архиерея дополнительные сведения о вине каждого из церковных мятежников, велел новому тобольскому воеводе Ю.Я. Сулешову провести более детальное расследование происшедшего; по материалам этого расследования приговор должен был вынести сам Михаил Федорович.

В деле о «церковном мятеже» 30 апреля 1622 г, где речь шла о чести не только Киприана, но и патриарха Филарета, следствие поручалось воеводе. а окончательное решение брат на себя сам царь, которому архиерей, в свою очередь, должен был сообщить результаты своего расследования. Подобная гибкость и взаимодействие церковных и светских властей замечается еще в нескольких духовных делах вре-

мени Киприана, где были замешаны интересы как архиерейской, так и воеводской администрации.

В декабре 1622 г. и в феврале 1623 г. из Москвы рассылаются воеводам сходные по содержанию царские грамоты, направленные на предотвращение подобного противодействия распоряжениям высших церковных и светских властей о духовном суде. «Ведомо нам учинилось, — сказано в этих грамотах, — что в сибирские городех служилые и всяких чинов люди в духовных делах архиепископа Киприана и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят и научают меж себя на архиепископа служилых и всяких чинов людей во всех сибирских городех шуметь, а ты де {воевода — М.А.) им потакаешь». Царь в этой связи приказывает каждому воеводе: «И ты б вперед богомольца нашего Киприана архиепископа в духовные ни и какие дела не вступался и служилых и всяких чинов людей от всякого дурна унимал».

В одной государевой грамоте читаем, что «которые тобольские и иных сибирских городов попы в бесчинстве и всяких чинов люди в духовных делах давали ему приставов и велели тех попов и мирских людей в духовных делах отводити к архиепископу Киприяну, чтобы они у него в повиновении и во всяком послушанье. А сами б ни в какие духовные дела не вступались, духовные всякие дела ведает архиепископу».

15 декабря 1623 г. царь отправил Киприану грамоту о наказании одного из тобольских священников Кондратия, который оговаривал архиерею воеводу Ю.Я. Сулешова, а воеводе — архиерея. Ю.Я. Сулешов, живший в добром согласии с Киприаном, пожаловался в Москву на ссорщика. Характерно, что свою челобитную царю по этому поводу он решил передать через Киприана, который отправил ее в Москву. Михаил Федорович обсудил это дело вместе с патриархом Филаретом; их общее решение было сообщено царскими грамотами архиерею и воеводе: священника приказывалось на 4 месяца отлучить от церковной службы «и посадити в смиренье начепь да в мукосейку на две недели».

В другой царской грамоте сообщается о доносе на Киприана певчихдыяков Никитки и Никифорки и подьяка Якунки. Киприан «на них писал» к царю, «гневаясь на них, что они перед тобою випоиати, извещали на него наше дело напрасно».⁷

Известно о расследованиях, которые велись духовными и светскими властями Москвы и Тобольска в связи с попытками враждебных Киприану клириков (ризничего Феодосия, монахов Христофора, Андриана, Авраамия, священника Якова и др.) опорочить в глазах Москвы архиерея и поддерживавшего его воеводу Ю.Я. Сулешова. В соответствии со стойкой традицией враги Киприана представляли при этом в Москву многочисленные обвинения архиерея и воеводы «в государевом великом деле», «в великом духовном

деле», а обиженные, в свою очередь, писали челобитные. Следствие и здесь вели совместно царь и патриарх, доисследование в Тобольске по духовной линии поручалось архиерею, которому сначала разрешалось передать следствие для завершения воеводе, а потом архиерейский розыск принимали вместе царь и патриарх; неприятели Киприана сознались в обмане и были наказаны.*

Воеводская власть — особенно до приезда в Тобольск Ю.Я. Сулешова 8 июля 1623 г. — с крайней неохотой признавала права главы новой епархии, тем более, что права эти включали и необычайный духовный контроль над вполне светской деятельностью воевод и приказных людей. Но при постоянной и весьма активной поддержке царя и патриарха принципы взаимодействия и взаимоконтроля светской и духовной администрации, провозглашенные в наказах и грамотах уже при открытии епархии, начинали внедряться в практику. Характерно, что высшие представители духовной и светской власти в Тобольске могли в определенных случаях вести следствие друг о друге, а решение оставалось за царем или царем и патриархом.⁹

Таким образом, уже при учреждении Тобольского Софийского дома административные функции стали важной составляющей деятельности власти; подчас им решались и важные судебные дела, что также в известной мере ограничивало компе-

тенцию светских властей. Облеченный особым доверием царя и патриарха, Киприан особенно до приезда в Тобольск воеводы Ю.Я. Сулешова, фактически решал многие важнейшие административно-судебные задачи по поручению правительства, контролируя через свой, еще складывающийся аппарат, деятельность многообразных светских властей, включая и самих тобольских воевод. При Киприане были заложены с санкции Москвы основы церковно-светских взаимоотношений, которые, по наблюдению Н.Н. Покровского, не претерпели существенных перемен до конца XVI столетия.

¹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее сельников. Харьков, 1889; *Он же*. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан. Харьков, 1891. (Переизд.: Буцинский П.Н. Соч.: В 2-х т. Тюмень, 1998. Т.1, 2).

- Тобольский архиерейский дом в XVII в./Издание подготовили Н.Н. Покровский. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С.20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 22. *Ср.*: С. 183-184.

⁵ Там же С. 24.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 191. *См. также*: Актовые источники по истории России и Сибири XVI-XVIII вв. фонда Г.Ф.Миллера: Описи копийных книг: В 2-х т. Новосибирск, 1995. Т.2. С.160.

* Тобольский архиерейский дом. С. 26.

⁴ Там же. С. 26-27. *См. также*: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л. 1941. Т. 2. С.294; Вершинин В.Е. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. С. 105-106.

В. В. Митрофанов

Проблемы первоначального освоения Сибири в трудах С.Ф. Платонова

Сергея Федоровича Платонова (1860—1933) считают вторым, после В.О. Ключевского, отечественным историком конца XIX — первой трети XX в., «заслуженно пользовавшегося славой одного из крупнейших и наиболее авторитетнейших исследователей русской истории»¹. «В середине 1920-х годов в ученом мире именно Платонов воспринимался как глава науки российской истории»,² — констатирует С.О. Шмидт. С его именем связано создание «петербургской школы русских историков», или «школы Платонова». «Он стал олицетворением всего наиболее ценного, что дала миру русская дореволюционная историография»,³ — отмечает В.С. Брачев, один из современных исследователей творчества С.Ф. Платонова.

В последнее десятилетие заметно возрос интерес исследователей к творческому наследию С.Ф. Платонова. Проблемы его творчества нашли отражение в работах В.С. Брачева, С.О. Шмидта, ВА Колобкова.¹¹ Широко переиздаются и труды С.Ф. Платонова.

Главными направлениями научной деятельности выдающегося ученого являлись проблемы изу-

чения Смуты, периоды царств Ивана Грозного, Бориса Годунова, первых Романовых, Петра I, вопросы колонизации Русского Севера и Сибири.

Интерес к истории Русского Севера и Сибири обнаруживается у С.Ф. Платонова еще в «Очерках по истории Смуты в Московском государстве ХУI-XVII вв.»⁵, впервые вышедших в 1899 году. В этой ставшей классической монографии подробно исследованы пути из различных регионов европейской части России в Сибирь, дана оценка политике в Зауралье в Смутное время. В 1907 году в работе «Об авторе сочинения «На иконоборцы и на все злыя ереси»⁶ исследователь впервые обращается к изучению истории сибирского летописания, предположив причастность к нему Катырева-Ростовского, воеводствоваловавшего в Тобольске, повесть которого поразительно близка к Строгановской летописи. В 1917 году в «Сборнике статей в честь Матвея Кузьмича Любавского» публикуется историковедческая статья «Старые сомнения»⁷, где ученый высказал тоже немаловажное наблюдение по вопросу об авторстве Строгановской летописи, наблюдение,

которое послужило исходным для последующих исследований. Ученый придерживался взгляда С.А. Андрианова, предложившего, «что Есиповская летопись не была составлена по Строгановской, а, наоборот, ей предшествовала и служила ей источником». Поводом к написанию этой небольшой статьи С.Ф. Платонова стало сопоставление Летописной книги, приписываемой И.М. Катыреву-Ростовскому, и богословского сочинения «На иконоборцы». Если в своей магистерской диссертации (1888 г.) С.Ф. Платонов вслед за В.О. Ключевским считал автором Летописной книги о Смуте князя И.М. Катырева-Ростовского, то теперь, сопоставив знаменитую повесть 1626 года с упомянутым антиеретическим сочинением, ученый заключил, что эти два сочинения не могли выйти из-под пера одного лица. Зато С.Ф. Платонову бросилось в глаза поразительное сходство (особенно в описании картин природы и батальных сцен) Летописной книги и Строгановской летописи. С.Ф. Платонов оставил открытым вопрос об авторстве повести 1626 года. Он пришел к убеждению, что ни князь Катырев-Ростовский, оказавшийся заурядным компилятором, ни тобольский сын боярский Кубасов, с именем которого Летописная книга связывалась до В.О. Ключевского, не могут считаться создателями Летописной книги.

По наблюдениям С.Ф. Платонова, имя автора этого памятника пока не может быть названо. Он призвал своих современников и последователей продолжать поиски талантливого публициста. Однако, с точки зрения историка, сходство Повести о Смуте и Строгановской летописи дает ключ к установлению авторства, поскольку это сходство таково, что позволяет говорить не о заимствовании, а единстве стилистической манеры. Иначе говоря, к созданию Строгановской летописи было причастие лицо, которое оставило Летописную книгу, или, по крайней мере, участвовало в ее написании.

Основные же работы С.Ф. Платонова по истории Сибири приходится на последнее десятилетие жизни ученого. В 1923 году выходит сборник его статей «Прошлое русского Севера»*, где определенно прослеживается возрастающий интерес к теме. Об этом свидетельствует и возникшая у Платонова «заветная мечта» «посетить Сибирь»⁹. В 1928 году на «русской исторической неделе» в Берлине академик выступил с докладом «Проблема русского Севера в новейшей историографии»¹⁰, где дал емкие характеристики исследованиям последних десятилетий «одной из любопытнейших русских окраин». Есть основания предположить, что С.Ф. Платонов собирал материалы для большой работы по истории Русского Севера и Сибири в XVI-XVII вв., хотя в архивах пока не найдено подтверждений этому.

Специальных работ о вкладе С.Ф. Платонова в разработку сибирской темы нет, но попутно она затрагивается историками. Упомянутую статью

С.Ф. Платонова М.Н. Покровский оценивал как «работу общего характера», «полубеллетристическую»¹¹.

«Первым, кто взглянул на сибирские повести не как на отдельно взятое изолированное явление, а нечто связанное с общерусским летописанием, был С.Ф. Платонов»,¹² — подчеркивается в монографии В.Г. Мирзоева. «Из новых тем, которые начинает осваивать Платонов в послереволюционные годы, на первое место следует поставить уже давно интересовавшую его проблему Русского Севера»,¹³ — отмечается в комментарии В.С. Брачева к 2-томному изданию сочинений ученого. В одной из работ В.С. Брачев замечает, что сборник «Прошлое русского Севера», объединив под одной обложкой статьи ученого, написанные им уже после Октября, имел и некоторое научное значение ввиду нетрадиционной трактовки им ряда вопросов, связанных с проблемой «новгородской» и «низовской» колонизации Поморья, а также Сибирской экспедиции Ер\ ака»¹⁴. Появление этого сборника исследователем связывается с работой С.Ф. Платонова в Северной колонизационной экспедиции. Можно ли полагать, что новая книга ученого, научное творчество которого автор относит «к вершинным явлениям в русской историографии», имела всего-навсего «некоторое научное значение»? Видимо, это мнение вытекает из сложившегося у исследователя убеждения в том, что «крупных работ С.Ф. Платонов в это время (вторая половина 20-х г.) уже не писал, ограничиваясь небольшими этюдами»¹⁵. Этими замечаниями исчерпывается «анализ» творческого наследия ученого по колонизации Севера и Сибири.

Нужно согласиться с выводом В.Г. Мирзоева о том, что призыв С.Ф. Платонова «освободиться от мусора ненужной полемики и начать новое изучение старой темы» остается актуальным¹⁶.

Русско-сибирские связи, как отмечает С.Ф. Платонов, уходят в глубь веков. В статье «Строгановы, Ермак и Мангазея», напечатанной в сборнике «Прошлое русского Севера», ученый утверждает: «Можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак ее завоевал»¹⁷. Это представление оказалось живучим и сохраняется и в настоящее время. Крайний Север Сибири, подчеркивал исследователь, был известен русским, в частности, новгородцам, до Ермакова завоевания по меньшей мере века за два. По летописным известиям, новгородцы, владевшие русским Севером — Поморьем, взимали дань с самоедов, живших по обе стороны урала, еще в XI веке. В 1032 году был организован поход новгородцем Улебом на реку Обь. Видимо, это были эпизодические, нерегулярные связи. Но уже московский великий князь Иван III считал своими данниками вогулов, остяков, «самоядь» и посылал против них военные отряды.

Позже русско-сибирские связи становятся регулярными, объем товарообмена увеличивается. В XVI в.

возникли торги, привлекавшие русских купцов. С.Ф. Платонов ссылается на ярмарку на Лампожне, на Мезени, перешедшую около 1600 года в так называемую Окладникову слободу. На этой ярмарке совершалась мена товаров с самоедами, кочевавшими за Мезенью. «Там, — отмечает историк, — начиналась самоедская тундра, куда русская колонизация едва проникала. Русские поселения, однако, были уже тогда на Печоре, представляя собой пристани для морских и речных промышленников, купцов».* Проникновение русских становится устойчивее, они продвигаются все дальше на Восток. Крупный торг располагался в Пустозерске. С.Ф. Платонов указывал, что «Зимой в Пустозерск приходит 2-3 тысячи самоедов отчасти для торгова, отчасти по дороге в Лампожню». Таким образом, город был расположен на пути сообщения с Обью, куда, как отмечает С.Ф. Платонов, ссылаясь на известия англичан, русские ходили ежегодно. Поставлен был город, по выражению одной грамоты XVII в., «для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать». В XVI в. важное место в северной торговле принадлежало Устюгу, «он находился, — по выражению ученого, — в узле особенно оживленных в исходе XVI в. путей, шедших из центра страны». Писцовая книга, на которую ссылается исследователь, прямо говорит, что они (купцы) «торгуют объезжими товарами в Сибирь», «отпускают со всякими товарами в Сибирь». С.Ф. Платонов отмечает, что «город принимал участие в торговом движении по Двине, служил складочным местом для товаров, идущих в Сибирь и из Сибири». Благодаря развитой торговле, Устюг стал в начале XVII в. больше Холмогор, «вырос до первенствующего значения в крае», — констатирует С.Ф. Платонов. Приведенные факты позволяют говорить о развитых связях русских купцов с населением Зауралья.

Возникшее за Уралом в результате распада Золотой Орды Сибирское царство в 1555 году признало зависимость от Москвы и обязалось платить по 1000 соболей в год. Воспользовавшись трудностями, возникшими у России с началом Ливонской войны, оно, однако, выходит из повиновения.

Как писал С.Ф. Платонов, кроме Сибирского царства, русские предприимчивые люди большой интерес проявляли к территории между Обской губой и низовьями Енисея, по реке Тазу, известной под названием «Мангазея». По замечанию ученого, «в ней не существовало никакой власти, а народы, населяющие местность — югра и самоедь, бродили по тундре и вели меновой торг с проникавшими русскими». Новгородское предание повествует об этом следующим образом: «помавают рукою, просяще железа, и аще кто даст им нож ли, ли секиру, дают скорою противу». Вслед за П.Н. Буциным С.Ф. Платонов утверждает, что Мангазея была «золотым дном», «своего рода Калифорнией». Пушни-

на была главной притягательной силой для предприимчивых людей. Иллюстрируя богатство этой местности, С.Ф. Платонов приводит следующий пример. Московский ревизор, посланный по служебным делам в Мангазею в 1625 году, привез 15 сороков соболей, 25 «недособолей», 724 выимка соболей, более 900 пупков, более 100 белых песцов, 6 голубых песцов, 15 бобров, 162 заечины, несколько меховых одеял, кафтанов и шуб, 16 пластин соболей и много «всякого лоскута» и более дешевых мехов. «От удачной поездки в Мангазею можно было сразу разбогатеть», — отмечает С.Ф. Платонов. Таким образом, Мангазея являлась наиболее притягательным пунктом колонизации обширного края.

Исследователем подробно описаны пути, которые вели в Мангазею. Северный путь шел с реки Печоры через Камень (Уральские горы) до Оби Великой. Второй путь начинался на реке Вычегде, проходил через Печору и Камень и далее, по мнению ученого, «вероятно, по реке Щугуру и реке Сосьве в Обь». Третьим путем — южным, начинавшимся на Каме, двигались по реке Тавде или Туре, в реку Тобол и дальше по Иртышу, Оби до Обской губы. «Южный путь был наиболее удобен», — констатирует С.Ф. Платонов, но и «наиболее долог». Главный же его недостаток состоял в том, что здесь располагалось Сибирское царство, и в дальнейшем следовало устранить это препятствие. Опасности сухопутных дорог, по наблюдению С.Ф. Платонова, «заставляли русских промышленников, идущих в Мангазею, выбирать морской путь». Он начинался с Северной Двины, из Холмогор или из «Кулойского устья», или из «Пуста-озера» (из Печоры), откуда «бежали парусом» в Карскую губу, через волок и реку Зеленую в Мангазею. Путь был сложен из-за трудностей северных морей, но «позволял в короткие сроки перебрасывать относительно большие грузы в короткие сроки», — замечал С.Ф. Платонов.

О том, что русские использовали этот путь издавна, свидетельствуют иностранцы, появившиеся на берегах Карского моря в середине XVI века. Здесь они застали русских, хорошо говоривших по-самоедски и совершавших ежегодные поездки на реку Обь. Уже в 1556 году Борро, спутник английского капитана Ченслора, выполняя поручение по поиску путей на Восток, побывал в Кольской губе, достиг Канина носа, Югорского шара, Войгача и даже Новой Земли. С этого времени иностранцы, прежде всего англичане, а затем и голландцы, начинают искать более удобные пути в Сибирь и дальше на Восток. Так, уроженец Брюсселя Брюннель, торговый агент купцов Строгановых, дважды ездит в Сибирь, к Оби. А в 1584 году, как указывал С.Ф. Платонов в статье «Иноземцы на русском Севере в XVI-XVII вв.» (тоже включенной в сборник «Прошлое русского Севера»), он отправляется на Восток, но далее Новой Земли ему продвинуться из-за льдов не удалось.

Торговый азарт, расширение торговой сферы, по меткому наблюдению С.Ф. Платонова, толкали иноземцев к исследованию побережья Ледовитого океана. «Мотивы коммерческие лежали в основе их предприятий», — справедливо заключает ученый. Основной товар, который привлекал как иностранцев, так и русских, — это мех, пушнина. По данным С.Ф. Платонова, «не один раз по поручению Строгановых Брюннель возил для продажи меха за границу; в 1584 году Антоний Марш ездил за скупкой меха»; в 1614 году Гордон побывал на Северном Урале и в «Югре» скупил пушнину.

Большое место, находит С.Ф. Платонов, отводили иностранцы разведке путей в Азию. Поиск шел как через северные моря, так и по суше. Указанные пути в Мангазею являлись частью искомого маршрута. Иностранцы внесли свой вклад в развитие торговли, исследование и освоение путей в Сибирь.

Опережая иностранцев, русские предприниматели, поддержанные центральной властью, продолжали свое движение на Восток. В XVI веке особую роль и фали в этом движении купцы новгородского происхождения Строгановы, «вотчины которых были разбросаны по всему северу», — отмечает С.Ф. Платонов. Их привлекали соль, железо и главное — пушнина. Сам Грозный поручал им приобретать для него соболей. Еще родоначальник известной ветви рода Аника посылал своих агентов в Мангазею. Он сумел раньше других достичь Оби и наладить обмен драгоценных мехов на «немецкие» безделушки. (По мнению голландца Исаака Массы, хорошо знавшего русскую жизнь того времени, именно от торгового самоседа на низовьях Оби и пошло богатство Аники). С.Ф. Платонов с восхищением пишет о размахе деятельности Строгановых: «Кажется, все без исключения естественные богатства северного края от Колы до Оби входили в их деловой оборот». Строгановы завели хозяйство в Пермском крае, на Каме и Чусовой, «для них с 1560–1570 годов получил значение южный путь, который выводил на Иртыш и Обь, близкий к их новой вотчине», — заключает С.Ф. Платонов. Поэтому не случайно возникла мысль о наступлении за Урал по Тоболу и Иртышу. С.Ф. Платонов относит ее появление к 1574 году, когда Строгановы просили об этом, а Грозный разрешил им воевать с «сибирцами». К тому времени Строгановы превратились в главную экономическую силу «на этой огромной окраине», — утверждает С.Ф. Платонов. Начиная с 1558 года, Строгановы получают ряд жалованных грамот. В них закрепляется льготное положение земледельцев-промышленников в Приуралье. В частности, население строгановских вотчин состояло в их юрисдикции, сами «Аникиевичи» подлежали суду исключительно самого государя, освобождались от податей и торговых пошлин. «Обращение окраин-

ных земель в частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановых мы считаем таким же правительственным приемом», — отмечает историком. Это новый взгляд на проблему государственной колонизации Сибири.

Фактом особого расположения царя к Строгановым является отнесение «в 1566 году к опрочнине Чаронды, также Соли Вычегодской, а с нею и земель Строгановых», подчеркивал С.Ф. Платонов. «Недаром Строгановы потянулись туда, торгово-промышленный капитал, конечно, нуждался в поддержке той администрации, которая ведала край, и, как видно, не боялся ужасов, с которым у нас связывается представление об опрочнине»¹¹, — делает вывод ученый.

С 1579 года, воспользовавшись правом ставить крепости, содержать вооруженные силы, «крепиться всякими крепостями накрепко» — в «Сибирской стране за Югорским камнем на Тагчеях и на Тоболе-реке и на Иртыше и на Оби и на иных реках», а также оберегать русские земли от «сибирского салтана», Строгановы сооружают там городки, вербуют казаков. Становятся понятны устремления Строгановых. Ведь по рекам проходил торговый путь с «Руси» в Мангазею, а на Русь, по сведениям С.Ф. Платонова, приходили «торговые люди бухарцы». «Оба направления питали русскую торговлю, подмечено исследователем, азиатскими товарами и были весьма ценны для Строгановых». В их владениях в XVI в. было уже три городка: Канкар и Орел на Каме и Чусовая слобода на реке Чусовой. Размеры городков, видимо, были небольшие. Как пишет Платонов, «если не ошибаемся, ни в одном из этих городков не было и сотни дворов»²¹. В результате деятельности Строгановых и действий правительства «на Пермской окраине в XVI в. возник ряд крепостей, правительственных и частных, обращенных на восток и послуживших операционным базисом не только при завоевании Сибирского царства, но и при его заселении и переустройстве на московский лад»², — заключает С.Ф. Платонов.

Кроме привилегий, на Строгановых налагалась нелегкая обязанность защиты всего края. Регулярных войск не хватало, а вотчины Строгановых были немногочисленны. «Что было за Строгановыми в 1579 году, — приводит данные ученый, — точно сказать нельзя, но в 1623, 1624 году за ними числилось 933 двора во всем Пермском крае, для времен на 40 лет ранее, это число надобно уменьшить»⁸. Поэтому, находит исследователь, «дружина Ермака вряд ли бы возросла до 850 человек, если бы ее вербовали силами одних пермских строгановских вотчин». Приходилось нанимать бродячих казаков, а также вербовать на Дону и Волге целые отряды.

Начало похода Ермака относится обычно к 1 сентября 1581 года. «Самою правильною оценкою этого предприятия будет та, по которой поход «ата-

манов-воров» был военным поиском», «одним из эпизодов того *Dranq nach Osten*», — читаем в статье С.Ф. Платонова! В «Очерках» С.Ф. Платонов так оценивает эту экспедицию: «В сущности, поход за Камень, приведший к покорению царства Кучума, был один из военно-приграничных предприятий».²⁴ В «Лекциях» «Завоевание Сибирского царства отрядом строгановских казаков с Ермаком во главе уже в «1582—1584 признается случайностью»²⁵.

С появлением иностранцев на Русском Севере Строгановы вступают с ними в деловые отношения. Не довольствуясь торговлей на местных рынках, они пытаются проникнуть в Западную Европу. С этой целью они ищут торговых агентов среди пленных. Ими был, в частности, выкуплен Брюннель, находившийся в ярославской тюрьме. С.Ф. Платонов с достаточным основанием полагает, что «по-видимому, это дело у Строгановых было основательно налажено».

Об этом свидетельствуют и другие факты. Брюннель дважды побывал в Мангазее. Первый раз он добирался туда сухим путем, второй — морем. Видимо, он убедил своих хозяев, что можно добраться морем и Обью до Китая. О дальнейшей судьбе морской экспедиции ничего неизвестно. «Но для нас чрезвычайно важно то указание, что в 1581 году, одновременно с подготовкою сухопутного поиска Ермака на Иртыш и Обь, Строгановы готовили и мореходный поиск на ту же Обь», — говорит С.Ф. Платонов. Морской поиск, по-видимому, остался без результата. Сибирское царство стало легкой добычей казаков, инородцы признали власть Московского правительства. «Надежды Строгановых сбылись полнее и легче, чем они могли надеяться», — подчеркивает историк. «Мангазея, «золотое дно», манила их к себе всеми путями: и «морем», и «через Камень», — отмечается в статье С.Ф. Платонова. Но Строгановым, несмотря на то, что их вотчины послужили базой для наступления на земли по рекам Тоболу и Иртышу, а огромные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей, добыть каких-либо преимуществ и достигнуть преобладания не пришлось. По южному пути вслед за Ермаком «в Мангазею пришла государственная власть, которая и усвоила себе плоды Строгановского успеха», — представляется С.Ф. Платонову. «Началось занятие Западной Сибири уже силами правительства, а не одних Строгановых, а в Сибири были поставлены многие города со «стольным» Тобольском во главе»,²⁶ — сказано в «Лекциях». По всему южному пути правительством ставятся городки и крепости (Березов, Обдорск и другие).

С утверждением московской власти в Сибири изменяется жизнь городов и даже целых регионов. Перемены были связаны прежде всего с перемещением путей и дорог, ведущих во вновь присоединенные земли. С.Ф. Платонов отмечает, что «Чер-

дынь осталась при старом своем значении — административного центра», а в исходе XVI в. ей «безраздельно принадлежало первое место в Пермском крае». В перевалочный пункт превращается город Соликамск, через который проходила прямая дорога на Верхотурье. Особое внимание С.Ф. Платонов уделяет изменению положения Вятки. Ученым отмечаются «скудные известия» об этой российской окраине, которая русским населением была «не богата». Вятка превращается в одну из основных баз по колонизации Сибири. «Расположенная между центром государства и только что приобретенной инородческой окраиной Сибирью, Вятка, по наблюдению исследователя, — должна была принять свою долю, и притом большую долю, в усилиях Москвы укрепить за собою Сибирское царство»²⁷. Население должно было содержать «ямы», высылать ямщиков, давать средства для содержания ямской службы, поставлять людей на службу по «прибору». «Служила Вятка Сибири, — как отмечает С.Ф. Платонов, — своим хлебом». Таким образом, представляется ученому — значение Вятского края в освоении новых земель трудно переоценить.

Следовательно, С.Ф. Платонов поставил и новому ответил на вопросы о роли Строгановых в «покорении Сибири», значении похода Ермака, о путях в Мангазею. Как неоднократно подчеркивалось в литературе, остается актуальным призыв ученого по — новому, в разрезе колонизации «закаменной страны» исследовать старую проблему сибирского «взятия». В творческом наследии «самого видного историка России» 20-30-х гг. XX в.²⁸ многое еще ждет своего исследования, в том числе и труды по колонизации Русского Севера и Сибири.

¹ *Брачев В.С.* Дело академика С.Ф. Платонова//Вопросы истории 1989. №5. С. 118.

- *Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г и противоборство историков.//Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 45.

³ *Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов//Отечественная история. 1993. №1.

⁴ Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Каталог, составитель В.А. Колобков. СПб., 1994.

- *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.

⁶ *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории: 1883-1912. СПб. 1913.

⁷ *Платонов С.Ф.* Старые сомнения//Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 172-180.

¹ *Платонов С.Ф.* Прошлое русского Севера. Пг., 1923.

⁴ *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 119.

¹⁰ *Платонов С.Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии//История занятий Археографической комиссии. Л., 1929. Вып. 35. С. 105-114.

¹¹ С.и.: *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 71.

¹² *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М. 1960. С. 39.

⁹ *Брачев В.С.* Жизнь и труды С.Ф. Платонова//*Платонов С.Ф.* Соч.: В 2-х т. СПб. 1993. Т. 1. С. 7.

¹⁴ *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 120.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Мирзоев В.И. Указ. соч. С. 60.
¹⁷ Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. С. 72.
¹⁸ Платонов С.Ф. Очерки С. 12.
¹⁴ Платонов С.Ф. Очерки С. 94.
²⁰ Там же.
²¹ Там же. С. 18.
-Там же. С. 17.

-Там же. С. 18.
³⁴ Там же. С. 17.
³⁵ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории: В 2-х ч. М. 1994. С.200. Ч. 1.
³⁶ Там же. С.200-201.
²⁷ Платонов С.Ф. Очерки. С. 16.
-* Шмидт С. О. Указ. соч. С. 61

Я. М.Яковлева

Происхождение Строгановской летописи в исследованиях XX века

Обстоятельства, при которых в XVI веке произошло присоединение Сибирского ханства к России, и сегодня вызывают немалый интерес у исследователей. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным. Причина разногласий, между прочим, заключается в том, что сибирские летописи, — Есиповская и Строгановская (далее — ЕЛ и СЛ) — основные источники по истории Сибири XVI в. — весьма противоречивы в изложении событий «Ермакова взятия». Дошедшие до нас документы заставляют усомниться в некоторых известиях сибирских повестей, как часто определяются эти летописные сочинения.

Трудности в трактовке известий ранних сибирских летописей и соотнесении этих показаний с документальными свидетельствами еще в 1870-1880 гг. привели к образованию двух групп исследователей — сторонников «строгановской» и «есиповской» версий сибирского «взятия». К первым следует отнести С.М. Соловьева, Л.Н. Майкова, А.А. Дмитриева, их оппонентами выступили М.П. Погодин,

П.И. Небольсин, С.А. Адрианов. Если в 1890-х гг. основное внимание в полемике уделялось вопросу о степени достоверности известий СЛ и о роли семейства Строгановых в организации похода Ермака и покорении Сибири, причем «строгановская» версия была признана недостаточно обоснованной, то, спустя полвека, благодаря полученному доступу к семейным архивам Строгановых и новым находкам, — прежде всего, одного из древнейших списков СЛ, — сторонникам этой версии удалось выдвинуть ряд дополнительных положений в ее обоснование.

Мы попытаемся представить этапы полемики по основным вопросам изучения СЛ, которая велась на протяжении ряда десятилетий XX в. Наряду с традиционными вопросами о степени достоверности известий «Повести о взятии Сибирской земли» и о времени ее создания тогда особенно остро встал вопрос о возможном протографе СЛ и ее взаимозависимости с другими произведениями о сибирском «взятии». Кроме того, были также предприняты попытки атрибуции СЛ.

* * *

Если вопрос о месте написания СЛ может быть решен однозначно: нет веских оснований считать, что это произведение возникло где-то за пределами строгановских вотчин, — то о времени ее создания подобного единства мнений не существует. Ряд исследователей вслед за П.И. Небольсиным и С.А. Адриановым относят создание СЛ, по меньшей мере, ко второй половине XVII в., другие склонны принять точку зрения С.М. Соловьева и А.А. Дмитриева о том, что она была написана до 1636 г., т.е. до появления ЕЛ. Противостояние этих двух точек зрения наиболее ярко отразилось в полемике А.А. Введенского и А.И. Андреева, развернувшейся в 1940-х гг.

А.И. Андреев полагал, что вопрос о том, какая из двух сибирских летописей древнее, был решен в свое время еще С.А. Адриановым, определившим, что автор СЛ использовал в качестве одного из источников произведение тобольского архиепископского дьяка Саввы Есипова. А.И. Андреев также ссылается на работу А.М. Ставрович и вслед за ней относит написание СЛ ко времени не ранее 60—70-х гг. XVII в.

Гипотеза А.М. Ставрович основывалась на различиях в текстах жалованной грамоты 1673 г. Г.Д. Строганову — потомку Семена Строганова, в которой якобы впервые говорилось об участии последнего в призвании Ермака, и подлинной грамоты Ивана Грозного Строгановым от 1581 г. об опале на пермских солепромышленников за несанкционированную отправку ими отряда казаков в Сибирь, — т.н. опальной грамоты, — в составе СЛ, в которой сведения о Семене — не что иное, как позднейшая вставка.

А.А. Введенский считал такое положение необоснованным. Исследование почерка рукописи СЛ навело его на мысль, что писцу, работавшему над манускриптом, обучившемуся в юности скорописи XVI в., в начале XVII в., видимо, пришлось усваивать современный ему почерк, но полностью преодолеть навыки, приобретенные в молодые годы, он так и не смог. Об этом свидетельствуют элементы реминисценции скорописи XVI в. в созданном им тексте. Исходя из этого положения, А.А. Введенский разделял мнение В.В. Майкова о создании СЛ не позднее, чем во второй половине XVII в.

В ходе дальнейшего палеографического анализа А.Л. Введенский заключил, что СЛ была создана не позднее 1630—40-х гг. Ему удалось установить, что характерные для рукописи филигранные, — в форме кувшинчика с короной, полумесяцем и буквами «РС», — встречаются, в том числе, и на нескольких строгановских документах 20-х гг. XVII в. В подтверждение своего вывода он ссылается на мнение Н.П. Лихачева, определившего, что бумага с подобными водяными знаками производилась в период не позднее первого десятилетия XVII в.

А.И. Андреев посчитал доводы А.А. Введенского недостаточно весомыми, чтобы утверждать раннее происхождение СЛ, т.к. оценки почерка и филигранные не являются убедительными тому доказательств. Водяные знаки, подобные тем, что имеются на листах рукописи СЛ, встречаются на бумаге 40-50-х гг. XVII в., а значит, как полагал А. И. Андреев, могут быть обнаружены и в более поздних рукописях. В отношении почерка он также ссылается на мнение В.В. Майкова, который в свое время был склонен на этом основании относить рукопись СЛ и ко второй половине XVII в. А.И. Андреев пришел к выводу, что решающее значение при определении времени создания СЛ должно иметь содержание самих летописных статей и грамот, а не такие внешние признаки, как почерк и филигрань. Таким образом, по его мнению, гипотезу А.М. Ставровица не следует признавать опровергнутой.

А.А. Введенский не был единственным защитником тезиса о раннем происхождении СЛ. К подобному мнению склонялись С.В. Бахрушин, Е.И. Дергачева-Скоп и В.И. Сергеев. Последний предположил, что СЛ могла возникнуть в начале 1620-х гг. Поводом для ее создания в это время, по мнению В.И. Сергеева, могло послужить известие об учреждении Сибирской епархии и проезд первого архиепископа Тобольского через строгановские вотчины весной 1621 г. Возможно, определенную роль сыграла и кончина в том же году М. Строганова!, последнего из трех инициаторов похода Ермака, тем более, если принять во внимание данные палеографического анализа, проведенного А.А. Введенским, и тезис А.И. Андреева о том, что имеющаяся в распоряжении исследователей рукопись является одним из древнейших списков СЛ.

С вопросом о датировке СЛ тесно связаны проблемы определения степени близости СЛ к ЕЛ или протографа последней. Существующие по этим вопросам мнения сводятся к основным трем направлениям: утверждается зависимость СЛ от ЕЛ; обосновывается зависимость ЕЛ от СЛ; говорится о происхождении обеих летописей от общего протографа при той или иной степени их взаимозависимости.

В созданной С.А.Адриановым схеме сибирского летописания СЛ фигурировала как позднейшая редакция ЕЛ, переработанная в интересах Строгановых. С.В. Бахрушин опровергал это построение. До-

пуская первичность ЕЛ по отношению к СЛ, он полагал, что автор «Повести о взятии Сибирской земли» заимствовал сведения из своего источника не посредством, а помимо труда С. Есипова. СЛ. Адрианов считал протографом ЕЛ, а следовательно, и СЛ, Синодик ермаковым казакам, составленный по приказу первого тобольского архиепископа Киприана Старорушанина в 1622 г. на основе т.н. «Краткого списания», доставленного в Тобольск ветеранами сибирского «взятия» или же написанного с их слов. С.В. Бахрушин пришел к выводу, что Синодик не представляет собой первоначального текста, а является переработанным вариантом того же источника, которым воспользовались авторы обеих летописей — т.н. Написания. Текстологический анализ обеих летописей привел С. В. Бахрушина к заключению, что часть текста СЛ является более ранней по времени, чем текст Синодика. Тем не менее, С.В. Бахрушин согласился с основными выводами С.А. Адрианова и признал вполне обоснованным положение последнего о том, что автор СЛ переработал текст первоисточника, в частности, внося дополнения, касающиеся Строгановых.

Гипотеза о существовании единого протографа сибирских летописей была выдвинута и А.М. Ставровица, которая предложила оригинальную схему сибирского летописания в оставшейся не опубликованной работе «Сибирские летописи. Эту историю вопроса и анализу сибирских летописей». Роль первоисточника она отводила Написанию, как впоследствии и С.В. Бахрушин. Однако вслед за С.А. Адриановым А.М. Ставровица полагала, что автор СЛ воспользовался им не напрямую. Исследовательница предположила существование некоей ранней Киприановой летописи, повествующей о походе Ермака, созданной на основе Написания и послужившей **протографом** для Синодика, а также и для «сибирских» статей Нового летописца, которыми и воспользовался С. Есипов в 1636 г. и — посредством его труда — анонимный автор СЛ. Последний, по мнению А.М. Ставровица, также дополнил первоисточник данными подлинных актов из фамильных архивов именитых солепромышленников. В целом предложенная А.М. Ставровица схема сибирского летописания, в оценке многих исследователей, является весьма гипотетичной.

А.И. Андреев, подобно С.А. Адрианову и А.М. Ставровицу, принимая во внимание положение С.В.Бахрушина о большей близости СЛ к общему **протографу**, который также признавал Написание, предположил, что автор СЛ мог воспользоваться первоисточником посредством других летописных повестей XVII в., одной из которых была ЕЛ.

Основные выводы С.В. Бахрушина о независимости СЛ от ЕЛ и о более раннем, по сравнению с Синодиком, происхождении части текста СЛ легли в основу заключений В. И. Сергеева. Анализ сибирских летописей позволил ему выявить ряд допол-

нительных соответствий в статьях и главах этих памятников и их прямую взаимосвязь, несмотря на различный характер этих соответствий. В отсутствии соответствий определенных фрагментов в СП и ЕЛ ученый склонен был видеть отнюдь не желание Строгановского летописца исключить из текста материал оригинальных глав ЕЛ, а стремление С. Есипова исключить не удовлетворяющие его известия СЛ. Принимая во внимание характер этой зависимости, по мнению В.И. Сергеева, СЛ следует отождествить с «Торским летописцем», упоминаемом самим С. Есиповым в ряду использованных им источников, как это предлагал еще Карамзин.

В.И. Сергеев также разделял точку зрения о зависимости СЛ от одного с ЕЛ источника, которым он признал материалы т.н. «полковой канцелярии» Ермака — безадресные «отпуска», оригиналы которых пересылались казаками Строгановым для хранения в вотчинном архиве. Черновики этих «отпусков», видимо, сохранились у ветеранов похода и легли в основу Написания, Синодика 1622 г. и сочинения С. Есипова. Таким образом, В.И. Сергеев заключил, что СЛ и ЕЛ зависят от общего источника, представленного в двух оригиналах.

В поддержку тезиса о едином протографе высказалась и Е.К. Ромодановская. Проведя сравнительный анализ текстов Синодика, ЕЛ и СЛ, она обнаружила, что СЛ в отличие от ЕЛ не сообщает ничего конкретного о походе ермаковцев сверх того, что говорит об этом Синодик. Это позволило исследовательнице вслед за Бахрушиным утверждать факт использования строгановским летописцем Синодика или его ближайшего протографа независимо от ЕЛ. Этим протографом для Е.К. Ромодановской, как и для С.В. Бахрушина, является Написание, автором которого, по ее мнению, мог быть ермаковец Черкас Александров.

Вслед за Е.К. Ромодановской и С.В. Бахрушиным, Т.А. Шашков также рассматривает Написание как протограф СЛ, однако он идет дальше, пытаясь обосновать существование более раннего протографа. По мысли ученого, этим протографом следует считать «Повесть Летописную», автором которой и был Ч. Александров, которому Е.К. Ромодановская атрибутирует казачье Написание. Т.А. Шашков считает, что Александров мог составить свою повесть, как своего рода отчет о походе казаков на Кучумово царство для Посольского приказа еще в самом начале XVII в. Позднее, когда оставшиеся в живых ветераны похода по наказу Киприана приняли участие в создании Синодика, Повесть Ч. Александрова (вариант которой, по мнению Т.А. Шашкова, мог сохраниться в их среде) была дополнена перечнем погибших казаков и подверглась значительной переработке, став тем самым Написанием, которое явилось основой для Синодика. Примерно в это же время, как пола-

гает Т.А. Шашков, произведение Ч. Александрова подверглось еще одной обработке. В качестве источника на этот раз послужила Повесть 1626 г. (известная также, как Летописная книга), к истории создания которой, возможно, был причастен кн. С. Шаховской, известный писатель XVII в. Появившийся в результате текст и использовал автор СЛ в качестве одного из источников. Таким образом Т.А. Шашков пришел к заключению, что существовавшая некогда Повесть Летописная Ч. Александрова и есть наиболее ранний протограф, к которому следует возводить как СЛ, так и некоторые другие памятники сибирского цикла.

Следует отметить, что Т.А. Шашков не первым усмотрел в Повести 1626 г. один из источников СЛ. На эту связь указывали еще С.Ф. Платонов и А.М. Ставрович. Р.Г. Скрынников, также увидевший в СЛ следы заимствований из этого памятника, разделял мнение Е.И. Дергачевой-Скоп, полагавшей, что Синодик был создан на основе некой «скаска», составленной по воспоминаниям ветеранов сибирского похода. Протографом как ЕЛ, так и СЛ, Р.Г. Скрынников считал некую раннюю Тобольскую летопись, которая в труде С.Есипова была дополнена сведениями из Хронографа 1512 г., а в СЛ — сообщениями Повести 1626 г. Текстологический анализ привел Скрынникова к заключению, что строгановский летописец дополнил Тобольскую летопись прямыми заимствованиями из Летописной книги.

Данное положение вызвало возражения И.Ю. Серовой. Признавая существование общего источника сибирских летописей, она пришла к выводу о более точной передаче текста этого источника в СЛ, что позволило исследовательнице указать на обращение к тексту Летописной книги, которое произошло не на этапе написания СЛ, как полагал Р.Г. Скрынников, а на более раннем: заимствования содержались уже в самом источнике. Таким образом, наличие в СЛ фрагментов, сходных с Повестью 1626 г., — полагает И.Ю. Серова, — обусловлено не дополнением ее источника, а точной передачей его текста, насыщенного прямыми заимствованиями из Летописной книги.

И.Ю. Серова не ставит вопроса о том, что представлял собой первоисточник сибирских летописей, однако она скорее склонна принять версию Р.Г. Скрынникова о существовании Тобольской летописи, составление которой, по ее мнению, можно отнести к 1622—1626 гг., чем мнение С.В. Бахрушина, соотносившего первоисточник с казачьим Написанием. И.Ю. Серовой представляется маловероятным, что Написание, составленное в казачьей среде, могло быть ориентировано на такое чисто литературное произведение, каким является Летописная книга.

Анализ привлеченных нами исследований по вопросу о первоисточнике СЛ и ее месте в истории сибирского летописания показал, что положение С. В. Бахрушина о первичности текста СЛ по отношению к ЕЛ и о существовании общего протографа обеих сибирских летописей, каждая из которых воспользовалась им независимо от другой. Однако не все исследователи склонны вслед за С. В. Бахрушиным видеть в этом первоисточнике казачье Написание. Из рассмотренных в нашей работе версий о возможном протографе СЛ наиболее обоснованной нам представляется точка зрения Т. А. Шашкова, и доводы, приведенные им в ее обоснование, на наш взгляд, убедительны.

Следует отметить, что в исследованиях последних лет выдвинут ряд новых аргументов в пользу более раннего, чем ЕЛ, происхождения СЛ, и независимости ее от произведения тобольского дьяка.

Если вопрос о первоисточнике и заимствованиях СЛ в известной мере остается дискуссионным, то факт использования ее автором материалов фамильного архива Строгановых таковым не является. Однако именно он стал основным в решении вопроса о степени достоверности известий СЛ.

Уже на ранних этапах изучения СЛ исследователи (начиная с С. М. Соловьева и П. И. Небольсина) склонялись к диаметрально противоположным точкам зрения. Одни видели в СЛ, несомненно, ценный источник по ранней истории Сибири, другие не только обвиняли строгановского летописца в фальсификации большинства фактов в угоду своим заказчикам — пермским солепромышленникам, но и отрицали за СЛ значение исторического источника. При этом и те, и другие признавали ярко выраженную тенденциозность СЛ. Ярким примером подобных дискуссий может считаться полемика С. А. Адрианова и А. А. Дмитриева в 1890-х гг., которая получила продолжение в 1940-х гг. в споре А. И. Андреева и В. В. Введенского.

Вслед за А. М. Ставрович, утверждавшей, что автор СЛ сфальсифицировал данные официальных актов (в том числе текст т. н. опальной грамоты Ивана IV Строгановым) в угоду интересам «именитого» семейства, А. И. Андреев считал, что произведение строгановского летописца не имеет какого-либо весомого значения как исторический источник. Он считал необоснованным вывод С. В. Бахрушина о значительном вкладе пермских солепромышленников, как организаторов похода Ермака, в дело присоединения Сибири. По мнению А. И. Андреева, А. М. Ставрович вполне доказательно обосновала, что сведения об участии Семена Аникеевича Строганова в призвании казаков, приведенные в тексте СЛ со ссылкой на опальную грамоту, являются не более чем позднейшей вставкой. Даже если эта информация и содержалась в оригинале грамоты, то А. И. Андреев не склонен считать ее достоверной, т. к. опаль-

ная грамота основана на показаниях воеводы Пеллепицина, не соответствующих действительности. (Пермский воевода, как полагал Андреев, с тем, чтобы снять с себя ответственность за разгром Чердыни, учиненный пелымским князем в 1581 году, приписал Строганову «инициативу» отправки казаков в Сибирь, невзирая на грозившую всему краю опасность. Впрочем, и этот вывод не нов: в свое время подобное положение С. А. Адрианова оспаривал А. А. Дмитриев).

Сведения о связи Строгановых и Ермака, содержащиеся в тексте Нового летописца — крупнейшего памятника московского летописания первой трети XVII в., — А. И. Андреев считал поздней вставкой. Эта вставка, по его мнению, наполнила наряду с другими оригинальный текст НЛ. С. В. Бахрушин, допуская возможность фальсификации некоторых данных СЛ, обусловленной стремлением автора подчеркнуть активное участие Строгановых в организации сибирского похода, упрекнул А. И. Андреева в пренебрежении известиями НЛ и опальной грамоты о роли Строгановых в покорении Сибири. А. И. Андреев счел его обвинения несостоятельными. Самым весомым доводом в пользу тезиса о непричастности Строгановых к организации похода Ермака, по мнению Андреева, является отсутствие упоминания об этом в ЕЛ, которая содержит, как он полагал, самые ранние известия о Ермаке. Аргументы (основанные на палеографическом анализе рукописи СЛ и материалов строгановских архивов) предъявленные А. А. Введенским в защиту тезиса о раннем происхождении СЛ и достоверности ее известий, А. И. Андреев тоже признал неубедительными.

Он подчеркивал, что компрометация СЛ, как исторического источника, идет прежде всего со стороны критики ее известий, а не только происхождения и способов использования летописных и документальных материалов. А. И. Андреев полагал, что СЛ нуждается в изучении лишь с тем, чтобы показать ее несостоятельность как исторического источника, и перейти к ее рассмотрению, как литературного памятника с ярко выраженными идеологическими мотивами (оправдать правомочность претензий Г. Д. Строганова — единственного к 1668 г. наследника семьи и потомка Семена Строганова). Именно в силу тенденциозности его произведения А. И. Андреев отказывал строгановскому летописцу в добросовестной передаче сведений источников, в числе которых была и ЕЛ.

А. А. Введенский не менее категоричен в вопросе о степени правдоподобности сведений СЛ. Он полагает, что бесспорная достоверность «Повести о взятии Сибирской земли» была установлена еще С. М. Соловьевым, А. А. Дмитриевым и противоположное суждение А. И. Андреева, преимущественно основанное на расхождении в известиях о походе Ермака, несостоятельно. По мнению А. А. Введенского, не стоит отвергать указания СЛ об участии Стро-

гановых в организации Сибирского похода лишь на основании отсутствия подобных сведений в ЕЛ.

Расхождения в текстах ЕЛ и СЛ в описаниях похода А.А. Введенский объяснял тем, что автор последней изложил события подготовки и начала экспедиции Ермака в пределах строгановских владений в Западном Приуралье, тогда как С. Есипов описал обстоятельства похода в Восточном Приуралье. Дьяк архиепископского дома мог и не знать о внутренней жизни вотчин пермских солепромышленников, тем более, что выяснение роли Строгановых в присоединении Сибири не было необходимым звеном его концепции, отражавшей интересы Тобольской епархии. Поэтому А.А. Введенский счел возможным говорить о равноценности СЛ и ЕЛ как исторических источников.

Вслед за А.А. Введенским суждения А.И. Андреева о достоверности известий СЛ и нам видятся несколько поверхностными, а приведенные им возражения сводятся к развернутым ссылкам на работы С.А. Адрианова и А.М. Ставрович. Следует отметить, что в работах последней четверти XX в. вопрос о достоверности СЛ отступает на второе место. Доминирующее значение приобретают вопросы о предполагаемом протографе СЛ и ее авторе.

Общепринятым считается мнение о том, что автором СЛ явился некий приближенный к Строгановым или, по меньшей мере, их служащий, имевший доступ к семейным архивам. Есть основание думать, что автором СЛ мог быть представитель «служилой интеллигенции» из окружения Строгановых, пользовавшийся их доверием и наделенный конкретными полномочиями. Однако еще в первой трети XX века была предпринята попытка атрибутировать этот памятник конкретному лицу.

Одним из первых с подобным предположением выступил С.Ф. Платонов. В числе возможных авторов СЛ он назвал кн. И.М. Катывева-Ростовского. Будучи тобольским воеводой в 1609—1612 гг., он вполне, по мнению ученого, мог заинтересоваться вопросом о завоевании Сибири и заслугах в этом деле Строгановых. Но сопоставление СЛ с Повестью 1626 г. — приведением самого Катывева — заставило Платонова отказаться от мысли о возможном авторстве князя в отношении СЛ в пользу С. Кубасова, в свое время трудившемся над Хронографом. По мнению С.Ф. Платонова, он мог с тем же успехом участвовать в работе над СЛ, если принять во внимание сведения о его биографии. Однако исследователь признал, что гипотеза об авторстве Кубасова, хотя и имеет право на существование, маловероятна.

А.М. Ставрович же полагает, что Кубасов был автором как Повести 1626 г., неверно атрибутированной в свое время кн. Катывеву, так и со-

ставителем СЛ. Об этом свидетельствует совпадение ряда фрагментов текста СЛ с Повестью о Смуте. Последующие исследования текста Повести 1626 г. показали несостоятельность выводов А.М. Ставрович. Ранее неизвестный список этого произведения содержит конкретное указание на то, что к истории его текста был причастен кн. С.И. Шаховской.

Р.Г. Скрынников предположил, что Шаховской принял участие в составлении первоисточника СЛ, а, возможно, и ее самой в бытность свою в Тобольске в 1628 — 1632 гг. Именно в это время тобольские книжники могли обратиться к князю, чей литературный талант был хорошо известен, за помощь в работе над сибирской летописью.

Однако Р.Г. Скрынников признает, что определенных указаний на причастность Шаховского к литературной работе при Тобольском владычном доме нет, хотя именно к этому времени, по палеографическим данным, относится создание СЛ. В эти же годы Строгановы предприняли попытку упорядочения семейных архивов. Возможно, что Шаховской мог принять участие в этой работе.

И.Ю. Серова, определившая, что заимствования из Летописной книги перешли в СЛ не напрямую, а через посредство ее источника, несколько иначе ставит вопрос об авторстве СЛ. На ее взгляд, речь должна идти не о единстве Повести 1626 г. с автором СЛ, а о единстве последнего с автором общего источника сибирских летописей. В целом И.Ю. Серова относится скептически к возможности атрибутировать как Повесть о Смуте, так и СЛ. Она справедливо замечает, что известны случаи, когда одно произведение строилось по образцу и на материале другого, но при этом оба сочинения имели разных авторов. Однако И.Ю. Серова не отрицает, что кн. Шаховской мог создать некий исторический труд на основе Синодика или Написания, который впоследствии использовал автор СЛ.

Т.А. Шашков, принимая в целом гипотезу И.Ю. Серовой, вносит в это построение некоторые уточнения. По его мнению, если Шаховской и принимал участие в создании протографа СЛ, то не в 1622—1625 гг., т.к. не прожил в ссылке и года, а был прощен и вернулся в Москву. Летописная книга была создана им, скорее всего, в 1625—1627 гг. — на эти годы приходится пик творческой активности князя. В 1630-х гг. он снова оказался в Сибири и, имея при себе Летописную книгу и повествовательную часть Написания, вполне мог создать произведение, один из списков которого он оставил в Тобольске, а другой, на пути в Москву, отдал кому-то в Сольвычегодске. Так это произведение могло, по мнению Т.А. Шашкова, стать источником СЛ.

Итак, большинство исследователей признали СЛ ценным источником по истории Сибири, памятником первой половины XVII века, созданным на основе общего с ЕЛ протографа, семейных архивов Строгановых и ряда дополнительных источников, призванным утвердить мысль о весомом вкладе именитых людей Строгановых в дело присоединения Сибири к Московскому государству. Попытки атрибутировать этот памятник конкретному лицу, предпринятые некоторыми авторами в конце XX века, как и более ранние, по ряду причин не могут считаться достаточно обоснованными.

Литература

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М., Л., 1960. Вып. 1: XVII в.

- Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
 Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962.
 Платонов С.Ф. Старые сомнения//Сборник статей в честь М.К. Любова. Пб., 1917.
 Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири в первой половине XVII в.: истоки русской сибирской литературы. Новосибирск, 1973.
 Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания//Вопросы истории. 1970. № 12.
 Серова И.Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей//Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1982.
 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.
 Ставрович А.М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись: Новые мысли по поводу старых сомнений//Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922.
 Шашков Т.А. Погодинский летописец и начало сибирского летописания//Проблемы истории России: От традиционного к индивидуальному обществу. Екатеринбург, 1996.

В.Н. Зубов

К оценке роли С.В. Бахрушина в изучении русско-сибирских отношений XVI века*

Одним из крупнейших отечественных сибиреведов является С.В. Бахрушин.

Еще в 1916 г. была опубликована его первая статья по истории Сибири — «Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова». По подсчетам П.П. Башарина, с 1922 по 1955 гг. исследователем было опубликовано более 40 книг, статей и рецензий С.В. Бахрушина по этой проблематике.

Для трудов этого ученого характерны насыщенность богатым фактическим материалом, тонкое и глубокое понимание содержания источников, проницательность и реалистичность мышления.

А.П. Окладников и А.Н. Копылов считают, что бахрушинские «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.» отмечены приступом «к изучению конкретно-исторических проблем Сибири», тогда как сам С.В. Бахрушин думал, что именно начало работы над этими вопросами в теоретическом плане привело к осознанному переходу к конкретно-практическим изысканиям на последующих этапах творчества. Те же исследователи считают, что С.В. Бахрушин «первый обра-

тился к изучению деятельности в Сибири торгово-промышленного населения, главным стимулом якобы русского продвижения в Сибирь в XVI—начале XVII вв. были несметные пушные богатства этого края». (Кстати, именно эту тенденцию, правда, в зачаточной форме, отмечал С.В. Бахрушин у Г.Ф. Миллера). Очень важно, что А.П. Окладников и А.Н. Копылов увидели корреляцию «рассмотрения деятельности русских торговцев и промышленников в Сибири у Бахрушина с изучением проблемы образования всероссийского рынка, проблемы, которая занимала в его общеисторических интересах и воззрениях центральное место. Эта тема у него проходит через всю творческую биографию, начиная с 20-х годов».

Решающей движущей силой событий, в результате которых Сибирь стала частью территории Русского государства, С.В. Бахрушин считал торгово-промышленных людей.

Л.М. Горюшкин и Н.А. Миненко представляют его концепцию следующим образом: «Ходившие из года в год за Урал русские купцы и охотники проторили дорогу, постепенно обрастающую слободами и зимовьями, за ними на восток продвигались крупные предприниматели — Строгановы, которые с 1574 г. приступили к «плановому» завоеванию Сибири и, в частности, снарядили экспедицию Ермака; только после захвата столицы Сибирского ханства — Кашлыка наемными войсками Строгановых в дело вступило правительство. Москва вступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое предприятие и организовать управление вновь присоединенными областями».

В журнале «Вопросы истории» (2001, № 5) была опубликована статья А.Г. Бахтина «Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России», в которой автор причисляет С.В. Бахрушина к той группе историков, которая основную причину вхождения этих земель в состав Московского государства «видит в необходимости борьбы с внешней агрессией. При этом экономическим причинам уделяется несущественное место или о них вообще ничего не говорится». Больше во всей статье ни слова о вкладе С.В. Бахрушина в изучение данной темы. Невольно возникает вопрос: оправдан такой подход при исследовании русско-сибирских отношений XVI века? Ответ на данный вопрос — одна из задач настоящей работы.

Н.И. Никитин обращает внимание на то, что С. В. Бахрушин ярко и конкретно рисует ход русского продвижения за Урал, «выделяя его основные этапы и потоки, останавливаясь на особенностях колонизационного процесса на различных участках этого великого пути. Целая галерея образов отважных землепроходцев и первых засельщиков «сибирской у крайны» встает перед читателем». Исследователь отверг упреки в адрес С. В. Бахрушина относительно преувеличения отрицательных черт колонистов, например, их жестокости и алчности.

В историографии сложилась неоднозначная оценка воззрений С. В. Бахрушина. Так, его современник Г. Красинский считал С.В. Бахрушина прямым продолжателем традиций «дореволюционной, буржуазной» историографии, со ссылкой на «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII веке» (1928 г.) объявлял его сторонником идеи о том, что «покорение Сибири — дело только казачьей дружины, без всякого участия в нем Строгановых».

О. Н. Вилков особо подчеркивает, что С.В. Бахрушин признавал «основной силой, обеспечившей присоединение и первоначальное освоение Сибири, торгово-промышленных людей из северно-поморских уездов, которые шли туда преимущественно под руководством «крупных торговых людей», снаряжавших промысловые партии на началах покрупты». В представлении О. Н. Вилкова крупный ученый «недооценил деятельность самостоятельных мелких промышленников, преувеличив роль крупного торгового капитала». Недостатком концепции С.В. Бахрушина исследователь также объявляет недооценку роли централизованного феодального государства в деле присоединения и освоения Сибири». Достоинство же исследований С.В. Бахрушина О.Н. Вилков видит в «детальном обследовании путей русского продвижения за Урал и самой канвы событий, приведших к включению Севера Азии в состав Русского государства. О.Н. Вилков далее отмечает, что «побудительные причины переселения в Сибирь С.В. Бахрушин вывел не из пресловутой «привычки к бродяжничеству» русского человека, а из сферы сугубо материальной, проанализировав характер складывающихся на промыслах социальных отношений, определив их «как примитивную форму найма» мелкого промышленника на промыслы «к богатому предпринимателю», «предприимчивому капиталисту», по договору, связанному с «займом». Исследователь также думает, что «именно С. В. Бахрушин нанес своими работами окончательный удар длительное время господствовавшей в исторической литературе теории исключительно военно-правительственного присоединения Сибири».

А.М. Дубровский, напротив, заслугой крупнейшего историка-сибироведа первой половины XX века считает «построение оригинальной схемы местного летописания и анализ течений дво-

рянской и буржуазной науки». О значении собственно концепции С.В. Бахрушина «присоединения Сибири к России» исследователь не говорит.

Г.П. Башарина предложила четкую периодизацию изучения творческого наследия С.В. Бахрушина. В первый период (1950—1960-е гг.) авторы выявили проблематику, источниковедческую и фактическую основы исследований ученого, эволюцию его взглядов. По мнению исследовательницы, именно в это время зарождаются два направления в историографии научной деятельности С.В. Бахрушина: «изучение места трудов С.В. Бахрушина в историографии Сибири», и расширение проблематики до общероссийской в творчестве С.В. Бахрушина. Именно в тот период историографами первого направления исследователь критикуется за недооценку роли крестьянства в колонизации Сибири. В заслугу представителю второго направления — А.А. Зимина, — исследовательница ставит появление представления «о сибирских истоках разработки Бахрушиным темы о рыночных связях на территории Русского государства». Второй период в историографии творчества С.В. Бахрушина, по мнению исследовательницы, длится с 1970-х гг. и до начала 80-х годов. Г.П. Башарина справедливо отмечает, что «с самого начала своей сибиреведческой работы (С.В. Бахрушин — В.З.) рассматривал Сибирь как часть России, в полной мере участвующую в общерусском историческом процессе». Исследовательница предположила, что работы С.В. Бахрушина «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века и «Основные течения сибирской историографии» «являются, видимо, публикацией лекций по соответствующим разделам программы», составленной исследователем для изучения проблем истории Сибири. По мнению исследовательницы, С.В. Бахрушин в противовес «дворянско-буржуазным исследователям» «подчеркивал исторически важную задачу выхода России к Ледовитому и Тихому океанам». Особо примечательно допущение Г.П. Башариной о том, что «разработка С.В. Бахрушиным истории коренных народов Западной Сибири в этот период (30-40-е гг. — В.З.) явилась осмыслением с новых методологических позиций (с позиций марксизма — В.З.) материала, изложенного им ещё в рукописи 1922 г.».

В историографии 70-80-х гг. XX века эта концепция ученого «о завоевании торгово-промышленными людьми Сибири» подверглась резкой критике за, во-первых, чрезмерную переоценку роли торгово-промышленных людей вообще, и Строгановых в особенности (считалось, что «эти люди сами зависели от государства и не располагали достаточными средствами и людскими ре-

зернами для того, чтобы служить решающей силой событий включения всей Сибири в состав России); во-вторых, игнорирование роли народа в сельскохозяйственной колонизации — переселения крестьян и ремесленников, а также, пополнения за их счет приборного служивого населения; в-третьих, рассмотрение включения Сибири в состав России как процесса завоевания (насиленного присоединения).

Что касается второго пункта критики концепции С.В. Бахрушина, то ещё В.И. Шуилов полагал, что «к моменту прихода русских (прежнее земледелие — В.З.) оказалось разрушенным. Сохранившееся до прихода русских земледелие имело примитивный характер. Будучи в большинстве мест мотыжным с малыми посевами и небольшими урожаями ограниченного состава культур (просо, ячмень, изредка пшеница), дорусское земледелие, повсеместно дополнявшееся собирательством, не могло удовлетворить потребности в хлебе местного и русского населения. Русскому земледельцу, знакомому с употреблением сохи и бороны, применявшему трехпольный севооборот и удобрение, пришлось в этих местах заново осваивать земледелие». Правда, как замечаете. Н. Вилков, ученица В.И. Шункова З.Я. Бояршинова «упрекала Бахрушина за чрезмерное преувеличение торгово-промышленной струи в русской колонизации», за то, что он «прошел мимо деятельности русского земледельца». О. Н. Вилков тщательно опровергает эту позицию исследовательницы. Он находит, что «необоснованно оценки, данные С.В. Бахрушиным первоначальному этапу, переносить на последующий период и приписывать исследователю, что он преувеличил роль торгового капитала».

Насколько справедлива такая оценка концепции С.В. Бахрушина применительно к Сибири середины XVI века?

Если говорить о первом упреке, думается, он несправедлив, свидетельством чему является жалованная грамота Ивана Грозного Строгановым от 1558 г.

Что касается игнорирования С.В. Бахрушиным роли народных масс в освоении Сибири, то исследователь предусматривал специально проанализировать эту проблему в рамках «изучения внутренних процессов колонизации».

Относительно третьего «недостатка» концепции С.В. Бахрушина следует подчеркнуть, что сам ученый не разделял столь узкий подход к процессу присоединения Сибири к России. В статье «Задачи исторического изучения Сибири» он писал: «Нас интересует не последовательный ход военного продвижения, даже не военное продвижение само по себе. Нас интересуют действующие силы мирного присоединения страны, завоевание не мечом, а трудом и культурой».

Зачастую забывают, что С.В. Бахрушин в своих трудах дал целостное представление как о процессе присоединения Зауралья к России, так и состоя-

нии населявших его народов накануне и в то время.

Отдельная книга исследователя даже так и называется «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.» (1935). Следуя «Большому чертежу», С.В. Бахрушин приходит к выводу о том, что «понятие «Югорской земли» выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Племенам же, известным раньше под именем Югры, с XVI века присваивается татарское название «уштяк» или «остяки». Исследователь подметил частую случайность употребления обоих терминов (остяк и вогул — В.З.)- Исследователь на основании наличного корпуса источников пытается осуществить локализацию отдельных племен и даже определить их крайне приблизительную численность. Основываясь на летописных сообщениях о походе князя Ф.М. Курбского и более поздних сообщениях, С.В. Бахрушин приходит к выводу, что «древние югорские» княжества XV—XVI вв. «очень мелкие; очевидно, в некоторых городках было по нескольку князей». Чуть далее исследователь предполагает, что «очень рано, однако, можно заметить тенденцию к объединению этих княжеств в более обширные единицы». Естественность этого процесса С.В. Бахрушин объясняет тесными родственными связями князей друг с другом. Так, для XVI века, например, С.В. Бахрушин подсчитал, что «с белогорским князем Самаром было в сборе восемь князей; таким же большим князем был во времени Ермака на нижней Оби кодский князь Алача».

Говоря об экспансии Строгановых, исследователь подчеркивает «далеко небезропотную позицию манси», нашедших союзников в лице строгановских крестьян и мелких служивых людей.

С.В. Бахрушин сумел установить сотенную организацию у большинства местных народов, в частности, у пелымских манси «в царстве Кучума», в которой видел наследие «татарского владычества». По мнению ученого, «каждая сотня состояла из двух или более юртов и представляла совершенно условную величину без всякого соответствия с наличным числом входивших в ее состав людей». С.В. Бахрушин подметил, что эти сотни постепенно сливались в более крупные образования во главе с «великим князем». Исследователь также дает краткую характеристику наиболее крупным таким объединениям XVI века, которые (что, на его взгляд, вполне логично) участвовали в войнах друг с другом и вступали в отношения с другими государствами.

Исследователь констатировал, что в XVI в. «небольшие мансийские и хантские княжества (Кодские и Обдорские — В.З.) попали в зависимость от татарских ханов, господствовавших у слияния Иртыша с Тоболом». Эта зависимость, в оценке С.В. Бахрушина, была очень поверхностна, ограничивалась уплатой ясака и некоторой военной помощью сибирским «царям».

По заключению С.В. Бахрушина, «отношения между Москвою и ее югорскими вассалами в XV—XVI вв. «определялись царской грамотой 1558 г. Москва принимала князей Югорской земли под свое покровительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати», и в обмен требовала дани со всякого человека по соболю, грозя в случае неповиновения «вострою саблею». С точки зрения С. В. Бахрушина, русское правительство использовало кодских князей для подчинения соседних с ними остяцких и югорских племен. Поэтому местная княжеская династия сохранила свою власть и после присоединения земель по нижней Оби к Русскому государству.

С.В. Бахрушин сформулировал тезис о том, что «русские государи просто «перевели» на себя ясаки», до тех пор уплачиваемые их предшественникам (татарам — • В.З.}»- По его словам, «чрезвычайно облегчился сбор ясака тем, что во многих случаях на местах еще до русских существовал известный учет ясачного населения, и сибирский царь Едигер уже сообщал царю Ивану точное число подданных, с которых он обязался давать дань».

Ученый также показал, что Пелымское ханство нельзя воспринимать как нечто единое. Как самостоятельные части в него входили Конда и Табары.

Итак, бахрушинская концепция «присоединения Сибири к России» не сводится только к завоеванию Московским государством зауральских земель, она учитывает комплекс факторов, в том числе способствующих мирному вхожде-

нию Сибири в состав Русского государства. Большинство возражений С.В. Бахрушину относительно его концепции нельзя признать весомым. На наш взгляд, видение русско-сибирских отношений XVI века благодаря использованию этой целостной концепции становится более логичным и многогранным. Следовательно, без неё нельзя обойтись при рассмотрении проблем в изучении данной проблематики русско-сибирских связей времени Ивана Грозного.

Литература

- Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1943.
Бахрушин С.В. Основные линии истории обских угров//Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2.
Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.
Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971.
Башарина И.Г. С.В. Бахрушин как историк Сибири. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1982.
Вилков О.Н. Концепции С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI-начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лету/Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1991.
Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода кониа XVI-начала XX века. М., 1984.
Дубровский А.М. Формирование историографических воззрений С.В. Бахрушина//Историография и источниковедение. М., 1978.
Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный//Вопросы истории, 1947. № 3.
Никитин Н.И. История Сибири в трудах С.В. Бахрушина//Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.
Окладников А.П., Копылов А.Н. С.В. Бахрушин как историк Сибири//Бахрушинские чтения. 1966 г. Новосибирск. 1968. Вып. 1.

В. В. Степанова

Немецкие переселенцы в Сибири

Оценка роли и места немцев в колониальной политике России в Сибири в XIX веке не становилось предметом специального исследования. Особый интерес для исследователей представлял сам процесс переселения немцев в Сибирь. Исследование своего прошлого, по мнению Н.И. Смоленского, является важным условием для жизнедеятельности государства. «В прошлом — корни, основания каждой новой исторической эпохи, следовательно, общество не может не считаться с этим при решении многих практических, социальных, политических и иных задач»¹.

Колониальная проблема в XIX веке определяла общественную жизнь всех европейских государств. В начале века сложились три разнородные колониальные системы (голландская, английская, французская). Значительно позже колониальными проблемами занялась Германия. Профессор Г. Кейтген

в своих лекциях в колониальном институте города Гамбурга доказывал необходимость изучения в Германии русской колониальной политикой в Сибири, так как незнание условий русской жизни существенно отражалось на ведении торговых и промышленных дел немецкими купцами в Сибири².

Россия тяжело поддавалась изучению и пониманию. Она противостояла Европе своим климатом, внутренними преобразованиями, религиозными и политическими институтами. Особо отмечался зарубежными наблюдателями, историками тот факт, что в новой истории русский трон не был вакантным и не становился предметом споров³.

Процесс становления колониальной системы России происходил своеобразно, но его влияние на российскую политическую элиту, на менталитет русского крестьянства был определяющим в XIX веке.

Потеря государственной самостоятельности являлась важнейшим признаком создания колонии. Русское государство, навязывая свой контроль, размещая казачьи отряды и своих чиновников, создавая в Москве Сибирский приказ в 1637 году, который Ф. Бродель сравнивает с Советом Индии, формировала именно колониальный тип управления⁴.

Этот приказ создал сибирскую администрацию, находящуюся под полным контролем центральной власти, взял под жесткий контроль торговлю мехом, а позднее золота и других товаров. Удержать полный контроль над торговлей не удалось. Города и ярмарки Сибири превратились в сеть обмена русских и европейских товаров на товары из Китая, Индии, Персии. «Денежные приманки» от торговли в Сибири привлекали торговый капитал русских и зарубежных купцов.

В России официально не пользовались термином «колония». В русских газетах и журналах XIX века много говорилось о колониальных проблемах других стран, но ничего — о колониях России. Русский дипломат Д.П. Татищев (1767-1845) помогая составлять конституцию для Испании, владеющей огромными колониальными владениями, предложил испанцам отказаться от применения этого слова в отношении своих колоний, а именовать их «заморскими провинциями», что, по его мнению, будет способствовать скорейшему разрешению колониальной проблемы в стране⁵.

Однако зарубежная пресса, политические деятели считали, что такие части российской территории, как Кавказ, Туркестан, Киргизская степь, Амурский и Уссурийский край, Сибирь, Камчатка, Курильские острова и Сахалин, Мурманский берег, похожи по экономическим и административным условиям на колонии европейских государств.

Доказательством того, что в Российской империи формируется колониальная политика, стало провозглашение тезиса «Россия не грозит Европе. Будущность и наличие русской расы не на Западе, а в успехах в Азии — естественной области распространения русского влияния»⁶.

Из-за огромных пространств Сибирь превращалась в XIX веке в своеобразную территорию-колонию. Какова роль немцев в этом процессе? Как жили они и трудились в обстановке активной колонизации Сибири? Сыграло ли их переселение в Сибирь в XIX веке негативную или позитивную роль в превращении этого региона в колониальное владение России?

На многие вопросы дают ответы архивные документы и материалы по истории немцев в Сибири (1895—1917), подготовленные Омским государственным историко-архивным музеем, Сибирским филиалом Российского института культурологии и Институтом германских и восточно-европейских исследований в Геттингене.

Опыт взаимоотношений русских и немцев уникален, так как в тесном соседстве германцы и славя-

не прожили многие столетия. Немцы одними из первых стали исследователями Сибирского региона⁷.

Россия создавала особый тип колонии и использовала для этого свои методы управления и формирования колониальной системы. Одним из таких методов можно считать использование немецкого населения для освоения Сибири.

Франко-прусская война ударила по всем слоям немецкого общества, что выразилось в усиливающейся иммиграции денег и людей в США.

В 1864 году переселились в Нью-Йорк 57 тысяч немцев, в 1865 — 82 тысячи, 1866 — 108 тысяч, 1867 — 115 тысяч, 1868 — 104 тысячи. Переселение происходило и в Россию. Многие семьи немцев по разным причинам оказались в Сибири и обосновались в Тобольской губернии*. В 1889 году в Российской империи был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мета! i на казенные земли и о порядке перечисленных лиц означенных сословий, переселившихся в прежние времена». Этим указом, как видно из документов, воспользовалось большое количество немцев, проживающих в Самарской, Саратовской губерниях, на Украине, в Северном Кавказе, Крыму, тем более, что переселенцам предлагались до 15-десятииного надела на одну мужскую душу, денежное пособие⁹.

Переселение немецких колонистов выполняло несколько функций. В первую очередь, с помощью мощного потока немецких переселенцев повышалась «привлекательность» Сибири для российских крестьян, которая всегда присутствовала в российском сознании. «Наверное, правы исследователи — их влекли любознательность, заветная пушнина, доброжелательность безгосударственных племен. Люди стремились обрести свободу — переселения, деятельности, дыхания. Они шли за «синей птицей», утопической надеждой на лучшее будущее, они искали «землю обетованную», а обретали новые физические и моральные тяготы»¹⁰.

Немцы по этому указу основали в Западной Сибири, Акмолинской области и Томской губернии 300 населенных пунктов. К 1915 году в немецких колониях Сибири насчитывалось 80 тысяч немцев, владевших 750 тысячами десятин земли".

С целью увеличения потока немецких переселенцев им предоставляли значительно больше земельных угодий, о чем докладывал министр земледелия и государственного имущества императору в 1895 году: «необходимо отметить, что немецкие колонии в России обеспечены в земельном отношении значительно лучше, чем большинство русских крестьян всех наименований» и считал необходимым «селить немцев если не в одних селениях с русскими, то во всяком случае, в пределах одной волости перемешивать немецкие селения с русскими»¹².

Во-вторых, совместные поселения русских и немецких переселенцев обеспечивали сохранение конфронтации, что облегчало управление огромным

Сибирским регионом. Делопроизводитель земского отдела Сувчинский в 1896 году отмечал в своем отчете: «насколько миролюбивы отношения между представителями великороссов и малороссов, настолько, наоборот, часты и постоянны споры между великороссами и малороссами с немцами... между немцами и оставшимися в поселке русскими ус-танавливаются самые враждебные отношения, у них постоянно бывают споры и драки»¹³.

Столкновения между немцами и русскими происходили из-за быстро растущего количества немецких переселенцев, которые, по мнению русских крестьян, «могут выжить их со своих участков»¹⁴.

В-третьих, немцы привозили свой опыт хозяйствования, который перенимался русскими поселенцами, что высоко ценилось российским правительством. В поселке Адександровка Омского уезда Акмолинской области немцы получали по 70—100 пудов зерновых с десятины, выращивали арбузы, дыни, табак по 60—100 пудов с десятины. Землю обрабатывали привезенными с собой двухлемешными плугами, в которые впрягали по 4-6 лошадей¹⁵.

В записках А. Морозова из Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества отмечаю, что «немецкое население — весьма желательный элемент в Омском крае, как в интересах русского, так и киргизского населения, из-за того, что они привезли навыки гончарного производства, ткачество сарпинки, вытеснившее производство ситца, и многое другое»¹⁶.

Статистические материалы обследования 1911 года, собранные под руководством В.Я. Нагнибеды, и его аналитическая статья отмечают «наличие у немцев инструкторов полеводства, огородничества, скотоводства, их грамотность, культурность, возможность осмысленно ориентироваться в новых условиях жизни»¹⁷.

В Тобольскую губернию немцы-колонисты, по мнению Сосновского — старшего помощника начальника отделения канцелярии Комитета министров, принесли «усовершенствованные приемы земледельческой культуры, поразительное трудолюбие, выносливость, настойчивость в работе. Благодаря такому багажу и оказанной им своевременной поддержке они в короткое время создали здесь целый ряд образцовых хозяйств»¹⁸.

Соседство благоустроенных мызовых и подворных хозяйств, по замечанию многих чиновников, оказывало «заметное культурное влияние на население окрестных поселений».

Важным фактором успешной колонизации Сибири стало разрешение селиться немцам на территориях, которые считались непригодными ни для жилья, ни для земледелия. Такие земли зачастую отдавались без арендной платы, и такой фактор также стал серьезным стимулом в увеличении потока немецких переселенцев.

Технология переселения немцев в Сибирь состояла в том, что первые переселенцы узнавали из официальных изданий сведения о льготах, предоставляемых переселенцам в виде денежных пособий (до 150 рублей), семенных пособий, о трехлетней льготе об отсрочке в армию, быстро продавали имущество и прибывали на новые места. Прописывали очень быстро. Чиновники не чинили никаких препятствий для новых переселенцев, что было удивительно для такой страны, как Россия. Затем немецкие переселенцы рассылали письма родным и знакомым, которые быстро заполняли участки, выделенные немецким колонистам.

Менталитет немцев-переселенцев значительно отличался от русского. В 1902 году Бергенгеймом А. Б. был проведен социологический анализ на основе личных наблюдений и официальных данных по выявлению основных отличий в характере, быте, нравах, привычках немцев и русских. Он отмечает, что запросы у немецких колонистов в два раза выше, чем у русских, которые «ограничиваются мечтой быть сытым, обутым, одетым и возможностью уплатить все налоги»¹⁴.

Немцы тратили на избы и другие постройки значительно меньше, чем русские, которые начинали обустройство на новых землях с постройки избы, а немец — с пашни, размещаясь на первых порах в саманных избах, «поражавших своим изяществом и чистотой внутреннего убранства, с которым не сравнится пятистенные избы у русских переселенцев»²⁰.

Немцы в первую очередь покупали скот, начинали пахать, и лишь обеспечив себе несколько десятин посева, начинали строить настоящее жилище. Они больше тратили на еду, одежду, на корм лошадей и коров.

Особой критике русскими чиновниками подвергались немецкие школы за то, что в них не преподавался русский язык, и они не подчинялись органам образования Российской империи, имели собственные программы и методы воспитания.

Колонизационная политика в Сибири с помощью «немецкой колонизации» вызывала критику русских чиновников, высказывающихся против «заполнения сплошных районов чуждых нам по крови и духу элементами»²¹.

Генерал-лейтенант А.Н. Сухотин предупредил Акмолинского **генерал-губернатора** о том, что русским переселенцам необходимо уделять «более забот, вследствие малой обеспеченности их земель в Европейской России, почему к вопросу о водворении иноземцев необходимо относиться внимательно»²².

Сибирь в XIX веке сочетала колониальный статус, определяемый русским правительством, с инновационными процессами, происходившими под влиянием политики переселения в этот регион представителей разных культур и традиций. Основными

стимулами, которые привели Россию в Сибирь, считаются экономические. Но нельзя сказать, что эти надежды сразу оправдались. Для получения доходов нужны были крупные вложения для разведки природных богатств, создание коммуникаций, приспособления местной экономики к нуждам России, для подавления протеста коренных жителей и переселенцев и изыскания эффективных способов, чтобы заставить их работать на колониальную систему. Все это требовало времени. Российская элита, не получив одномоментных выгод от колонизации Сибири, начинает отказываться от практики приглашения немецких колонистов, и больше того, в годы первой мировой войны начался процесс ликвидации немецкого землевладения и землепользования. Этот процесс не стимулировал стабильность в Сибири, которая медленно начинает превращаться в придаток российской экономики.

- ¹ *Смоленский Н.И.* Историческое образование и историческая теория//Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 68.
² Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 5 марта.
^{*} *Schmeidler W.F.* Das Russische Reich unler Kaiser Alexander II. Berlin. 1878.S. 180.

- ⁴ *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. С. 470.
⁻¹ *Суслова Н.Л.* Проект испанской конституции русского дипломата Д.П. Татищева//Новая и новейшая история. 2000. №5. С. 228.
⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 30 января.
⁷ *Robel G.* Deutsche Gelerte und ihr Beitrag an der Erforschung Sibiriens 1700-1850. Koln. 1996; *Тимова З. Л.* Источники XVIII века на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока. Л., 1988.
⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 34 марта.
⁴ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917/Сост. П.П. Вибе. Омск, 1999. С. 5.
¹¹¹ *Чистякова Е.В.* Русские страницы Америки. М., 1993. С. 43.
¹¹ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917/Сост. П.П. Вибе. Омск, 1999. С. 6.
¹² Там же. С. 26.
¹³ Там же. С. 27.
¹⁴ Там же. С. 30.
¹⁵ Там же. С. 31.
¹⁶ Там же. С. 41.
¹⁷ Там же. С. 10.
¹⁸ Там же. С. 43.
¹⁴ Там же. С. 77.
²⁰¹ Там же. С. 80.
³¹ Россия и Германия. Вып.1. М., 1998. С. 193.
¹¹ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917/Сост. П.П. Вибе. Омск. 1999. С. 103.

Н.В. Захарова

Подготовка колониального земельного фонда в Тобольской губернии в начале XX века

В последние годы XIX в. начался новый подъем переселенческого движения в восточные губернии России, что было вызвано, во-первых, отменой (в июле 1894 г.) циркуляра министра внутренних дел о приостановке выдачи разрешений на переселение, а во-вторых, началом эксплуатации западных участков Транссибирской магистрали, требовавшей «скорейшего заселения прилегающих к ней местностей». Последнее обстоятельство чрезвычайно облегчало передвижение крестьян Европейской России на Восток. Правительство сознавало острую необходимость освоения огромных пространств, примыкающих к Сибирской железной дороге, и проблема колонизации Зауралья становится с того времени предметом его постоянных забот. Как отмечал А.А. Кауфман, «прежнее холодно-недоверчивое отношение к переселению сменялось стремлением развить сибирское переселение до возможно широких размеров».

В декабре 1896 г. в составе Министерства внутренних дел было учреждено Переселенческое управление, в обязанности которого вменялись принятие конкретных мер к упорядочению переселенческого движения; осуществление общего руководства выдачей разрешений на переселение; распоряжение кредитами, выделяемыми казной на переселенческие нужды; забота об устройстве новоселов в местах водворения; предварительная

разработка новых законодательных актов, регулирующих крестьянские миграции.

Переселенческий закон от 6 июня 1904 г. и дополнение к нему от 10 марта 1906 г. открыли новую эпоху в истории переселенческого движения.

Массовый наплыв переселенцев в восточные губернии заставил правительство приступить к широкомасштабным работам по подготовке колониального земельного фонда в Сибири.

В 1906 году с целью упорядочения переселенческого процесса заселяемые местности выделялись в особые районы, в соответствии с колониальной емкостью и предполагаемой численностью аграрных мигрантов: Томский, Енисейско-Иркутский, Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Амурский, Приморский, Семиреченский, Сыр-Дарьинский и Тобольско-Верхотурский. В состав последнего входили десять уездов Тобольской губернии.

Во главе каждого из районов был поставлен чиновник особых поручений Переселенческого управления, в обязанности которого входило общее руководство землеотводными, межевыми, гидротехническими и дорожными работами, водворением переселенцев и оказанием им соответствующей помощи. Переселенческие районы распределялись, в свою очередь, на несколько подрайонов протяженностью не более 75—100 верст, при колониальной емкости в 5-7 тыс. душевых долей.

Работам по образованию переселенческих участков и землеустройству в том или ином районе предшествовали разнообразные статистико-экономические и изыскательские обследования местности «для выяснения ее естественной пригодности к заселению и возможности такого заселения без ущерба для местного старожильческого (крестьянского и инородческого) населения».

Статистико-экономические исследования осуществлялись губернскими и областными статистическими комитетами, которые были подчинены Центральному Комитету, учрежденному при Министерстве внутренних дел в 1863 году. Главное назначение этих комитетов состояло «в исправном содержании местной административной статистики... в установлении правильнейших способов собирания точных сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах губернии и в проверке и обработке этих сведений». Вместе с тем в задачи комитетов входило составление исторических, топографических, промышленных, сельскохозяйственных, торговых, этнографических и других описаний края. Комитеты имели право снаряжать научные экспедиции, издавать краеведческие труды.

Статистические комитеты, состоявшие при губернаторах, являлись правительственными учреждениями. Помимо неперенных и действительных членов-корреспондентов, принимавших непосредственное участие в сборе сведений и материалов по заданию комитетов, в состав последних входили высшие должностные лица, городские головы, представители купечества и духовенства, а также лица, имеющие возможность «своими познаниями и опытностью принести пользу комитету и изъявляющие готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами».

Для Переселенческого управления в Тобольской губернии, как и в других районах Сибири, комитеты выполняли исследования хозяйств старожилов, а также ранее устроенных и самовольно осевших на свободных казенных землях переселенцев.

В 1903–1904 гг. было обследовано 13 721 хозяйство переселенцев в Сибири и Степном крае, куда входили и уезды Тобольской губернии. Одним из ведущих направлений этих исследований служило выявление степени эффективности переселенческой и землеустроительной политики правительства, ее влияние на хозяйственное развитие сибирского края и положение новоселов, чтобы «выяснить, каких экономических успехов они достигли на новых местах, насколько улучшилось их благосостояние по сравнению с бывшим на родине и, в частности, какие должны были быть установлены нормы домообзаводственных ссуд и другие практические вопросы».

Полученный местными статистическими комитетами материал подвергался обработке и затем использовался для составления практических

рекомендаций при образовании новых переселенческих участков.

Помимо статистических комитетов, в изучении сельскохозяйственного освоения восточных губерний в начале XX вв. активно участвовали научные общества, в частности, Западно-Сибирский Отдел Императорского Русского **Географического** общества и Западно-Сибирский отдел сельского хозяйства. В деятельности этих обществ получили широкое отражение различные аспекты хозяйственного освоения районов Западной Сибири. В ходе экспедиций сотрудники обществ изучали существующие в крае системы земледелия, показатели урожайности зерновых культур, постановку агрономического и ветеринарного дела. Однако вплоть до начала систематических землеустроительных работ в годы столыпинских преобразований подобные исследования не отличались полнотой и регулярностью. Не было выработано стройной и целостной концептуальной программы исследований. Такие исследования, как правило, оставаясь бессистемными, мало что давали в плане компетентного, всестороннего изучения местных условий как Тобольской губернии, так и Сибири в целом.

Наибольшей интенсивности массовые мифации аграрного населения из центра на окраины достигли в годы столыпинских преобразований, когда правительство поощряло переселения, предоставив их участникам целый ряд льгот. Если за 1896–1905 гг. правительственная статистика зафиксировала 1 млн. переселенцев, то в течение восьми последующих лет — 3 млн.

13 декабря 1908 г. в Петербурге под председательством начальника Переселенческого управления Г.В. Глинки, при участии чинов Переселенческого управления, заведующих почвенными и ботаническими экспедициями, заведующих переселенческим делом на местах и местных переселенческих агрономов было проведено совещание, на котором обсуждались вопросы об организации почвенно-ботанических исследований новых областей Азиатской России. По его результатам было выработано заключение, согласно которому: 1) почвенно-ботанические исследования местностей Азиатской России представляли научный материал для суждения о пригодности под заселение земельных угодий, решения вопросов о надлежащей организации агрономических мероприятий; 2) такие исследования в зависимости от характера изучаемых районов и целей могли быть: а) маршрутно-рекогносцировочными на обширных площадях, имеющими задачу установления общих схем распределения и общей классификации почвенно-растительного покрова; б) детальными на небольших участках ради возможно полного изучения почв и растительности данной местности и с составлением почвенных и ботани-

ческих карт достаточно крупного масштаба (10,5 и 2 версты в 1 дюйме); 3) в целях выяснения практических результатов производимых исследований и оценки их значения для целей колонизации, а также для объединения деятельности отдельных партий было признано необходимым сохранить в составе научных экспедиций производителей работ, знакомых с естественными и бытовыми условиями заселяемых местностей; 4) в зависимости от особенностей естественно-исторических условий обследуемых районов в состав научных экспедиций могли включаться и специалисты по агрономии, дорожному делу, гидротехнике, статистике и др.; 5) подлежащие исследованию местности намечались заведующими местными переселенческими районами, что заблаговременно должно было утверждаться Переселенческим управлением, с указанием времени желательного открытия полевых работ; 6) вопросы организации и внутреннего распорядка партий и определение ближайших задач каждой отдельной экспедиции разрешались на совещаниях при местных переселенческих организациях при участии членов экспедиций; 7) непосредственно после окончания полевых работ участники экспедиций сообщали заведующим местными работами сведения о ходе произведенных работ, а также сдавали дубликаты наиболее типичных почвенных образцов и экземпляров растений, собранных при исследованиях, для помещения их в местных музеях в установленном — по взаимному соглашению — количестве отдельных названий; 8) в целях возможно полного согласования научных выводов работ экспедиций по отношению к характеристике обследуемых местностей почвенные и ботанические исследования должны были производиться по возможности совместно; 9) собранный экспедициями научный материал должен был обрабатываться в научных центрах, после чего описания данных почвенных анализов и дубликаты собранных растений, окончательно определенные, препровождались заведующим местными переселенческими районами; 10) результаты работ экспедиций должны были публиковаться под редакцией заведующих экспедициями при Переселенческом управлении и сообщаться местным переселенческим организациям; 11) работы научных экспедиций должны были осуществляться в тесной связи с местными переселенческими агрономическими организациями и по возможности содействовать им в изучении колонизируемых районов в сельскохозяйственном отношении.

Таким образом, была выработана развернутая программа проведения почвенно-ботанических исследований осваиваемых местностей Азиатской России, в том числе уездов Тобольской губер-

нии, — программа, подчиненная определенным принципам и целям.

Придавая весьма важное значение предварительному изучению осваиваемых территорий Тобольской губернии, в которых производились интенсивное водворение переселенцев и землеустроительные работы, администрация и поземельно-устроительные органы обращали и особо пристальное внимание на необходимость обеспечения большей согласованности между различными ведомствами, ответственными за ход колонизационного процесса.

Так, 29 февраля 1908 г. ГУЗиЗ и Переселенческое управление направили к заведующему переселенческим делом и землеустройством в Тобольском районе циркуляр, в котором указывалось, что для устранения недостатков в переселенческом деле «на первое место следует поставить необходимость большей согласованности в каждом районе отдельных работ по разным отраслям колонизационного дела. Всякое несоответствие в ходе землеотводных работ, с одной стороны, и гидротехнических или дорожных, с другой, ведет к тому, что не все запроектированные и отведенные участки могут поступить под зачисление, будучи отрезаны от полосы заселения глухим бездорожьем или оставаясь необследованными в отношении обводнения. При таких условиях землеотводная работа не дает непосредственного результата и, несмотря на необходимость немедленного использования участков, оказывается лишь подготовительной для будущего. Этим объясняется, что из 300 тыс. с лишком долей, запроектированных в текущем году, часть фонда не может поступить под зачисление и не должна быть даже принята к учету». Таких долей насчитывалось до 50 тыс.

При организации работ в 1908 г. заведующим надлежало «поставить себе неперменной задачей согласовать к концу полевого периода съемочные работы с прошлыми в такой степени, чтобы все включенные в земельный фонд запроектированные участки были бы подготовлены и к заселению». Поэтому в тех случаях, когда заготовка участков предлагалась из земель, по отношению к которым не имелось достаточных указаний на возможность их непосредственного использования, межевой работе должно было предшествовать обследование особыми изыскательными партиями, состоящими из производителя работ, геоботаника, гидротехника и дорожного техника.

В качестве примера неудовлетворительной работы землеотводных партий в циркуляре был приведен случай, когда в 1907 г. заведующему одним районом пришлось отказаться от внесения на рассмотрение Временной комиссии ряда уже запроектированных участков только потому, что по анализам почвенного состава, произведенным уже после их запроектирования, возникло сомнение в пригоднос-

ти этих участков для хозяйства. Обращая внимание заведующих на этот факт, ГУЗиЗ настоятельно указывало, что «подобные случаи неумелого направления межевых работ недопустимы в будущем. Как общее правило, должно быть принято, что зачислению в фонд подлежат лишь участки, по почвенному составу несомненно пригодные для сельскохозяйственной культуры, снабженные или снабжаемые надлежащими путями сообщения, а равно обеспечены в водном отношении, причем в тех случаях, когда водные слои залегают глубоко, на участке должен иметься один колодец, обеспечивающий потребности населения в первое время по водворении».

Таким образом, в годы массовых переселений местная администрация, переселенческие и поземельно-устроительные органы в соответствии с требованиями МВД, ГУЗиЗ и Переселенческого управления резко активизировали работу по организации предварительных статистико-экономических и почвенно-ботанических исследований в земледельческих районах Сибири и значительно интенсифицировали ее в свете провозглашенного и проводимого правительством нового курса аграрной политики.

Практические действия по заготовке переселенческих участков и по организации землеустроительных работ в колонизируемых районах Тобольской губернии осуществлялись особыми временными партиями по поземельно-устроительному и землеотводному делу, состоящими из производителя землеотводных и землеустроительных работ, начальника съемочного отделения, топографов, заведующего технической частью, чертежников и подсобных рабочих.

Общее руководство, контроль и проверка работы всех поземельно-устроительных партий в уезде находились в ведении старшего производителя работ — заведующего уездной поземельно-устроительной и землеотводной партией.

В ходе обследований производителем работ выяснялись: 1) история межевания волостной дачи; 2) землепользование сложной общины; 3) порядок землепользования внутри каждого селения; 4) качество угодий; 5) состояние скотоводства; 6) пользование арендой; 7) состояние кустарных промыслов; 8) доход от иных неземледельческих промыслов и 9) возможность образования в даче переселенческих участков.

По результатам обследования производитель работ составлял отчет с описанием волости, предназначенной для развертывания землеотводных работ. Отчет вместе с проектным планом вносился на рассмотрение Временной комиссии по поземельно-устроительному и землеотводному делу, которая после его изучения давала соответствующее заключение.

После обследования местностей, пригодных для освоения, производитель работ с помощью подведомственных ему лиц и лиц, работавших по вольному найму, составлял план в виде карты с отме-

ченными на ней топографическими данными площадей различных угодий (усадеб, пашни, сенокосы, пастбища, лес, неудобные земли, мосты, дороги и т.д.). На план наносилось также примерное расположение в черте усадеб крестьянских построек.

Распределение угодий и отграничение отдельных участков, удобных для устройства селений, производились вначале указанием на плане, а затем на местности. Переселенцы занимали усадеб в последовательном порядке номеров, под которыми они значились на плане. Если между прибывшими на участок первыми «засельщиками» возникали споры из-за выбора предложенных усадеб, те распределялись по жребию.

Предельный размер переселенческого участка не должен был превышать 4 500 десятин удобной земли. Следовательно, общая емкость переселенческого участка не должна была превышать 300 долей, т.е. около 100-150 дворов. Однако на практике допускались многочисленные отступления от этого правила, и переселенческие участки заготавливались в 10—12 тыс. десятин. На каждом таком участке выбиралось место для одного или нескольких населенных пунктов. Величина населенного пункта определялась площадью удобных для обработки пахотных земель.

По мнению П. Березенко, «недостатком практики землеустроительных органов при образовании участков являлось то, что переселенческие участки зачастую не создавались. Отводились большие пространства земель, из которых по мере прибытия переселенческих партий вырезывались один возле другого или вразброс участки, соответствующие числу прибывших переселенцев. Такой порядок создавал большую неравномерность наделения отдельных небольших групп переселенцев, вел к множеству граничных споров и взаимных неудовольствий, к тому, что первые переселенцы получали лучшие земли, оставляя свободными малопригодные для заселения. Следствием этого являлось неравномерная разбросанность населенных пунктов и сравнительно небольшие их размеры. Правительство предпочитало, чтобы переселенческий участок заселялся одновременно и целиком».

Осуществляя техническое руководство межевыми и землеустроительными работами, производитель обязан был в присутствии крестьянского начальника (заведующего тем участком, на котором проводились землеотводные и землеустроительные работы), сельского старосты и крестьян — уполномоченных отданного селения — составить проект отграничения земельного надела при обязательном условии, что его «границы известны населению в натуре и показаны на проектном плане». Затем он же составлял акт о предъявлении земельного надела заинтересованным крестьянам, подтверждающий наличие проекта отграничения земельного надела, подготовленного в присутствии указанных выше лиц

и удостоверяющий ознакомление населения с пределами размежевания земельных площадей.

Все действия по заключению договора, составлению проекта раздела и его исполнению совершались под непосредственным наблюдением заведующего переселением и землеустройством в районе, а для ближайшего исполнения, наблюдения и поверки на месте работ частных землемеров назначался опытный топограф.

Проектные планы по образованию переселенческих участков и внутринадельному межеванию и землеустройству крестьян-старожилов, составленные производителями работ на основе геодезических данных и топографических измерений, вносились на рассмотрение особых Временных комиссий по поземельно-устроительному и землеотводному делу. В состав Комиссии входили председатель — старший производитель работ и пять членов: крестьянский начальник, уездный лесничий, уездный исправник, уездный податный инспектор и производитель работ. В работе комиссии мог принимать участие также чиновник особых поручений Переселенческого управления.

При составлении протоколов комиссия распоряжалась отграничивать участки установкой четких и прочных межевых знаков. При несогласии одного из членов, например, крестьянского начальника, с мнением большинства комиссии или в случае обжалования (в месячный срок) постановления комиссии частным лицом, которым являлся, как правило, доверенный от заинтересованных крестьян, дело переносилось на окончательное разрешение местного учреждения по крестьянским делам — в Тобольское губернское управление.

Сведения о количестве окончательно образованных участков и их размерах передавались в соответствующие учреждения. Списки таких участков по мере их заготовки печатались Переселенческим управлением и рассыпались землеустроительным комиссиям, губернским и областным управлениям по крестьянским делам.

Прибывшие из Европейской России крестьяне направлялись преимущественно в районы, расположенные в земледельческой полосе Тобольской губернии, которая занимала менее 1/3 ее площади. Остальная же территория по своим природно-климатическим условиям либо вовсе не подходила для земледелия, либо была настолько малопригодна, что труд земледельца при том уровне агротехники был нерентабелен. На этой последней территории целиком были расположены Березовский и Сургутский уезды и прилегающие к ним северные окраины Тобольского и Туринского уездов. Естественно, что эти районы отнюдь не привлекали переселенцев.

В 90-х гг. XIX в. большинство переселенческих участков было образовано в степной и лесостепной

зонах губернии. С увеличением численности переселенцев правительство, заготавливая переселенческие участки, получило возможность оказывать значительное влияние на расселение аграрных мигрантов.

Уже с 1896 года и вплоть до столыпинских преобразований землеотводные работы в Тобольской губернии велись главным образом в лесных и болотистых местностях Тарского и Туринского уездов.

В 1906—1914 гг., когда в Тобольскую губернию переселился 173 281 человек, правительство вынуждено было развернуть землеотводные работы в таежных, малодоступных районах губернии. Освоение урманных и таежных пространств требовало существенных материальных и людских затрат. ПА-Столыпин и А. В. Кривошей признавали, что таежные участки — это «недоделанные» участки.

В условиях ограниченного количества необходимого персонала и острой нехватки специальной техники, с одной стороны, и большого наплыва переселенцев, с другой, раскорчевкой угодий и прокладкой проселочных дорог в малообжитых и труднодоступных районах на условиях вольного найма занимались сами новоселы. Так, в 1909 году в губернии размер такого заработка составлял около 80% от всей суммы, израсходованной Переселенческим управлением на эти нужды.

Таким образом, землеотводная политика, проводимая в Тобольской губернии, **способствовала** сдвигу в размещении переселенческого населения в сторону труднодоступных лесных районов земледельческой полосы.

Литература

- Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX—начала XX вв. М., 1993.
- Асаиха Н. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX—XX в. Новосибирск, 1975.
- Березенко П. Формирование сельских населенных пунктов Омской области // Труды Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова. Омск. 1962. Вып. 1.
- Виле П. И. Переселение крестьян Европейской России в Тобольскую губернию во второй половине XIX—начале XX вв. // Изв. ОГИКМ. 1994. № 3.
- Захарова Н. А. Роль ЗСОИРГО в изучении Сибири. История создания и научно-экспедиционная деятельность отдела в 1877—1912 гг. // Изв. ОГИКМ. 1998. № 6.
- Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом 1909 г. СПб., 1910.
- Кауфман А. Л. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. СПб., 1905. № 1.
- Ноздрин Г. Л. Научные обследования переселенческих хозяйств Сибири в конце XIX—нач. XX вв. // Роль науки в освоении восточных районов страны: Тез. докл. и сообщ. Всеросс. науч. конф. Новосибирск, 1992.
- Обзор Тобольской губернии за 1910 год. Тобольск, 1911.
- Общие замечания о Сибири и переселении. СПб., 1897.
- Переселения за Урал в 1908 г. Справочная книжка с картой заселяемых местностей. СПб., 1908. Вып. 41.
- Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб., 1907.
- Соловьева Е. И. Переселенческая политика царизма в период столыпинской аграрной реформы // Общественно-по-

литическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967.

Сорокин А.Л. Научные и просветительские общества Омска в конце XIX—начале XX вв. // Изв. Омского государственного историко-краеведческого музея (далее — Изв. ОГИКМ). 1994. № 3.

Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 580. Оп. 1.

Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910.

Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916.

М. В. Угрюмова

Замена земств Советами на территории Тобольской губернии зимой-весной 1918 года

Советская власть, большевики в 1918 г. стремились использовать городские думы и земства с их аппаратом в своих интересах. Им необходимо было сохранить хозяйственные функции старого местного самоуправления, пока не развернулась соответствующая работа советов. В думах и земствах создавались большевистские фракции. Упразднение волостных земств в Тобольской губернии и замена их, в соответствии с выдвинутым большевиками лозунгом «*Вся власть — Советам!*», волостными Советами начались в декабре 1917 года. Уже на первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земства губернский комиссар В.Н. Пигнатти в своем докладе указывал, что «*большевизм — это болезнь, которую нужно пережить... губерния не могла остаться вне распространения ее. Первым оказался захваченным ею Курган... в декабре 1917 г... и выразился он в разгоне волостных земств и аресте председателя уездной земской управы*».

Губернское земство еще не было организовано, а волостные земства уже разгонялись, только начав свою работу. Упразднению уездных и губернского земств предшествовала ликвидация волостных. Население неохотно шло за земцами и их сторонниками, чаще поддерживало солдат и противников земства, т.к. народ не успел привыкнуть к земству и оценить его, да и большевики, проводя в жизнь лозунг «*Вся власть — Советам!*», обещали, что при советской власти не нужно платить налоги, их заплатит буржуазия. Так, жители Авазбакаевской волости Ялуторовского уезда в ответ на предложение Тобольской губернской земской управы уплатить недоимку земского сбора за прошлые годы заявили, что недоимка накопилась при царском правительстве, а потому они, авазбакаевцы, платить ее не намерены.

Устранения волостных земств были очень похожи друг на друга. Так, на собрание абалакского волостного земства ввалилась группа пьяных солдат и учинила бурный скандал, после чего члены управы были вынуждены снять с себя какие-либо полномочия, а их место заняли бушевавшие. Подобное случилось и на собрании фоминского волостного земского со-

брания. «*Все перемешалось, все перепуталось в деревне, — писал в «Сибирской земской деревне» секретарь одной из уездных земских управ в марте 1918 г. — Крестьяне не знают, что делать, кого слушать. Много советников, да толку мало. И начали они по-своему творить. Что ни волость, то свои порядки. Намечается стремление к уничтожению земств и замене их какими-то новыми комитетами: революционными, земельными и т. д.*».

Из Тарского уезда губернский комиссар получал следующие сведения: «*Было у нас волостное земство, как и везде, но крестьяне наши говорят, что оно бездействует. Решили упразднить земство и устроить совет. Председателем совета избрали некоего г. Шестакова, но многим... не нравилось, что его избрали, потому что человек он бедный.... (он) сложил с себя обязанности председателя.... избрали человека зажиточного.... и этот сло(жил) с себя обязанности... так что теперь в селе Викуловском нет охотников пойти в председатели волостного совета. А виной всему партийная распря*».

Упразднение земств происходило по решениям съездов Советов различных масштабов, осуществлялось Советами, исполкомами, специальными ликвидационными комиссиями, крестьянскими собраниями. В Тобольской губернии ликвидация волостных земств, как уже отмечалось выше, началась с Курганского уезда. «*В конце декабря 1917 г. в Кургане большевики собрали крестьянский съезд, который под давлением и прямой угрозой приехавшего карательного отряда принял постановление о замене волостных земств Советами*».

Для установления советской власти и ликвидации органов местного самоуправления в Тобольской губернии особое значение имели уездные съезды Советов крестьянских депутатов. Они состоялись 30—31 января в Тюменском уезде, 8 февраля — в Ишимском, 21—23 марта — в Ялуторовском, 22 марта — в Тобольском, 22—28 марта — в Тарском уездах. Большинство перечисленных съездов рассмотрели вопрос о власти и приняли постановление о переходе ее Советам рабочих, солдатских

и крестьянских депутатов, о роспуске городских дум и земских учреждений и создании советских органов управления народным хозяйством. В некоторых местностях земские гласные, боясь расправы большевиков или по каким-либо другим соображениям, сами распускали управы и собрания. Именно так поступили гласные четырех волостных управ Курганского и Тюменского уездов.

В других волостях земства разгонялись самими крестьянами и ими же создавались Советы. Так, самостоятельно разогнали волостную земскую управу крестьяне двух волостей Ялуторовского уезда (Суерской и Лыбаевской) и Липчинской волости Тюменского уезда.

В переменах волостного управления, происшедших снизу или по директиве сверху, опять-таки участие принимали лишь немногие активные элементы деревни. Основная же масса населения отнеслась к очередным нововведениям вполне безразлично. Крестьяне равнодушно, «скептически-насмешливо» смотрели на сменившиеся вы-

вески, т. к. им было все равно, что там написано: «Земская управа» или «Совдеп».

Таким образом, в значительном количестве случаев упразднение земств сводилось к «перемене вывески» и оставляло население совершенно безучастным ко всему происходящему. Тем не менее было и отрицательное отношение населения к новым, заменяющим земство органам. Часто крестьяне выражали недовольство волостными Советами, т. к. в них заседали люди, не имеющие ни кола ни двора, или солдаты, между которыми очень часто происходили вооруженные столкновения.

В целом по восьми уездам губернии весной 1918 г. 36% волостных земств были полностью заменены Советами, 38,6% — частично (волостные земства были дополнены представителями Советов), 25,3% — не претерпели изменений (см. таблицу №1). Все это свидетельствует о том, что массовое создание Советов в деревне в ходе ликвидации полостных земств часто было примитивной административной реформой, простым замещением одних органов власти другими.

Таблица №1. Замена волостных земств Советами в Тобольской губернии весной 1918 года*

Уезд	Количество волостей, где существовало волостное земство к лету 1918 г.	Количество волостных земств, полностью замененных Советами	Количество волостных земств, где состав заменен частично	Количество волостных земств, где не произошло изменений в составе
Тарский	24	12	9	3
Ялуторовский	34	9	16	9
Туринский	16	5	4	7
Ишимский	44	23	17	4
Ткжалинский	26	7	10	0
Тобольский	16	2	4	10
Тюменский	27	12	5	10
Курганский	38	11	22	5
Всего	225	81	87	57

К апрелю 1918 г. некоторые уездные земства властью исполнительных комитетов местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были заменены на особые органы Советов. Так, согласно постановлению исполкома Курганского С.Р.С. и Кр.Д., в уездную управу прибыли члены комитета Климов, Ястрожимский, Бетехтин, Васильев, Солодовников. Они зачитали членам управы приговор, из которого выяснилось, что поводом к закрытию уездного земства было заявление служащего управы Врублевского «о бездеятельности управы». Врублевский все отрицал. Управа заявила, что «протестует против действий уполномоченного комитета, т. к. она выбрана уездным земским собранием и исполняет лишь его

волю и может передать дела только законным порядком земскому собранию или новому составу управы». Тем не менее, уступив силе, Курганская земская управа была вынуждена прекратить свою работу и передать все дела (документы, деньги, имущество и др.) представителям исполнительного комитета Курганского С.Р.С. и Кр.Д. Тюменская уездная земская управа уведомила губернскую, что, заслушав постановление Тюменского исполкома С.Р.С. и Кр.Д. о закрытии земства, она не имеет возможности продолжить свою работу без санкций уездного земского собрания и вынуждена сдать все делопроизводство представителям крестьянских секций Тюменского совета. По другим управам сведений не имеется.

* Таблица составлена по: ТФ ГАТО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18 — 2. ЛЛ. 46-54.; Сибирская земская деревня. 1918. Январь-июнь.

Неразбериха царил во всем. В большей части приказы, указания, просьбы начинались так: «Всем волостным Советам, комитетам и земским управам Тобольского уезда...» Весной-летом 1918 г. ни одно учреждение толком не знало, куда и как посылать запросы и ответы. Например, в мае 1918 г. в Самаровскую волость Тобольского уезда приходили бумаги из различных ведомств губернии с надписями: «Самаровской волостной земской управе», «Самаровскому Совету депутатов», «Самаровскому волостному Совету» и др. Штемпель Тобольской уездной земской управы существовал до мая 1918 г., вплоть до посещения управы чрезвычайным комиссаром, т. е. штемпель существовал, а земства фактически не было.

К 1 апреля 1918 г. в губернии осталось четыре уездных земства: Ялуторовское, Тарское, Ишимское и Тобольское. Пока еще работало губернское земство, очередное заседание которого состоялось 1 апреля 1918 года. Принимая во внимание, что упразднение земских самоуправлений не предусмотрено никакими постановлениями или декретами центральной власти Российской республики, что все это носит характер случайных, не объединенных общим планом постановлений местных революционных организаций, губернская управа постановила: «... стоять на страже земских народных интересов и выполнять постановления земского собрания, и нужно довести это сведение широким кругам крестьян. Необходимо продолжить ассигнование средств на места».

Возникла ситуация, когда губернское земство существовало некоторое время параллельно с губернским совдепом. 31 марта 1918 г. в губернскую земскую управу были произведены довыборы четырех представителей от Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

Исследователь ВТ. Агалаков, занимавшийся в 70—80 гг. проблемой сосуществования земств и Советов на территории Сибири, выделил следующие причины такой коалиции: «Объективной предпосылкой... являлись иллюзии немалой части крестьян насчет земства, наличие в самоуправлении демократического элемента», субъективным фактором являлся «... момент тактического лавирования Советов в трудных условиях далекой российской окраины». Следует добавить, что немаловажной причиной сотрудничества Советов с земствами являлось отсутствие у Советов (как в свое время и у земств) кадров и опыта хозяйственного управления, которые они пытались восполнить в ходе такого сотрудничества.

Весной 1918 г. противостояние Советов и земств в губернии местами достигло большого накала, и даже были факты, когда Советы в своих резолюциях принимали решения о прекращении полномочий общественных организаций

после выборов органов местного самоуправления. В то же время земства помогали Советам и материально. Особенно это было характерно для Советов крестьянских депутатов, в большинстве своем стоявших на эсеровских позициях, в то время как в Советах солдатских и рабочих депутатов все большую роль играли социал-демократы, в т.ч. и большевики.

Признавая «ценность аппарата земства» и недостаток «организованных сил в распоряжении Советов», большевики пришли к выводу о необходимости установления контроля над земством с последующей его реорганизацией. Осознавая свою ответственность перед населением, Советы, как говорилось выше, приступили к захвату местной власти, стараясь на первых порах использовать старые земские отделы.

9 мая 1918 г. в помещение Тобольской губернской управы явилась вооруженная комиссия в составе председателя Пейселя, секретари Назарова, членов Коровина и Берсенева. Членам управы было предъявлено удостоверение исполкома С. Р. С. и Кр. Д. о том, что прибывшие люди уполномочены на роспуск губернского земства. Представители совдепа заявили, что все выборные члены управы лишены своих полномочий и потому должны сдать дела управы. Члены управы (Н. Грибанов, Е. Писаревский, К. Бабич, А. Серков) были вынуждены сложить с себя обязанности по дальнейшему ведению земского хозяйства.

10 мая на общем собрании все члены управы приняли резолюцию, в которой выразили протест против роспуска Тобольского губернского земства. Служащие решили оставаться на своих местах, не прерывая неотложной работы по обслуживанию культурных, хозяйственных, экономических нужд двухмиллионного населения губернии. Позднее управа, обсудив требование, приняла резолюцию, в которой заявила, что «как правомочный ответственный орган, избранный чрезвычайной сессией губернского земского собрания, свои полномочия и вверенное ему земское хозяйство может передать только губернскому земскому собранию, избранному всеобщим избирательным правом».

Весь май и первую половину июня 1918 г. продолжался процесс «совместного управления на паритетных началах», бывший, по сути, процессом передачи дел земскими служащими Советам и переподчинения отделов. Недостаток компетентных кадров у большевиков заставлял их мириться с тем, что личный состав многих новых «советских отделов» состоял в большинстве из бывших служащих земства.

Ликвидационная комиссия по роспуску Тобольской губернской управы постановила принять бывших членов управы Писаревского, Сыркова, Бабича на должности заведующего статистичес-

ким отделом, заведующего хозяйственным отделом и секретаря соответственно. Все отделы остались не расформированными, за исключением строительного и юрисконсультского.

Особое значение в уничтожении земских органов, а также в укреплении Советов, превращении их в органы государственного управления на местах, имело образование в декабре 1917 г. при ВЦИК Советов специального органа по управлению и руководству народным хозяйством и экономикой страны — ВСНХ. 23 декабря ВСНХ принял постановление о создании Советов народного хозяйства (совнархозов) на местах.

Создание советского хозяйственного и административного аппарата ускорило ликвидацию городских дум и земств. Отдел местного самоуправления Наркомата внутренних дел еще 24 января 1918 г. разъяснял местным советам: «При существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места» и рекомендовал распустить их там, где эти органы выступают против советской власти, или слить с Советами, где они должны сотрудничать с последними, чтобы «не было двух однородных органов, ведающих одной и той же работой». Но при этом отдел местного самоуправления предостерегал Советы от поспешности в ликвидации городских дум и земских учреждений, предлагая проводить ее только тогда, когда Советы овладеют той работой, которая лежала на органах самоуправления, и привлекут на свою сторону технический аппарат этих органов. К февралю — марту 1918 г. в большинстве мест страны Советы организационно укрепились, создали собственно хозяйственные и административные органы, привлекли на свою сторону значительную часть старых «буржуазных» специалистов. Исходя из этого, отдел местного самоуправления НКВД разослал в феврале 1918 г. указания местным Советам о роспуске повсеместно городских дум и земств.

Большевики, создав Советы как органы власти, через которые партия могла бы осуществлять свою политику, взяли курс на передачу им хозяйственных функций, проведя партийную чистку в Советах. Большевики не желали делить власть ни с кем. Земства, сами достаточно политизированные через партийные фракции, вместе с тем обладали одним принципиальным преимуществом, позволявшим им ставить под сомнения легитимность власти Советов. В отличие от Советов, к осени все земские самоуправления, начиная с волостных и заканчивая губернскими, были выбраны населением на основе всеобщего избирательного права. Советы же формировались путем представительства от собраний, отдельных групп рабочих, солдат, делегатов крестьянских съездов. В исполкомы Советов избирались лидеры политических партий. Земства подчеркивали, что Совет-

ты, «берущие на себя смелость решать участь губерний, представляют собой небольшое случайное собрание рабочих и солдат, и даже избранных не всеми солдатами».

Антагонизм между Советами крестьянских и Советами рабочих депутатов лишь усиливал нестабильность власти на местах. Более того, в органах своей диктатуры большевики, по словам В. М. Краснова, «делали зачастую ставку не на крестьян, составляющих 90% населения, не на рабочих, которых в губерниях был ничтожный процент, а на пришлого, озверевшего на фронте или разложившегося в тылу солдата, обладавшего винтовкой и патронами — реальными атрибутами большевистской власти».

По принципу партийного «демократического централизма» Советы, как органы местной власти, полностью подчинялись центральной. Поэтому Советы, в отличие от земств, где самоуправление было одним из главных начал, нельзя было считать органами местного самоуправления в полном смысле этого слова. После вытеснения из Советов эсеровской, меньшевистской и других партий, большевики превратили их в органы, послушно исполнявшие решения ЦК РСДРП(б). Советы создавались как органы политические, выражающие интересы класса; земства — как органы хозяйственные, отражающие интересы населения. Поэтому до некоторого времени функции Советов и земств не пересекались. Однако чем больше властных функций присваивали себе в ходе мирного развития революции Советы, тем чаще и чаще они вмешивались в управление местной жизнью, претендуя на политическое и хозяйственное руководство. Труднее всего это вмешательство выдерживали созданные недавно волостные земства, а после объявления лозунга «Вся власть — Советам!» конфронтация Советов и земств тем более усилилась.

Наряду с советским вмешательством земское самоуправление испытало еще одно, не менее опасное — «вмешательство улицы, случайной, неорганизованной толпы в деятельность местной народной власти, в действия волостных комитетов и присвоения себе права распоряжаться жизнью и свободой своих сограждан».

Противостояние земств и Советов долгое время связывалось в отечественной исторической науке со стереотипом гражданской войны как войны бедных против богатых, эксплуатируемых — против эксплуататоров, революционно-демократических органов власти — против контрреволюционных, буржуазных. В результате «народ» оказывался на стороне Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, земства — на стороне контрреволюции, жалкой кучки капиталистов, эсеров и некоторой части обманутых ими крестьян и рабочих. На наш взгляд, спекулирование абстракциями

«народ», «буржуазия», «трудовой класс» неоправданно, так как в условиях противостояния большевиков всем остальным основную роль играл не социальный состав различных организаций, будь то земство или Советы, а состав партийный.

В большинстве случаев земские самоуправления Тобольской губернии к лету 1918 г. состояли из крестьянства, а интеллигенции в их составе практически, а в волостном земстве абсолютно, не было. Поэтому о «буржуазности и контрреволюционности» земства можно было говорить условно, что, впрочем, не исключало их почти абсолютного антибольшевизма. Большевики не могли смириться с преобладанием в местных самоуправлениях эсеров, как не могли они смириться с «эсеро-меньшевистскими» Советами, все-российский съезд которых в июне 1917 г. продемонстрировал более чем 6-кратное преобладание меньшевиков над большевиками в Советах России (и, по замечанию А. И. Деникина, «полное отсутствие в них несоциалистической России, то есть подавляющей массы населения страны»). Когда после Октябрьского переворота земства стали центром антибольшевистских настроений, существование их в «Советской России» стало невозможным, несмотря на первоначальное заверение большевиков в содействии органам местного самоуправления. Большевики, захватив власть в столице и арестовав Временное правительство, перешли к захвату власти на местах. На практике это означало ликвидацию органов местного самоуправления и их замену Советами.

Хозяйственная разруха, прекращение поступления сборов с населения и остановившихся предприятий, анархия и изменение форм собственности, осложнявшие сбор налогов, создавали со-вдепам в их работе значительные сложности. Превратившись из разрушителей старого порядка в созидателей нового, совдепы, обрастающие многочисленной советской бюрократией, замороженные демагогической звонкостью революционных фраз, не дающих эффекта в будничной хозяйственной работе с уставшим населением, все чаще вынуждены были прибегать к практике насилия. Организации, получив от большевиков право производить реквизиции, конфискации, обыски и аресты, широко им пользовались с первых дней своей власти.

Народ, для которого весной-летом 1918 г. наступили тяжелые времена смуты и многовластия, в основной массе выжидал: «Чья возьмет?» и действовал, движимый не столько политическими симпатиями, сколько чувством самосохранения. Лишь там, где притеснения властей, убийства и грабежи противоборствующих сторон выводили крестьянина из терпения, он начинал втягиваться в гражданскую войну, пожар которой разгорялся уже в первые месяцы 1918 года.

В условиях углубления политического кризиса, хозяйственной разрухи и потрясения моральных устоев о какой-либо массовой поддержке земств или Советов в губернии говорить не приходится. Более открытая борьба шла в больших городах, где власть была на виду. В уездах и волостях замена земств Советами уже не носила столь принципиального и конфронтационного характера и зачастую осуществлялась путем переименования имевшихся структур. Этим объясняется в основном мирный характер самороспуска либо подчинения Советам многих волостных земств. Другой причиной было тяжелое положение самих земств, поэтому самоустранение было естественным исходом кризиса.

Таким образом, та или иная форма ликвидации самоуправления была обусловлена целым рядом причин, в том числе процентным соотношением активной части бывших фронтовиков к остальной массе сельского населения, степенью расслоения крестьянства в отдельных местах, в чьих руках (большевики или эсеры) находились местные Советы, а главное — насколько сильным и последовательным было влияние большевиков на крестьян, насколько принципиальной была их борьба с соглашателями.

Ликвидация органов самоуправления в регионе происходила по-разному. Там, где влияние большевиков было особенно сильным, все земства упразднялись по решениям съездов Советов крестьянских депутатов. В других местах крестьяне самостоятельно разгоняли земские учреждения и создавали Советы. В третьих — сами гласные объявляли земства распущенными или сливали их с Советами на правах хозяйственных органов последних. В четвертых — формой борьбы с земствами становится переизбрание гласных, изгнание из их среды кулаков, торговцев, эсеров и замена их представителями бедняцких слоев населения, демобилизованными солдатами. В последнем случае выборы производились на народных собраниях, митингах, сходах открытым голосованием. Эти новые организации, продолжавшие часто именоваться земскими собраниями и управами, объявили себя сторонниками советской власти и выполняли все декреты и распоряжения советского правительства и постановления местных Советов, касающиеся их.

На наш взгляд, ликвидацию земских организаций в 1918 г. нельзя рассматривать как крах земской идеи. Будучи близкой по духу естественной самоорганизации общины, земское дело в России имело куда более чем полувековые корни, уходя в тысячелетнюю историю земских соборов и народных вече. Поэтому там, где политическая, финансовая и военная обстановка позволяла, земства легко восстанавливались, развиваясь из сельских сходов либо за счет довыборов и реорганизации Советов, комитетов народной власти и т. д. Часто, в зависимости от политических условий, они назывались по-иному. Однако состав, структура, вы-

борная техника свидетельствовали о том, что эти органы являлись земскими по своей сути. Между тем, отдельные случаи реорганизации земств на волостном уровне в период большевистской власти не восстанавливали всей разрушенной земской структуры. Летом 1918 г. земства, частично уничтоженные, частично захваченные, были разрушены и поглощены Советами. Земские служащие еще работали, самого же земства не существовало.

Литература

Агаюков В. Т. Советы Сибири. Новосибирск, 1978. Архив Русской Революции. Т. 11.

Борьба за власть Советов в Тобольской губернии. Тюмень, 1980.

Вестник отдела местного самоуправления НКВД. 1918. №4. ГАТО. Ф. 261; Ф. 374; Ф. 512; Ф. 878.

Городецкий Е.Н. Борьба народных масс за создание советских государственных органов. Киев, 1981.

Деникин А.И. Очерки русской СМУТЫ. М., 1991.

Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1918. 3 февраля.

Рошевский /7. И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1954.

Сибирская земская деревня. 1918. 3 марта; 6 марта; 8 марта; 12 марта; 28 марта; 30 марта; 12 апреля; 12 мая.

ТФ ГАТО. Ф. 722; Ф. 732; Ф. 745; Ф. 747.

Чугаев Д. А. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата. Москва. 1984.

Л. В. Алексеева

Национальный состав, размещение, социальная организация населения северо-западной Сибири в первой трети XX в.

Развитие финно-угорских народов очень долго протекало по принципу центробежно-разъединительному. Находясь под чужой аластью, они не могли распоряжаться своей судьбой, что затрудняло процессы этногенеза и национальной консолидации.

Вогулы, остяки, зыряне, селькупы и самоеды — народы, населявшие северо-западную Сибирь в исследуемый период. До прихода русских на Урал вогулы и остяки занимали обширные пространства в Печорском крае, а также по верхнему и среднему течению Камы и ее притоков. На нижнем течении Оби (к 1917 г.) они сохранили свой язык и свои бытовые особенности, но многие из них, жившие по Сосьве, Тавде, Конде, уже тогда не говорили на своем языке, а считали себя прирожденными русскими. Лучше сохранили свою самобытность самоеды — лесные и тундровые ненцы, жившие на Крайнем Севере. Зыряне, по преобладающей оценке исследователей, оценивались как наиболее цивилизованные среди северных народов.

Исследования Н.Н. Чебоксарова и Б.О. Долгих по этнической антропологии народов угро-финской языковой группы содержат выводы о том, что, несмотря на их смешанность в глубокой древности, речь не идет об их расовом единстве, отсюда столь разнородные современные народы угро-финской семьи. Разделяя данную точку зрения, попытаемся выделить важнейшие признаки, присущие каждому из северных народов.

Остяки (ханты) — один из малочисленных народов Севера, который расселился в бассейне Средней и Нижней Оби. Они относятся к угорской группе народов уральской языковой семьи. Ханты не однородны в этническом отношении, в их составе исследователи выделяют несколько самобытных групп, различающихся по хозяйственным занятиям, культуре и языку, что достаточно полно освещено в монографии Е.П. Мартыновой.

У остяков выделялось три главных наречия: Березовское, Иртышское и Сургутское. Причем в березовском наречии существовало два говора: Обдорский и Кондинский. По росту остяки крупнее вогулов, но по сравнению с ними вялы и нерасторопны. Однако остяки-казымцы более энергичны и предприимчивы, чем их собратья.

Имеющийся материал о ханты позволяет выделить в составе их этнической территории несколько этнографических ареалов. Этнограф Е.П. Мартынова выделяет пять ареалов: Прииртышский, Кодский, Нижнеобский, Юганско-Пимский, Аганско-Васюганский. Прииртышский ареал охватывает территорию Нижнего Прииртышья (от устья реки Туртас и ниже по Иртышу) и прилегающих местностей в бассейне Средней Оби (до устья реки Лямин). По современному административно-территориальному устройству ареал относится к ХМАО и Уватскому району Тюменской области. Кодский ареал занимает территорию по Нижней Оби от Самарово на север до границ Березовского района. Нижнеобский ареал включает самые северные из населенных ханты территорий в бассейне Нижней Оби с правобережными притоками: Казым, Куноват, Питляр, Собтыеган, Полуй и левобережными: Вогулка, Сыня, Войкар, Сось, а также южное побережье Обской губы с бассейном реки Надым. По современному делению территория относится к трем районам Я НАО и двум ХМАО. Юганско-Пимский ареал включает территорию в бассейне Средней Оби с притоками Пим, Балык, Большой и Малый Юган. Хантыйское население Югана и Пима жило обособленно от ханты, проживающих в соседних ареалах. Аганско-Васюганские ханты проживали по территории бассейна Средней Оби с притоками Тромъеган, Аган, Вах, Васюган. Ваховский район был отдаленным, где русских почти не было, те их единицы, что име-

лись, как указывает М.Б. Шатилов, жили всего в 2-х пунктах — Ларьяке и Охтеурье.

В исследуемый период «остяки на Агане, Тром-Югане и Вахе жили полуоседло: имели зимние постоянные и летние постоянные юрты». Крупными поселениями, где коренное население жило оседло совместно с русскими и другими народами, являлись с. Сургут (1307 человек), с. Тундрино (405 человек), д. Кушникова (294 человека), с. Покур (213 человек), с. Локосово (200 человек). Однако большая часть ханты к тому времени вела полукочевой и кочевой образ жизни. Со времен В.Ф. Зуева, согласно которому в жилищах остяков проживало по три-пять семей вместе, к началу XX века существенных изменений не произошло.

Фундаментальные исследования В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной и др. освобождают нас от каких бы то ни было рассуждений насчет особенностей рода у ханты. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина в своей монографии, наряду с другими проблемами, подробно описали и обобщили имеющийся опыт изучения поселений у восточных ханты (остяков) к началу XX в. Стоит подчеркнуть, что существенных изменений в организации поселений у ханты вплоть до середины 1930-х гг. не произошло. У восточных ханты, живших по берегам Юганской Оби, среднего течения Большой и Малой Оби, по притокам: Салым, Балык, Лямин, Пим, Тром-Юган, прослеживается тенденция смешанных с русскими поселений. К примеру, в д. Юган в начале 1930-х гг. было 18 дворов, треть населения составляли ханты. Поселение было основано купцом А.Н. Тетюцким, где он построил богатую торговую усадьбу и церковь. Авторитет купца был непререкаем, особенно среди ханты.

Издавна ханты поддерживали тесные контакты с ненцами. Многие ненецкие роды происходят от хантыйских. Однако между ненцами и ханты существует граница, которая условно проходила в те годы, да и сейчас, по широте лесотундры Нижнего Приобья. Соседство самоедов и остяков носило мирный и взаимовыгодный характер. Лесотундровая граница не столько разъединяла, сколько служила полосой связей между ханты и ненцами. В ее пределах располагались как остяцкие юрты, так и самоедские стойбища.

Другим северным этносом были вогулы (манси) — крепкий и энергичный народ, который жил под восточным склоном Северного Урала, там, где с запада с ним граничили низовья Оби. З.П. Соколова уточняет в этой связи: «Край, где живут манси, расположен между Уральскими горами и рекой Обью. Они расселились по левым северным притокам Оби и Иртыша». Е.Г. Федорова замечает: «Манси были расселены преимущественно по труднопроходимым, покрытым лесом, в большинстве своем (в бассейне крупных рек) заболоченным территориям». Вот как писал о вогулах К.Д. Носилов (1858-1923): «Откуда

он пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов его вдвинули сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое, но его типичные черты — хотя вогулы уже слились давно с монгольскими племенами, заимствовали от них обычаи, верования — еще до сих пор напоминают юг, другое солнце: кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий, выдающийся нос, благородное, открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий, смелый взгляд ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями, передвижениями в великой Азии народов».

К.Д. Носилов изучал образ жизни вогулов в течение 20 лет, и его труды не потеряли своей значимости и сегодня, поскольку содержат богатейший описательный материал о жизни этого народа. Уточним, что в изучаемое время вогулы занимали весь бассейн Сев. Сосьвы, за исключением притоков Вогулка и Малая Сосьва. К югу от устья Сев. Сосьвы, приблизительно до 63 параллели, они сплошь заселяли Малую Обь. Основные поселения вогулов в те годы: Соусланы, юрты Вежакарские, Комудваневские и др.

Интересные сведения о вогулах содержатся в работе П. Степанова: «Вогулы — весьма немногочисленная, вымирающая народность финского племени. Всего более сохранили древние языческие обряды и мифологические предания северные вогулы, живущие по бассейну реки Сосьвы». Выше приведенные сведения подтверждаются также наблюдениями В.А. Варсонофьевой над вогулами, опубликованными в журнале «Северная Азия» в 1929 г., которые свидетельствуют о том, что южные вогулы забыли родной язык, совершенно обрусели, сами отрекаются от своего происхождения и только несколько разрозненных остячко-вогульских и лесных вогульских родов хранят у себя свои угасающие этнические традиции в семейных преданиях, в навыках охотничьего промысла, в подробностях женского быта и технических приемах различной работы.

По описанию П.С. Богославского, вогулы разделяются на поколения, что отличает в этом отношении их от ханты, деревни их состоят по большей части из одной семьи, в которой старостой бывает тот, кто всех превосходит по возрасту. Под понятием «деревни», автор, вероятно имел в виду стойбища, или юрты (несколько чумов, разбитых компактно в одном месте). У вогулов имелось многоженство, равно как и у других северных народов. Отечественная и зарубежная историко-этнографическая литература насчитывает немалое количество работ, посвященных манси. В их числе упомянутая выше книга Е.Г. Федоровой, которая является первым исследованием ряда компонентов традиционной материальной культуры манси, охватывая время с конца XIX—первой половины XX века.

Селькупы — немногочисленный народ, почти не получил отражения в литературе 1920—1930-х гг. Вероятно, отсутствие трудов в те годы объясняется тем, что до революции 1917 г. селькупов относили к остякам. И.Н. Гемуев также подчеркивает, что история селькупов долгое время была вне поля зрения ученых.

Известно, что селькупы издавна населяли бассейны рек Оби, Пура, Таза, а также обитали в таежной части и лесотундре Западной Сибири. О селькупах Верхнего Таза писал Скалой В.Н., один из первых дал детальное описание этого народа. В.В. Лебедев и З.П. Соколова пишут, что ко времени присоединения Сибири к России селькупы занимали территорию по Средней Оби и ее притокам Тыму, Кети, Чае, Парабели, Шегарке, Гулыму. Ими же указывается, что этнографическая группа северных селькупов сформировалась в XVII—XIX вв., при этом подчеркивают, что этническое ядро северных селькупов окончательно сложилось к концу XIX в., когда увеличилась территория, а постоянные брачные контакты основных фамильных групп в значительной степени консолидировали население. Связи северных селькупов в конце XIX в. с населением реки Ваха ослабли, что сократило приток новых семей и, вероятно, отразилось на демографических процессах.

Известно, таким образом, что по месту жительства и хозяйственно-культурному типу селькупы делятся на две группы — южные (оседлые охотники и рыболовы) и северные (кочевые лесотундровые и полукочевые оленеводы, оседлые и полуседлые таежные охотники и рыболовы).

Оленеводы живут на стойбищах по 2-3, до 5 переносных жилищ. Таежные селькупы селятся вдоль рек, на берегах озер. В селении обычно 2-3, до 10 (изредка больше) домов. Слово «селькуп» означает «лесной человек». Для народа характерна территориальная разобщенность.

Езвали не единственной работой, посвященной обским селькупам в 1920-е гг., является статья Е.Н. Орловой, которая, принимая участие в научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби, наблюдала за селькупам и описала их образ жизни.

В 1897 г. северных селькупов насчитывалось 827 человек. По переписи 1989 г. всех селькупов учтено 3,5 тыс. человек.

Весьма интересным и своеобразным народом, несмотря на кажущееся сходство с другими северными этносами, а также довольно многочисленным, были самоеды (ненцы), которые разделяются на лесных и тундровых, или как говорили в начале 1920-х гг. «на каменных (кочующих летом по Ямалу) и низовых (уходящих летом в Гыданскую и Тазовскую тундры). К зиме самоеды перекочевывают к югу, доходя до южной границы Обдорского района. Причем лесные са-

моеды кочуют только в северном подрайоне, главным образом по верхнему течению Пура и Аганскому левобережью, доходя до Сургута. Географическое положение ненцев, как указывал М.М. Броднев, создавало условия их изолированности.

Ненцы относятся к самодийской группе народов уральской языковой семьи, как и селькупы. Ненцы — один из наиболее многочисленных народов Севера. По переписи 1897 г. ненцев насчитывалось 4431 человек. Самоеды жили родами, которые делились на ватаги». Даже в 30-х гг. XX в. ненцы, принадлежащие к одному роду, называли друг друга «нями» — мой брат, совершенно независимо от того, в какой степени родства они находились между собой, жили ли в одной местности, или разделены расстоянием в тысячу километров. Название друг друга братом или сестрой у ненцев не было пустым словом. Все ненцы, принадлежавшие к одной фратрии, не могли жениться на женщинах своей фратрии, признавая их сестрами, хотя кровное родство между ними уходит в далекое прошлое. Для ненцев также была характерна экзогамия и, в некоторых случаях, многоженство. Понятие рода — еркар, повсеместно сохранялось и в 1920-е и в 1930-е годы, происхождение группы родственников велось от общего предка по мужской линии.

Во Всероссийской переписи населения 1897 г. содержится перечень родов каменных самоедов: Окотэтти, Сэрдэтта, Худи, Хороля, Тузида, Няруй, Хуненда, Наречи, Езынги, Вануйта, Пуйко, Тэймя, Югомпелик, Яптик, Ламду, Падоран-Хазово, Ян-Хазово. Потомками каменных самоедов являются современные ямальские и полярно-уральские ненцы.

Самоеды — кочевой народ. В силу того, что кочевой образ жизни связан с постоянными миграциями, ненецкие роды со временем их продвижения в глубинные районы Ямала нередко делились, частично смешивались, колебались в численности. Меняли названия и места расселения.

В конце 1930-х гг. этнограф Г.Д. Вербов на территории Ямала выделял 70 родов.

В изучаемое время, сохраняя традицию, стойбища и юрты во время кочевков располагались друг от друга на значительном расстоянии, чтобы оленям хватало корма и «чтобы олени стада не путались между собой. Кочевание летом вперед совершается на 10—15 верст раз в 2—3 дня, зимой — назад до 35—40 верст два раза в три дня или через день».

«Самоеды кочуют, но каждая семья на определенной речке, не больше 25 верст, обычно гораздо меньше», так сообщалось в одном из приложений к экономическому очерку Тобольского Севера за 1924 г. о самоедах, живущих по реке Пур. Г.Д. Вербов уточняет: «В 1924 г. в области расселения лесных ненцев работала Западно-Сибирская экспедиция Академии Наук, исследования проводила Р.П. Митусова, посетив лесных ненцев на север-

ных притоках Агана и Пура». Десятью годами позже сам Вербов по поручению Комитета нового алфавита народов Севера посетил группу лесных ненцев на северных притоках Агана. По его сведениям, территория обитания этой группы составляла 40—50 тыс. кв. км и охватывала бассейны рек Пура, Надыма, северные притоки Агана и Лямина. Общее число их было невелико — 1129 человек.

В.И. Васильев сообщает, что сравнение материалов переписи 1926 г. с данными дореволюционной переписи показывает значительный прирост тундровых ненцев, которых он считает этнографическим ядром ненецкой народности.

Самоеды (ненцы) населяли самые северные и отдаленные районы, и сведений о них к началу 1920-х гг. было совсем немного. Интересные данные представила экспедиция проф. Городкова (1923—1924 гг.), обследовавшая впервые местность бассейна р. Пур, где ею было обнаружено племя, близкое к самоедам и называвшее себя «Пян-Хасово». Аборигены говорили на ломаном самоедском языке и насчитывали пять родов.

К концу 1930-х г. у ненцев, сообщает Г.Д. Вербов, были налицо признаки рода: экзогамия родовая и фратральная, происхождение по мужской линии, наличие у рода особой территории, жертвенные места рода, институт левирата. Крупными поселениями в Обдорском районе, где проживало смешанное и оседлое население, были: с. Обдорск, с. Кушеват, с. Мужы, с. Хэ, все указанные поселения были сельского типа. При этом следует учитывать, что почти все ненецкое население в 1920-х — первой половине 1930-х гг. вело кочевой образ жизни, а значит, жили на временных и постоянных стойбищах.

Группы северных этносов, живших на северо-западе Сибири, завершают зыряне — рослый и здоровый народ, весьма энергичный и очень жизненный. На Тобольский Север зыряне пришли с западной части Урала. П. Степанов считает, что зыряне очень близки пермякам, и высказывает предположение, что в древности те и другие составляли одну народность. Исследователь указывает, что «зыряне настолько низкорослы, что минимум роста для зырянских рекрут в прежнее время по закону определялся ниже общей нормы на один вершок. Они, однако, очень проворны и ловки: издавна они пополняли кадры лесорубов на уральских заводских лесозаготовках. Среди финских народностей зыряне являются наиболее культурными». Оседлые зыряне проживали в Обь-Надымском подрайоне, совместно с русскими, где составляли большинство в крупнейших поселениях — Обдорске и Мужах. Зыряне-кочевники имели два центра зимнего кочевания в Сынском и Обь-Надымском подрайонах. По левому берегу Оби их кочевья сосредоточиваются вблизи Мужей, распространяясь в сторону Березова. Весной они расходятся по двум главным дорогам, пере-

валивают через Урал и затем, постепенно сближаясь, выходят на летние пастбища Приуральского подрайона. Меньшая часть зырянских кочевых хозяйств рассеивается зимой по Куновату, Полую и верховьям Надыма. Весной они сходятся под Обдорском, откуда по двум основным направлениям, одни через верховья р.Усы, другие — пересекая р. Щучью в ее среднем течении, также выходят к Байдарацкой губе.

Зырян иначе называют коми, или коми-зыряне. Северную группу часто называют «ижемцы», именно под этим названием, преобразованным на ненецкий лад — «нысма», коми известны коренным жителям Ямала. Их язык относится к пермской подгруппе финно-угорской группы уральской языковой семьи.

Первая семья коми-ижемцев обосновалась на берегу р. Ляпин в 1842 г. Через несколько лет на этом месте уже возникла деревня Саранпауль. К 1925 г. в с. Мужы насчитывалось 1305 человек коми, в Обдорском районе — 3810, Березовском — 1140. Всего 5255 человек. В фольклоре о коми-зырянах сложилось мнение как о сметливых хозяйственниках, склонных к торговле и предпринимательству.

Пришлое русское население жило преимущественно в селениях, расположенных по Оби, Конде, Сев. Сосьве, Лямину. Крупнейшие населенные пункты с преобладанием русского населения в те годы: Обдорск, Березов, Сургут, Нижневартовское, Кондинское, Саран-паул, Нахрачи, Леуши, Болчары. Все указанные населенные пункты — сельского типа.

Таким образом, в 1920-х — начале 1930-х гг. существенных изменений в обществах коренных народов, их численности, размещении не наблюдалось, они сохраняли традиционные черты.

Литература

- Броднев М. М. От родового строя к социализму//Советская этнография. 1950. №1.
- Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самойских народностей. М., 1979.
- Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев//Советская этнография. Сб. статей. 1939. Ч. II.
- Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX-начало XX века). Новосибирск, 1984.
- Долгих Б.О. О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири//Советская этнография. 1952. № 1.
- Орлова Е. Н. Современное Васюгапье//Жизнь Сибири. 1926. №4.
- Силин А. Сургутские ханты (Из записи 1932-40 годов)//Югра. 1999. №5.
- Скалон В.Н. В тундрах Верхнего Таза//Советский Север. 1930. №3.
- Соколова З. П. Путешествие в Югру. М., 1982.
- Степанов П. Уральская область. Свердловск, 1928.
- ТОПДНИ.Ф. 30.
- Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб, 1994.
- Чевобоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой семьи//Советская этнография. 1952. №1.
- Шатилов М-Б. Ваковские остяки. Тюмень, 2000.

Общее и особенное в социальной защите населения северных городов

Север России является неотъемлемой частью Федерации, и в результате в основном его социальное развитие идет по общим для всей страны закономерностям. Вместе с тем северные территории России обладают ярко выраженными специфическими особенностями в экономическом и социальном развитии.

Закономерности социального развития России и ее северных территорий соотносятся между собой как общее и особенное. Основными особенностями развития Севера (под «Севером» мы будем понимать районы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) являются следующие:

1. Данный регион — регион с экстремальными климатическими условиями. Вследствие чего до 60-х годов XX века он был крайне мало заселенным. За исключением района Норильска, здесь не было крупных городов и постоянного населения. Сельское население состояло в основном из малочисленных народов, занимавшихся традиционными видами занятий — оленеводством, охотой, рыболовством. У них практически не было постоянных мест жительства (кроме факторий, в которые они наезжали).

Бурное развитие региона началось с 60-х годов — времени освоения нефтяных месторождений Тюменской области, население которой с 1959 по 1989 год выросло с 1 млн. до 3 млн.¹ Таким образом, подавляющее большинство населения стало пришлым. На эти территории с весьма суровыми климатическими условиями их привлекали высокие заработки северян, предоставляемые льготы (ранний выход на пенсию, высокий ее уровень, возможность получения жилья «на континенте» и т.д.). Подавляющее большинство переехавших в эти места работников чувствовали себя временщиками, приехавшими отработать определенный срок. К тому же упор был сделан на освоение нефтяных и газовых богатств Севера с помощью вахтового метода. В связи с этим население представляло собой точечное рассредоточение в немногих городах и рабочих поселках, не связанных друг с другом и разбросанных потайте и тундре. Если в 1959 г. городское население Тюменской области составляло 31,6% всех жителей, то в 1989 г. — 76,0%.² При этом городское население оказалось смешанным в национальном отношении. Сельское население составляли по-прежнему ханты и манси, продолжавшие заниматься традиционными промыслами. Практически никто из них не стал работать в нефтедобыче — главным образом, из-за отсутствия традиций участия в промышленном труде и непривычности к индустриальному, городскому образу жизни.

Таким образом, разделение на город и деревню отражало и сами национальные различия.

2. Освоение нефтяных и газовых месторождений Севера началось в период экономических трудностей, с которыми столкнулось Советское государство. Добыча и экспорт нефти расценивались руководством СССР как средство спасения экономики. В этих условиях стратегия освоения богатств Западно-Сибирского нефтегазового комплекса заключалась в интенсивной эксплуатации недр, в стремлении получить как можно больше от региона, вкладывая в него минимум средств. Именно в результате этого возникла крайне ошибочная политика освоения Севера в основном с помощью вахтового метода. Сотни тысяч людей из Молдавии, Украины, Средней Азии, Азербайджана и областей России летали на две недели в Тюменскую и Томскую области. По мнению Г.Ф. Куцева, «вахтово-экспедиционный метод организации освоения северных территорий не должен рассматриваться как альтернатива традиционному способу. Его использование в значительных масштабах обосновано на определенных стадиях освоения, прежде всего в пионерных условиях, для оперативного приштечения квалифицированных работников из других регионов, для динамичного развертывания в сжатые сроки всей освоительной программы. С самого начала следует заботиться о формировании стабильного ядра производственных коллективов, быстро развивать базовые поселения, социальную инфраструктуру на самом современном уровне»³.

На практике идея «дешевого» освоения нефтяных богатств осуществлялась посредством «экономии» на развитии социальной инфраструктуры. Так, доля капиталовложений в непроемленную сферу в общих объемах капиталовложений в ЗСНГК была на 20—30% ниже по сравнению со средней цифрой по СССР, которая, в свою очередь, тоже была крайне недостаточной⁴. Обеспеченность жильем населения Западно-Сибирского Севера на 15% ниже среднереспубликанского уровня, Восточно-Сибирского — на 17%, на БАМе — на 29%, на Камчатке — на 30%. Недостаточная обеспеченность населения всеми видами социальных благ при экстремальном климате привела к тому, что в ЗСНГК смертность населения в наиболее репродуктивном возрасте и детская смертность в 1,2–1,7 раза выше среднего уровня по России\

Не оправдались и экономические расчеты на получение нефти «дешевым путем». Во-первых, затраты на авиационные билеты для перевозки вахтовиков существенно превысили сумму средств, которая нужна была для полного создания необхо-

димой социальной инфраструктуры, чтобы вахтовики остались на жительство на Севере. Во-вторых, расчет на дешевую нефть не оправдался потому, что вначале добывалась фонтанирующая нефть. Понадеявшись на ее неисчерпаемость, не вкладывались средства на разведку месторождений и их обустройство. В результате этого начала быстро расти себестоимость нефти и газа. Если себестоимость нефти в 1975 году в ЗСНГК составляла 5.2 рубля за тонну, то уже в 1988 — 15.3 (т.е. нефть подорожала почти в 3 раза)⁶. Одним из аргументов в пользу отказа от строительства серьезной инфраструктуры на Севере явился временный характер нефтегазодобывающей промышленности. Считалось, что рано или поздно залежи нефти и газа истощатся, и тогда придется бросить все построенное. Отсюда и установка — строить как можно меньше.

Возможно, и на ЗСНГК необходимо было вести подобную перспективную политику. Однако когда уровень добычи стал неизбежно падать, Север столкнулся с проблемой безработицы, хотя в монофункциональных городах ЗСНГК и так всегда было много безработных женщин (их трудно занять в нефтегазодобыче).

3. Одним из важнейших отрицательных последствий варварского освоения нефтегазовых месторождений Севера в расчете только на экономический эффект явилась экологическая катастрофа. Природа Севера легко ранима. След от прошедшего вездехода зарастает только через несколько десятков лет. В результате низкой экологической культуры мышления у руководства Миннефтегазпрома и других отраслевых министерств на севере Тюменской области добыча нефти привела к уничтожению 28 промысловых рек и 11 млн. гектаров оленьих пастбищ. Все это привело к разрушению среды обитания и жизнеобеспечения-малых народов Севера, к лишению условий для продолжения традиционных занятий северных народов. По наблюдениям В.И. Бойко, директора Института социологии СО РАН, северные народности в процессе многовековой адаптации к морозным условиям Крайнего Севера приобрели специфические черты, способствующие сохранению и экономии тепла, в частности, медлительность движений. А это практически означает, что аборигенам очень трудно приспособиться к другим занятиям, за исключением традиционных. Экологическая катастрофа для них означает социальную катастрофу.

4. Так же, как и по России в целом, на Севере наблюдается ухудшение материального положения населения. По опросу, проведенному в Нижневартовске в мае 1999 г. (N=1200), только 5% горожан никак не затронул августовский кризис (1998). Остальных он коснулся следующим образом (в % к числу опрошенных):

потеряли работу, временно отстранили от работы, отправили в неоплачиваемый отпуск 13

понижили, не выплатили заработную плату 34
 потеряли собственный бизнес 4
 пришлось перейти на худшую работу 7
 потеряли сбережения, сбережения обесценились 35
 деньги «застряли» в банке 6
 пришлось отказаться от покупок, поездок, других планов 73
 попали в безвыходное положение 15
 никак не затронул финансовый кризис 5
 другое 5

5. Ситуация на рынке труда в Ханты-Мансийском округе кардинально изменилась в 1994 году — регион превратился из трудонедостаточного в трудоизбыточный. Треть предприятий провели сокращение штатов. 1998 год был характерен для Нижневартовска небывалым масштабом высвобождения работников. В течение года в управление занятости было заявлено о высвобождении 8 тыс. 300 человек, что в 3,2 раза больше, чем в 1997 году. Число ищущих работу горожан увеличилось почти в 2 раза и составило 11 тыс. 826 человек⁷.

Приведенные выше характерные черты социально-экономического положения Севера обуславливают специфику социальной политики, в том числе одной из главных ее составляющих частей — института социальной защиты населения.

Своеобразие социальной защиты населения в северных городах можно условно разделить по отношению к ее объектам и ее субъектам.

По отношению к субъектам:

— социально-территориальные: все северные территории Тюменской области (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) отнесены к Крайнему Северу, поэтому нуждаются в социальной защите. При этом особого внимания требуют районы преимущественного проживания малых народов Севера, районы экологического бедствия, районы с высоким уровнем безработицы и т.д. Районы проживания аборигенов признаны депрессивными;

— социально-демографические группы: рост ренаселенности на Севере усиливает миграционные процессы и приводит к «вымыванию» наиболее активных слоев населения и квалифицированной части работников. Если в 1989 году на каждые 1000 человек трудоспособных северян приходилось 105 пенсионеров, то в 1995 году их доля почти удвоилась⁸. В Нижневартовске доля пенсионеров на начало 1990 года составляла всего 4.6%, а на начало 1996 года — 9.5%,⁹ на начало 1998 г. - 10.9%. Общая сумма выплачиваемого муниципального пособия в 1997 году по сравнению с 1995 годом увеличилась в 3.2 раза". На 1 января 2000 г. в Нижневартовске зарегистрировано 29170 получателей пенсий, или 12.3% от общей численности городского населения. Рост получателей пенсий за 1999 г. по сравнению с 1998 г. составил 5.5%".

В связи с сужением рынка рабочих мест обостряются и проблемы «молодых пенсионеров» — это женщины старше 50 лет и мужчины старше 55 лет (со стажем работы на Севере более 20 лет), которые могли бы еще трудиться на более «легкой работе». В конце 1999 г. соотношение работающих и неработающих пенсионеров в г. Нижневартовске составило 29,3% и 70,7%¹².

В северных городах всегда был недостаток рабочих мест для женщин. Хотя с приходом рынка и произошло увеличение рабочих мест в некоторых отраслях (сфера обслуживания, банковская система, высшее образование, управление и т.д.), что несколько смягчило последствия сокращения в других отраслях (дошкольное образование, производство и т.д.), но тем не менее среди безработных, число которых постоянно растет, до 80% составляют женщины. При этом наблюдаются две полярные группы: первая — это те, которые могут и не работать, их обеспечивает муж, дети или родители; вторая — это единственные кормильцы в семье (женщина-домохозяйка). Проблема безработицы касается молодежи так же остро, как и женщин. Для решения этой проблемы в Нижневартовске создана молодежная биржа труда.

Основные проблемы детей и подростков связаны с плохим здоровьем, что обусловлено суровыми климатическими условиями, экологической обстановкой, образом жизни. Дети на Севере ведут менее подвижный образ. Поэтому здесь более актуальны, чем на Большой земле, привлечение их к спорту и организация активного летнего отдыха.

В регионе **наблюдается** высокая смертность среди мужчин трудоспособного возраста, связанная как с пьянством, так и с суровыми условиями труда, низким качеством социальной инфраструктуры (условия производственного быта, дороги);

— социально-профессиональные группы: в последние годы доля занятых в производстве на Севере заметно уменьшилась. Вызвано это не только экономическими причинами, но и демографическими — «старение населения», высокая смертность среди мужчин трудоспособного возраста¹³.

Основное производство в северных регионах — добывающая промышленность, работники которой трудятся в суровых климатических условиях, что требует дополнительных затрат на производственный быт и повышенных требований к безопасности труда. Обострилась проблема в северных городах с квалифицированными работниками. Во-первых, их больше среди тех, кто уезжает с Севера. Во-вторых, становится все труднее привлечь квалифицированную рабочую силу на Север, так как привлекательность его как в материальном, так и в моральном плане значительно снизилась. К. Сурков, статс-секретарь, заместитель председателя Ия Госкомсевера России, пишет: «В последние годы меняется генеральное направление миграционных потоков — начался массовый выезд

населения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, что привело не только к уменьшению численности населения, но и к нарушению его структурного баланса. За семь лет районы Севера потеряли за счет миграционного оттока около 1.5 млн. человек, или примерно 14% населения. Наибольшие относительные потери населения в Чукотском автономном округе (более 45%) и Магаданской области (более 30%). Особую тревогу вызывает тот факт, что основная часть выезжающих — экономически активные граждане трудоспособных возрастов. Это ухудшает демографическую структуру населения северных регионов, разрушает его уникальный трудовой потенциал. В то же время социально уязвимые категории населения — инвалиды, пенсионеры, безработные, многодетные семьи, не имея достаточных средств для переезда, не могут выехать из районов Севера самостоятельно, а существующая социальная инфраструктура не способна обеспечить их минимальные потребности, которые в стоимостном выражении превышают среднероссийские¹⁴.

Определенная напряженность среди работающих вызывается большой разницей в зарплате. Остро стоит вопрос об оказании социальной помощи бюджетным работникам — учителям, врачам, работникам культуры и т.п., так как у них доходы по сравнению с работниками промышленности в несколько раз ниже. Так, например, в Нефтеюганске у работников бюджетной сферы средняя зарплата составляла в 1996 г. 1.2 млн. рублей, а у нефтяников — 3.6 млн. рублей. Вряд ли такую ситуацию можно назвать нормальной¹⁵. Здесь уместно будет отметить, что разница в зарплате между профессиональными группами наблюдается и в других регионах России, но она не столь велика. Для компенсации этой несправедливости в Нижневартовском районе ежегодно бюджетникам выделяются средства для осенней заготовки овощей, выплачиваются разовые денежные пособия и т.п. Однако это не решает проблему в перспективе. Это можно расценивать как «латание дыр», поскольку эти меры социальной защиты носят зачастую единовременный характер и не имеют под собой серьезной экономической и правовой базы. Кроме того, они решают проблемы не всех категорий работников;

— социально-национальные группы: к ним относятся малые народы Севера, а также приезжее население, состоящее из представителей самых различных национальностей. Так, например, в Нижневартовске проживают (данные переписи 1989 года) представители 105 национальностей¹⁶.

Особенностями социальной защиты населения северных территорий по отношению к объектам — институтам социальной защиты заключается в следующем:

- в разработке комплексной Федеративной программы по проблемам северных территорий. (Хотя проблемы северян поднимаются как част-

ные во многих общефедеральных программах, например, подпрограмма «Дети Севера» в общефедеральной программе «Дети России»);

- в создании действенного федерального органа — Министерства по северным территориям;
- в формировании ассоциации северных народов;
- в наличии хорошо разработанной законодательной базы и в контроле за выполнением законов, связанных с социальной защитой;
- в учете специфики северных территорий при определении структуры, функций органов социальной защиты как государственных, так и общественных. Например, необходимо иметь развитую структуру по работе с детьми, молодежью и отделы по соблюдению социальных гарантий;
- в усилении территориальных органов социальной защиты посредством передачи им не только властных полномочий, но и материальных ресурсов. В настоящее же время федеральный центр, перекладывая всю ответственность за социальную защиту на субъекты Федераций, старается как можно больше средств сосредоточить у себя. На пресс-конференции, которую провел С. Собянин, председатель Думы Ханты-Мансийского автономного округа, было заявлено: «Сегодня федеральный центр добивается уменьшения той доли собираемых средств, которая остается в распоряжении субъектов Федерации. В частности, снижаются наши поступления от налогов на добавленную стоимость, налога на прибыль и т.д. В то же время увеличива-

ются федеральные налоги, акцизы, таможенные пошлины. В результате идет новый перекося в сторону федерального бюджета. Бюджет 1999 года был просчитан так, что формально мы поделили налоги 50 на 50. Фактически получилось 46 на 54 в пользу федерального центра, и сегодня нас пытаются снова направить по этому пути. В результате мы еще потеряем 5–6% своих доходов. Для нас это серьезные потери. Они приведут к появлению серьезных проблем»¹⁷. Для сравнения отметим, что в Татарстане это соотношение составляет 80 на 20, а в Башкортостане — 60 на 40.

¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., Т. I. С. 12; Вестник статистики. 1990. №3. С. 75.

¹ Расчет поля по приведенным выше источникам.

² Куцее Г.Ф. Человек на Севере. М., 1989. С. 135.

⁴ Си.: Север в новых условиях хозяйствования. Новосибирск, 1991. С. 15.

¹ См.: Там же. С. 6.

⁶ См.: Там же. С. 11.

⁷ Местное время. 1999. 9 апреля.

⁵ Рыбнова И. Крайний Север на краюшке бюджета // Социальная защита. 1995. № 4. С. 18.

⁴ По кн.: Нижневартовск 1991-1996. Нижневартовск, 1996. С. 12, 28.

¹⁰¹ Местное время. 1998, 7 апреля.

¹¹ См.: Отчет администрации муниципального образования \ Нижневартовска за 1999 г. Варта. 2000. 2 марта.

¹ См.: Там же.

¹³ См.: Чилингаров А.Н., Кокорев Е.М. Размышления о Российском Севере. М., 1997. С. 99.

¹⁴ Сурков К. Новые подходы к социальной политике на Севере // Человек и труд. 1999. № 11.

¹² См.: Местное время. 1996, 4 июня.

¹¹¹ Местное время. 1994. 11 октября.

¹⁷ Местное время. 1999, 29 сентября.

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРАЯ

ЭТНОЛОГИЯ

**М. Б. Шатилов как исследователь материальной культуры
ваховских хантов**

Значительная роль в организации деятельности Томского краевого музея в целом и в формировании его этнографического фонда принадлежит общественному деятелю, ученому-этнографу, одному из первых директоров музея (сентябрь 1922 — апрель 1933) Михаилу Бонифатьевичу Шатилову (1882 — 1933). В 1926 г. по заданию Комитета по делам народов Севера под его руководством проходило этнографо-экономическое обследование хантов реки Вах.

Обследование это было предпринято главным образом в связи с присоединением Александровского района к Томскому округу. Поэтому требовались дополнительные сведения о Ваховском районе.

«Основным заданием экспедиции было статистико-экономическое обследование остяков реки Вах: 1) подворное (каждой юрты) всестороннее статистическо-экономическое обследование; 2) поселенное обследование; 3) порайонное обследование основных промыслов: пушного, звероловного, орешного; 4) сбыт, потребление и бюджет».

Экспедиция в составе трех человек (с М.Б. Шатиловым работали статистик М.И. Попов и васюганский остяк, студент Лениградского туземного рабфака А.И. Иглыкои) проехала на лодке от устья Ваха вверх по реке до притока Корельки-еган. Сбор экспонатов был произведен в 16 юртах: Большие Тарховы, Малые и Большие Полины, Ягон-пугол, Оськины, Большой Лаваз-еган, Большие Лариакские, Чухломеевы, Нижние и Верхние Ромкины, Никитин-еган-пугол, Вах-вент-пуул, Вахкотэ-пугол, Согнон-юх-пугол, Ях-мадан-пугол, Корельки-еган-пугол. За это время экспедиция прошла по р. Вах на лодке около 1400 километров.

Наиболее подробно была обследована материальная культура, так как при этнографических наблюдениях большее внимание было обращено на бытовые моменты, тесно связанные с хозяйством. М.Б. Шатилову удалось также посетить и описать целый ряд культовых мест, собрать сведения об обрядах погребения, о шаманстве и (в меньшей степени) о других сторонах религиозных представлений хантов Ваха.¹

Всего было собрано для музея 103 предмета, разнообразно характеризующих духовную и материальную культуру ваховских хантов. Среди них:

изделия, украшенные скобельным орнаментом, плетенные из корней кедра корневатики, циновки из камыша, два музыкальных инструмента, верхняя зимняя шуба мехом наружу кумыш и меховые рукавицы пас. Из предметов духовного культа интересны деревянные стрелы из жертвенного приклада ир-нял, изготовленные специально для принесения в жертву духам — они были взяты на священном месте недалеко от юрт Большие Полины; 2 литые ажурные медные подвески к шаманскому бубну с антропоморфными изображениями.

Этнографические очерки М.Б. Шатилова о хантах Ваха (1931) остаются вплоть до наших дней наиболее крупной работой, посвященной этой локальной группе обских угров. В основу исследования легли материалы экспедиции, организованной М.Б. Шатиловым на Вах в 1926 году.

Книга состоит из разделов: природа, население, жилище, предметы домашнего обихода и утварь, пища, одежда, средства передвижения, родовые, семейные отношения, управление, суд и обычное право, общее мирозерцание и верования, промыслы. Из материальной культуры наиболее подробно описаны предметы домашнего обихода, утварь, пища. В работе приводится описание почти всех видов жилья, хозяйственных и культовых построек ваховских хантов. Будучи юристом по образованию, М.Б. Шатилов при сборе материалов особое внимание обратил на нормы обычного права.

Позднее удалось обнаружить неизвестную рукопись «Драматическое искусство ваховских остяков» (М.Б. Шатилов не успел ее издать), не утратившую научного значения до настоящего времени.²

До М.Б. Шатилова ряд исследователей — зарубежных и русских — посетили хантов р. Вах. В начале XX века финский учёный У.Т. Сирелиус написал несколько работ по итогам экспедиций, посвященных хозяйству и материальной культуре финно-угорских народов. Его работа о домашних ремеслах хантов и манси охватывает почти все обско-угорское население. У ваховских хантов он описал орудия и процессы прядения и ткачество, обработки шкур, кож и крапивы, дерева и бересты.

Во втором десятилетии XX века появляются работы Г.С. Дмитриева-Садовникова «Ваховский облас», «Лук ваховских остяков и охота с ним»,

«Бересто и изделия из него у остяков р. Вах», где говорится о рыболовном и охотничьем промыслах, материальной культуре, подробно описано изготовление обласа, лука и стрел, способы обработки бересты. Эти работы, однако, нельзя признать научно-аналитическими.

В конце XIX века—начале XX века хозяйство ваховских хантов носило натуральный характер. М.Б. Шатилов выделил три группы хозяйства: пушное в верховьях реки, рыболовно-пушное в среднем течении и рыболовное в низовьях. Оленеводство обеспечивало все потребности населения в пище, одежде, обуви, жилище и средствах передвижения.

М.Б. Шатилов устанавливает, что главным видом хозяйственной деятельности является пушной промысел, который по ценности реализованной продукции по Ваху составляет 87.3%, и рыбный промысел (12.7%), причем роль последнего возрастает в нижнем течении, доходя до 24.8%, а в верхнем течении почти сходит к нулю (составляя 0.5%).

Оказывается, добыча пушнины находится в прямой зависимости от наличия оленей, так как они являются единственным средством передвижения на далекие расстояния. Оленеводство носит второстепенный характер, т.к. ваховские ханты имеют малое количество оленей. Стадо семьи в среднем составляет 10—15 оленей.

Сезонный календарь ваховских хантов отражает охотничье-рыболовецкий уклад жизни.

Различные хозяйственные потребности обусловили в прошлом появление, развитие и усовершенствование исключительного многообразия способов добывания рыбы, пушного зверя и птицы. Подробно основные орудия и приемы промысла описал М.Б. Шатилов в разделах «Предметы домашнего обихода и утварь» и «Промыслы».

К традиционным видам занятий относятся и собирательство, которым занимались женщины, дети и старики. Наибольшее значение имеет сбор ягод: черемухи, брусники, клюквы, морошки, смородины, голубики и княжники. Низкорослые ягоды собирали в низкие набирки; для черемухи или смородины подвешивали на шею узкое берестяное ведро. Ягоду собирали в большие заплечные кузова с крышками и доставляли на себе домой или к лодке. При переносе ягод в набирках их закрывали сверху мхом и закрепляли гибкими палочками. Для хранения использовались водонепроницаемые берестяные коробки и бочки.

Заготовка кедрового ореха велась в урожайные годы с участием мужчин. Уезжали на расстояние до ста километров, так как кедр рос не повсеместно. Осенью били по стволу кедрового дерева деревянным молотом на длинной жерди, от чего шишки падали. Их растирали рубчатым валиком, а затем просеивали в деревянном сите с дном в виде решетки из узких деревянных планок. Подробно М.Б. Шатилов опи-

сывает берестяные предметы домашнего обихода, сделанные из бересты: черпаки для воды, ведра, люльки и различного рода кузовки, лукошки и прочее. Он описал сбор и выварку бересты для покрытия жилища, сбор и обработку кедрового корня, талового лычка, плетение веревок из них, подробно изложив технологию изготовления и название домашней утвари на языке ваховских хантов. М.Б. Шатилов отмечает: «орудия обработки дерева и предметы домашнего обихода отличаются поразительной их примитивностью и почти совершенной первобытностью некоторых из них. Но в то же время нельзя не признать, что все эти предметы отличаются практической целесообразностью в общем примитивном укладе жизни остяка. Практическая изобретательность наряду с крайней простотой орудий и материалов, терпеливое выполнение всех мелочей в работе, стремление использовать местные продукты для хозяйственных нужд», — таковы, с точки зрения исследователя, особенности изготовления ваховскими хантами орудий обработки дерева и предметов домашнего обихода.

Основным элементом, объединяющим все три вида хозяйства остяков, является товарообмен с теми или иными пережитками натурального хозяйства, заключает М.Б. Шатилов.

Хозяйство ваховских остяков по своей форме, как основанное на товарообмене, однородное, по видам же основных промыслов оно не единообразно. Пушной и рыболовный промысел варьируются в той или иной степени в зависимости как от наличия оленеводства, так и физико-географических условий.

Согласно М.Б. Шатилову, промысел ОБО-охотничий инвентарь остяка подразделяется на две группы: огнестрельное оружие и различные ловушки, лук и рогатина. В отношении огнестрельного оружия заметна некоторая количественная и качественная неравномерность обеспечения верхнего и нижнего течения Ваха, что сказывается на успешности промысла.

Прочие орудия охотничьего промысла — самолы и тому подобное — по Ваху не отличаются по своим видам особым разнообразием, как это наблюдается в других местах Севера. Здесь чаще встречаются слопцы, черканы, луки-самострелы, изредка капканы, плашки, кулемы, ручные луки и рогатины и нет совершенно лисьих ловушек (кляпцы).

Второе место в хозяйстве ваховских остяков М.Б. Шатилов отводит рыболовному промыслу, и в этом отношении Вах является наиболее однородным. Жители верхнего плеса Ваха занимаются рыболовством почти исключительно в целях пропитания, домашнего потребления, а остяки нижнего течения Ваха заняты рыболовством для сбыта. Здесь рыболовство по мере продвижения к устью Ваха получает все более и более промысловое значение, а в самом нижнем течении определяет и тип хозяйства.

В соответствии с характером рыболовства, видами промысливаемой рыбы мы имеем по Ваху и свои орудия промысла, и особый рыболовный инвентарь, указывает М.Б. Шатилов.

Здесь нет больших «заводных» неводов, нет самоловов и переметов, так характерных для Оби и вообще больших водных бассейнов. Главными орудиями промысла являются различного рода плетеные ловушки, сплошные заграждения из «жильника», наплавные сети и небольшие невода. По наблюдению М.Б. Шатилова, если целый ряд хозяйств количественно неводами и сетями обеспечен достаточно, есть хозяйства, совершенно необеспеченные ими, а главное, вообще весь инвентарь в качественном отношении неудовлетворителен.

В соответствии с уклоном промысловой деятельности в ту или иную сторону М.Б. Шатилов констатирует некоторые различия хозяйств ваховских остяков и в отношении скотоводства; в верхнем плесе, где чисто промысловое хозяйство, мы застаем преимущественно оленеводческие хозяйства, в нижнем же течении, где имеются смешанные звероловно-рыболовные хозяйства и где пушной промысел отходит уже на второй план, наблюдается переход к лошадиному хозяйству. Статистика говорит о том, что оленеводство по Ваху не является отдельной отраслью хозяйственной деятельности в смысле промысла, рассчитанного на рынок, а служит лишь средством передвижения, удовлетворяя остяцкое хозяйство до некоторой степени и не всегда, так как требуется минимальное количество оленей как средства передвижения для промыслово-охотничьего хозяйства. В связи с промыслами и скотоводством находится вопрос о средствах передвижения. Летним средством передвижения по Ваху являются исключительно олочки. В верхнем течении почти исключительно является обласок — «рыт». Зимними средствами передвижения являются по верхнему течению почти исключительно нарты и лыжи, а по нижнему встречаются во всех лошадных хозяйствах и сани. В соответствии с зимними средствами передвижения мы имеем и виды упряжи, из которых по низовью Ваха встречаются оленные, собачьи и конные, а по верхнему течению — оленные и собачьи.

Основным типом жилища ваховских остяков, указывает М.Б. Шатилов, является юрта — «кал». Понятием «кат» объединяются все возможные вообще виды жилых строений — юрта, русская изба и даже церковь — «Торум кат» — божья юрта. Ваховские остяки не подвергались влиянию русских (выше Лариака) и не знают иного типа жилища. Основной вид жилья «кат» варьируется в зависимости от времени года, так и от целого ряда бытовых условий и промысловой жизни остяка. Эта вариация сказывается как в отношении самой конструкции жилища, так и строительных материалов. Зимние юрты — «телех-кат» — подразделяются на юрты земляные («мыт-кат») и бревенчатые («пегартелех-кат»). Летние юрты

— «лун-кат» — также бывают двух родов — деревянные («пегар-лун-кат») и берестяные («тон-тох-кат»). Наиболее древними видами жилища ваховцев является зимняя земляная юрта «мых-телех-кат» и весенняя коническая берестяная юрта «пурр-кат». (До М.Б. Шатилова описание подобного рода юрт мы встречаем у Палласа, Миддендорфа, Радлова, Ядринцева, Григоровского и других учёных). Развитие жилища ваховских остяков в целом, так и в отдельных его частях, строго соответствует общему закону развития жилища, в некоторых своих формах граничит с первобытным жилищем и свидетельствует о необычайном консерватизме материальной культуры ваховских остяков в силу его особой изолированности от других народностей, находит М.Б. Шатилов. Как полагает исследователь, предметы домашнего обихода и утвари ваховского остяка строго соответствуют его бытовому укладу и являются продуктом обработки различных видов растительного и животного мира.

Деревья различной породы, их корневища, береста, кора, гнилушки, травы, кожа, волос и кости — все это в той или иной обработке, в известной комбинации дает все предметы домашнего обихода ваховца, пишет М.Б. Шатилов.

Наибольшее значение в этом обиходе имела береста «тон-тох». М.Б. Шатилов подробно описывает сбор и выварку бересты, плетение циновки. Из бересты изготавливаются многие предметы домашнего обихода: черпаки для воды, ведра, люльки и различного рода кузовки, лукошки. Циновки «нарва-пям» плетут из камыша, на примитивном «станке». Кедровый корень и таловое лычко шли на изготовление веревок.

Экспедиция М.Б. Шатилова ставила перед собой цель провести всестороннее исследование природных ресурсов и хозяйственного комплекса ваховских хантов.

Немалое значение в изучении материальной культуры хантов имел тогда такой фактор, как резкий переход от первобытных устоев и традиционного существования к тоталитаризму и крушению духовного стержня народа — языка, когда национальная культура подверглась русификации и христианизации.

Таким образом, М.Б. Шатилов выполнил детальный анализ материальной культуры хантов, проживавших в бассейне Ваха. Собранные учёным материалы, высказанные им наблюдения и оценки сохраняют важное научное значение и в настоящее время,³ отмеченное повышенным вниманием к истории традиционного общества.

¹ Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Томск, 1931 (Тр. Томск, краевого музея. Т. 4). Под ред. С. Г. Пархимовича эта книга переиздана в Тюмени в 2000 г.

² Шатилов М.Б. Драматическое искусство ваховских остяков//Из истории шаманства. Томск, 1976. Позднее ста-

тя была опубликована и в сборнике «Археология и этнография Приобья» (Томск, 1982).

Лукина Н. В. Материальная культура васюганско-вазовских

хантов в конце XIX-начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977; Она же. Формирование материальной культуры хантов: восточная группа. Томск, 1985.

О.Н.Староверова, Н.Н.Афанасьева

«Обычаи и традиции народов ханты и манси». Фестиваль сказок-2001

(Из опыта работы эколого-эстетической школы по эколого-этнографическому проекту «ДОМ»)

Фестиваль сказок является завершающим звеном первого этапа работы по проекту. У многих народов существовали и существуют праздники, на которых можно повеселиться, переодеться в костюмы, воздать должные почести дорогим сердцу персонажам.

Фестиваль сказок-2001 был посвящен традициям, обычаям и праздникам народов ханты и манси.

(Зал затемнен, луч света направлен на ученика, одетого в национальный хантыйский костюм).

На экране изображение Земли из космоса.

Земля моя кружится —

И я кружусь.

Солнце повернется —

И я повернусь.

По поднебесью гагарой лечу,

Толщу воды осетром строчу,

Смело шагаю с каменных стен,

В космос за тайной мансийских легенд.

(Лун убирается, включается свет, выходят в костюмах ученики в танце).

(Общий яркий свет).

Ученица 1: Сегодня наш рассказ о народах, во многом сохранивших вековой традиционный образ жизни в суровых условиях Крайнего Севера.

Ученица 2: Сегодня наш рассказ о земле, на которой мы живем, — земле хантов и манси. Каждая пядь этой земли священна для этих народов.

Ученица 3: Каждая блестящая палочка кедра, каждый песчаный берег, туман темного леса, каждая поляна, жужжание каждого насекомого свято для памяти и сознания хантыйского народа. Сами соки, питающие деревья, несут в себе воспоминания северного человека.

Ученица 4: Мы — часть земли, и она — часть нас.

Ученик 5: Благоухающие цветы — наши сестры.

Ученик 6: Олень, лошадь, великий орел. Все они — наши братья.

Ученица 7: Скалистые вершины гор, соки лугов, жар лошадиной крови и человек

Все: все мы — члены одной семьи.

Ученица 8: Хрустальная вода, которая бежит в ручьях и реках, не просто вода, а кровь наших предков.

Ученик 2: Каждый призрачный блик в воде озера — это отражение памяти прошлого моего народа

Ученик 3: Журчание воды — это голос отца моего отца.

(Звон бубна или национальная мелодия, все уходит).

Начинается инсценировка

«Разговор в чуме»

(В чуме много людей. Возле огня сидит старый шаман Кукса. В руках его длинный посох. Перед огнем на корточках нагревает кожу шаманского бубна горбун Тар/т).

Кукса 1:

Поддай скорее!

(Горбун торопливо поднял бубен. Шаман готовится к песне).

Бум, бум, бум! — звенит бубен.

Кукса 2: Вы видели на полянке позабытые могилы? Видели, как в густой траве белеют кости тундровых оленей?

(По чуму пронесся ропот).

(Звучат струны, бубен, можно музыку X-M).

Кукса 1:

В лесах наших стало меньше зверя. В мутных водах стало меньше рыбы. Обмелела кормилица Ас я. Все забыли про березовскую Рачу, которая упала в воду, но не далась в руки русским. А нынче все вы пьяны от орха, не приносите жертвы богам.

(Возле ног старого шамана зарыдал горбун Тарни, а люди слушали грустную песнь старика).

Кукса: Мы уедем, покинем Маа, чтобы больше не родиться. И тогда некому будет скользить по снегу на быстрых лыжах по снежной тундре, некому будет ловить песка и белку. Наши лодки сгниют на песках. В паулах останутся одни мыши.

(Звон бубна, колотушки).

Все уходит, кроме шаманов.

Они сидят, задумавшись).

(Чем так озабочены наши шаманы?)

Разговор ведут сидящие в чуме).

\ **Шаман:** Где тропа,

По которой кочевал мой род?

2 Шаман: Где урочища,

Что зверьем их кормила?

3 Шаман: Где река,

Из которой поили детей?

Ведущий 1: Что с их небом,
Которому не только молились⁹
Тропу берегли,

Очищали от валежен,

И детям не позволяли

Наносить раны острием топора.

Ведущий 2: Если шли за дровами в бор,

Старались не мять травы

И ягеля не повреждать.

А за срубленное дерево

Долго просили прощенья у дедушки Бора.

Ведущий 3: Что же это за народ, который просил прощенья у дедушки Бора? В своих мифах, легендах, преданиях коренные народы Западной Сибири не отделяли себя от природы. Они считали природу матерью всего живого, а ее детьми — животных и растения.

Коренными народами Западной Сибири являются ханты, манси, ненцы.

(Рассказ у карты)

Ведущий 1: Ханты и манси проживают на территории Тюменской и Томской областей, Ханты-Мансийского Ямало-Ненецкого автономных округов. Численность хантов — 22520 чел., манси — 8474 чел.

Поселения были постоянными и временными, до десяти домов с постройками располагались по берегам рек. Селения находились на расстоянии дня езды одного от другого.

Ведущий 2: Ханты и манси, живя среди природы, хорошо знали повадки и приметы животных.

(Фонограмма хантыйской музыки).

Ранний прилет птиц предвещает раннюю весну.

Ученик 1: Просветление шкурки белки говорит о скором наступлении зимы, холодов.

Ученик 2: При ярком зимнем солнце следует ожидать длительных морозов.

Ученик 3: Приснился во сне медведь — жди холода, верный признак похолодания в любое время года.

Ученик 2: Сбор ворон в стаи и их громкие крики предвещали изменения погоды.

Ученик 3: Купание птиц в воде — к дождю.

Ведущий 1: Образ жизни хантов свидетельствует об их природной мудрости, мужественности. Ханты великолепно приспособились к суровому северному климату.

Ведущий 2: Они почти не знают закрытых помещений, без промаха стреляют на звук, знают все запахи леса, ощущают невидимые знаки и ветры. Им известны законы природной селекции и метеорологии, миграции зверей и рыб, периоды удач и невезений!

Ведущий 1: Своих детей ханты учили беречь землю, относиться ко всему живому, как к равному. Они считали, что каждое дерево, трава, земля, животное имеют душу. С этим нужно считаться. Поэтому нельзя без надобности срывать цветы и травы — это волосы земли.

(Звучит хантыйская мелодия. Входит Лесная фея Мисне).

Фея:

Пася олэн,

Пася румо,

Слышу «варе юха» я струны!

Вуся! Здравствуйте, друзья!

Миснэ — фея леса я.

Покажу вам, чем богата

Наша древняя Земля.

(Взмахивает волшебной палочкой или веткой и начинает экскурсию).

Где тут платье, где — еда?

Разберемся без труда!

Если варят, то из круп.

Ну, конечно, это — суп.

Ну а если его шьют,

По-мансийски платье — «суп»!

Берестяные

Кузовочки расписные!

Делают их из березы —

Льет весной береза «слезы»!

Мать — березу «раздевают»,

Набирушечки сшивают!

Есть в их имени «суп»

Называются «воньсуп».

А сейчас заглянем в дом,

На циновке отдохнем.

А она из камыша —

«Якый» очень хороша!

Дом наполнен чудесами!

Посмотрите лучше сами, —

Стол для нас уже накрыт!

И на столике — «пасане»,

Чашка — ан с едой стоит.

Рядом «юх ан» — ждут нас ложки.

Вот из утки — «саламат»

Вот из «хул нянь» — пирог с рыбой!

Этот — нянька всем на свете!

«Нянем» здесь его зовут.

Это — хлеб.

Его все люди берегут!

И хозяйки на рассвете

В «кор» — печак его пекут.

Куклы — «акань», «хор» — олени!

Вы — из северных селений!

Игры многих поколений.

В доме есть чему удивиться!

В нем — хозяйки-мастерицы.

Шьют игольницы — «намты» —

Разноцветные цветы!
И из красного сукна
Нашивают крест «Пэрна».
Бисером кладут узор,
Очаровывая взор!
А в коробке «кар пинал»
Рукодельный арсенал!
И в мешочке «тутчан хоре»
Хранят знания о мире!
А в углу на яркой раме -
Тоже куклы перед вами!
В мир легенд погружены —
Бога-Торома сыны.
Старший сын — «Мир щенэм хум» —
Полон он о людях дум...
В люльке с неба он спустился,
Чтоб за миром наблюдать,
Чтобы людям о Вселенной
Свои званья передать.

И с тех пор решил сын неба
Людям в жизни помогать.

(Показ хантыйской одежды).

Фея 1: По-мансийски — «суп»!

Женский убор

Называют манси — «тор»!

Фея 2: Ах, какой красивый, ах!

Называют ханты «сах».

Фея 3: Этот носят поверх платья.

И они почти что братья —

Только этот «сах» — халат,

Называется «тор сах».

Фея 2: Посмотрите, как красивы

Тапочки из кожи «Ниры».

Фея 1: Обошли давно весь мир

Сапоги из кожи «нир».

Фея 2: Ах, какое украшеньё,

Всем на зависть, загляденье!

Вам носить не довелось?

Называется «Турлопс».

Фея 1: Вот чулки из шерсти, ай,

Словно луг в цветочках — «вай».

Фея 2: Если веет снеговой —

Мы наденем «юрн вей»

И помчимся на оленях

В меховых кисах скорей!

Фея 1: Волны речки о песок

«Энгул» — женский пояс.

И в орнаменте «Волна» красота его видна!

Фея 2: Разговор ведут подвески.

Будто птички голосок.

(В зале гаснет свет,

заканчивается экскурсия).

Ведущий 1: Вот это фея Миснэ!

Настоящая сказка! Какая интересная!

Ведущий 2: Ты знаешь, у народов ханты и манси очень много интересных загадок. Связаны они с окружающей природой и животным миром.

Ведущий 1: Ребята, попробуйте отгадать некоторые из них.

(Выходят 2 ученика в национальной хантыйской одежде и загадывают загадки).

1. Четырехногий мужик в белом гусе прыгает, скачет (заяц).

2. В глухом лесу две травинки торчат, покрытые инеем (уши зайца).

3. На вершине дерева стоит кукла с косами (белка).

4. Идет мужик, мечет сто стрел (летит мех из меховой одежды).

5. На вершине дерева скачет конь без всадника (белка).

Ведущий 1: До 1930-х годов ханты не имели своей письменности. Свои званья передавали с помощью орнаментов на бересте, кости, ткани и мехе. Орнаменты имели названия «заячьи ушки», «ветка березы», «рога оленя».

Ведущий 2: Женщины обладали удивительным даром красочно и нарядно украшать свою одежду. Украшая одежду, женщина верила, что это принесет благополучие и счастье.

Ведущий 1: Они сами готовят краску «вечную». В основу берется кора лиственницы. Один раз раскрашенная деталь обуви или одежды сохраняет цвет до полного износа. Ни одна современная краска не может выдержать таких условий: дождь, ветер, мороз, солнце.

Ведущий 2: У коренных народов Западной Сибири была своя систематика животного мира. Вселенная у них состояла из 3 сфер: птичьего Верха, звериной Середины и рыбьего Низа.

Ведущий 1: Ханты и манси связывали с животными свое происхождение. У хантов и манси каждый род носил имя животного, потомками которого они себя считали, — медведя, лягушки, журавля.

(Представление родов).

1 ученик в национальной одежде: Покровитель нашего рода — лягушка. Все ее фигурки храним на священном месте, в сундучке в переднем углу дома. Духу-покровителю подносим подарки в виде платков или кусочков ткани после рождения ребенка, чтобы обеспечить ему здоровье, а также для благосостояния семьи.

2 ученик в национальной одежде: Мы почитаем животных белого цвета. Мой народ считает, что такие животные имеют душу, как у людей, и отличаются от них только формой. Есть такое поверье, что если иметь при себе мордочку соболя или горноста, то все будет удаваться.

3 ученик в национальной одежде: Покровитель нашего рода — волк. Мы считаем, что если волк напал на человека — это желание неба, судьба. А от судьбы никуда не свернешь, не спрячешься. И не совсем без спроса нападают они на людей и на оленьи стада. Перед тем, как напасть, они завывают голосом вьюги, плачут, умоляя небо, прося

разрешения указать им, кто больше всего грешен, кому пришла очередь оказаться в волчих зубах, расплатиться за содеянные грехи.

(На сцене группа людей вокруг костра, кладут в него что-то. Тихий звон бубна).

Ведущий 1: Медведь и волк считались посредниками в наказании. Эти животные фигурировали в различных клятвенных церемониях. Для наказания неизвестного вора брали сухожилия волка и сжигали их, произнося:

(Трое произносят, глядя на огонь костра)

Пусть рука вора скрючится так же, как эти сухожилия.

2 ученик: Вталкивают одного человека, ставят его на колени перед черепом медведя...

Ведущий 2: Обвиняемого в краже человека ставили перед черепом медведя, и он должен был произнести:

(Человек на коленях произносит)

Если я взял зверя из чужой ловушки, то ты, лесной старик, разорви меня.

(Видеофильм «О Югре». Кадры с медведем).

Ведущий 1: Происхождение своего тотемного животного коренные жители тайги — ханты, ненцы и манси — объясняли так.

Ведущий 2: Они считали, что медведь произошел на свет через обращение или видоизменение человека-богатыря. Для этого нужно было перелезть через дугу.

(Фонограмма. Хантыйская мелодия).

(На сцену выходят учащиеся в национальных одеждах, изображающие лес).

Пантомима: Жил один богатырь, который любил ходить в лес. Однажды пошел он в лес и заблудился: зашел так далеко в глубь леса и в такое непроходимое место, из которого возможно было выйти так — перелезть через колоду, поросшую мхом. Богатырь не смог перелезть через нее в одежде, и ему пришлось снять ее с себя. Когда он перелез без одежды колоду, то почувствовал, что тело его покрылось шерстью. Не нашел он и своей одежды. Покрытый шерстью богатырь не пошел в таком виде к людям, а свой век стал скитаться по лесу и питаться тем, что найдет в лесу.

Ведущий: В обрядах, посвященных медведю, отразились древние представления о нем, как о предке Фратрик Пор. Его боялись как грозного хищника и верили, что после смерти он может возродиться. Поэтому все, что было связано с охотой на медведя, разделкой его туши, поеданием его мяса, сопровождалось сложными обрядами. Это был Медвежий праздник.

Ученик в национальной одежде:

«Вортолнут» — «в лесу живущий», —

Предок угров всемогущий!

В честь него поются песни,

В танце кружится народ.

Каждый ханты, каждый манси

Предку славу воздает!

И бежит

Медвежий праздник

В вихре радости вперед!

Сцена для Медвежьего праздника

Чум (театрализованный вариант) — 1/3 чума не закрывается для обзора внутренней части. Внешняя сторона чума оформляется двумя транспарантами, на которых оформлены орнаменты ханты и манси. Орнаменты крепятся в круговую чума, возле чума — карта, большой бытовой стол... Справа — изготовить и поставить семиголового Идола. Соорудить небольшой стол для медвежьей головы (шкуры), священное дерево, украшенное разноцветными лентами. В центре — большой костер, где варится мясо, рыбий жир. Внутри чума — священный угол с иконами, сундуком для домашних идолов, умерших духов.

Медвежий праздник

Издалека доносятся характерные возгласы: о, о, о, хо, хо, хо... охотников. В чуме засуетились в приготовлениях, очищается (дымом, чаем, водой) место возложения головы.

Появляются охотники, несущие медведя (ритуал очищения распространяется и на них). Охотники ставят голову хозяина (Медведя) на ритуальный стол. Женщина целует голову, троекратно кланяется, выражая свое приветствие хозяину.

Заходят гости, здороваются с медведем, пестуют его в нос или лапы. Маленьких детей подносят на руках. Хозяин берет чашку с водой и по солнцу делает три круга по дому, со словами «човье човье» брызгает воду на стены и людей. (Остаток воды выливает на молодых охотников и они начинают бороться. В борьбу вступают 3 молодых охотника. Хозяин устает, и последний кладет его на лопатки)

Все люди: Хозяина рядом с медведем положите.

(Входит певец).

Здоровается: «Пэга, пэга!»

Спрашивает: «Что за дом? Куда собрались люди?»

Люди: Это медведя дом. Мы сюда съехались, собрались.

Певец: А-а, медведя дом, так скажите, в какой, оказывается, дом я пришел...

Люди: Может, у тебя есть мифы, песни?

Певец: А-а! Немного у меня есть, что, они вам нужны?

Люди: Да-да! Может быть, какой миф вспомнишь?

Певец: Что же, если нужны мифы, песни...

Вспомнил тут один, начну.

Становится перед медведем, говорит «пэга, пэга» и начинает петь...

Заканчивает песню словами «шэн тоты и генты»

Ученик в национальной одежде:

Эх, куриньку заиграли —

Все поджилки задрожали:

Пляшет девушка, смеется,

Как налим скользит и вьется,

Ноги гнутся в рог олений,

И плывет, что гусь весенний,

Скачет, как весной лосенок.

(Национальный хантыйский танец).

(Появление журавля).

Ведущий: Журавлиха с юга прилетела, на родное болото села, потом свила себе гнездо и три яичка снесла.

(Журавлиха поет, радуется, танцует).

Появляется Лисин. Подкрадывается к гнезду Журавля и выкрадывает из гнезда одно яичко. Вернулась Журавлиха, увидела, обезумела от горя, разгневалась. Через правое крыло бросила одно яичко, небесному отцу Верховному Богу Торыму, другое яичко, топнув, вдавила в землю для матери Земли, взмахнула крыльями и полетела, куда глаза глядят.

Летела-летела и увидела дом, где медведя праздник, влетела в него, напала на медведя.

(Ученик, одетый петухом, старается успокоить журавля. Вместе улетают).

Появляется Лисин. Люди догадались, в чем дело, поджигают Лисину хвост.

Игры с залом.

(Попадание в цель).

Сценка

Выходят мать-мастериц? и две ее дочери. Мать дает задание дочерям сшить по одному платью, выдает материал, нитки, иголки. Первая дочь шьет с большим эмоциональным настроением, при этом шитье имитирует качественно, быстро. Вторая дочь шьет платье с ленцой, без настроения, при этом часто позевывая и в конце на рабочем месте засыпает, храпит. Приходит мать посмотреть, как ее дети сшили платья, и удивляется. Первую дочь гладит по голове и искренне благодарит за ее добросовестное отношение к работе. А вторую дочь мать стыдит всячески и при этом повторяет: «Такую лентяйку воспитала!»

(Ведущий комментирует).

Хозяин приглашает гостей к столу, едят медвежье мясо. Берут его деревянными палочками и каркают, как вороны: пусть медведь думает, что его едят вороны, а не люди..

(Проводы души медведя под мелодию бубна...)

С одной стороны дома, от головы медведя, взявшись за мизинцы, выстраиваются все муж-

чины, а с другой стороны — женщины. Крайние девочки и мальчики берут за мизинцы медведя. Певец с колокольчиком начинает последний миф «Проводы души медведя». Все слушают молча.

Заключение

Ведущий 1: Народы Севера боготворят животных. Что такое человек без животных? Если исчезли бы все животные, человек умер бы от тоски и одиночества. Поскольку все, что происходит с животными, вскоре происходит и с человеком. Все вещи связаны между собой.

Ведущий 2: Все, кто сегодня был на нашем празднике, расскажите своим детям, близким, что земля у вас под ногами — это прах наших дедов, чтобы они уважали землю, что земля богата жизнями нашего рода.

Ведущий 1: Научите своих детей и тому, чему научили свои народы ханты и манси, что земля — наша мать. Все, что случается с землей, происходит и с ее детьми. Земля не принадлежит человеку — человек принадлежит земле.

Ученики: Изучая традиции и обычаи северных народов, я выбрал для себя правило, которому буду следовать всю жизнь.

(Чтение своего правила из сочинения).

Ведущий 1: Вот и подошел к концу третий день нашего фестиваля.

Ведущий 2: Мы увидели много интересных сказок о животных и птицах — жителях нашего Дома, планеты Земля.

Ведущий 1: Познакомились с традициями, обычаями народов нашего Ханты-Мансийского округа.

Ведущий 2: А сейчас я приглашаю на сцену исполнителей ролей главных героев сказок.

(Под аплодисменты и под фонограмму музыки «Новогодняя» дети выходят на сцену).

Ведущий 1: А сейчас предоставляется слово директору вашей школы Питайкиной Зое Алексеевне.

Ведущий 2: Наш фестиваль закончился, но мы не прощаемся, а говорим до свидания! До следующего фестиваля в следующем учебном году!

(Под фонограмму И. Николаева «Маленькая страна» заканчивается фестиваль).

Литература

- Конькова А.М. Сказки бабушки Аннэ. Австрия, 1993.
Куриков В. Ханты-Мансийский автономный округ с верой и надеждой в третье тысячелетие. Екатеринбург: Зевс. 2000.
Лукина К. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов. М., 1986.
Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
Молданова Т. А. Орнаменты народов Западной Сибири. Томск, 1992.
Новикова Н.Н. Традиционные праздники манси. М., 1995.
Соколова З. П. Путешествие в Югру. М., «Мысль», 1982.
Соколова З. П. Арктика — мой дом. М., «Северные просторы», 1999.
Шесталов Ю. Ханты. Манси. Кто мы?

П. И. Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы гражданской войны

Имя П.И. Лопарева неразрывно связано с историей Тюменского Севера. В его честь названы улицы в Тюмени, Тобольске, Ханты-Мансийске, Нижневартовске. В одном из скверов столицы округа установлен бронзовый памятник знаменитому красному партизану, герою Гражданской войны.

Платон Ильич родился в с. Самарово Тобольской губернии в 1890 г. в крестьянской семье. Отец умер, когда ему не было и трех лет. В 1905 г. он окончил Самаровское двухклассное училище, в 1907 г. — Тобольское городское училище, в 1910 г. — Омское механико-техническое училище. Затем П.И. Лопарев преподавал в Абатской (1910-1911 гг.) и Самаровской (1911-1915 гг.) ремесленных школах Министерства народного просвещения. В годы 1-й мировой войны его призвали в армию. Сначала он служил в Тюмени в 35-м Сибирском строительном батальоне, позднее — в 21-м железнодорожном батальоне на Западном, Северном и Кавказском фронтах. В конце 1917 г. П.И. Лопарев дезертировал из части и вернулся на родину. Известно, что после возвращения с фронта в марте 1918 г. Платон Ильич принял активное участие в организации Советской власти на Севере. Следующий период его жизни и деятельности остался вне поля зрения исследователей. Ничего не говорится о том, чем же занимался П.И. Лопарев с весны 1918 г. до осени 1919 г. (когда он становится одним из руководителей антиколчаковского движения на Тюменском Севере) в работах А.Б. Гамбарова, В.К. Белобородова, статьях Р. Гольдберга, Г. Тимофеева и др. Восполнить данный пробел в биографии П.И. Лопарева помогут его письма, отчеты и другие документы, выявленные нами в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области. Конечно же, столь незаурядный человек, обладавший кипучей энергией, не мог остаться в стороне от происходивших в стране событий. Однако в это время П.И. Лопарев еще непосредственно не участвует в вооруженном противостоянии белых и красных. Он пытается мирными, легальными способами добиться исправления пороков ненавистного буржуазного строя. Летом 1918 г. Платон Ильич поступает на работу в Обь-Иртышский Союз кооперативов (сокращенно — Северсоюз).

Годы революции и Гражданской войны отмечены бурным ростом кооперативного движения по всей стране, в том числе и в Западной Сибири. На 1 января 1917 г. потребительская кооперация России состояла из 23 тысяч обществ, объединявших 6,8 миллиона пайщиков. В 1915 г.

возникает Тобольское потребительское общество «Самосознание», в январе 1917 г. — Товарищество кооперативов северного района Тобольской губернии. 1 октября 1917 г. при участии «Самосознания» и Товарищества кооперативов создается Обь-Иртышский союз кооперативов. При первоначальном капитале в 2.700 рублей наличностью и 99.000 рублей товарами уже через три месяца Северсоюз сумел довести товарооборот до 245.000 рублей. К середине 1918 г. общий оборот достиг уже 5 миллионов рублей. По инициативе Северсоюза 17 декабря 1917 г. в Тюмени прошел съезд представителей 9 кооперативных организаций Урала и Зауралья. Было установлено тесное сотрудничество с Всесибирским Союзом «Закупсбыт». С 15 марта 1918 г. издается газета «Северное Сибирское кооперативно-народное хозяйство».

Задачи кооперации не ограничивались исключительно коммерческой деятельностью. Получаемая прибыль должна была направляться на удовлетворение повседневных нужд населения: строительство школ, больниц, дорог, промышленных заведений и т.п. На съезде уполномоченных Обь-Иртышского союза, проходившем в Тобольске с 17 по 19 июля 1918 г., подчеркивалось, что кооперация — это «не купеческая торговая лавочка». Ее работа должна строиться на двух взаимно дополняющих друг друга основаниях: «хозяйственной деятельности» и «культурно-просветительных мероприятиях». В перспективе предполагалось вытеснение кооперацией частного предпринимательства из сферы обмена и объединение всех потребителей во Всесибирскую организацию, которая будет осуществлять торговые операции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Частный капитал станет общественным, используемым в интересах всего народа. Данные идеи перекликались с большевистскими представлениями о будущем строе всеобщего благоденствия и социальной справедливости. Поэтому неслучайной являлась поддержка, которую оказывали кооперации многие представители левой интеллигенции. Вполне закономерным выглядит приход в Обь-Иртышский союз таких людей, как П.И. Лопарев.

Северсоюз занимался прежде всего закупкой и сбытом пушнины, рыбы, орехов, а также поставками местному населению различных товаров первой необходимости: рыболовных снастей, муки, пороха и т.п. Успешно справиться с поставленными задачами можно было, только создав разветвленную сеть низовых потребительских

обществ. Энергичные меры в данном направлении принимаются уже в первые месяцы существования Северсоюза. 4 января 1918 г. на заседании правления решено было организовать инструкторский отдел во главе с А.А. Благоволитным. В июне 1918 г. территория, на которой Северсоюз осуществлял свои торговые операции, разбивается на 7 районов. 4 из них располагались на Тобольском Севере: Обь-Иртышский, Сургутский, Березовский, Обдорский. Руководство и координация всей кооперативной работы на местах возлагались на районных инструкторов. Помимо закупки и реализации товаров, в их обязанности входила пропаганда кооперации, сбор статистических сведений, анализ экономической ситуации в крае, проведение культурно-просветительских мероприятий. Инструкторы наделялись самыми широкими полномочиями. Они сами выбирали маршрут передвижения по району, конкретные формы работы среди населения.

Возможность направить силы и энергию на улучшение жизни и быта земляков, не поступаясь при этом своими левыми убеждениями, повидимому, и привела П.И. Лопарева в кооперацию. 1 августа 1918 г. он зачисляется стажером Обь-Иртышского союза на должность разъездного инструктора, а с 1 октября уже включается в штат с окладом 650 рублей. Вскоре решено было послать новоиспеченного инструктора на курсы кооператоров, организованные в Омске Центрсибирию. Отсюда Платон Ильич регулярно пишет своему непосредственному начальнику. Всего таких писем сохранилось 8. Из них 4 ниже приведены полностью, а остальные даны в кратком изложении. На курсах П.И. Лопарев проходил обучение с 21 августа по 24 ноября 1918 г. Затем в переписке наступает перерыв, связанный с возвращением автора в Тобольск и поездкой в Самарово к месту постоянной службы. С конца декабря 1918 г. П.И. Лопарев отправляет руководству как официальные отчеты, так и письма частного характера, содержащие личные впечатления о ходе развития кооперативного движения во вверенном ему районе. {Впрочем, часто сложно отделить одно от другого}. Документов, относящихся к этому периоду жизни П.И. Лопарева, сохранилось 13. Ниже опубликованы полностью 7 из них, 3 приведены с небольшими купюрами, 2 — в кратком 'вожений.

Письма и отчеты П.И. Лопарева раскрывают интересную страницу истории нашего края в период Гражданской войны. Они помогают лучше понять не только процесс становления кооперативного движения на Севере, но и освещают повседневную жизнь северян, острые социальные конфликты, в которые оказалось вовлеченным практически все население Сибири, в том числе и сам автор документов.

Омск, 24 августа 1918 г.*

Уважаемые товарищи! Занятия в Институте по кооперативному отделению начнутся 26 /августа/. Помещение для приезжающих инструкторов находится; количество их пока не выяснено, но пока 5—6, предполагается до 10, а может, и больше. О предстоящей работе ничего сказать не могу. Много вольнослушателей — 60. Из причитающегося мне жалованья за 2-ю половину августа прошу вычесть мой забор. Думаю, что имеющихся денег будет достаточно. Адрес: Омск, Политехнический институт, Кооперативное отделение, П. Лопареву. Книги очень дороги и нового ничего нет. При возможности прошу правление сообщать особенно выдающиеся постановления правления и кооперативную жизнь района. С совершенным почтением П. Лопарев.

Омск, 11 сентября 1918 г.

Уважаемый товарищ Иван Иванович!

Делюсь с вами впечатлениями о курсах, постановке и работе. Занятия начались с 8 часов утра 23 августа полным темпом. Всего слушателей 72, из коих не менее половины командированы союзами. Сейчас читаются политическая экономия, счетоведение и счетоводство, учение о праве и государстве, статистика и политическая география. Занятия идут с 8 утра и до 12 и с 4 до 6 вечера. Заканчиваем учение о праве и государстве, политическую экономию, счетоведение и статистику. Большинство лекторов не то, что выставлено в программе: читают преподаватели профессора политехникума: Дишлер, Абросимов, Савинский и Зорин, скоро выступят на сцену другие. Хорошо преподает бухгалтерию Зорин, затем Дишлер (учение о праве), Савинский (статистика) и Абросимов (политическая экономия).

Никаких кооперативно-специальных работ не ведем по статистике — у Центрсибири нет бланков /так в тексте — В.Ц./, а знакомимся с собираньем данных, сводке их и проверке и научной обработке, с средними арифметическим, с медианами, большими числами и др. величинами. Перешли к составлению диаграмм, картограмм, карт диаграмм и т.д. Составили анкету об слушателях курсов — полукооперативную и не очень интересную. Занятия идут усиленным темпом; времени совершенно недостает, учебников мало, помещение хотя и ничего, но нет освещения, работаем со свечой, хотя бы провести электричество, тогда не придется ходить в люди. Часто занимаемся в зале газеты «Земля и воля». Политическую экономию читает тяжело. Вероятно, будут лекции. В общезнании помещается нас 10 человек, половина из кредитной кооперации. Народ все молодой, но

* Здесь и далее сохранена пунктуация оригинала, за исключением тех случаев, когда отсутствие знаков препинания затрудняет понимание текста.

с кредитниками большой дружбы нет. На курсах есть курсистки, но я лишь на них смотрю как на не очень подходящих к роли инструкторов, по крайней мере у нас на севере. За 3 месяца думаю, что много натолкают в голову. Будут экзамены. Что дадут — мудрено сказать.

Иван Иванович! Вы, пожалуйста, справьтесь о моем жалованье. Сегодня уже 11-е, а я все еще не получил никакого извещения от Союза, хотя мне за 2-ю половину и причитается-то почти ничего, но все же это ничего здесь очень необходимо. И потом не можете ли сделать так, чтобы содержание мое поступало сюда ну хотя бы на 5 день после получения на месте Вами?

Может быть, Вы найдете возможность иногда сообщить мне новости о жизни Союза. Интересно кто поехал в Самаровский район и как там обстоядела. А потом, Иван Иванович, вот такая просьба: здесь почти во всех союзах для зимы всем инструкторам для разъездов постановлено выдавать... от Союза шубу и валенки. Постановление их мне кажется основательное. Там, может, Вы не найдете ли возможным поднять этот вопрос?*

Привет Петру Ивановичу и Роману Генриховичу. П. Лопарев.

Омск, 8 октября 1918 г.

Спешу поделиться с вами новостями об нашем житье-бытье, о нашей работе, вернее, занятиях. Вот уже некоторое время (с неделю примерно) мы как-то в своих занятиях сбились с первоначального делового направления и сейчас находимся ни у того берега, ни у другого. Дело в том, что профессора, взявшиеся читать на курсах, перебрались все в министерство или командированы последним, и для курсов Центросибирь в поте лица старается заменить таковых суррогатами с профессорским пошибом. Находить таковых оказалось не так легко. В результате собственно вспомогательные науки читались прекрасно, а когда добрались до специальных и стали. Лектора Колобова — инструктор Центросибири — просто бойкотируют — уходят с лекций, и остается несколько человек нашего брата, которым просто стыдно оставлять его одного. Теперь, принимая во внимание, что он взял за себя около 90 часов и по такому важному предмету, как «Организация и практика потребительской кооперации», «Инструктирование» и много другого, станет понятно бойкотирование гр. Колобова. Как собеседник он интересен, но как лектор — сохрани Бог всякого православного и неправославного. После протеста слушателей у него,

В следующем письме от 25 сентября 1918 г. П.И. Лопарев благодарит за присылку жалованья, пишет, что занял у Закупсбыта 18.000 рублей и купил на эти деньги 100.000 штук пистонов, а также отмечает: «Про политику воздерживаюсь писать, зачастую военная цензура не пропускает писем, да и телеграф принесет вам известия скорее».

кажется, отобрали часиков так с 30. Вероятно, будем просить кого-либо из Сельскохозяйственного института. Историю и теорию кооперации читает Маракулин — читает ничего, немного театральничает. Прекрасно кончил историю хозяйственного быта профессор Никифоров, проводили его громом аплодисментов. Вчера в свободные часы (др. лектора почему-то не было) читал лекцию профессор Дишлер «Государственный строй Англии». Увлёк аудиторию, заслушались, электричества не было, и сидели в темноте до того, что сторож уснул и затворил парадную. 1/2 публики я вывел через ворота преподавателей, а вторую половину сторож, проснувшись, ругает: «Черт вам велит так долго заниматься». Дишлер и студенты смеются конечно. Обещал в свободное время прочитать госуд./арштвенный/ строй Швейцарии, Америки и др. Прекрасно читал экономическую географию и начал было читать Торговлю и Товароведение, но был командирован министерством в Иркутск. Говорят, приехал сегодня и будет читать. Массу новых данных об России и Сибири, и главное — везде он был сам. Вот только Колобов и замешался, чтоб его. Лекций, вероятно, не будет в то время, когда они будут нужны. Нет возможности их лекторам написать, перегружены работами в министерстве, а также и напечатать мудрено. Вероятно, будут вроде кратких конспектов. Счетоводство потребительских обществ читает Зорин. Начинается практическая работа по готовым бланкам. Общее счетоводство закончили, сдаем практические работы.

Литературы здесь тоже бедно, приобрел немного для себя, больше не дают.

Про политику воздерживаюсь: «оно много-то не разговаривай». Газету социалистов-революционеров закрывают через 2 номера, аккуратно издают новую. Теперь начали с «Понедельника». Через номер его, вероятно, закроют навсегда, тогда на 2-й день выйдет «Вторник» и т.д. Сегодня прибудет Директория. Вывесили старые 3-цветные (царские — говорит народ) флаги. Да, много хорошего (неутешительного): «Заря» — газета, при помощи кооперации дышащая, — превосходит себя, работая наполовину от Союза Возрождения, и 1/2 кооперации. Бегут хвостиком за буржуазией, выступая от имени кооперации.* Да много пакости. Пока Ваш товарищ П. Лопарев.

* В следующем письме от 19 октября 1918 г. П-И. Лопарев сообщает, что слушатели курсов постановили не сдавать экзамены, т.к. нет лекций, пособий и «это дело случая». Вместо экзаменов — ряд собеседований и рефератов по всем изученным предметам. Платон Ильич написал реферат на тему «Способы финансирования кооперативов и сравнительная оценка каждого вида» на 10—12 страницах «мелкого письма». Защита реферата должна была состояться 19 октября после 6 часов вечера. Автор также отмечает, что его «обременяет... сравнительно плохая одежда и обувь».

Омск, 11 ноября 1918 г.

Уважаемые товарищи!

Занятия на курсах закончатся, вероятно, 25 ноября. Затем будут экзамены для лиц, желающих служить в Центросибири, и выдача удостоверений о прослушании курса. Вероятно, для союза здесь нужно что-либо приобрести. Прошу сообщить и на сумму заказа субсидировать. Если предполагается переход к Егоровскому счетоводству, то в Центросибири или Закупсбыте можно заказать комплекты счетоводных книг. Есть или нет наши инструктора или торговые агенты по Тюменскому тракту? Телеграмму о переводе денег получил, последних еще нет. По городу много англичан, появляются французы. Жизнь кипит. П. Лопарев.

Омск, 14 ноября 1918 г.

Уважаемые товарищи!

Занятия приближаются к концу, и скоро, вероятно, я вступлю в вашу трудовую семью для работы ответственной и практически для меня мало знакомой. Думаю, что при вашей товарищеской поддержке скоро приобрету практические приемы работы в деревне и буду вам деятельным помощником. Оглядываясь назад на прослушанный курс, скажу, что получили много как специальных, так и общеобразовательных знаний, которые никак не могу уложить в голову в порядок. Для настоящих курсов приглашены были лучшие лектора, которые прекрасно прочитали общеобразовательные предметы, а вот практика и организация потребительских обществ, т.е. самое для нас главное, читается в удивительном беспорядке и вяло, нет, очевидно, по этой сравнительно новой отрасли знаний подготовленных лекторов, а есть Колобов, но того все время гоняют на экзекуции — казаки порют кооператоров, и вот спасать их ездит инструктор Колобов...

Хорошо, что у меня есть здесь знакомые, а то плоховато бы пришлось. Жалованье от союза получил один раз и вот теперь получил от вас телеграмму от 3 ноября о высылке денег, а сегодня 14 ноября*, и я сижу у моря, да жду погоды. Пожалуйста, наведите справку, почему денег я не получил, а также не послали жалование за 1-ю половину ноября, перешлите телеграфом, а то мне

Следующее письмо от 15 ноября 1918 г. во многом повторяет предыдущее. Некоторые его фрагменты интересны размышлениями автора о своей будущей работе и продолжающейся Гражданской войне: «Думаю что мы создадим дружную товарищескую семью, где будут здоровая критика и добросовестное отношение к работе, а при таких условиях не страшны всякие сопротивления жизни... Кавардак на миру делается! Шумим на рефератах и мы не на милость Божью, шумите вероятно и вы и везде и все шумят, а колесо истории равнодушно вращаясь «добру и злу внимет равнодушно»... Бог даст скоро кончится бойня (мировая уже кончилась) и вся наша семья будет дома у очага...»

не на что будет отсюда выбираться. Адресуйте на Институт... Еще раз прошу не забыть о высылке денег, а то неприятно кредитоваться или надеяться на свое движимое имущество. Итак, живем больше чем по-студенчески, а это, бесспорно, влияет на занятия... Заканчиваем анализ балансов и торговое право, «Культурно-просветительская работа» — читает Б. Рославлев. Хорошо, но неаккуратно.

Новым поделюсь по приезду, а пока до свидания. П. Лопарев.

Самарово, 24 декабря 1918 г.

Уважаемые товарищи!

С грехом пополам добравшись до своего места назначения, пришлось сразу с головой окунуться в практическую работу, которая вам, как людям уже принявшим боевое крещение практической работы, совершенно другое, чем видишь это в инструкторской коллегии, а тем более на бумаге.

В настоящее время просто не представляется возможным сразу же основательно обработать каждое общество, со сбором разных сведений, которые на деле оказывается собирать не так легко, и беглый осмотр кооперативной жизни из разговоров с населением дает совершенно другое направление ранее составленному плану работ.

Во всех кооперативах такая масса работы чисто организационной, такую массу сведений, справок нужно дать и недоразумений разрешить, что придется, вероятно, при первой поездке от сбора статистического материала совершенно отказаться, а также и от докладов, а заменить их ревизионными актами, а в первую очередь заняться только счетоводством, авансами и вкладами и попутно с утра до вечера заводить говорильную машину. Здесь инструктор — нянька, у которой прежде нянчили дитя много матушек, от попа до акцизного чиновника и сельского писаря включительно, а потому дитя если и не без головы, то во всяком случае с толстой лобной костью, а потому и не удивительно, что только что высунул нос на улицу, как в день же приезда попал председателем на устроенное в народном доме собрание кооператоров и на все лады отъедался от нападков на Союз.

Мне хочется взять Рождественские праздники в с. Самаровском, как в самом большом и показательном центре жизни громадного района, для того, чтобы во время праздников устроить побольше собраний, тем более что на праздники собирается очень много народа из окрестных деревень. Быть же с этих дней и праздники в Самаровском не нахожу возможным оставаться, потому что работа нужна самая спешная и положительно во всех местах, а потому до Рождества я выезжаю в самый пока небольшой район, на Селяярово (по числу вошедших кооперативов), где произведу учет Шапшинского

Общества, постараюсь ввести в Союз Зенковское и Селияровское Общества и, вероятно, открыть новое в Торопковском. Постараюсь собрать авансов, на которые, кстати, смотрю не как на кооперативную работу инструктора, а как только на коммерческую сделку. В Самаровском, если удастся собрать достаточное количество членов сегодня или завтра, подниму вопрос об авансах.

Подал вам телеграмму о том, что Саургатского Общества нет и не было. Получили они мануфактуру и разделили, да и устав-то полуживо, кажется, написан. Выяснено при ревизии, а пока с уполномоченными будьте осторожней. Теперь саургатские входят членами в Батовское Общество, от которого находятся в 3—5 верстах. Батовское Общество работает ничего. Из разговоров выясняется хорошее отношение к кооперативу. Реполовское проехали ночью, посетить кооператив не удалось, потому что сзади шли отряды солдат, и мы могли остаться без коней. Думаю, что удастся поставить Базьяновское Общество на здоровые ноги. В Самаровском как шумели шумят. Вот борьба так борьба, кулачки и спекулянты садятся кучками и начинают подкапываться, солдаты на них то личные счета, то партийные недоразумения и разногласия, и так все перемешивается, что при 200—300 членах собрания надо хорошие нервы и выдержку, чтобы вести собрание.

Пожалуйста, пошлите следующее: 1) Ордеров расходных штук 20, 2) Нормальных уставов книжечек шт. 25 3) Цены книг и литературы 4) И новости.

Герман Яковлевич* собирается сегодня дальше, а я дня через два к 25 старого стиля постараюсь быть в с. Самаровском.

Чувствуется, что здесь надо отделение, и отделение нужно сейчас или второго инструктора пока, или стажера.

Богатый район и совершенно не обработанный. Если принять во внимание, что дальше Сухоруковского рыба уже идет в гари, то станет понятным, какие громадные экономические перспективы в будущем Самаровскому району суждены. Если рыбная операция пройдет удачно, и если бы Союз дал Самаровскому Обществу мануфактуры, очень бы было хорошо. Крепко бы привязали к Союзу население, теперь почти полуголое. Акт не разработан детально и написан нелитературно, но просто нет времени и физической возможности, а сообщить Вам что-нибудь хочется. В деревне нужны сейчас постоянно люди, и потому грех сейчас сидеть в коллегии товарищам, тем более, что такой удачный мо-

мент, как сейчас, не повторится. Думаю, что все оговорки о времени разъезда, т.е. количестве дней, сейчас пойдут насмарку. Сейчас только краткие сведения, а после объезда всех кооперативов — подробный отчет. И потом уже основательная проработка. Думаю, что с 1 марта начну второй объезд, а может, раньше, для капитального обследования, а сейчас надо быть везде.

Прошу сообщить новости. С товарищеским приветом П. Лопарев.

Самарово, 25 декабря 1918 г.

Самаровское общество потребителей.

Ревизионный акт. За период с начала существования Общества по 23 декабря 1918 г. инструктором Общества Иртышского Союза кооперативов П.И. Лопаревым при посещении 23 декабря нового стиля Общества Потребителей, при ознакомлении с его деятельностью и постановкой дела и при ревизии его дел обнаружено:

Наружный вид кооператива посредственный, с красивой написанной масляными красками вывеской с надписью «Свобода». Внутренний вид и устройство лавки в будущем не будут отвечать условиям нормальной жизни, и, вероятно, придется или производить пристройку или обзаводиться новым помещением, для которого в самом центре села отведено обществом место.

В настоящее время помещение терпимо, при размере настоящей торговли; помещение тесное, холодное, с низким потолком, с недостаточными удобствами для канцелярии, счетовода, которому почти не приходится, кроме выдачи ордеров и получения их, производить текущую работу по отчетности в кооперативе, а работать на дому. В ближайшее время желательно бы произвести хотя /бы/ беление стен и оклейку полок белой бумагой.

Масса населения не проникнута идеей кооперации, часто происходят трения и споры на почве личных счетов, политических течений и недоразумений в делах и сношениях с союзом.

Общие собрания кооператива частые, особенно в последнее время собрания участились, по случаю выборов Правления и удаления от руля кооператива торговцев и также по организации операций рыбных и других.

В общем, собрания почти каждый день праздничный. Начало собраний приблизительно часов в 5 вечера и часто затягиваются до глубокой ночи. Собрание Правления по его постановлению 2 раза в неделю, но это только постановление, в действительности же в жизнь не проводится. Собрания назначаются по мере возникновения вопросов, протоколов всех собраний Правления нет, а потому устанавливать количество собраний было бы голословно, за прошедшее время по крайней мере.

Г.Я. Назаров — инструктор Сургутского района.

Ревизионная комиссия собирается очень редко. Последнее собрание было при учете приказчика и передаче товаров другому. Членами кооператива состоят почти все домохозяева района, число которых относится к общему числу населения с. Самаровского.

За последнее время число членов в кооперативе не увеличивается, выходящих почти нет.

Район деятельности Общества очень велик. В него входят члены из деревень: Мануйловской, Фроловской, Пашкинской, Чучелинской и др. деревень с расстоянием от кооператива до 50 и более верст.

Культурно-просветительская деятельность кооператива фактически выразилась только в помощи драмкругу материально на ремонт Народного Дома в сумме 306 р. 39 к., последний служит местом сбора кооператоров при собраниях.

Счетоводство ведется по самой простой системе, ведутся книги: кассовая, книга пайщиков, калькуляционная книга, книга разных счетов, книга рыбы и других товаров на комиссию по довольно интересной форме и ордера.

Настоящим счетоводом отчетность ведется чисто и в указанных книгах правильно, но на переход к Егоровскому счетоводству придется приложить усилие как со стороны инструктора, так и счетовода. Товары в настоящее время приобретаются только в союзе, набор их незначителен и не разнообразен за неимением товаров на рынке. Приобретать товары по ценам спекулятивным у частных торговцев граждане кооператоры не желают, потому что цены на них для деревни очень высоки, а индивидуальная стоимость денег в деревне выше, чем в городе.

Товары приобретаются на средства кооператива и вклады членов, а также на кредит, оказанный Союзом. При помещении имеется кладовая, в которой и будут храниться товары, а в настоящее время товары находятся на полках... Товары продаются только членам, а товары, имеющиеся в избытке, продаются и не членам. Продажа только за наличные, случаев кредита пока нет.

Товары сданы приказчику под отчет, со скидкой ему на усушку и утечку. Причем приказчиком не ведется за неимением книг ни еженедельные товарные, ни еженедельные ведомости.

Мера и вес правильные. Укупорочный материал проводится по книгам, как товар, особой порчи товаров не замечается, для хранения их имеются амбары. Председатель правления исполняет обязанности казначая. Книги казначая ведутся счетоводом. Приказчик сдает выручку ежедневно казначая. Счетовод исполняет обязанности секретаря. Жалование председателю, секретарю, приказчику мучного и рыбного магазина, приказчику лавки по 250 рублей в месяц, а подручному в лавке — 100 рублей.

Торговля начинается в 8 часов до 12 часов, с 2 до 6 часов с 2-часовым перерывом на обед... Число приверженцев кооперативов увеличивается все время, в особенности молодежи. В противовес им местные торговцы-спекулянты организовано выступают на собраниях, стараясь зародить смутнение в рядах кооператоров, недоверие к Союзу и отдельным лицам. Последнее время замечается желание многих исключить таких из членов кооператива; гораздо благоразумнее течение — не исключая их обезвредить. Большое недоразумение вызвал вопрос с мукой и овсом, который торговый агент Бублик предложил продавать по 26 рублей в надежде на то, что Союз сделает скидку на торговые расходы. Теперь получен счет от Союза, в котором мука поставлена 26 /по-видимому, должно быть 20 — В.Ц./ рублей плюс промышленный фонд 25%. Всего 25 руб. 30 коп. При незначительном обороте Общества убытки его разорят. Вот и шум, и недовольство Союзом. Потом частое изменение на муку тоже нехорошо отзывается на отношениях к Союзу. Причем очень путают наш Союз с кооперативом Закупсбыт. Рыбные операции проходят не очень успешно. Рыба сдавалась в большинстве случаев, чтобы получить мануфактуру... Общих собраний не было устроено инструктором, а 22 /декабря/ он присутствовал на собрании, как председатель такового, собранного для выяснения вопросов ранее намеченных и для изъяснения о Союзе, падении ценности денег и отвечал на задаваемые вопросы. Теперь на очереди в ближайшее время лежит направление счетоводства, проверка авансов и вкладов и акций Московского Народного Банка. Разъяснение устава, строения союза и вопрос о девальвации. Собрание статистических сведений и разработка Устава рыболовных артелей, а самое главное — кооперативная пропаганда в частных беседах и на собраниях... В личности доброжелательного молодого поколения, в большинстве солдат, с демократическими взглядами и при таком же отношении трудового крестьянства, при инструкторской помощи из Самаровского кооператива со временем разовьется громадный экономический культурный центр, который возьмет в свои руки экономическую мощь громадного района и будет духовным культурным рассадником знаний, очагом, из которого будут исходить теплые светлые лучи в гущу народной неорганизованности и узколичных отношений, не выходящих за порог собственного дома. Самаровский драматический кружок, имеющий в своих рядах бескорыстных глубоко демократичных работников на ниве народного просвещения, пока еще не идет рука об руку с кооперативной мыслью Демократии. Хотя уже замечается определенный пово-

рот и недалеко то время, когда он будет рассадником самодеятельности с лозунгом: «Все за одного, один за всех». В среде сельской интеллигенции еще нет твердого убеждения, что кооперация — сила, что она может выдержать борьбу с частным капиталом, может объединить массы трудящихся для борьбы за существование и освобождение от рабства частного капитала. Члены Правления и Ревизионной комиссии с живой кооперативной мыслью постараются разбудить в трудовой интеллигенции кооперативную мысль если не словами, то делом, которое, надемся, не заставит себя долго ждать. Председатель Правления Рубцов. Инструктор Лопарев.

Самарово /начало января 1919 г./

Уважаемыетоварищи.

В ночь на Рождество приехал из беглого объезда своего района в направлении на Селиярово. Причем вкратце сообщаю проделанную работу: у Шапши 27 /декабря, нового стиля/ сход, с оставшимся населением деревни, больше приходится устранять и объяснять напалки на Союз, а попутно с этим и вести пропаганду, цель которой главным образом сводится к доказыванию /преимуществ/ кооператива перед частной торговлей. Сход не дал реальных положительных результатов, потому что в деревне остались старый да малый, которые боялись принимать какие-либо решительные шаги без отсутствующих. 28 /декабря/ я собрал сведения о Правлении, экономические /сведения/ немного, в лавку не ходил, пока не торговали — приказчик ездил в город. До чего темный народ, прихожу на сход — ругают на чем свет Союз, сажусь в сторонку — слушаю. Оказывается, получили бумагу от начальника 4-го Милиц. участка о представлении данных об имуществе и средствах кооператива. Подсаживаюсь поближе — спрашиваю, в чем же виноват Союз? Насилу убедил стариков. Бланки, которые Вы оставлять намерены в кооперативах, совершенно напрасный труд. Вести их совершенно некому. При обратном проезде через Шапшу произвел опись товаров и когда спросил о счетоводстве, то на меня глаза, что и выпучили, с чем же его кушают, спрашивают. Оказывается, имелась только всего одна книжка приходных ордеров, в которую так вписаны суммы, что просто большого труда стоило разобраться в них даже и мне, не говоря о их счетоводах. В этих ордерах написаны только 10 членов, а об остальных приходится потрудиться вспомнить, перечисляя всех жителей деревни или по клочку бумажки, где надо приглашать все правление, чтобы прочитывать написанное. О приходе товаров еще можно найти половину счетов, но расход совершенно нет возможности установить — его никто не вел,

и средний % наложения тоже никак нельзя определить. Во всей деревне нет человека, могущего вести мало-мальски счетоводство. Привожу пример заглавия книги, где ведутся какие-то записи денег: «Книга на записку прихода и расхода своих для памяти и руководства обстоятельств, а также и всего кое-чего». Смеялся бы, да не смешно, а грустно, что так. Кооператив только держится исключительно энергией двух крестьян: Ф.В. Евстафьева — хромого, со сорванной медведем в единоборстве /коленной/ чашкой и потому ходящего на костылях и ведущего теперь записи, И.М. Лыпкина, вложившего в кооператив 1/2 всех сумм, и вот все работники, а кулаков, попов и дураков разве мало в деревне, чтобы разваливать кооперативы. Прошу Вас, товарищи, пожалуйста окажите Евстафьеву содействие в получении на Правление немного мануфактуры, /в качестве/ поощрения и не указывайте на недочеты, а то его это убьет.

Работа моя — завел все книги, кроме главной, сделал все записи в них, марки для забора, скидки приказчику не было, а не членам /кооператива/ он продавал товар, как ему Бог на душу положит, каждый мог брать только 1 пай и т.д.

В Шапшу за мной выехал помощник начальника Милиции и собирал сведения и застрашивал крестьян, которые ему ничего не говорили обо мне: «Ну, да мы до него скоро доберемся», — внушительно добавил он, — «И Вас упекем». В Самаровском ужас. Порки идут за милую душу: отпороли 1 шомполами, 5 ремнями, одного чуть не до смерти напугал начальник отряда револьвером. Зачастую делается и в не совсем трезвом виде, думаю, что и мне попадет по первое число. Пока пронесло тучу мороком. Уж думал просить отправить от искушения по Сургутскому направлению или в Вах, да боюсь, что мало сведущий я человек там буду. Здесь же одного меня скоро скушают. Травит уже на меня поп и купцы во всю, а офицеры стоят у них. Ну, да поживем увидим.

От Шапши выехал в Зеньковское, приехал сразу на сход всех окрестных сел и деревень и начал развивать мысль о том, что хорошо сделали, что не думают открывать кооператив, что пусть купцы отдохнут и поправятся на их благополучии... и т.д. Так выходит лучше, а то как кооператор приезжает — публика уже насторожилась, подход сначала чувствует. Против меня как гуси на токовище зашумели. Не надо нам кооператива... и т.д. Я попросил подумать, а сам со схода в ночь в Сивохреб. Дорога убродная, буря. Проехал почти сутки и здесь разъехался с председателем Сивохребского кооператива, выехавшего ко мне с книгами и делами. Тогда я собрал сход в д. Алексеевке в 15 верстах от Сивохреба, куда съехались на сход инородцы и рус-

ские окрестных юрт, здесь выяснил, что кооперативом некому руководить, предложил Отделение Самаровского кооператива — согласились. Сход кончился поздно ночью, а вечером следующего дня я был в Селяировском — 25 верст от Алексеевского. На сельском сходе от отделения они отказались, а кооператива у них открывать пока я не буду. Попутно час — 2 вверну программку для пропаганды и улаживаю или стараюсь уладить недоразумения. При желании в Селяировском можно открыть кооператив, но нет смысла, нет экономической мощи и людей, за исключением священника и учительницы.

Из Самаровского в 8 часов вечера выехал в Чебыковские, со старостой, который собирал сход, на котором и я имел возможность развить мысль о частной и кооперативной торговле и т.д. Слушали внимательно предложение входить в Зенковский кооператив, который намечен к открытию. В 2 часа ночи выехал в Зенковское.

Зенковское

В 5 час. вечера устроил собрание. Здесь наглядно устроил собрание, здесь наглядно убедился в ценности кооперативной пропаганды: после первой нерадушной встречи, на второе собрание уже совершенно другое настроение: не прошло и часу, как единогласно постановили открыть кооператив, а еще через час я закончил объяснение устава и заполнение его, подписку и заявление; начал выбор Правления и т.д. Затем показал запись вкладов и паев и записал несколько членов. Успешно началось дело. По 1-му паю почти не берут, /а берут по/ 2-4 и 6. Разнес по вспомогательным книгам, в главную книгу не разносил, все равно вести пока некому. На следующий день снова устроил собрание, поговорил об интересующих вопросах, объяснил обязанности Правления и Ревизионной Комиссии, затем устроил после схода особое собрание Правления. В культурном направлении работать некому, учительница А.Н. Тарасова не приспособлена к активной работе с крестьянами, а другой интеллигенции нет.

Торопковское

3-го утром выехал на Торопковское в сторону от тракта, днем познакомился с работниками и деятелями, а вечером устроил собрание. Очень хорошее осталось впечатление. Каждому товарищу желаю таких слушателей. Представьте интеллигентных слушателей на ученом собрании. То же и здесь. И откуда в такой глуши взялись такие интеллигентные люди, надо долго разбираться, главное — и ссыльных здесь не было. Говорил с ними долго. Предложил им со временем открыть у себя кооператив или отделение Самаровского кооператива. Многие за отделение. Несмотря на то, что самаровцы их часто надувают. Попросили литературу, много грамотных. После собрания человек 12 пошли за

мною на квартиру почитать книжку. Здесь я им прочитал «Сельские Потребительские Общества». Говорили и сидели до глубокой ночи. Очень хорошо поговорил и оставил хороший, осязательный след. Соберутся сами, побеседуют, а потом и решат, и напишут.

Шагала

4-го утром выехал на Шапшу. 35 верст дороги, скверная, бураны. Приехал вечером. Народ приехал из дороги из Тобольска, привезли «Николаевку». О сходе и говорить было нечего. Поговорил с учительницей. С изюминкой, но на подъем тяжела, а могла бы что-нибудь сделать. Убеждал заглядывать /в/ кооперативы и устроить воскресную школу для взрослых. Средств нет и принадлежностей. Сообщите, не может ли Союз оказать некоторую помощь вообще. Вероятно, и кооперативы помогут. Тут работал с Правлением 5-го и 6-го числа. Работы очень много. Вот, Абрам Никодимович*, когда доберетесь до наших мест, где нередко на всю деревню один или два полуграмотных и то мало, то, вероятно, согласитесь с нами, что кооперация у нас и в районах «Центросибири» не одна и та же. Здесь люди с большим природным умом, но безграмотные. Отчета не делал. Расценивал товар. Да и нет возможности составить, не подвели расчетов за муку и рыбу само собой, потом расчет Союзом и Бубликом** не закончен, и нет возможности угадать. Запишешь за Союзом, а выйдет за ними. Не знают кто, сколько сдал рыбы и сколько брал муки и семянки и /сколько/ взято у них денег. Разбираются и пока просили подождать с отчетом.

В ночь на Рождество приехал в Самаровское. В тревожное время мы живем. Ну да об этом что говорить. В Самаровском кооперативе не все слава Богу. Не нравится Председатель, не прочь и богатым подслужить, надо будет убрать, а поставить молодого крестьянина, любителя драматического кружка А.Г. Скрипунова. Да трудно будет — жалование председатель получает ладное, вот и не хочется, пожалуй. Ну, да уберем как-нибудь. В Самаровском драмкружке тоже неладно. Пьесы, которые ругают мужиков, ставить можно, а где ругают купцов — нельзя. Предлагаю из кружка выделить особое отделение — кооперативное — для постановки кооперативных пьес. Кажется, такое у нас количество наберется, что мы скушаем всех остальных. Приглашу крестьян побольше. Только вот горе, порядки теперь. Просите Союз Культпросвет помочь нам выпиской тех пьес, с ко-

* Возможно, член правления Обь-Иртышского союза А.Н. Чеботарев.

** И.А. Бублик — политический ссыльный, в будущем — один из организаторов партизанского движения на Севере.

торых не надо комиссару представлять 2-х экземпляров пьесы, а где же их нынче взять. И по списку постепенно бы и стали ставить кооперативные. Хлопочите каким образом приятным и других любителей играть кооперативные пьесы. С торговым агентом отношение самое хорошее. Предлагаю образовать особые комиссии из членов Правления, Ревизионной Комиссии, торгового агента и инструктора для решения мероприятий, разработки вопросов и проведения их на общих собраниях. Зондирую почву насчет рыболовных артелей. В Самаровском отчет пока оставляю, подождет отчасти потому, что хочу подождать старых инструкторов сделать там полную ревизию большого кооператива, а также и потому, что дело пока не терпит. Вот малость в Самаровском поработали, а 5-6 /января/ по старому /стилю/ выеду на Базьяновское. Просят отдельные лица там будет трудно, кампания против очень сильна. Бублику предлагали недвусмысленную взятку: «Нам что, мы и 100 тысяч не пожалеем, чтобы задавить кооператив, да нешто тебе и деньги не нужны» и т.д. Горячее дело будет. Бублик думает, что там не нужно открыть кооператив. Итак, 5-6 опять за работу и основательно до Батовского. Там давать буду отчеты. Теперь просто нет возможности писать доклады и отчеты, как предполагалось. Теперь тянут во все стороны. Дома работать не дают, постоянно зовут посетители в Елизарово. В Троицком был славный работник офицер Волобуев, забрали вчера. Инструктор хоть успокаивает, умиротворяет. Пока хоть первые шаги помочь сделать, а то ведь мупомрачениепрямо.

Пожалуйста, хлопочите об отделении в Самаровском, крайне необходимо. Работы гора. Угол непочатый, а про богатства хоть экономических сведений не собирай, а считай горы золота и только. Пишите, кто выезжает в Березов, хотя там и порют, но новых людей ничего, милуют.*

Проведу в Самаровском собрания 2-3 о рыбе, все недоразумения и с ценами на муку и др. продукты и товары. Прямо горе с торговым отделом. Надо брать твердую политику. Сейчас, например, едет от Самарова уполномоченный для выяснения недоразумений с рыбой; на месте я ничего не могу помочь.

Присылаю документ «руководителей нашего кооператива» с треском выставленных.

Инструктор Самаровского района Лопарев. Извиняюсь за неофициальный доклад.

* В следующем письме, полученном в Тобольске 14 января 1919 г., П.И. Лопарев сообщает о пересылке 2.500 рублей от Троицкого потребительского общества для покупки акций Московского Народного банка. При этом П.И.- Лопарев просит приобрести только две акции, а на оставшиеся 2000 рублей закупить товара.

Самарово /конец января — начало февраля 1919 г./

/П.И. Лопарев пишет, что 21 января он выехал из Самарово и в этот же день в 4 часа вечера прибыл в Базьяновское — В.Ц./*

...Вечером собрал группу крестьян, интересующихся кооперацией во главе с учителем Е.П. Поповым, устроил из них как бы ударную группу и с места наметил должности в Правление кооператива с учителем Поповым на месте председателя и счетоводом Хр. Башмаковым**... Беседовали до поздней ночи... Днем 22.1 набирали сторонников и пропагандировали в частных беседах с покупателями выгоду кооперативной Лавки. Вечером сход. Ждали бурной встречи. Ничего. Народу было мало — 31 человек, все разъехались. На полу много кулачков. Все время речи — беседы, сидят ко мне спиной, морщатся, крикают. Часа через 1 1/2 и их пронял. «Так кто же, — говорю, — за кооператив?» «Пиши меня», — кричит один из них. И так единогласно постановили открыть кооператив, а дабы не пришло желание разделить товар общественной. Лавки по рукам тут же и постановили: товар общественной Лавки сдать в кооператив, а вкладчикам уплатить %.... Составлял отчет. 25.1 отчет закончил. Записалось сразу 100 человек...

Самарово, 25 февраля 1919 г.

Уважаемые товарищи. Сегодня закончил отчет Самаровского общества потребителей. Получаем прибыль побольше 20.000 рублей послезавтра объявляю общее собрание по распределению полученной прибыли... /Далее автор пишет, что за Самаровский район борются другие кооперативные организации, и поэтому нужно принять меры, чтобы не потерять его для Тобольска — В.Ц./ Мне кажется, что в Самаровском стали на новую, правильную дорогу. Отбросили всякую благотворительность. Если кооператив тебя кормит, ему все и отдавай, а не то иди к купцам. Приходит вчера паренек, просит муки. Говорит, что подрядился купцам дрова ставить. А ты купцам дрова ставишь, а разве мы не берем? Иди покупай муки у купца, а там мука за 50 р. а дрова по 40 р. у нас же 25 и 32, и за дрова думаем не меньше дать. И много таких картин. Интересно сейчас в Самаровском. Только вот разрываешься. Вероятно, со стороны-то я плохо работаю, но здесь зато в работе с утра и до ночи, а часто и ночи до утра. Про праздники давно позабыл, а об отдыхе и думать не моги. После масленицы

* Текст приводится с купюрами. Краткое изложение пропущенного текста дается в скобках.

** По-видимому, это Хрисанф Башмаков, в будущем — один из руководителей партизанского движения на Севере. В декабре 1919 г. отряд под его командованием занял Сургут, оставленный колчаковскими войсками.

через неделю, поеду вниз по Оби, до Сухорукова... А народ стал беднеть. Поплыли старые николаевки в кооператив, видно, до крепких дело доходит... /Далее П.И. Лопарев просит написать, сколько ему положено жалованья. Внизу карандашом написано: «С 16 дек. по 1 мар. 1625 р. 01 к» - В.Ц./...

Самарово, 2 апреля 1919 г.

Добрался до Самаровского 1 апреля. А сегодня, 2-го апреля, в 12 дня отправляюсь на открытие общества в дер. Торопках или Скрипунной верстах в 80 от нас в стороне тракта. Придется ехать сначала на Шапшу, потом свернуть в сторону, а оттуда проселочными дорогами выберусь на Березовский тракт — в Белогорье иду до Сухоруковского. Думаю, что особенно там ничего не сделаю, просто побуду по суткам — соберу сходы и погляжу ведение книг. Весна нынче будет «дружная», надо торопиться, а то застряну где-нибудь в дороге. В Самаровском дела идут ничего. Подтолкнул организацию невода пока одного, а может и 2-х — одного кооперативного, второго артельного — не знаю, выйдет нет. Главное — нет материалов. Например, наплав — нет, а если и есть, то просят по 4 рублей за наплав, а его надо на невод 1500 штук. Мережа у вас есть, но нет снасти.

Купцы всячески тормозят организацию невода. Вчера было закупили у одного торгующего 1000 штук наплава и дешево — по 1 рублю штука, а вечером прибежал купец и разубедился, обещал сам взять и т.д. В результате наплав уже 3 рубля 50 копеек. Поеду вот по деревням там как чего попытаю, да постараюсь заарендовать песок «Гласковский» для Самаровского кооператива — (1/2 принадлежит инородцам), а потом будем покупать у кузнеца Сидора невода — все равно неволить-то негде будет. Вероятно, сгноят, а не продадут. В общем, 1 невод по всем данным сгношим. А на купцов только посмотреть бы вам, так сразу бы на душе хорошо стало. Соскин здесь проводит интересную комбинацию: собирает у общества удостоверения на покупку и провоз муки и мануфактуры откуда-то, а откуда, не знаю. Только удостоверения ему что-то не дают. Надул он их изрядно в прошлом году — и баста. А интересный довод наши кооператоры пустили против этих удостоверений: смотрите, купцов-то дорогою прижимают (грабят), а деньги и ваши «уйдут». Ну, понятно, желающих нет давать и деньги, и удостоверения. Во всяком случае надо бы там узнать, что и куда — для чего таковые удостоверения? В земстве интересное явление. Председатель земского собрания Соскин (не гласный, пролез как-то) и поп (секретарем — тоже не гласный). И вот творят, что Бог на душу положит. Напри-

мер, при прошлом Земском Собрании поп стал читать список гласных и умышленно пропускает лиц, отобранных Лушниковым и Туровым (а писарь наглядно показывает рукою ниже спины). Гласные прекрасно поняли, что их уходят, и ушли. Особенно страдает 1 старик — 40 лет беспорочно прослуживший на общественной службе и отобранный... только потому, что сын у него якобы большевик. Насколько мне известно, нигде сих указаний по этому предмету не было, и если считать, что над гласными просто было произведено насилие без суда и следствия, не лишаящее их права занимать места гласных, что земское собрание состояло из гласных старых (новые выборы не утверждены), что гласные глубоко обижены таким «уходом». Я бы и просил вас, уважаемые товарищи, спросить Александра Алексеевича как Предземсобрпредседателя земского собрания (я думаю, что его должны освободить) имели ли основание указанные лица поступить так с гласными ВЗ Управы /волостной земской управы/. Газеты получаю, спасибо. Нового много, но не так чтобы для вас очень интересно, а потому и молчу. Что у вас нового? Пока до свидания. П. Лопарев. Торопковское село очень небольшое, пока записалось 65 членов, но денег сразу собрали 10.000 рублей. Центр выезда самоедов.

Пушнины много, но цены немного выше тех, что указывает склад. Купцы тоже много не берут. В общем, политика выжидательная. Сам я не сторонник поднятия цен. Если их поднять, т.к. будет брать более высоким ценам, — значит пушнина пошла.

Сухоруковское, 9 апреля 1919 г.

/Автор пишет, что отсылает отчет Сухоруковского общества. Прибыль этого общества составила 23.000 рублей, из которых 19.300 выделено на постройку школы — В.Ц./

Прошу обратить самое серьезное внимание при съезде уполномоченных об организации в Самаровском всей тяжести рыбных операций. Иначе вся наша кооперация здесь, на Севере, может вылиться в кривое дерево — например — в Трест рыболовов, и тогда Север будет диктовать цены рынку, а не наоборот. Ну пока! До лета. Постараюсь отдохнуть. Тут каждый день сходы в Торопках, Белогорье, Елизаровском, Сухоруковском и Троицком — прямо вместо головы горшок делается. До свидания. П. Лопарев.

Самарово, 21 мая 1919 г.*

Кооперативы, лишившиеся мобилизованных работников, начинают бездействовать. Дальней-

* Это телеграмма, которую вместе с П.И. Лопаревым написал и его ближайший помощник — торговый агент И. А. Бублик.

шие мобилизации разрушат эти экономические организации, просим возбудить ходатайство оставить председателя, счетовода. Выслать первым парходом соли, муки Потребительным Обществам. Некоторых случаях сверх аванса этом случае доверить распределить усмотрении агента телеграфировав заранее выходе пархода...* агент Бублик инструктор Лопарев.

Самарово, 3 июня 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Делюсь с вами впечатлениями за весенний период и до времени отправки из Тобольска. По пути я заехал в Батовское, Реполовское, Тюлинское и Базьяновское. Останавливался по мере надобности, иногда и на день. Оттуда дня два провел в Самаровском. Весна предполагалась ранняя, и потому предполагал сразу же выехать на Сухоруковское, но усиленная просьба Скрипуновского-Торопковского общества приехать и открыть у них общество потребителей ввиду того, что там требовались товарные операции, я выехал туда вместе с торговым агентом Бубликом. По пути заехали в Шапшенское. Посидели полдня... выехали на Белогорье. Отсюда Бублик вернулся в Самаровское, я дальше на Север, минуя Троицкое в Елизаровское. Здесь начался учет приказчика и отчет. Устроив сход, приехал в Сухоруковское, переделал отчет, разнес прибыль в отчете. Затем вернулся в Елизаровское и делал отчет. Ох и пошумели мы на собрании в вопросе распределения прибыли. Норовят всю прибыль на церковь, и все кулаки. А насмерть надо 2-классное училище. Удаюсь уломать. И теперь имеется фонд 2-классной школы в 25.000 рублей! Из Елизаровского поехал в Троицкое. Сход собрал ночью после всенощной. Утром поработал в кооперативе с правлением и счетоводом. Начался дождь, пришлось торопиться в Самаровское, здесь и закончил свое путешествие и остановился на весновку и отдых. Почты в Тобольск не холили. Делиться с вами свежими впечатлениями не представлялось возможным. Поездка в Сухоруковское и др. кооперативы была ознакомительная и вынес оттуда хорошее впечатление. Кооперативы славные, но горе в том, что нет людей, и только поэтому некоторые кооперативы моего района могут погибнуть. Так, распалось Зенковское общество потребителей только потому, что не нашлось хорошего человека. Собрали деньги, завели книги, и ник-

В следующем небольшом письме, полученном в Тобольске 27 мая 1919 г., П.И. Лопарев сообщает об отсылке отчета Елизаровского потребительского общества. Сам отчет в деле отсутствует. Автор пишет, что прибыль общества составила 54.006 рублей, из которых 25.000 выделено на двухклассное училище. 5.000 — на храм и 12.000 — на безнадежных должников. По 100 рублей в месяц выделено призванному на военную службу счетоводу.

то не едет ни за товаром, не хлопчет о заготовке дров. Теперь и устав их нет смысла регистрировать. Плохи дела и в Тюлинском. Но выехать туда не могу. Вы дали столько работы, приходится ехать в Белогорье и дальше в Сухоруковское для заполнения экономических бланков и опросных листов. Первых у меня совсем нет. 16—18 был вызван из Самаровского в Базьяновское. Где начинался разв/ал/. Базьяновское сильное общество пришлось за неимением другого способа передвижения ехать в душегубке, а тут добрых 100 верст против течения. Вперед поехали вдвоем, а назад пришлось одному. Купил душегубку и часов в 8 удрал в Самаровское, благо погода была не очень сильная. Таким образом расходов для Союза сделал только суточных 30 р/ублей/. Мог получить земских, но пользоваться ими не хочу, потому что восстанавливать против себя население, у которого и так на плечах масса проезжающих, нет смысла. Буду таковыми пользоваться только в самых исключительных случаях. В Базьяновском дела принаправил. В общем, не столько нужна была работа, как приехать да поговорить с ними. Дома никого не было. Все село было на неводьбе — у села. Перебрался через протоку, и здесь вечером остановили одну очередную артель из трех неводящих и из 35 человек или побольше, устроили беседу об их делах и кооперативе. Погугорили до утра поуспокоились, а ночью я выехал в Самаровское один на переметке. Теперь заканчиваю доклад к съезду инструкторов, т.к. ранее не будет всех нужных под рукою материалов. Еду на днях в Сухоруковское, оттуда вверх по Иртышу по кооперативам до Батовского и на съезд инструкторов и уполномоченных, если там будем нужны, конечно. А потом обратно... для составления отчетов и основательной проработки обществ. Думаю, до Сухоруковского ехать на лодке — народ на неводьбе — парходов нет, а обратно со Станкевичем в Самарово и лодку на парход. Пока, всего хорошего. Попутно на себя возьму ознакомительную работу с ценою товаров и рыбы и др. П. Лопарев.

Самарово /лето — осень 1919 г./*

Уважаемые товарищи!

При малейшей возможности спешу сообщить о своем здравии и пока благополучии. Милостию Божиею обретаюсь в Самаровском почти все время последнее. После расстрелов, порок и прямо сбрасывания в Иртыш и Обь с парходов, жизнь немного утихла, и сейчас мы начинаем показывать нос из воды и чуть-чуть дышать. Приходилось жить мудрено: просто

* Место составления письма указано нами предположительно.

приходится удивляться, как мя, раба божия, не сбросили в трюм и не отправили в Томск. Объясняю это одним. Когда меня надо было - меня под руками не было. Ночью приходилось ночевать где-либо подальше. Днем погуляешь (показать что не скрываешься) а ночью опять до свиданья. Ночью арестов обыкновенно не делали. За все время работать приходилось не так много. Ездили в Шапшенское Пт. об. /потребительское общество/. Дело там запутано страшно. Насилу произвели совместно с Бубликом учет... Отчета не составлял. Работали в Самаровском, а так больше никуда ехать было невозможно. Общие собрания милицией запрещены и т.д. и т.д. Теперь передохнул, думал ехать вниз по Оби, но жду от Вас информации. Что и как у Вас? Пишите, пожалуйста, в каком вы положении и что думаете делать? Кооперативы у нас переносят происходящее хорошо. По крайней мере кооперативы вниз по

Оби... Сегодня медведь убил 2-х коров надо будет подкараулить ночью сегодня — авось обдерет. Вчера кончилось земское собрание. Был секретарем. Постановили открыть лечебницу и все школы волости на суммы уездного земского сбора. Ну пока, пишите ваши надежды на этот год и новости о белых и красных. Мы здесь ничего не знаем. Бублик скрылся — хотели арестовать. Его обязанности исполняет П.П. Чехомов. Ну пишите пока. Овсянкин и Расторгуев скрылись... О Назарове ничего не слышно. П. Лопарев.

Литература

Белобородое В.К. Краеведы Югры.
Гамбаров А. В., П. И Лопарев. Тюмень, 1958.
Гольдберг Р. Не склонив головы//Тюменская правда. 1988. 30 января;
Тимофеев Г. Воин и исследователь Севера//Югра, 1991. №1. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области.Ф. 209.

КОПИЯ

Акт обследования Юганской туземной школы-интерната, произведенного 6 января 1928 года представителем ОКРИКа, предкомсевера Первухиным при участии предрайтузсовета Когончина, зав. школой Тетюцкой и второго учителя школы Чемагина

Школа организована осенью 1926 года для обслуживания детей остяцкого и самоедского насе;кльшя. Район деятельности школы распространяется с севера на юг в радиусе до 1000 верст. Окружающее население занимается преимущественно рыболовством и охотой, а в северной части преобладает тундровое хозяйство.

Школа помещается в русском селении Юган, расположенном на реке Югане на юг от Сургута на расстоянии 65 верст зимним путем.

Школа и интернат размещаются в муниципальном доме, занимая 4 комнаты и кухню. Во второй половине дома находятся изба-читальня и Нардом. Во флигеле на одном дворе со школой помещается местный кооператив: лавка, контора. Занимаемого помещения для наличного состава воспитанников достаточно. Помещение теплое и светлое. Арендной платы взимается Риком 360 руб. в год.

Учителей в школе двое: заведующая Тетюцкая Юлия Францевна, окончившая школу 2-й ступени, учительский стаж 5 лет, в туземной школе 2-й год. Второй учитель — Чемагин Петр Емельянович, окончил Тобольский педтехникум. Учителемствует 2-й год с начала возникновения тузшколы. Тетюцкая остяцкий язык понимает и хотя слабо, но изъясняется, Чемагин остяцкий язык понимает, но изъясняется пока слабо.

От тузшколы организовано в юртах Навойлокиных отделение без интерната в 20 верстах от С. Югана и ликпункт в юртах Чалтомовых в 17 верстах от юрт Навойлокиных.

В школе работает заведующая тов. Тетюцкая, а в отделении и ликпункте — второй учитель, тов. Чемагин.

Количество учащихся:

В школе-интернате 1 группа: остяков — 4; самоедов — 5; из них — 3 девочки-самоедки. 2 группа: остяков — 3; самоедов нет.

В отделении школы в 1 группе 9 остяков, из них — одна девочка. 2 группа — 3 остяка.

В ликпункте — 3 остяка и 2 девочки-остячки.

Полный пансион предоставляется только обучающимся в школе-интернате — 12 учащимся.

На ликпункте взрослых — 2 остяка, остальные школьного возраста.

Обслуживающего персонала при интернате одна сторожиха-кухарка, она же и прачка, получает в месяц 25 руб.

В Навойлокинских юртах выплачивается хозяйину, где помещается школа, — 25 руб., в зимние месяцы с уборкой помещения и предоставлением бесплатной подводки учителю раз в неделю для поездки в с. Юган.

Школа содержится исключительно на суммы, отпускаемые по Госбюджету, и иных дотаций ни откуда не получает.

Окроно переводит аккуратно жалованье учителям, но удерживает с них стоимость перевода.

На обслуживающий персонал денег не поступало с начала учебного года и жалованье ему выплачивается из имеющихся свободных подотчетных сумм.

С начала учебного года поступили под отчет следующие авансовые суммы:

На освещение	20 руб.
Оборудование инвентаря и хозрасходы	1230 руб.
Закупку наглядных пособий	168 руб.
Отопление	100руб.

Провоз инвентаря от Тобольска до Югана	150руб.
Питание воспитанников	150руб.
Ремонт помещения	500 руб.
Всего	2318 руб.

ТОЦДМИ.Ф.30.0п. I. Д. 607. Л. 146.

Л.В.Алексеева

Комментарий к документу

Представленный документ содержит различную информацию об одной из первых туземных школ - Юганской. Достаточно полно характеризуется материальное положение школы, даются сведения

об учителях, количественном и национальном составе учащихся. Документ извлечен Л.В. Алексеевой из Тюменского областного центра документации новейшей истории и является копией.

ЧАСТЬ III. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

К вопросу об образовании специальной лексики северных районов Тюменской области

В настоящей статье предпринята попытка выявить особенности образования специальной лексики (в части народных названий лекарственных средств), нашедшие отражение в широко известных «Материалах для областного словаря» А. М. Кошкаревой.

Характерной чертой означенной лексико-семантической фуппы слов (ЛСГ) является неоднородность социального статуса: часть ее проявляет себя как феномен универсальных нормированных единиц, часть функционирует как микросистема территориальных диалектизмов с большим или меньшим диапазоном варьирования их субстанции. В количественном отношении обе группы представлены примерно одинаково (нами проанализировано 122 лексемы, 75 из которых относятся к словам, ограниченным в территориальном отношении).

Остановимся на группе слов, которые могут быть классифицированы как диалектные. Среди них выделяются:

1) фонетические диалектизмы: аромашка (ромашка лекарственная, *mutricaria inodora* : «Эта аромашка аппетитна, а други отбели»)*; купоротник (папоротник, *dryopteris filixmas*: «Купоротник рвали ближе к кладбищам»); ир-корень, корень ир (аир болотный, *asorus galamus*: «Эта трава ир-корень хорошо помогает от желудка», «Корень ир ото всего»); бруснига, брусница (брусника, *vaccinium vitis idaea*: «Бабушка восемь ден пописать не могла, я ей говорю, бруснику поешь, листочки попарь, попей, и ей помогло», «Брусницы на бору растут»);

2) морфологические диалектизмы: алой (алоэ древовидное, *aloe arlovescens*: «У парня болела нога, лечили едом, дак ково этот ед, лечили алоем»);

3) лексические диалектизмы — инновации, параллели которых отсутствуют в литературном языке, и вызывающие по этой причине безусловный интерес у филологов и этнографов. В структурном отношении лексические диалектизмы представлены однословными и составными единицами. Словообразовательный анализ показал, что процесс их образования в подавляющем большинстве связан с семантическим переносом, основанным на метафоре и метонимии. (Вслед за Д. Н. Шмелевым, Н. Д. Арутюновой под метафоризацией понимаем перенос названия одного понятия на другое

по сходству признаков понятия, а также типы переносов, возникших по сходству ассоциации или эмоциональных впечатлений (термин В. Н. Прохоровой). Метонимию рассматриваем как разновидность импликационных связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи). Поясним сказанное несколькими примерами: блошник (мята полевая, *mentha arvensis*; перенос основан на эмоциональном впечатлении, связанном с установкой, что запах мяты способен отпугнуть или уничтожить насекомых: «Блошник кладут в изголовье постели от блох»); кочень (репей, *lappa tomentosa*; перенос основан на сходстве структуры (ср. кочан капусты): «Лопуха мы кочни зовем»); лапыжник (то же, что репей; перенос строится по сходству формы (ср. еловая лапа): «Вот лапыжник — от простуды, лист-ту крутят от желудка»); коневник (шавель конский, *gumex confertus*; основой переноса служат ассоциативные впечатления: «От поноса пьют крепкий чай, едят сухари, иногда употребляют коневник»); пестик (побег молодого хвоща, *eguisetum pratense*; перенос осуществляется с одновременным действием метафорического и метонимического переносов — сравнивается форма побег + перенос частной характеристики на состояние (маленький, молодой пест): «Пестики, молодые побеги, едят от ногтеедки, распаривают в воде и прикладывают к большому пальцу»).

Как единичные отмечаются случаи переноса, соотнесенные с синекдохой: крапива (1. Крапива двудомная, *ortica dioica*; 2. Жгучая крапива, *urtica urens*; в данном случае фиксируется обобщающая синекдоха: обозначаемое явление предстает как совокупность однородных составляющих, происходит «расширение» значение слова, придающее ему обобщающий характер: «Эта трава-крапива очень хорошо помогает для укрепления волос, нужно полоскать два — три раза в неделю настоем, в ней много витамин», «Крапива, ей ноги натирают: мы ходили раньше в Абалак за восемьдесят километров, подошвы больно, мама говорит: «Шоркайте мелкой крапивой, — нажалились и спать, а утром стали, ровно нигде не были»); одуванчик (одуванчик лекарственный, *taraxacum officinale*; перенос связан с семантической конк-

ретизацией, которая сопровождает замену — меньшее вместо большего: «Корень одуванчика улучшает аппетит и помогает печени», «Одуванчик — сто двадцать штук (цветы) в одеколоне стоят десять суток, натирать ноги», «Молочко одуванчика сводит бородавки»).

Несколько единиц анализируемой ЛСГ образованы морфологическим способом на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов. При этом, заметим, производящие основы выступают не в прямом, а в переносном значении, в иной семантической «ипостаси»: белоголовник (тысячелистник, *achillea millefolium*; лексема возникает в результате основосложения и суффиксации, одна из основ метафоризируется по сходству формы, другая — по сходству цветовых впечатлений: «Белоголовник за рекой растет...»); вересовник (можжевельник обыкновенный, *gymreus communis*; переносное значение производящей основы базируется на общности формы сравниваемых понятий (вереск — низкий кустарник с мелкими листьями, можжевельник — вечнозеленый кустарник с игольчатыми или чешуйчатыми листьями), суффикс — ник — формирует общее значение предметности: «Вересовником охотник натирает свои руки и капкан на лисиц, чтобы не оставить запаха рук, который лисица чует»); девятильник (дикая рябинка, пижма, *tanacetum vulgare*; перенос (по функции) производящей основы объясняется способностью рябины излечивать от девяти заболеваний + суффиксы — иль-, — ник- : «Девятильник пьют от геморроя, порошком засыпают порезы, пьют от грыжи, от «родимой». Девятильник от жолуницы (желтухи)»). Морфологическим способом образованы также слова настав (настой из нескольких трав: «Если поллитра крутить, сначала один лапыжник и алой, тоже поллитра, лапыжник отжать два — три раза, поллитру меду и поллитра водки — это от легких, от жолудку, все называцца настав»); чернобыл (полюнь обыкновенная, *artemisia vulgaris*: «Чернобыл этот молоденький, а этот постаря»).

В группе однословных номинантов лекарственных средств присутствуют уменьшительно-эмоциональные формы слов: ветренка <• ветренник (ветреница лесная, *anemone silvestris*: «Трава ветренка — вот если чо с ветру сделацца, я на нее лажу, или можно так хоть пить», «Ветренник от болей, от сворота, то есть зуда»); каровяшка <- каровяк (каровяк обыкновенный, *varlascum thapsus*: «Каровяк, его выдавлят, как молоко получацца, тожо лекарственно», «Каровяшка от воспаления легких, каровяк зовут, она длинна, а на верху у ей така шишечка, в лесу растет»); кислянка <- кислица (кислица обыкновенная, *oxalis acetosella*: «Эта травка кислянка, она от болезней нервной системы», «Кислица называется травка с мелкими тройными листьями»); медушка <- медуница (медуни-

ца, *pulmonaria molissima*: «В детстве медушки ели, стебель чистится, сладкий, цветы синие», «Медуница мягчайшая, лёгочница, легочная трава»); щелкунчик 4- щелкун (мыльнянка лекарственная, *saponaria officinalis*: «Щелкунчик скрипит етот, его мало, кипятком запаривают и привязывают... когда шшолкат», «Нарвала щелкуна-то, у меня рука-то щелкат дак, щелкун, кипятку запаришь и привязывать, попить можно». Уменьшительно-эмоциональные формы хотя и являются формально уже другими словами, связаны тем не менее со словами полных форм, компоненты их лексических значений (сингникат, парадигматические и сингматические связи, грамматическая соотношенность) совпадают. Различия заключаются в эмоциональной окраске, которая, как и у большинства размерно-оценочных существительных, выражена и является преимущественно положительной. Вместе с тем нельзя не отметить, что в отдельных словах эмоциональная окраска исчезает (ветренка, кислянка). О том, что словоформы с эмоциональной окраской теряют со временем оценочные признаки, свидетельствуют примеры их недифференцированного употребления.

Рассмотрим некоторые особенности метафорического словообразования двусоставных специальных слов. Среди них выделяются две разновидности метафоризации: составные термины-единства и термины-сращения. Они немногочисленны и отличны от других видов составных терминов. На основе сходства признаков сопоставляемое понятие обозначается словосочетанием, которое из свободного превращается в устойчивое, во фразеологическое, различной степени связанности. Прежде всего, это термины, аналогичные тем фразеологизмам литературного языка, которые классифицируются как единства. У составных терминов такого типа основания метафоризации, как правило, понятны. Составные наименования этого типа содержат образно-экспрессивные коннотации вследствие осязательности процесса метафоризации и определенности признаков переноса: богородская трава (тимьян ползучий, *thumus seopillum*; название травы связано с почитанием у православных славян Богородицы как защитницы от бед, нечистой силы, напастей и физических страданий: «Богородская трава от всех болезней»); заячьи ушки (плаун булавовидный, *lycopodium clavatum*; происхождение лексемы объясняется переносом по сходству формы и функции (травянистое прямостоячее растение с мелкими чешуевидными листьями — особенность животного в момент опасности поднимать уши в вертикальное положение: «Заячьи ушки от родимой»). В ряду фразеологических единств могут быть рассмотрены и такие терминованные сочетания, как адамова свеча (каровяк обыкновен-

венный, *varbasum thapsus*: «Адамова свеча от головной боли»); земляной ладан (валериана обыкновенная, *valeriana officinalis*: «Земляной ладан от колотья, от поноса»). К этой группе примыкают терминированные словосочетания, семантически аналогичные общелитературным фразеологизмам — сращениям. Как известно, сращения характеризуются максимальной семантической слитностью и выступают как название единого нерасчлененного понятия, тем не менее реликты семантической расчлененности в составном наименовании свидетельствуют о процессе метафоризации всего сочетания: адамова голова (мордовник обыкновенный, *echinops ritro*: «Адамова голова, корень в настойке от головной боли, от головокружений»), егорьево копые (герань луговая, *geranium pratense*: «Егорьево копые от сердца. Егорьево копые — в сердце колотья, а в медпункте нетука»).

Значительно чаще в исследуемой ЛСГ отмечаются составные наименования иного типа. Это словосочетания, где метафоризировано прилагательное, а существительное — основной компонент словосочетания — является словом литературного языка, образованное не семантическим способом. Необычность употребляемых прилагательных объясняется сопоставлением понятия, называемого основным членом словосочетания, и понятия, от названия которого образовано прилагательное. Метафоризация прилагательного происходит, таким образом, только в словосочетании: сердечные корни (валерианалекарственная, *valeriana officinalis*; название возникает в результате реальной связи между понятиями (сердечные корни предназначены для лечения заболеваний сердца): «Сердешны корни Авдотья Павлова давала»). Разновидностью данного типа метафорического образования составных наименований является образование словосочетаний, в которых прилагательное — метафора в соединении с существительным широкого значения сужает его и образует видовой термин: полевой чай (лабазник вязолистный, тавалга, *spirea ulmaria*; чай, приготовленный из цветов и листьев таволги: «Пьют полевой чай, или лабазник»); зеленый чай (настой, приготовленный из листьев смородины, малины и таволги (лабазника): «Лентом зеленый чай хорошо, заварись — дух хороший»); аршинный чай (то же, что и полевой чай; название «аршинный» указывает на то, что этот чай, в отличие от традиционного и в известной мере дорогостоящего напитка, не покупался бедными на фунты, а готовился в естественных условиях в количестве неограниченном); горькая трава (арника, *inula britannica*; смысловое значение возникает на основе вкусовых свойств растения и сужения значения признака «горький», который закрепляется за конкретным фитопрепаратом —

горькой на вкус может быть не только арника, но и многие другие травы: «Горькая трава, дак и желудочны капли из нее делают»); насадная трава (полынь горькая, *artemisia absinthium*; в данном случае обнаруживает себя номинативная метафора, появляющаяся в результате замены одного значения другим: «Вот это от насады... чо тяжело подымешь, в нутрях все заболит, насадну траву пить»); черная трава (венерин башмачок, *cypripedium macranthon*; в говорах Прииртышья получила свое название, возможно, по окраске наружных лепестков цветка на верхушках стеблей; в лесах Центральной России и Западной Европы встречается венерин башмачок с разными цветками: желтым, красным, кроваво-красным, с лепестками зелеными и пурпурными, с белыми пятнами: «Черная трава от испугу, успокаивает нервы»).

Краткий словообразовательный анализ лексем, обозначающих народные названия лекарственных средств, позволяет, во-первых, подтвердить мнение ученых (В.Н. Прохорова, И.А. Королева) о регулярности и продуктивности семантического образования в области специальной лексики, во-вторых, перечисленные примеры подтверждают не только возможность образования специальной лексики на диалектной основе, но и свидетельствуют о том, что в качестве специальной лексики используются сначала слова в специальном окказиональном употреблении.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на актуальность работы, сделанной доцентом Кошкаревой А.М., по составлению и собиранию специальной лексики северных районов Тюменской области. Ценность «Материалов для областного словаря» заключается не только в хорошем истолковании значений, в прекрасном подборе цитат, которые подтверждают наличие в говорах слова, но и в плане изучения русского языка, являющегося составной частью культуры и самосознания русского народа.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1978. Т. 37.
- Кошкарева А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области). Часть 1. Лексика рыболовства. Нижневартовск, 1993; Часть 2. Лексика ямщины и связанных с ней сапно-тележного и шорного промыслов. Лексика лодочного промысла. Лексика охоты. Нижневартовск, 1995; Часть 3. Лексика народной медицины. Лексика кедрового промысла. Лексика сбора ягод и грибов. Лексика сенокосения и сеноуборки. Лексика прядения и ткачества. Нижневартовск, 1997.
- Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) М.: МГУ, 1996.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Источники «Словаря специальной лексики северных районов Тюменской области»

За последние десятилетия издано несколько региональных словарей, содержащих лексику различных тематических пластов говоров Сибири, в том числе и промысловую. Лексика Тюменской области специальнолексикографическому исследованию не подвергалась, но своеобразие и богатство промысловой лексики Тобольского Севера издавна обращало на себя внимание образованных людей края. Так, много профессионализмов содержится в «Списке тобольских слов и выражений» Зобнина, Николаева и Патканова (Живая старина. СПб., 1899. Вып. 4). В «Ботаническом словаре» тобольского губернского агронома Н.Л. Скалзубова (Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Вып. 16) и других источниках. Первой попыткой целенш давленного отражения промысловой лексики, бытовавшей на территории Тюменской области, стали «Материалы к словарю промысловой терминологии Тобольского Севера» П. Шенберга, опубликованные в «Бюллетене общества изучения края при музее Тобольского Севера» в 1930 году. Словарь содержит 135 слов, отражающих в основном лексику рыболовства и охоты как наиболее развитых в этом регионе. Словарные статьи в этом издании не имели общепринятого лексикографического стандарта (грамматических, стилистических и других помет, ударения и т.п.), но словарь был интересен тем, что включал устаревшую лексику и описание некоторых предметов промысла, уже вышедших из употребления.

Однако регионального словаря специальной лексики северных районов Тюменской области по сегодняшний день не создано, хотя необходимость издания, которое отразило бы «неисконное» распространение русского языка на одной из самых ранних по заселению территорий Сибири, назрела давно.

По нашему представлению, такой словарь не должен быть лишь дифференцированным словарём, так как получить полное представление о системе промысловой лексики в говорах без учёта и иллюстрации органической связи диалектной лексики с лексикой литературного языка невозможно: большое количество слов если не являются литературными, то образованы от тех же корней, что и слова литературного языка. Следовательно, нельзя составить полного представления о словарном составе промысловой лексики во всём её лексико-семантическом многообразии конкретных употреблений в речи, если исключить по какому-либо признаку часть этой лексики. Словарь должен быть максимально полным, отражая лексику того или иного промысла, производства. «Отоварь специальной лексики северных районов Тюменской области» является опытом такого недифференцированного словаря. Хронологические

рамки словаря специальной лексики **обследованного** региона довольно широки, так как одна из задач автора — описать не только наименования, ныне употребляемые, но выявить и архаичные слова. Именно в этом слое, как показывает лексико-семантический анализ, больше всего заимствованных слов из финно-угорских и тюркских языков коренных жителей, дающих ценный материал о языковых и материальных контактах русских переселенцев с различными этническими группами местного населения Тюменской области. Эта задача определила и круг источников словаря, который, кроме записей диалектной речи, включает и сведения из печатных и рукописных источников, созданных на исследуемой территории в XIX — начале XX вв. местными авторами и содержащих большое количество разнообразной промысловой и производственной лексики.

Стройную классификацию источников диалектной лексики дала О.И. Блинова в монографии «Введение в региональную лексикологию».¹ В работе называются основные (народные говоры) и дополнительные (экономико-этнографическая литература, фольклор, художественная литература) источники местной лексики. Данная классификация не вызывает никаких сомнений, она истинна, научна, но в связи с изучением отдельных групп лексики может быть конкретизирована в отдельных ее звеньях. Так, в нашей работе мы будем говорить об особом значении архивных материалов и экономико-этнографической литературы о крае в связи со сбором специальной лексики в говорах Тюменской области. Такая конкретизация особенно нужна при диахронном изучении специальной лексики, при составлении областных терминологических словарей в синхронно-диахронном аспекте.

Естественно, народные говоры останутся основным источником при изучении специальной, или, как ее еще называют, производственно-промысловой, терминологизированной лексики, в любом аспекте, но при изучении названной группы лексики на пути исследователя встают особые сложности, связанные со спецификой функционирования ее в диалекте. Надо, например, учитывать, что не все носители говора владеют специальной лексикой в равной степени. Мастеров, знающих секреты различных ремесел, промыслов, зачастую уже ушедших из жизни, не так много, возможно, единицы в одном населенном пункте. Собрать забытое не так просто. Нужно иметь специальную подготовку, владеть методикой беседы, иметь представления (по источникам) об исследуемом предмете, знать промысел, насколько

это возможно, для ведения живой, заинтересованной беседы.

При диахронном изучении специальной лексики диалекта особое место занимают те дополнительные источники, которые содержат вышедшую из употребления лексику. Во-первых, это лексика сельского хозяйства и животноводства в той ее части, которая отражает старую технологию, примитивные средства производства, ручной труд; во-вторых, лексика многочисленных промыслов и ремесел, утративших свое значение или прекративших существовать вовсе. Лексика уходящих из жизни промыслов и ремесел представляет большой интерес для истории русского языка и должна быть изучена. Большую роль в исследовании такой лексики играют архивные материалы, описания промыслов в дореволюционной и первых лет советской власти экономической, этнографической, специальной литературе. По важности фактического материала можно выделить несколько групп источников специальной лексики, без знания которых невозможно собрать глубокий, качественный материал в говоре.

Письменные источники позволяют:

1) сделать некоторые наблюдения о жизни слова, о включении слова в лексическую систему диалекта, например, слово «тикавка» в письменном источнике, в диалекте — «ткжавка» (инструмент для долбления лодки), или слово «колыданка» (лодка) в письменном источнике, «колганка» — в говоре;

2) выявить изменение значения слова, например, слово «вар» в письменных источниках зафиксировано со значением «способ лова рыбы» («Вар — это способ лова рыбы с помощью земляного заграждения, этот способ лова заключается в том, что в протоках соров делается земляное заграждение, забойка, когда вода начинает опадать, заграждение это немного раскапывают, а с внешней от сора стороны у заграждения ставят простой короб. Рыба устремляется к месту выхода из забойки и попадает в короб» (Варпах.1, С. 13; Варпах.2, С. 20; Путеводитель, С. 56).² «Вар — перегородка устья реки; ост. вар — то же значение» (Селищев, с. 374), в диалектах «вар» — время лова рыбы после летнего нагула. В Ханты-Мансийском районе началась вывалка, вывалку рыбачили, когда рыба вываливает из сорок после летнего нагула. Этот промысел в Сургуте называют «варовой промысел, вар начался, говорят» (Х-Манс., 1987).

3) установить новые значения. В письменных источниках слою «батуха» употреблено в значении «приспособление для пугания рыбы, в виде пустотелого стакана на палке, которым ударяют о воду, производя шум и загоняя рыбу в сеть» («Ловят рыбу, пугая, при помощи «батух» — своего рода полого деревянного стаканчика на палке, которым ударяют по воде» (Патканов); в диалекте, кроме этого значения, «батухой» называют и саму сеть, в которую «ботают», или загоняют рыбу («Ряжовка — батуха,

ботатьрыбу. Батуха — ряжевая сеть» (Н.-Тавда, 1986; Сург., 1987). Слово «прогон» в письменных источниках зафиксировано в 2 значениях: 1. Толстая веревка для тетивы у сетей и самолова; 2. Тонкая веревка с привязанной к концу льдиной, пропускаемая подо льдом из проруби при подледном лове рыбы («Прогон — толстая веревка для тетивы у сетей и самолова» (Путеводитель, С. 56). «Прогон — тонкая веревка с привязанной к концу льдиной, пропускаемая подо льдом из проруби в прорубь при зимнем подледном лове стерляди на юровых или ямах. Где эта рыба становится на зиму, к прогонам привязывают самолов». (Шенберг, С. 11). В говорах слово «прогон» имеет, кроме названных, еще 3 значения:

1. То же, что самолов («Ловили рыбу прогонами, самоловами» (Уват)⁵;

2. То же, что норило — деревянный шест с привязанной веревкой от сети, который пропускают подо льдом от проруби к проруби («Прогон — то же, что норило, деревянный шест с привязанной веревкой от сети или невода» (Перш.);

3. Веревка, за которую тянут невод («Делают два прогона, раньше мочало драти, совьют прогон под вид каната, крепкий, невод тянуть» (Бык., 1984; Уват, 1983).

Письменные источники позволяют выявить утраченные в говорах слова, например, в лексике рыболовства: «каура» — деревянный молоток для глушения (Варпах., 2, С. 67), «кушак» — способ засолки рыбы (Д.-Горк. Общ., С. 234—235); «лабза» — плавающий островок из травы и водорослей (Маляревский, С. 16, Шенберг, С. 9); «моголь» — жир из печени рыбы; «мотуз» — толстая веревка для тетивы сетей и самоловов (Путеводитель, С. 56), «полотенщик» — рыбац, который занимается починкой полотна сетки (Варпах. 1, С. 62; Патканов); «речник» — вид редкой мережи (Варпах. 1, С. 6), «чянчик» — высушенный пластом язык; в лексике ямщины: «батик» — палка с большим утолщением на конце, используемая как оружие ночными караульщиками, возчиками товаров по дороге (Маляревский, С. 6), «бекет» — сторожевой пункт, пикет на ямщицком тракте (Зобнин); «вахтер» — в дореволюционное время лицо, ведавшее хлебозапасным магазином (Шенберг); «воротник» — 1. Сторож на почтовой дороге (Зобнин). 2. Сторож у ворот в покотине (Маляревский, С. 9), «забр» — закрытое, забранное место для лошадей на постоялом дворе (ТФГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 616. Л. 34);⁴ «станция»; «заединщик» — союзник, компаньон в каком-нибудь деле, в том числе в ямском промысле (Маляревский, С. 13); «коморщик» — служитель постоялого двора (Материалы, С. 389); «тобоки» — верхние сапоги из оленьей шкуры (Шенберг); «тупик» — нож с рукоятками на обоих концах для обработки кожи (Копылов, С. 70) и другие слова.

Не каждое специальное слово отражено в письменных источниках: не отражена лексика сенокос-

шения и сеноуборки, лексика сбора ягод и грибов, лексика кедрового промысла, лексика пчеловодства. Единичны работы по лексике народной медицины, но то, что можно привлечь для пополнения словаря лексики того или иного промысла, производства, надо использовать, сделать достоянием науки.

К первой группе дополнительных источников можно отнести:

1. Архивные материалы ТФГАТО, например: «Дело со сведениями о местной промышленности 1892 г.», (Ф. 2. Св. 22. Д. 445, Л.Л. 16–293); «Дело о почтовой и обывательской гоньбе» (Ф. 2. Св. 60. Д. 839); «Сведения о кустарных промыслах в губернии за 1914 г.» (Д. 251, Тобольский уезд; Д. 562, Тобольский уезд); извозный промысел, (Д. 345, Тюменский уезд) и т.д.

2. Экономико-этнографическая литература о крае, например: *Лунин-Горкавич А.А.* Тобольский север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб, 1904; *Копылов Д.Л.* Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Свердловск, 1973; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. П. СПб, 1889; *Скалозубов Н.Л.* Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 15. Тобольск, 1895. С. 1 — 105; *Скалозубов Н.Л.* Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии//Ежегодник губернского музея. Вып. 14. Тобольск, 1904. С. 1 — 30 и другие источники.

Ко второй группе мы относим материалы, в которых описываются отдельные промыслы и ремесла, зачастую с включением местных слов, например, «Бастрык» — толстая древесина, которой сжимают сено при перевозке /Лопарев Хр./ «Вольные ямщики передают своим знакомым пассажира, которые передают его таким же образом дальше». Это называется «веревочка» /Паткпнов/. «Зимой по торговому тракту из Тюмени в Ирбит устраиваются ночные караулы; караульщики помещаются в конусообразных шалашах. Такие сторожевые пункты называются «бекетами» /Зобнин Ф./ Пройдя песок, рыбак поднимает «колдан» из воды и при помощи прута и «вилец» очищает его от мха и проч. /Варпаховский/. К этой группе источников мы отнесем следующее: *Варпаховский Н.А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб, 1898 г.; *Зобнин Ф.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии//Живая старина. Вып. 2. 1899 г. С. 125—157; Вып. 3—5, С. 320—323; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 15. 1906 (выборочно, со словами исследуемого пласта лексики); *Лопарев Х.М.* Самарово. Село

Тобольской губернии и округа (материалы и воспоминания о его прошлом). СПб, 1892 г.; *Лопарев Хр.М.* Заметки о некоторых словах, употребляемых в г. Самарове Тобольской губернии и округе//Живая старина. Вып. 1. 1894г.; *Судаков М.А.* Промысел осетра в Обской губе в 1932 году. Тобольск, 1934 г. и др.

Третья группа источников — это словари и словарики местных авторов, содержащие специальную лексику исследуемого региона, не вошедшую в научный оборот, например: *Дунин-Горкавич* Словарь некоторых технических терминов. Приложение к книге: Тобольский север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб, 1904; *Маляревский Г.Я.* Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 28. Тобольск, 1917; *Скалозубов Н.Л.* Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 16. Тобольск, 1913; *Шенберг П.* Материалы к словарю промысловой терминологии Тобольского севера//Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского севера. Тобольск, 1930 г. и др.

Специальная лексика сибирских говоров отражена и в фольклорных материалах: побывальщинах, песнях, частушках, пословицах и поговорках, например: «Прежде невода рыбы не лови; рыбка леньки — потеряй деньки», «рыбак рыбака видит на девятом плесе» /рыболовство/; «раскрыла горло как суконное бердо» /прядение и ткачество/; «ехал бы ежеден, да нет пешевен»; «скажет, как полозом по шее переедет» /ямщина/.

Таким образом, использование перечисленных выше дополнительных источников при изучении специальной лексики диалекта приобретает особую важность, а при диахронном ее изучении первостепенную значимость наряду с основным источником-говором, т.к. позволяет целенаправленно и глубоко изучать исследуемый пласт лексики, собрать исключительно важный для истории языка и истории материальной культуры материал.

Привлечение устаревшей лексики позволит показать жизнь слова в течение одного-двух веков, даст возможность выявить устойчивую и подвижную часть промысловой лексики, изменение значений отдельных слов, появление новых терминов, а также сохранить для истории языка промысловую лексику, вышедшую из активного употребления.

¹ *Блинова О.И.* Введение в региональную лексикологию. Томск, 1973. С. 15.

• Здесь и далее условные сокращения письменных источников:

Варпах. — *Варпаховский Н.А.* Рыболовство в бассейне реки Обь. Орудия производства и продукты рыбного промысла. СПб., 1898.

Д.-Горк. — *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский север. Общий

- обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904.
- Зобнин — *Зобнин Ф.* Из года в год. (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Нишинском Тюменского округа)//Живая страница. СПб., 1894. Вып. 1. С. 37-64.
- Ивановский — *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1906. Вып. 15.
- Копылов — *Копылов Д. И.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII-первой половине XIX вв. Свердловск, 1973.
- Лопарев — *Лопарев Х. М.* Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896.
- Маляревский — *Маляревский П. Я.* Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1917. Вып. 28.
- Материалы — Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и иногородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. 2.
- Патканов — *Зобнин, Николаев, Патканов.* Список тобольских слов и выражений//Живая старина. Тобольск, 1899. Вып. 4.
- Путеводитель — Краткий путеводитель по Тобольскому губернскому музею/Под ред. А. И. Ивановского//Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1918. Вып. 29.
- Селищев — *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири//Избранные труды. М., 1968. С. 223-389.
- Шенберг — *Шенберг И.* Материалы к словарю промысловой терминологии Тобольского севера//Бюллетень общества изучения края при Музее Тобольского севера. Тобольск, 1930. Кн. 2.
- ¹ Здесь и далее условные обозначения населенных пунктов Тюменской области:
 Бук. — д. Быкова Вагайского района.
 Н.-Тавда — с. Нижняя Тавда Нижнетавдипского района.
 Перш. — п. Першино Уватского района. Сург. — г. Сургут.
 Уват — п. Уват Уватского района. Х.-Манс. — г. Ханты-Мансийск.
- ⁴ ТФГАТО — Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (Ф. — фонд, оп. — опись, св. — связка, д. — дело, л. — лист).

О. В. Баракова

Жанрово-стилевая обусловленность лексического наполнения тюменского документа XVIII века

Деловая письменность по-прежнему остается одним из основных объектов изучения исторического и лингвистического источниковедения. Тенденция последних десятилетий — активное введение в научный оборот региональных деловых текстов.

В настоящей статье на материале приходно-расходной книги 1817 г. Свято-Троицкого мужского монастыря г. Тюмени (далее — ПРК), хранящейся в Государственном архиве Тюменской области (Ф-И. 85. Оп. Л. Д. 272. Л. 1-18), иллюстрируется жанрово-стилевая обусловленность лексического наполнения делового текста.

В ПРК представлена прежде всего сакральная лексика.

В данной группе слов нами выделены следующие микрогруппы:

- наименования монастырских и духовных должностей;
- наименования церковных одеяний и материалов, из которых они сшиты;
- наименования предметов культа.

Охарактеризуем данные микрогруппы.

В первую группу входят наименования МОИТских и духовных должностей в соответствии с их иерархией. В источнике упоминаются *братм* (как собирательное название проживающих в обители монахов), *архимандритъ, настоятель, диконъ, еромонахъ, монахъ, дячкокъ, служитель'*, далее идут названия должностей, которые занимали монахи - *ключарь, казначей*.

Лексема *архимандрит* образована с помощью усилительного префикса архи-, который в переводе с греческого *archi* — обозначает «старинный, главный». В данном случае нам важна вторая часть определения «главный». Таким образом, *архимандрит* — «настоятель архимандрии, монастыря. Смот-

ря по обители, настоятели бывают: строитель, игумен или (высш. степень) архимандрит I, 2 или 3 класса; иногда же иеромонаха возводят лично в сан сей, не давая ему монастыря». (Д.¹ Т. 1. С. 25)

Архимандрит — это высшее монастырское звание духовного лица.

Синонимична этой номинативной единице лексема настоятель, которой В. Даль дает следующее истолкование: «начальник, старшина, наблюдатель; глава монастыря, игумен, старший священник».

В ПРК эти слова находятся в отношениях синонимии:

«Книга, данная протобольской Консисторш Тюменскаго, Троицкаго Монастыря Настоятелю. Архимандриту Амвросію съ братією, на записку прихода и расхода накладной монастырской суммы въ 1817 году». (ПРК, 1817. Л. 1)

В дальнейшем в книге упоминается только лексема *настоятель*:

«Куплено Настоятелемъ в Тобольск • у Директора Гимназш Адама Ивановича паровые сани» (ПРК, 1817. Л. 5).

Собирательное существительное б/ш/шя является обобщающим словом для всей этой подгруппы и обозначает «братство, товарищество, община, общество, соглас, кружок, круг; сословие; монашествующая братия» (Д. Т. 1. С., 124).

Рядовой состав служащих представлен следующими лексемами:

- *монах* — «отрекшийся от светских сует, постриженный во ангельский образ, мних, инок, чернец, приписанный к монастырю». (Д. Т. 2. С. 344). Таким образом, монах — это самый низший ранг в монастырской иерархии.

• *иеромонах* — «монашествующий священник» (СРЯ² XI-XVII вв. Т. 6. С. 88); «поп-чернец, монах-священник» (Д. Т. 2. С. 68) Иеромонах, в отличие от монаха, имел право выполнять обязанности священника (соборовать, крестить, благословлять и т.д.).

Например:

«Получено при сообщении Семи-Палатинского Духовного Правления, собранных Монахом Дорофеем просительной книге» (ГТРК. 1817. Л. 1.Об.);

«Принято собранных Иеромонахом Авраамом просительной книг • въ про • зд • въ Екатеринбургѣ, и обратно» (ПРК, 1817. Л. 2).

В книге упоминаются духовные звания и должности монахов:

• *диакон* (дьякон) — «низшее духовное звание или сан помощника священника при служении» (Д. Т. 1. С. 439);

• *дьячок* — «дьячок, церковнослужитель, причетник» (Д. Т. 1. С. 439);

• *ключарь* — «духовное лицо, заведующее ризницей и церковной утварью» (Д. Т. 2. С. 123);

• *казначей* — «чиновник, служитель, заведующий деньгами, приходом и расходом, наличностью» (Д. Т. 2. С. 74);

«Куплено въ Ирбитской Ярмонк* Д[я]кономъ Варнавою Дурьшнымъ м • дьнон полуженной съ приборомъ, чернильный судокъ» (Л. 5. Об.)

«Заплачено за скань • изъ желтаго воску ев • чь дьячку Калинину» (Л. 4. Об.)

«Заплачено Тобольскому М • щанину Филину Вершинину чрезъ Отца Ключаря Петра Фелицына за зд • лку вновь Архимандричьего креста» (Л. 4. Об.)

«Куплено Казначеемъ Теромонахомъ Филадельфомъ на рынок * три возы моху» (Л. 6. Об.)

Слова *архимандрит*, *иеромонах* заимствованы из греческого языка.

Префикс *иеро* — восходит к лексеме *иерей* — «священник православной церкви». Данный аффикс является дифференцирующим элементом, вносящим в слово дополнительные оттенки значения: монах — житель монастыря, лицо, принявшее постриг; *иеромонах* — монах, который имеет право исполнять обязанности священника.

Слово *казначей* было заимствовано из тюркского языка. В памятниках отмечается с XIV века. Тюркское *казначы* в русском языке с помощью суффикса -ей переоформилось по образцу слов типа «багажей» (Ш. С. 183).

Слово *ключарь* было образовано от общеславянской лексемы «ключ» с помощью суффикса -арь.

Лексема *настоятель* заимствована из старославянского языка, в котором является словообразовательной калькой греческого *epistatos* (*epi* — «на», *statos* — «стоящий»). (Ш. С. 284).

Вторая микрогруппа рассматриваемых слов — слова, обозначающие наименования предметов церковного облачения:

• *риза* -- «верхняя одежда, облачение священника при богослужении» (Д. Т. 4. С. 96);

• *стихарь* — «нижнее облачение священников и архиереев и верхнее — диаконов, а иногда церковнослужителей при служении» (Д. Т. 4. С. 324);

• *орарь* — «орарий, часть диаконского облачения, перевязь с крестами по левому плечу» (Д. Т. 2. С. 689).

К тематической группе названий облачений лиц духовного сана примыкает группа наименований тканей, из которых они изготовлены. Лингвисты уже отмечали, что составители монастырских ПРК всегда предлагали очень подробное описание облачений, где указания на ткань носили обязательный характер.

Бархат — «стар. — аксамит; шелковая ткань с короткою, стриженною, густою ворсою» (Д. Т. 1. С. 51).

Полупарча — «парчица, мишурная парча; бумажная». «Настоящая парча — шелковая ткань, протканная золотом, серебром». (Д. Т. 3. С. 20).

Мишурный газ — «позумент, галун, золотая, серебряная или мишурная тесьма, особенно с городками по кромке». (Д. Т. 1. С. 340).

Китайка — «простая бумажная ткань, начально мутно-желтая и вывезенная из Китая» (Д. Т. 2. С. 112); «гладкая хлопчатобумажная ткань разных цветов, китайя» (СРЯ XI-XVII вв. Т. 7. С. 142). Данное название ткани находит отражение в говорах Тамбовской, Ярославской губерний. То, что писец употребляет это слово, может указывать на происхождение монаха.

Атлас — «плотная шелковая ткань с лоском». (Д. Т. 1. С. 28);

«Куплено у Тобольскаго Купца Петра Струнина на оплечье къ двоимъ ризамъ изъ зеленаго, рытаго по красной земл • бархату, шесть аршин полупарчи по таковой же земл • » (Л. 3);

«Куплено у Тобольскаго Купца Ивана Малькова на окладку изъ чернаго гранитуря послушничскаго стихаря мишурнаго газу тринадцать аршинъ» (Л. 3);

«Куплено у Тобольскаго Купца Павла Малькова на подкладку подь вышеозначенный ризы — два конца и два аршина алой китайки» (Л. 3);

«Куплено у Сндельщика Тобольскаго Купца Григория М • шенина конецъ алой китайки на подкладку подь стихарь изъ зеленаго квитчатого атласу, съ оплечьем вышеозначенной зеленой полупарчи» (Л. 3).

При характеристике тканей в основном употребляются прилагательные цвета: алый, зеленый.

Слово *риза* общеславянского происхождения, однако этимология его неясна, что отмечают и М. Фасмер и Н. Шанский. Н. Шанский предполагает, что эта лексема могла быть образована от *р • зати* с помощью темы — *а* и перегласовки. Эту же точку зрения высказыва-

ет и М. Фасмер: «предполагаем — при условии наличия *k* с долгим дифтонгом — родство с **rezati*, **razb*». Но здесь могло иметь место и заимствование из арабского языка (ср. араб, *rida* — верхнее платье). Однако эту версию М. Фасмер ставит под сомнение: «ввиду долготы *i* в славянском едва ли можно считать источником арабское *rida* — одежда, плащ». (Ф.³ Т. 3. С. 482; Ш.⁴ С, 390).

Слова *стихарь* и *орарь* — заимствования из греческого языка. *Стихарь* принадлежит к пласту древнерусской и церковнославянской лексики; *орарь* в древнерусский период имело также форму *урарь*, в народной перегласовке — *уларь* (Ф. 1. Б. С. 148).

Названия тканей по происхождению отличаются разнообразием. Например, *бархат* — древнерусское заимствование из немецкого языка (*barchat*) в свою очередь оно было заимствовано из латинского, в котором *barrakam* является перегласовкой арабского *barrakan* — «род черной одежды». (КЭСРЯ. С. 37) Эту же этимологию приводит и М. Фасмер. (Т. 1. С. 129).

Слово *атлас* — ранее *отлас*. Было заимствовано из польского *atxas* или нем. *Atlas*, которое восходит к арабскому *atlas* — «гладкий». (Ф. Т. 1. С. 96).

Номинативная единица *газ* была заимствована из французского языка. Прежде считалось, что названо так по имени города Газа в Палестине, в последнее время объясняется из арабского *kazz* — «шелк-сырец». (Ф. Т. 1. С. 382).

Название *китайка* происходит от слова *Китай* и употребляется с XVII века.

В третью группу включаем слова, которые обозначают названия предметов церковного ритуала:

Ладан — «ладон, пахучая смола, смазка». (Д. Т. 2. С. 232) Обычно ладан употребляется для курений при религиозных обрядах.

Киот — застекленный ящик или шкафчик для икон.

Образ — одно из многочисленных значений, которые приводит В. Даль, звучит так: «портрет, подобие, писаное лицо; ныне употребляется более в значении икона». (Д. Т. 2. С. 614).

Икона — «образ, изображение лика Спасителя, Небесных сил или угодников». (Д. Т. 2. С. 40).

В том контексте, в котором эти две лексемы используются в источнике, они являются синонимами.

Лампада — «сосудецразного вида, со светильною и с деревянным маслом, подвешиваемый на цепочках к иконам». (Д. Т. 2. С. 236).

Крест — «крыж, две полосы или два бруска, один поперек другого. Крест есть символ христианства». Ш. Т. 2. С. 190);

«Куплено чрезь Тюменского Купца Федора Б • локашина в Макаревской Ярмонк • дв • м • дные полуженые лампы съ цепями» (Л. 4);

«Куплено Настоятелемъ, Архимандритомъ Амвроаем в 816. году в Екатеринбург- топазный крестъ, который употребленъ в под • лку вышеозначеннаго креста» (Л. 4);

«Куплено... полшуда ладану» (Л. 1 Об.);

«Заплачено Ялуторовской округи, села Рафайлова Крестьяшну Максиму Прокопьеву за зд • лку кюта для иконъ» (Л. 2. Об.);

«Заплачено ... за зд-лку вновь Архимандричьяго креста съ образомъ по сред • ...» (Л. 4).

В числе общеупотребительных терминов религиозной символики выделяются *икона* и *образ*.

Слово *образ* в том значении, в котором оно употребляется в источнике, пришло из старославянского языка. Было образовано с помощью темы -*ъ* от *образити*, префиксального производного к разити. (Ш. С. 300). М. Фасмер этимологию слова связывает с *rezati*, от которого с помощью чередования путем слияния *ob* и *gazъ* возникло *образ*. Слово *образ* является общеславянским. (Ф. Т. 3. С. 106).

Слово *икона* также заимствовано из старославянского языка, в котором явилось переобразованием греческого *e/Aoπ* — «образ». (Ш. С. 175).

По наблюдениям ученых, слово *НАГНИЙ* отмечается с 1096 года в минеях. *Киот* (или *кивом*) также заимствовано из старославянского языка, в котором восходит к греческому *A-iAofayflll* С. 194).

Ладан — древнерусское заимствование из греческого языка, в котором *ladanon* < арабское *ladan* — «ароматическая смола». (Ш. С. 231).

Сходную этимологию имеет слово *лампада*, которое также является древнерусским заимствованием из греческого языка, где *lampada* < *lampos*, в род. падеже — *lampados*.

Иную этимологию имеет слово *крест*, которое является общеславянским. Было заимствовано из германского языка (ср.: др.-в.-нем. *christ, krisi*). Изменение значения объясняется тем, что собственное имя было перенесено на предмет распятия Христа. (Ш. С. 220).

М. Фасмер указывает на то, что слово *крест* было заимствовано из церковнославянского языка. (Ф. Т. 2. С. 374).

Таким образом, лингвистический анализ сакральной лексики свидетельствует о том, что именно данное лексическое множество жанрово-стилистически обусловлено.

Литература

¹ Д. — Ноль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 1997. Т. I-IV.

² СРЯ XI-XVII вв. — Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975-1991. Т. I-VIII.

³ Ф. — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. БАЛарина. М., 1986-1987. Т. I-IV.

⁴ Ш. — Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 197).

ЧАСТЬ IV. ПРИРОДА- ЭКОЛОГИЯ

Эколого-рыбохозяйственная характеристика водоемов бассейна реки Глубокий Сабун в пределах заповедно-природного комплекса «Сибирские увалы»

Район исследования расположен в северо-восточной части Ханты-Мансийского округа, в Нижневартовском районе, в верхнем течении р. Глубокий Сабун (р. Сабун — р. Вах — р. Обь). Южная граница проходит по 62°20' с. ш., северная — 62°40' с. ш.; западная — 8Г15' в. д., восточная — 82°00' в. д.

Современный рельеф района исследований сложен моренными аккумулятивными равнинами тазовского оледенения (северные пределы), зандровыми равнинами того же оледенения и слабо террасированными речными долинами. Поверхность — почти плоская, лишь местами имеет бугристый рельеф. Плоские низменные аккумулятивные и озерно-аллювиальные сильно увлажненные равнины с вторичным эоловым микро- и мезорельефом соответствуют районам новейших опусканий и характеризуются слабо врезанной речной сетью и широким процессом болотообразования.

Среди болот, почти сплошь покрывающих эти равнины, разбросано большое количество озер, большая часть которых не имеет видимого стока. Озера встречаются как на водоразделах, так и в долинах относительно крупных рек. Плоский рельеф территории, избыточное увлажнение, наличие пород с низкими фильтрационными свойствами, близкое к поверхности залегание грунтовых вод и слабый их дренаж — все это создало благоприятные условия для широкого развития в пределах озерно-аллювиальных равнин процессов заболачивания и образования озер. Часть озер была частично спущена в послеледниковое время реками, а часть из них превратилась в заболоченные котловины. Крупные озера располагаются в переглубленных участках обширных ложбин древнего стока, которые пересекаются с северо-востока на юго-запад.

Морфологические элементы долин малых притоков рек обычно выражены неясно. Малые уклоны препятствуют глубокой эрозии. В разработке долин преобладает боковая эрозия, ведущая к подмыву, обрушиванию берегов и расширению долин.

Исследуемый район находится в бореально-умеренном климатическом поясе и не защищен от вторжения ветров любых направлений. Климат здесь формируется под воздействием режима солнечной

радиации, переноса влажных морских воздушных масс с циклонами западного и северо-западного направлений и распространения с антициклонами континентального воздуха с востока и юга.

Климат резко континентальный, с продолжительной холодной зимой, сильными ветрами и метелями, коротким сравнительно теплым летом, поздними весенними и ранними осенними заморозками. Переходные сезоны, особенно весна, очень короткие, с резкими колебаниями температуры. Суммарная солнечная радиация составляет в среднем 300—350 кдж/см² в год. В течение года она сильно изменяется, достигая наибольших значений в июле (60—62 кдж/см²), а наименьших — в декабре (1.5-1.7 кдж/см²). Продолжительность солнечного сияния — 1700—1800 час в год. Годовой радиационный баланс положительный, однако в холодное полугодие он отрицательный.

Среднегодовая температура воздуха колеблется в пределах от -3. ГС до -5.2°С. Средняя температура января — 22.4°С, июля — +17.2°С. Средняя дата перехода температуры через 0°С приходится на 28 апреля. Для весны характерно быстрое повышение средних суточных температур воздуха. Продолжительность безморозного периода — 100—105 дней в году. Сумма температур выше + 10°С составляет около 1400-1500°С. В районе повсеместно распространена сезонная мерзлота и вечная мерзлота в виде линз на торфяниках. Наступление устойчивых морозов приходится на конец октября, а прекращение их — на конец марта — начало апреля.

Атмосферное увлажнение территории обусловлено преимущественно западным переносом воздушных масс атлантического происхождения. Среднее годовое количество осадков — 400—500 мм, испаряемость — около 350 мм, коэффициент увлажнения равен 1.4. Превышение величины выпадения осадков над величиной испарения создает благоприятные условия для заболачивания. Поэтому в данном районе очень много озер и болот. Относительная влажность воздуха в течение года изменяется в пределах 66—82%. Основная часть осадков (70—80%) выпадает в июле-августе. На холодное полугодие приходится 20—30%. Число дней с осадками 175—189. Почти 30% годовой нормы осадков выпадает в виде снега.

Снежный покров появляется в первой декаде октября. В отдельные годы снег может выпадать уже в сентябре. Устойчивый снежный покров образуется в среднем в третьей декаде октября. Наиболее интенсивный рост высоты снежного покрова происходит в период со второй половины ноября до начала января. В январе-феврале рост высоты снега ослабевает. Максимальной высоты (80–110 см) снежный покров достигает в третьей декаде марта — к периоду снеготаяния. Снежный покров держится в среднем 190–210 дней — до середины мая. Запас воды в снежном покрове к началу снеготаяния достигает наибольших значений и составляет 140–200 мм.

Данный район является уникальным по степени развития болотообразования и торфонакопления. Заболоченность территории составляет около 80%. Лесные массивы тянутся узкой полосой по долинам рек и ручьев. Развитию процессов интенсивного заболачивания способствуют: высокая степень увлажнения, замедленный сток поверхностных вод, многолетняя мерзлота, близкое залегание грунтовых вод и другие природные факторы. Таким образом, процессы болотообразования имеют комплексную сущность, хотя ведущую роль играет климат.

Начало развития болотообразования относится к началу голоцена. Возраст болот 9–10 тысяч лет. По условиям водно-минерального питания и составу торфяной залежи болота района относятся к различным типам — верховым (олиготрофные), переходным (мезотрофные) и низинные (эвтрофные). Исключительно большое развитие здесь получили верховые олиготрофные (сфагновые) болота. Остальные типы болот распространены меньше и приурочены в основном к поймам, реже — к первой надпойменной террасе. Бедный минеральный состав грунтовых вод и наличие подзолистых почв обуславливают преимущественно сфагновый тип заболачивания.

По морфологическому признаку выделяются выпуклые и плоские болота с различными микроландшафтами: грядово-озерковыми, грядово-мочажинными и др. Выпуклые болота имеют хорошо развитое центральное плато, превышение которого над краями болота достигает иногда десяти метров. Равнинность центрального плато затрудняет сток и поэтому вызывает его сильную обводненность с образованием большого количества вторичных озер, нередко значительной площади. Центрами развития вторичных озер служат небольшие депрессии плато глубиной 1.0–1.5 м. Озера разделены узкими торфяными грядами высотой 0.5–0.8 м. Чередование гряд и озер образует грядово-озерковые комплексы. На склонах болот располагаются менее обводненные грядово-мочажинные комплексы. Такие болота достигли наиболее зрелой стадии развития с мощностью торфяной залежи 6–10 м.

Величина средней и максимальной интенсивности торфонакопления в зоне олиготрофных болот составляет 0.24 и 1.0 мм/год.

В процессе торфообразования происходят накопление и консервация значительных масс воды на поверхности суши. Влага консервируется в первую очередь в толщах болотных систем и является стимулятором дальнейшего роста торфяников. Таким образом, основной причиной современного процесса заболачивания является саморазвитие торфяников, возникающих на месте даже незначительных понижений поверхности. По расчетам В.А. Лезина, в болотах описываемой территории сосредоточено до 250–260 км² воды, из них 55–60 км² находится в несвязанном состоянии.

На болотах обычно формируются озера. Большое количество крупных и малых внутриболотных озер вместе с озерами грядово-озерковых, грядово-мочажинно-озерковых и грядово-мочажинных комплексных микроландшафтов образуют обширные болотно-озерные системы.

Район исследования располагается в лесной зоне, в пределах подзоны северной тайги.

В связи со специфичностью условий почвообразования (пониженные температуры, ослабленный дренаж, короткий срок формирования) почвы существенно отличаются от своих аналогов, характерных для Восточной Сибири. Им присущи: повышенный гидроморфизм, слабая дифференциация на генетические горизонты, холодность, низкая биологическая активность, крайняя бедность. Почвы кислые, с неблагоприятным воздушным, тепловым, водным режимами и условиями снабжения питательными веществами.

Среди важнейших условий формирования почвенно-растительного покрова можно выделить следующие:

- Общая равнинность территории с недостаточной дренированностью водоразделов.
- Преобладание осадков над суммарным испарением в сочетании с недостатком тепла и длительным промерзанием почв.

Почвообразующие породы представлены четвертичными отложениями различной мощности — песками, супесями, суглинками, глинами бескарбонатными и незасоленными. Наиболее легкими породами сложены зандровые равнины, озы и камы, а тяжелыми — моренные аккумулятивные равнины. Поймы выполнены современными аллювиальными отложениями.

Повсеместно распространены глеево-подзолистые почвы с мощным торфянистым горизонтом. Типично подзолистые почвы имеют здесь ограниченное распространение и формируются только на песчаном субстрате аллювиального и флювиогляциального генезиса. Подзолистые песчаные почвы развиваются под светлохвойными лесами на дренируемых приречных участках.

Наиболее распространены подзолистые поверхностно-глеевые: среднеподзолистые поверхностно-глееватые, слабоподзолистые поверхностно-глееватые; подзолисто-болотные: торфянисто-подзолистые: болотные: торфянисто-болотные глеевые, торфяно-болотные на средних торфах, торфяные болотные на глубоких торфах.

Растительный покров северной подзоны представлен лесами и болотами. Светлохвойные и темнохвойные леса развиваются на повышениях, увалах, гривах, выровненных, хорошо дренированных участках. Наиболее характерными растительными ассоциациями для данного района являются: хвощево-вейниковая, мелкотравно-зеленомошная, кислично-зеленомошная. Лесной сукцессионный ряд заканчивается **формированием** елово-кедровых насаждений, болотный (на отрицательных элементах) — формированием микотрофных травяно-сфагновых болот.

Материалы и методы исследований

Фактический материал собран на водоемах бассейна р. Глубокий Сабун в июле 2000 г., во время пика развития гидробионтных организмов, что позволило наиболее полно оценить как качественную, так и количественную составляющие биоты, присущей исследуемой территории.

В качестве объектов исследования, по результатам предварительного изучения литературного и картографического материала, выбрано 15 водоемов (см. рис. 1.), расположенных по руслу реки от границы с Ямало-Ненецким автономным округом до слияния рек Глубокий Сабун и Сармсабун.

Для исследования видового состава гидробионтов, состояния биоценозов и кормовой базы на четырех наиболее перспективных водоемах было организовано 12 рабочих станций (по три на каждом водоеме). Расположение станций на водоемах определялось таким образом, чтобы охватить все зоны (центральная часть, заливы, прибрежная часть, заросли макрофитов). Всего взято 24 пробы зоопланктона и бентоса.

Пробы зоопланктона собирались количественной сетью Джеди с диаметром входного отверстия 18 см (сито №58), путем тотального лова и фиксировались 4% формалином. Прочет организмов велся в специально изготовленном лабиринте, биомассу и численность на каждой станции рассчитывали общепринятым методом.

Пробы бентоса собирались ковшовым дночерпателем с площадью захвата донной поверхности 1/25 м. Из промытой от мелких частиц и ила пробы

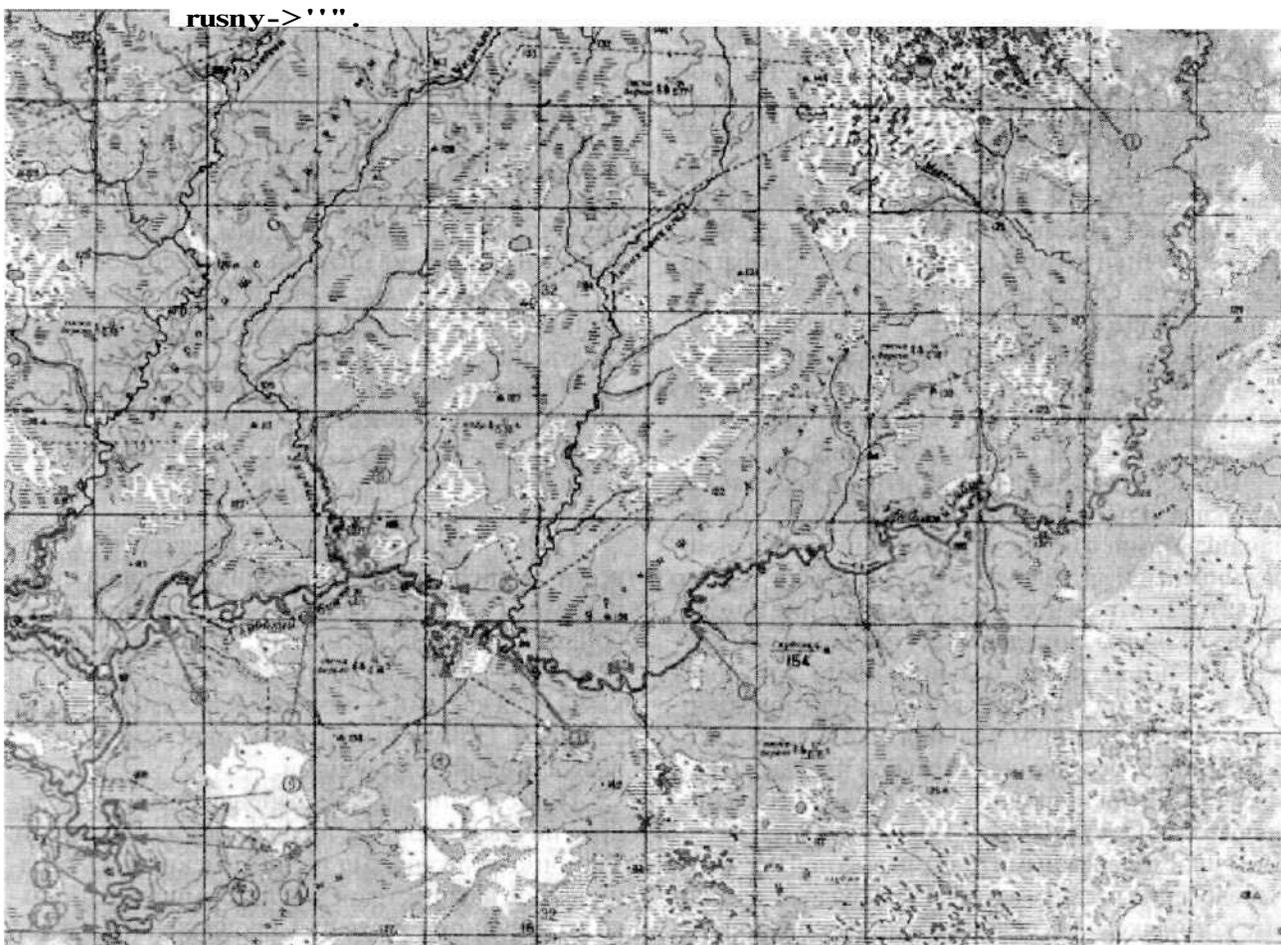

Рис. 1. Схема расположения объектов исследования. Условные обозначения: &« — базы ЗПК «Сибирские Увалы», ®, ®, (3) — исследованные водоемы. Масштаб: в 1 см 2.7 км.

выбирали бентосные организмы с последующей их фиксацией 10% в стеклянной емкости.

Данные по станциям, расположенным в одной зоне, усреднялись, а среднюю биомассу и численность гидробионтов рассчитывали с учетом объемов воды и площади дна каждой из зон водоемов.

Определение видов, входящих в состав зоопланктона и бентоса, проводили по определителям различных авторов.

Лов рыбы производили ставными сетями с ячейкой 25–60 мм. Ихтиологический материал обработан в соответствии с современными методиками, применяемыми в рыбохозяйственных исследованиях.

Прозрачность и цвет вод определяли стандартным диском Секки. Температура и химический состав воды, морфометрия водоемов определялись по стандартным методикам.

Исследуемая территория характеризуется высокой озерностью, которая колеблется в пределах от 3.8% до 23%, составляя в среднем 6.3%. Размеры озер также разнообразны. Преобладают водоемы с площадью зеркала менее 1 км². Средних и крупных озер очень мало. Площадь исследуемых озер колеблется от 10.12 га до 71.77 га.

Большинство озер, расположенных на исследуемой территории, является внутриболотными. Расположение внутриболотных озер относительно речной сети весьма однообразно. Они распространены по всем сплошь заболоченным водоразделам, однако при этом прослеживается определенная закономерность в их распределении: центральные части речных водоразделов заняты наиболее крупными озерами, главным образом округлой формы. По мере продвижения от водораздельных пространств к руслам рек размер озер уменьшается, а очертания озерных котловин приобретают все более вытянутую форму. Вблизи рек вытянутость озер увеличивается, при этом линии дли-

ны таких озер принимают хорошо выраженную перпендикулярную ориентировку направления движения фильтрационных вод с болот.

Образованию и существованию многочисленных озер в пределах территории способствуют: замедленный сток поверхностных вод, значительное превышение атмосферных осадков над испаряемостью, близкое к поверхности залегание водоупорных горизонтов, в том числе многолетнемерзлых толщ, а также наличие плоских понижений, образованных в процессе древнего размыва и неравномерного накопления рыхлого материала.

С происхождением озерных котловин в значительной степени связаны форма и размеры озер, которые, в свою очередь, оказывают влияние на особенности режима озер. Обычно выделяют в данном районе термокарстовые, ледниковые, старичные и вторичные (разрушение торфяников) озерные котловины. Самые малые озера (озерки) возникли из болотных мочажин в процессе естественного развития торфяного болота. Происхождение крупных озер связывают с деятельностью ледников и талых ледниковых вод.

Выделяются озера, котловины которых расположены в понижениях между гривами, сложенными песками, преимущественно флювиогляциального происхождения. Они обычно вытянуты в северо-восточном и северном направлении. Днища таких озер располагаются на глинах озерноледникового генезиса, сильно заилены или покрыты слоем плотного песка.

Древние моренные озера, максимально преобразованы к настоящему времени. Сейчас на месте бывших моренных озер сохранились мелкие, небольшие озерки вторичного происхождения и торфяные болота, чередующиеся с небольшими массивами леса. Древние моренные озера стали зарастать после того,

Таблица №1.

№	Площадь зеркала, км ²	Класс озера по П.В. Иванову (1948)	Максимальная глубина (м)	Преобладающие глубины (м)	Наименование группы по глубине	Объем воды, масс. тыс. м ³
1	0.7177	очень малое	1.2	0.8–1.0	очень мелкое	645.93
2	0.1012	очень малое	3.5	2.0–2.5	мелкое	227.70
3	0.1103	очень малое	1.4	1.2–1.5	очень мелкое	148.91
4	0.4354	очень малое	3.0	2.0–2.5	мелкое	979.65
5	0.1834	очень малое	1.8	1.0–1.5	очень мелкое	229.25
6	0.1254	очень малое	2.0	1.0–1.5	очень мелкое	156.75
7	0.1856	очень малое	2.0	1.0–1.5	очень мелкое	232.00
8	0.1027	очень малое	1.7	1.0–1.5	очень мелкое	128.38
9	0.4743	очень малое	3.5	2.0–3.0	мелкое	1185.75
10	0.1465	очень малое	2.0	1.0–1.5	очень мелкое	183.13
11	0.1284	очень малое	1.3	1.0–1.1	очень мелкое	134.82
12	0.2126	очень малое	1.5	1.0–1.2	очень мелкое	233.86
13	0.1658	очень малое	1.5	1.0–1.2	очень мелкое	182.38
14	0.1278	очень малое	1.5	1.0–1.2	очень мелкое	140.58
15	0.1734	очень малое	5.0	2.5–3.5	мелкое	520.20

как реки, прорезав моренные гряды, спустили эти водоемы, сократив при этом их площади.

На описываемой территории многочисленны термокарстовые озерные котловины, как древние (реликтовые), так и современные (развивающиеся). Более широкое распространение имеют реликтовые термокарстовые котловины, которые в большинстве своем заполнены торфом и поэтому характеризуются слабо сохранившимися морфологическими признаками. Мелкие озера, располагающиеся в виде цепочек на плоских водоразделах, занимают погребенные под торфом понижения, возникшие в среднеголоценовое время. Генезис термокарстовых котловин тесно связан с процессами, развивающимися при деградации многолетней (вечной) мерзлоты. Из всего количества изученных водоемов к данному типу принадлежит водоем № 1 (см. табл. 1, рис. 2).

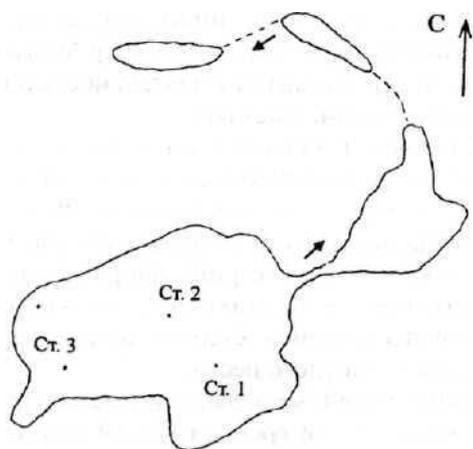

Рис. 2. Схема водоема №1 с указанием месторасположения рабочих станций. Масштаб: в 1 см 220 м.

Озера термокарстового генезиса располагаются обычно группами. Размеры их котловин разнообразны, но чаще всего они не превышают нескольких сотен метров в поперечнике и только иногда достигают 2—3 км. Термокарстовые озера отличаются небольшими глубинами (1—3 м), низкими, местами обрывистыми торфяными берегами. Днища их плоские. Обычно вода таких озер темная в связи с большим содержанием растворенных органических веществ, и они бедны растительностью и рыбой. Котловины почти наполовину заполнены мощными илистыми отложениями, а с берегов они зарастают и заболачиваются.

На территории широко распространены так называемые вторичные (торфяно-болотные, внутриболотные) озера, имеющие биогенное происхождение. Их котловины образуются в результате неравномерного нарастания торфяной залежи и процессов вторичного разрушения поверхности торфяников.

Торфяно-болотные озера представляют собой мелкие (1—2 м) водоемы различных размеров (от

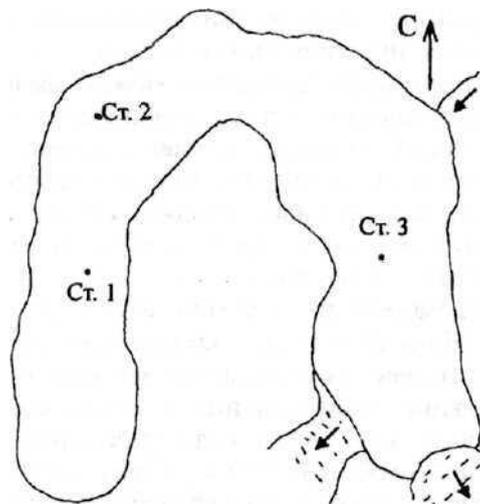

Рис. 3. Схема водоема №9 с указанием месторасположения рабочих станций. Масштаб: в 1 см 140 м.

самых малых озерков до озер площадью несколько десятков кв. км), разбросанные среди верхних болот. Вторичные озера располагаются обычно на центральной плосковыпуклой поверхности сфагнового болота, окруженного грядово-мочажинным, грядово-озерковым и грядово-мочажинно-озерковым комплексами. Множество крупных и малых внутриболотных озер вместе с озерками болотных микроландшафтов образуют обширные болотно-озерные системы.

Внутриболотные озера в результате эрозионных процессов могут иметь неустойчивые очертания береговой линии, что нередко приводит к слиянию в единый водоем соседних озер и озерков болотных микроландшафтов.

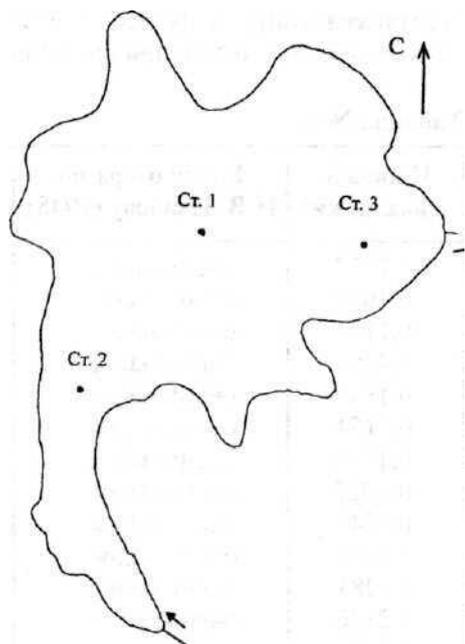

Рис. 4. Схема водоема №12 с указанием месторасположения рабочих станций. Масштаб: в 1 см 81 м.

В речных долинах распространены гидрогенные (водно-эрозионно-аккумулятивные, речные) озера, образование которых связано с деятельностью рек. Это пойменные озера-старичьи и озера на надпойменных террасах. 14 изученных озер (водоемы №№ 2—15) относятся именно к данному типу водоемов (рис. 3—5).

Таким образом, в пределах рассматриваемой территории имеются различные генетические типы озерных котловин, наиболее распространенными из которых являются водно-эрозионно-аккумулятивные или речные и термокарстовые.

Одним из важнейших морфометрических показателей озер является площадь водного зеркала. Большинство обследованных озер имеет площадь менее 1 км².

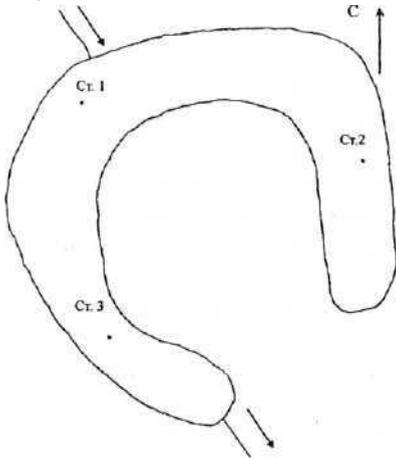

Рис. 5. Схема водоема №15 с указанием месторасположения рабочих станций. Масштаб: в 1 см 74 м.

Все исследованные озера по площади водного зеркала, в соответствии с принятой классификацией (по П.В. Иванову, 1948), являются «очень малые» озера. К классу «малые» не относится ни одно исследуемое озеро.

Чем больше площадь озера и меньше его глубина, тем большему ветровому перемешиванию подвергается водная масса и тем лучше прогревается вода в нижних слоях. В озерах с пологими склонами небольшие колебания уровня вызывают резкое изменение площади водоема, что в свою очередь сказывается на изменении химического состава воды и биологических показателей озера.

Форма озерных котловин в плане самая разнообразная: овальная и почти округлая, вытянутая и изогнутая или весьма причудливая, что связано с их разнообразным генезисом. Округлые очертания береговой линии имеют спущенные озера-хасыреи и малые внутриболотные озера, занимающие относительно большие площади на плоских водоразделах и речных террасах. Старичьи озера обладают дугообразной формой. В веерах блуждания рек озера имеют серповидную форму (рис.3—5.). По максимальной глубине исследуемые озера относятся к 2 группам: мелкие и очень мелкие. Средние озера, с показателями максималь-

ной глубины от 5 м до 10 м, имеют небольшое распространение. Из табл. № 1 видно, что 2/3 обследованных озер характеризуются незначительными глубинами: от 1.0 до 2.0 м. Остальные озера имеют глубину от 2.0 до 5.0 м. Самыми глубокими озерами являются озера №15, 9, 4, 2, котловины которых унаследовали переуглубленные участки ложбин древнего стока. Преобладающие глубины озер колеблются от 0.8 до 3.0 м.

Озера также характеризуются различными относительными показателями. Показатель удлиненности (отношение длины водоема к его средней ширине) дает представление о форме озера в плане. Для озер этот показатель изменяется в широких пределах — от 2—3 до 5—7 и более, т.е. озера имеют форму от овальной ($K_y=3-5$) до овально-удлиненной ($K_y=5-7$) и удлиненной ($K_y=7-10$).

Коэффициент изрезанности (извилистости) береговой линии озер изменяется также в больших пределах (рис. 4~5).

Берега внутриболотных озер, небольших по площади и глубине, не превышающей 2.5 м, низкие, сплавинные и обрывистые, торфяные. Сплавнины шириной до 5—10 м почти не возвышаются над водной поверхностью. Высота сплавинных берегов обычно не превышает 0.3 м. Низкие, затопляемые берега в той или иной степени заросли осокой водяной, осокой острой, белокрыльником болотным, вахтой трехлистной, кубышкой малой.

Торфяные берега озер обычно сильно подмыты. В результате наблюдаются нависающие над водой «языки» ряма. В нижней части торф обычно вымыт и берег испещрен торфяными нишами. Разрушение берегов, сложенных рыхлыми породами и торфом, происходит в основном под воздействием ветрового волнения, а в весенний период — и льдам. Нередко вследствие размыва берегов соседние озера соединяются в один большой водоем и тем самым «наступают» на окружающую заболоченную местность.

В формировании берегов озер важнейшую роль играют процессы абразии и аккумуляции. В одних местах берега происходит намыв илов, в других — их разрушение под воздействием волнобоя. Наличие интенсивного процесса размыва берегов озер в сосново-сфагново-кустарничковых микроландшафтах подтверждается и обследованием дна озер, которое показало, что дно этих озер покрыто слоем размытого торфа (детрита) с остатками корневищ.

Аккумулятивные берега располагаются, как правило, в вогнутых местах береговой линии, имеют незначительную высоту (0.2—0.8 м) и сильно заболочены. Они представляют собой низинные болота с угнетенной березой. Развитие аккумулятивных берегов осуществляется в процессе зарастания заливов, где ветровое волне-

ние затихает и происходит осаждение переносимых органических веществ (или торфа). В результате глубины постепенно уменьшаются, прибрежная зона зарастает и превращается в болото.

Озера особенно интенсивно зарастают в устьях впадающих водотоков, где благодаря повышенной проточности и, следовательно, повышенному минеральному питанию, интенсивно развивается низинная болотная растительность. Таким образом, одновременно с процессом разрушения берегов и увеличением акватории озер происходит их зарастание и заболачивание.

Обследования озер показали, что они представляют собой особую, неустойчивую фазу своего развития, которая особенно присуща торфяно-проездочным и термокарстовым озерам. У таких озер нет литорали, постоянных устойчивых очертаний в плане.

Гидрологический режим водоемов

По водному балансу озера делятся на две основные группы: сточные (дают начало водостоку) и бессточные (не имеют поверхностного стока). Как правило, большинство очень малых внутриболотных озер и озера являются бессточными (оз. №1), а средние озера, доля которых невелика, — сточными. Поэтому сточных озер значительно меньше. Встречаются, кроме того, и проточные озера (через такое озеро протекает ручей или небольшой приток реки) и озера с перемежающимся стоком, когда вытекающий водоток действует только в период стояния высоких уровней в озерах, а в межень пересыхает. Проточными являются средние по величине озера. Озерами с перемежающимся стоком являются в основном старицы №2—15.

Уровеньный режим очень малых и малых озер, обычно бессточных, определяется главным образом уровнем режимом болот. В годовом ходе уровня таких озер отмечается два минимума и два максимума. Первый максимум наблюдается в период весеннего половодья, второй — во время летне-осенних дождевых паводков. Минимумы отмечаются в конце зимы и летом, перед началом дождей. Весеннее половодье начинается в первой половине мая. Весенний максимум наступает через 2—3 недели после начала подъема. Пик половодья выражен слабо. Спад уровня продолжается до июля-августа. Летний минимум приходится на август-сентябрь, и он обычно ниже зимнего. Осенний максимум, как правило, меньше весеннего, после него происходит спад уровней, который прекращается чаще всего в декабре-январе, но в теплые зимы продолжается до начала весеннего снеготаяния. Амплитуда колебания уровней озераков и малых озер незначительна — 20—25 см.

В отличие от малых водоемов в годовом ходе уровней средних внутриболотных озер, которые являются бессточными, четко прослеживается лишь один весенний максимум и один зимний минимум. Осенний максимум и летний минимум выражены очень слабо, а в годы с обильными летними дождями они совсем не проявляются. Начало весеннего подъема уровней наблюдается в начале мая, в среднем спустя 3—4 дня после перехода температуры воздуха через 0°C. Максимальный уровень приходится на конец мая — начало июня. Пик подъема уровней выражен слабо. Величина весеннего подъема уровня находится в прямой зависимости от удельного водосбора озера и колеблется от 10—30 до 60—70 см. Продолжительность подъема уровня весной составляет в среднем 1.5—2.0 месяца, изменяясь по годам от 20 до 90 дней.

Термический режим большинства внутриболотных озер вследствие их малых глубин и темной окраски воды из-за взвешенных частиц торфа характеризуется быстрым и значительным прогревом водных масс. В озерах и малых озерах, в которых нет интенсивного ветрового перемешивания всей толщи воды, в летний период наблюдается четко выраженная термическая стратификация, когда верхний слой (0.3—0.5 м) хорошо прогревается, а нижний горизонт имеет температуру на несколько градусов ниже.

Так, например, на оз. №1 (площадь = 0,7174 км² и средняя глубина всего 0.8—1.2 м) температура верхнего слоя воды, измеренная 22 июля, была 12°C.

Температура воды во всех остальных озерах (№2—15), измеренная в июле, колеблется от 19°C—21°C. В водоемах с небольшими глубинами (до 2.0—2.5 м) водные массы обычно хорошо перемешиваются ветром игреваются на всю глубину водоема. Поэтому заметно выраженной температурной стратификации в этих озерах, как правило, нет, и в течение почти всего теплого периода наблюдается состояние, близкое к гомотермии, когда температура на поверхности и у дна примерно одинакова. Зимой и непромерзающих до дна водоемах выражена обратная стратификация: придонная температура колеблется от 2.0°C до 3.7°C, а у нижней поверхности льда она около 0°C. Весной после вскрытия озер устанавливается весенняя гомотермия (одинаковая температура у дна и поверхности). Такая же картина наблюдается осенью — во второй половине сентября-октябре вплоть до замерзания водоемов.

Первые ледяные образования появляются на озерах в среднем во второй декаде октября. Наиболее ранее их появление приходится на первую декаду октября, самое позднее — на вторую декаду ноября. Устойчивый ледяной по-

кров на озерах образуется обычно в конце октября. Толщина льда увеличивается в первые месяцы зимы в среднем на 3—10 см, достигая максимума 120 см в конце марта — первой половине апреля. Продолжительность ледостава составляет в среднем 180—190 дней. Весенняя подвижка льда на озерах наблюдается в конце апреля—первой половине мая. Окончательное очищение озер ото льда происходит в конце мая—начале июня.

Гидрохимические особенности водоемов

Химический состав и минерализация озерных вод определяется водно-солевым балансом водоемов. Соли в озера поступают с поверхностными и подземными (грунтовыми) водами и с атмосферными осадками.

Общая минерализация воды наименьшая (до 20—25 мг/л) составляет в озере №1, вследствие крайне незначительных величин минерализации атмосферных осадков, болотных и грунтовых вод, питающих его. В остальных водоемах, в питании которых участвуют наряду с атмосферными осадками речные воды, отличающиеся более разнообразным химическим составом и повышенной концентрацией солей, минерализация выше — до 100—150 мг/л и более. Все озера по сумме ионов являются пресными.

Общая минерализация озерных вод колеблется по годам и сезонам года. Наименьшая величина приходится на период весеннего подъема уровней, когда воды разбавляются маломинерализованными талыми снеговыми водами. Примерно то же наблюдается и в отдельные периоды из-за интенсивных дождей, поскольку минерализация дождевых вод составляет всего 12—17 мг/л. Наиболее высокие показатели общей минерализации воды в озерах отмечаются чаще всего в марте, в конце периода ледостава, когда толщина льда на водоемах достигает максимальных значений.

Минерализация озерных вод заметно увеличивается в годы с неблагоприятными гидрометеорологическими условиями (холодная малоснежная зима, затяжная весна, жаркое засушливое лето). В годы повышенной увлажненности концентрация растворенных солей в озерах минимальна.

В составе главных ионов в озерах преобладают гидрокарбонатные (бикарбонатные), а из катионов — ионы натрия. Следовательно, по классификации О.А. Алекина (1970), водоемы являются гидрокарбонатно-натриевыми. В озерах в составе катионов, помимо натрия, содержатся ионы кальция, магния. Соотношение между ионами в озерах весьма различно.

Жесткость воды очень низкая. Вода характеризуется как очень мягкая <1.5 мг — экв/л.

Из растворенных газов наибольшее значение имеют кислород и углекислый газ. Содержание кислорода тесно связано с процессами фотосинтеза и разложения органического вещества, так же отражает динамику водных масс и условия их обмена в озере. При различии озер по морфологии, гидрологическому режиму, степени зарастания, биомассе водных организмов слагаемые кислородного баланса крайне непостоянны. Зависимость интенсивности фотосинтеза от степени освещенности и температуры воды создает периодические сезонные и суточные колебания в содержании кислорода.

В период ледостава, когда фотосинтезирующая деятельность высших сосудистых растений и водорослей в водоемах резко снижается или прекращается совсем и отсутствует поступление кислорода из атмосферы, концентрация кислорода в воде сильно снижается, иногда до 0.5 мг/л, что составляет всего 3.5% нормального насыщения, или даже до полного исчезновения. Это часто является причиной заморозов — массовой гибели рыбы, особенно в мелководных водоемах.

Весной (в мае) насыщение воды кислородом близко к норме в результате его поступления из атмосферы и с талыми и речными водами.

Летом при максимальном развитии процессов фотосинтеза, несмотря на увеличение расхода кислорода на разложение органического вещества и дыхание организмов, содержание его в воде достигает максимальных значений — 13—14 Оз/л, или 120—135% нормы (оз. № 2—15). Вместе с тем в озерах со слабым развитием фотосинтеза и отсутствием цветения водорослей из-за обилия гуминовых кислот и фульвокислот содержание кислорода оказывается ниже нормы насыщения — 90—95% (оз. № 1).

Содержание углекислого газа находится в обратной зависимости от содержания кислорода и также закономерно изменяется в зависимости от сезона года. При этом в дистрофных водоемах с пониженной концентрацией кислорода наблюдается повышенное содержание углекислого газа в течение всего года.

Водородный показатель (рН) в озерах летом колеблется в пределах 6.0—7.0, т.е. реакция воды слабощелочная или нейтральная. В озерах № 1, 12 реакция воды слабощелочная — 5.1—5.5.

Концентрация биогенных элементов (азот, кремний, фосфор) колеблется по сезонам, достигая максимальных значений зимой, когда процесс фотосинтеза отсутствует, а минерализация органических остатков в иловых отложениях водоемов продолжается. Наименьшее содержание этих элементов наблюдается в летний вегетационный период.

Концентрация железа в исследованных озерных водах незначительна — 0.3-0.5 мг/л.

Содержание органических веществ сильно меняется по времени и зависит от питания озер. Большое содержание органических веществ отмечается воз. №1 и №12.

Прозрачность воды в водоемах различается в зависимости от питания, связи с рекой, содержания биогенных элементов и степени зарастания. К прозрачным озерам (до 1.0—2.0 м) относятся озера №№ 1, 2, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15. К озерам с мутной водой (0.3—0.5 м) — №№ 3, 5, 6, 11. Цветение воды наблюдалось в озерах №№ 2, 3, 7, 9, 15.

Рыбохозяйственная характеристика водоемов

На основании данных, полученных в предыдущих разделах отчета, можно дать рыбохозяйственную характеристику исследованным водоемам с подсчетом предполагаемой рыбопродуктивности и рекомендации по ведению рыбного хозяйства.

В таблице №2 приведены расчетные данные по продукции рыб в зависимости от типа питания и допустимого улова в исследованных водоемах. В водоемах №№ 1, 3, 7 ихтиофауна отсутствует, поэтому расчеты для них не производились.

Таким образом среди исследованных водоемов можно выделить три категории:

1. Водоемы, совершенно бесперспективные для рыбохозяйственного использования ввиду ряда причин — небольшая глубина, низкая продукция гидробионтов и т.д. К этой категории относятся водоемы №№ 1, 3, 7.

2. Водоемы, не рекомендуемые для рыбохозяйственного использования. Рыбопродукция в течение сезона на таких водоемах составляет от 220 до 400 кг на водоем. Причины — небольшие размеры и глубина. К этой категории относятся водоемы №№ 2, 5, 6, 8, 10, 11, 13, 14.

3. Водоемы, рекомендуемые для рыбохозяйственного использования. Рыбопродукция в течение сезона на таких водоемах составляет от 540 до 1900 кг на водоем. К этой категории относятся водоемы №№ 4, 9, 12, 15. Следует оговориться, что несмотря на очень высокие показатели продукции бентоса в водоемах №№ 9 и 12 (табл. 2), теоретически позволяющие получить выход рыбной продукции порядка 140-265 кг/га, в природной экосистеме рыбопродуктивность не будет превышать 40 кг/га (показатель для эвтрофного водоема). Ограничивающими факторами будут выступать небольшие размеры водоемов, низкая устойчивость водных экосистем к внешним воздействиям, суровый климат, колебания уровня воды и т.д.

На всех водоемах, вошедших в третью категорию, рекомендуется организация спортивного рыболовства. На водоемах №№ 9 и 12, кроме этого, возможно ежегодное зарыбление молодью серебряного карася для лучшего использования кормовой базы и увеличения выхода рыбопродукции.

Литература

- А.ИСКУН О.А.* Основы гидрохимии. Л.: Гидрометеонздат, 1979.
Ашмов А.Ф. Введение в 13 продукционную гидробиологию. Л.: Гидрометеонздат, 1989.
Боруцкии Е.В. Определитель свободножвущих пресноводных веслоногих раков СССР и сопредельных стран по фрагментам в кишечниках рыб. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
Вдовиц В.В., Проводников Л.Я. История формирования мезозойско-кайнозойских отложений и современного рельефа в бассейне р. Вах. Новосибирск: Наука, 1965.
Веселое Е.А. Определитель пресноводных рыб фауны СССР. М.: Просвещение, 1977.
Вехов И.В. Антропогенная трансформация водной растительности пойменных ландшафтов севера таежной зоны Европейской России//География и природные ресурсы. 1993. №4.
Лементьев В.А. Рельеф бассейна р. Вах и его история в четвертичное время//Изв. ВГО. Т. 66. Вып. 1. 1934.
 Западно-Сибирская равнина. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока/С.А. Архипов и др. М.: Наука. 1970.
Земцов А-А. Геоморфология и геоморфологическое районирование северо-востока Западно-Сибирской низменности

Таблица №2.

п/п	Тип водоема	Продукция в водоеме, кг/сезон					Общий допустимый улов, кг
		зоопланктона	бентоса	рыб-планктофагов	рыб-бентофагов	рыб-хищников	
2	старица	2732	2125	205	176	21	285
4	старица	11756	9143	888	759	71	1218
5	старица	2751	3851	206	320	23	395
6	старица	1881	2633	141	219	15	270
8	старица	1541	2157	116	179	13	222
9	старица	2371	100610	178	8350	367	1897
10	старица	2198	3077	165	255	18	316
11	старица	1618	2696	121	224	14	259
12	старица	2619	84509	196	7014	310	850
13	старица	2189	3482	164	289	19	341
14	старица	1687	2684	127	223	15	263
15	старица	7543	2237	566	186	32	541

сти//Тезисы докладов Всесоюзного межведомственного совещания по изучению четвертичного периода, 16—27 мая 1957 г., секция Западной Сибири и Урала. М., 1957.

Зыков Л.А. Рост и естественная смертность основных промысловых рыб Обского бассейна//Биологические ресурсы и проблемы развития аквакультуры на водоемах Урала и Западной Сибири. Тез. докл. Всероссийской конференции, 17-18 сентября 1996 г. Тюмень, 1996.

Козлова И.Б. Продуктивность зоопланктона эвтрофного озера Большие Касли (Южный Урал)//Гидробиологическая характеристика различных рыбохозяйственных водоемов европейской части РСФСР. Труды ГосНИОРХ. Вып. 162. Л.: ГосНИОРХ, 1981.

Кукурочкин Г.М., Егоров А.А. Флора и растительность поймы верхнего течения реки Сабун//Биологические ресурсы и природопользование. Вып. 2. Нижневартовск; НГПИ, 1998.

Лезин В.А., Тюлькова Л.А. Озера Среднего Приобья. Тюмень: Тюменский госуниверситет, 1994.

Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах. Зоопланктон и его продукция. ГосНИОРХ. 1984.

Оксюк О.П., Жукинский В.Н. и др. Комплексная экологическая классификация качества поверхностных вод суши//Гидробиол. журн. 1993. Т. 29. №4.

Салазкин А.А. Основные задачи гидробиологических исследований на рыбохозяйственных водоемах и пути их реализации//Гидробиологическая характеристика различных рыбохозяйственных водоемов европейской части РСФСР. Труды ГосНИОРХ. Вып. 162. Л.: ГосНИОРХ, 1981.

Тюлькова Л.А. Озера Среднего Приобья//Гидрология и гидробиология Западной Сибири. Л.: Географическое общество СССР, 1975.

В. И. Вавер, Ю. П. Бородин

Вопросы диагностики нефтепромысловых трубопроводов

Первоочередной задачей повышения экологической безопасности в нефтедобывающих регионах является предотвращение аварийных порывов нефтепромысловых труб. Задача эта решается путем своевременного выявления и развивающихся дефектов, и ремонта или замены труб. И если задача диагностики магистральных трубопроводов решается успешно, то своевременная и надежная диагностика внутрипромысловых трубопроводов остается проблемой.

Одной из причин сложившегося положения являются недостатки действующего РД 39-132-94, регламентирующего диагностику и отбраковку нефтепромысловых трубопроводов. Основным недостатком РД является недооценка жесткости условий эксплуатации внутрипромысловых стальных труб, транспортирующих водогазонефтяную смесь и минерализованные, содержащие кислород сточные воды, отсутствие жестких требований к составу и частоте проведения диагностики, что обеспечивает возможность эксплуатации труб «до отказа». Другой причиной является отсутствие на большинстве предприятий действенных регламентов контроля и диагностики, учитывающих особенности эксплуатации внутрипромысловых труб. Это и обеспечивает возможность применения нефтедобывающими предприятиями идеология эксплуатации нефтесборных сетей и водоводов систем ППД «до отказа», т.е. до аварии. Результатом является недопустимая частота аварий, сопровождающихся разливами на рельеф местности водонефтяной смеси и минерализованных вод.

Особенность нефтепроводов как объектов технического диагностирования состоит в большой их протяженности, что приводит при сплошном контроле традиционными методами к значительной трудоемкости. Указания РД по выбору длины обследуемого участка ограничи-

ваются требованиями по длине осматриваемого участка при ревизии и техническом диагностировании равным соответственно двум диаметрам трубы и 3.5—4 метрам. Кроме того, предписанная РД разбивка трубопроводов по категориям предполагает одинаковые условия эксплуатации трубопровода по всей его длине, что вовсе не характерно для трубопроводов используемых сегодня разветвленных систем нефтедобычи. Такой подход хорош в случае равномерного износа трубы. Но если основной причиной аварий является развитие локальных дефектов, что и характерно для внутрипромысловых труб, вероятность обнаружения опасных дефектов труб не превышает 1%, что ни в коей мере не обеспечивает промышленной и экологической безопасности.

Целью этой работы являлось создание эффективной системы диагностики внутрипромысловых и межпромысловых трубопроводов, которая могла бы обеспечить экологическую безопасность.

Эта цель может быть достигнута, если учитывать, что труба повреждается на разных участках по-разному из-за различий условий эксплуатации на разных участках трубы, и в обязательном порядке использовать методы контроля, позволяющие выявлять и оценивать все имеющиеся опасные дефекты на участках трубопровода значительной протяженности, достаточной для оценки состояния всего характерного участка трубы. Соответственно должна различаться и частота осмотра этих участков. Анализ условий эксплуатации трубопровода приводит к возникновению своеобразного перечня участков трубопроводов, являющегося основой «Регламента осмотров и технического диагностирования нефтепроводов».

Назначение Регламента состоит в определении последовательности и периодичности проведения диагностирования отдельных потенциально опасных зон (мест) — участков трубопроводов, отличающихся различной вероятностью возникновения в них дефектов и различной динамикой их развития. В Регламенте указываются методы и средства обнаружения дефектов определенного типа и размеров.

Методология оценки

потенциально опасных мест нефтепроводов

Для составления перечня особо опасных участков трубопроводов и технологического оборудования можно воспользоваться предлагаемой в РД 39-132-94 разбивкой трубопроводов по категориям, предполагая, что основными факторами, влияющими на коррозионную повреждаемость, являются диаметр трубопровода, внутреннее давление, газовый фактор, коррозионная активность и назначение трубопровода.

Обычно трубопроводы большой длины, протяженностью до десятков километров, по РД относятся к одной категории, из-за того, что три фактора, вносящих наибольшую долю в суммарный коэффициент классификатора — назначение трубопровода, диаметр и внутреннее давление — остаются почти неизменными, влияние газового фактора незначительно, а скорости коррозии, измеряемые на ограниченных участках трубы, принимаются равными для всего участка. В то же время на отдельных участках данного трубопровода могут встретиться зоны, где в явном виде присутствуют факторы, способствующие ускоренному развитию коррозионных повреждений. К ним относятся: скорость течения продукта и его многофазность, пространственное положение трубопровода и характер укладки, температура стенки трубы и состояние изоляционного покрытия и другие. Поэтому существует необходимость для каждого трубопровода, по всей его длине, начиная от скважины до конечной станции, оценить влияние каждого из перечисленных факторов на различных участках и, используя методику экспертных оценок, наподобие той, что используется в РД, представить исследуемый трубопровод в виде отдельных участков, с различной степенью коррозионной повреждаемости, т.е. возникает перечень участков с различной степенью повреждаемости. При этом для практических целей мы учитываем и оцениваем более 30 параметров.

Определение основных параметров Регламента по техническому диагностированию

К основным параметрам Регламента относятся:

- Начально обнаруживаемый размер дефекта (S_0);
- Долговечность до образования начально обнаруживаемого дефекта (T_0);

- Скорость роста дефекта (V_k);
- Критический размер дефекта (S_k);
- Долговечность до образования критического размера дефекта (T_k);
- Периодичность диагностирования (ПТ).

Начально обнаруживаемый размер дефекта (S_0) фактически определяет начало регулярных осмотров и способ его обнаружения.

Долговечность до образования начально обнаруживаемого дефекта (T_0) — срок службы до образования дефекта в конструкции может использоваться как показатель сопротивляемости материала трубы возникновению дефектов.

Скорость роста дефекта (V_h) характеризует такой эксплуатационный параметр, как живучесть конструкции с дефектом.

Критический размер дефекта (S_k) — в нашем случае будем рассматривать в качестве такого дефекта сквозное повреждение трубы (свищ).

Долговечность до образования критического размера дефекта (T_k), характеризует предельный срок службы трубопровода с дефектом.

Периодичность диагностирования (ПТ) определяет сроки повторного технического диагностирования и зависит от скорости роста дефекта, начального и критического размеров дефектов. За время роста дефекта от его начально обнаруживаемого размера до критического количество осмотров с учетом коэффициента запаса должно быть не менее трех.

Таким образом, в составе Регламента организуется перечень участков трубопроводов, характеризующихся различными значениями временных параметров, обеспечивающих необходимую полноту контроля и его надежность.

Одним из важных практических вопросов является размер начально обнаруживаемого дефекта.

С одной стороны, обнаружение малых размеров дефектов дает возможность провести ремонтно-восстановительные работы с минимальными затратами, но с другой — стоимость обнаружения очень малых размеров дефектов может быть очень высока, так как потребуются использовать высокочувствительную дорогостоящую аппаратуру. Поэтому совокупная стоимость всех работ по осмотрам и ремонту при этом будет чрезмерно высокой.

Другой вариант контроля, при котором за счет сокращения затрат на осмотры и применения простейших средств контроля или даже совсем без них мы можем обнаружить такие дефекты, устранение которых и ремонт будут весьма дорогостоящими. Если построить график, где изображены зависимости стоимости контроля и ремонта в функции размера дефекта, то станет очевидно, что существует некий размер обнаруживаемого дефекта, когда совокупные затраты на устранение дефекта и его обнаружение минимальные.

Остается для данного размера надежно обнаруживаемого дефекта (Sopt) определить его достаточность с точки зрения запаса по времени его роста до критического размера (S_k).

После проведения такого анализа производится выбор метода контроля, который обеспечит надежное обнаружение дефекта (Sopt). На этом заканчивается разработка Регламента технического диагностирования, выполнение которого обеспечит своевременное обнаружение дефектов с минимальными затратами на контроль и ремонт.

Методика комплексной технической диагностики трубопровода

Поскольку не существует в природе одного какого-то метода технического диагностирования, способного обеспечить обнаружение любых дефектов в любом месте конструкции, то находит применение так называемая методика комплексного диагностирования, заключающаяся в использовании различных методов контроля интегрального и локального типа.

К интегральным методам относится метод акустической эмиссии и в какой-то степени визуальный контроль. Большую часть известных методов контроля можно отнести к группе локальных методов (рентген, ультразвук, вихрековый и магнитный методы и др.)

Технология комплексной технической диагностики вкратце выглядит следующим образом:

После составления Регламента и определения перечня участков трубопроводов с различной периодичностью контроля выбирается метод контроля или совокупность нескольких методов, обеспечивающих надежное обнаружение дефектов, не превышающих критического значения дефекта. Типовая комбинация методов контроля выглядит следующим образом:

- визуальный контроль
- метод акустической эмиссии
- толщинометрия (желательно с измерением профиля внутренней стенки трубы)
- твердометрия
- ультразвуковая дефектоскопия

Визуальный контроль

Используется для осмотра трассы обследуемого участка трубопровода и оценки пространственного положения трубопровода. По результатам визуального контроля трубы проводится корректировка показаний аппаратуры акустической эмиссии в процессе измерений.

Метод акустической эмиссии

Используется в качестве основного метода контроля, обеспечивающего контроль трубы по всей длине обследуемого участка. Обнаруживаются свищи, все виды трещиноподобных развивающихся дефектов, коррозия и зоны значительных пластических деформаций.

Толщинометрия ультразвуковая (желательно с измерением профиля внутренней стенки трубы) обеспечивает измерение фактической толщины стенки и производит регистрацию профиля внутренней стенки, что позволяет установить характер коррозионного повреждения (включая отдельные питтинги), его протяженность и местоположение. Датчик пути, совмещенный с первичным преобразователем, обеспечивает привязку повреждения к конкретному месту на трубе.

Твердометрия

Используется для оценки изменения прочностных характеристик металла трубы.

Ультразвуковая дефектоскопия

Применяется для обнаружения дефектов в основном металле трубы и сварных швах. Может использоваться как самостоятельный метод контроля. Чаще всего служит для подтверждения результатов акусто-эмиссионного контроля.

Применение перечисленных методов контроля нефтепроводов требует непосредственного доступа к трубе. Для этой цели делаются шурфы, удаленные на расстояние до 50-80 метров. Расстояние между шурфами выбирается из условий надежного обнаружения и лоцирования сигнала от дефекта датчиками акустической эмиссии.

Визуальный, ультразвуковой и другие типовые методы неразрушающего контроля обеспечивают получение информации о повреждении трубы в пределах прямого доступа, т.е. в шурфе.

Метод акустической эмиссии обеспечивает обнаружение дефектов в пределах всего обследуемого участка. Длина участка обследуемого одновременно несколькими датчиками, может достигать 800-1000 метров.

В процессе обследования нефтепроводов, проводимых в ряде нефтедобывающих объединений в 1999 году, нами был использован метод комплексного диагностирования, когда наряду с методом акустической эмиссии оценка технического состояния нефтепровода осуществлялась с применением ультразвуковой толщинометрии и дефектоскопии. Благодаря такому подходу удается более точно идентифицировать тип дефекта.

На основе накопленного опыта нами был разработан легко адаптирующийся вариант регламента диагностики сетей внутрипромысловых трубопроводов для нескольких нефтегазодобывающих предприятий Тюменской области.

В качестве исходных параметров для разбивки трубопроводов и их исходных участков на однородные группы и установления для них периодичности контроля и оптимального состава диагностических работ нами были использованы 36 параметров, включая параметры оценки:

— последствий аварии (назначение (тип) трубопровода, длину, диаметр, толщина стенки, рабочее давление, отношение рабочего давления к проектному);

— напряженно-деформированного состояния трубы (тип прокладки, характеристики отводов, характеристики переходов), условия эксплуатации (характеристики рельефа и переходов через преграды);

— коррозии наружной стенки (тип, активность и подвижность грунта, характеристика защитных покрытий, характеристики ЭХЗ, срок эксплуатации);

— коррозии внутренней стенки трубопровода (температура, режим движения, обводненность и скорость течения жидкости, срок службы).

При этом для вычисления влияния перечисленных параметров на повреждаемость трубопровода и его участков ограничивались оцен-

кой самих параметров и их двойных взаимодействий.

Учитывая громоздкость необходимых расчетов и возможности изменения учитываемых исходных параметров в период эксплуатации, нами было разработано программное обеспечение, позволяющее автоматически, после ввода исходных данных, формировать перечни трубопроводов и их участков по категориям с указанием необходимых частоты и видов контроля, сопровождаемых картографической информацией по выбранным трубопроводам и их участкам.

При вводе данных о текущих изменениях в трубопроводных системах регламент автоматически перестраивается. Такой электронный самоадаптирующийся регламент достаточно удобен в эксплуатации и может стать действительно необходимым инструментом служб, ответственных за обслуживание трубопроводов.

В. И. Вавер

Рекультивация земель, загрязненных нефтью

1. Причины и следствие нефтяных разливов

Сегодня разливы нефти на территории нефтяных месторождений Западной Сибири приняли характер бедствия. Из 20,2 тыс. км внутрипромысловых трубопроводов, построенных только в Нижневартовском районе, 3,4 тыс. км (16,6%) полностью изношены и требуют немедленной замены^{1,2}. Особенно велико количество старых систем на предприятиях «Юганскнефтегаз» и «ЛУКОЙЛ-Урайнефтегаз» — свыше 50%, «Сургутнефтегаз» — около 25%, «Нижневартовскнефтегаз» — около 20%. На долю этих предприятий приходится 85% общего количества аварий, зафиксированных в округе³. Фонд изношенных труб увеличивается непрерывно, что неизбежно приводит к прогрессирующему росту количества аварий и, соответственно, к ежегодному приросту площадей залитых нефтью земель.

Разлитая нефть, оставаясь на месте разлива, постоянно загрязняет почвенные воды и создает угрозу загрязнения нефтепродуктами подземных пресных вод водоносных горизонтов. На территории Самотлорского месторождения уже отмечены признаки нефтяного загрязнения водоносных горизонтов^{1,4}. Постепенно мигрируя, нефтяное загрязнение распространяется на территориях, иногда значительно превышающих площадь первичного загрязнения.

Около 30% разлитой нефти рано или поздно оказывается в реках и озерах⁵. Попавшая в водоемы нефть, теряя легкие фракции по

ряду причин, поступает на дно, где в условиях дефицита кислорода остается на длительное время, подвергаясь чрезвычайно медленному биоразложению. Таким образом, затонувшая и погребенная в насыпях грунта нефть становится практически постоянным источником загрязнения грунтовых вод и поверхностных водоемов.

Общая токсичность нефтей, как правило, невысока. Но отдельные их компоненты — преимущественно полиароматические и полициклические соединения — отличаются мутагенностью, канцерогенными свойствами и тератогенностью. Зеленые растения, грибы и микроорганизмы, развивающиеся в грунтах и донных отложениях водоемов, содержащих даже следы нефти, накапливают и концентрируют в своих тканях содержащиеся в нефти тяжелые металлы, радионуклиды, канцерогенные вещества и генетические яды и передают их по пищевой цепи высшим организмам с соответствующими последствиями.

Таким образом, нефтяное загрязнение природных сред надолго создает угрозу здоровью населения региона. А его последствия могут проявляться через многие годы и в последующих поколениях.

В этих условиях ликвидация последствий многочисленных аварий, рекультивация обширного накопленного и постоянно образующегося фонда загрязненных нефтью земель становится задачей номер один.

2. Цели, реальные возможности и критерии рекультивации⁴

В обычной практике под рекультивацией подразумевают восстановление первоначального плодородия ранее нарушенных земель, что и является конечной целью всяких рекультивационных работ. В случае загрязнения земель нефтью и тяжелыми нефтепродуктами это возможно только после снижения их концентраций в почве и донных отложениях до биологически безопасных пределов, величина которых до настоящего времени не установлена. А поскольку основную опасность представляют канцерогенные и мутагенные вещества, содержащиеся в нефти в непостоянных и очень малых концентрациях, практически не влияющих на продуктивность первых поколений зеленых растений, по которой и оценивается обычно плодородие земель, задача установления биологически безопасного уровня нефтяного загрязнения крайне затрудняется.

Рост и размножение без видимых признаков угнетения, а иногда и стимуляция роста для многих видов зеленых растений возможны при содержании нефти в почве до нескольких процентов (в зависимости от типа почв). Но накопление мутагенов и канцерогенов в растениях и мезофауне делает их опасными для высших форм жизни. Поэтому рост зеленых растений не является истинным критерием реабилитации загрязненных нефтью земель и свидетельствует лишь о снижении концентрации нефти в почве до пределов фитотоксичности, различных для разных видов растений и типов почв. В случаях нефтяного загрязнения земель мы должны четко понимать, что достижение истинной цели рекультивации — обеспечения биологической безопасности загрязненных земель и развивающейся на них биомассы в приемлемые для производителей сроки — возможно только при полном изъятии загрязненного грунта с места разлива и замена его чистым естественным или искусственно созданным плодородным грунтом.

В реальных производственных условиях фактической целью проведения рекультивационных работ является лишь снижение содержания в почве нефти и нефтепродуктов до предела, при котором возможно развитие, рост и размножение зеленых растений, развитие микрофлоры и мезофауны, обеспечивающих дальнейшее самоочищение земли. На это потребуется 1-5 лет. На дальнейшее самоочищение — многие десятки лет. А при оценке допустимых конечных пределов загрязненности почв и вод нефтью по степени воздействия на более высокие формы живых организмов должны быть использованы на несколько порядков более жесткие критерии.

Именно поэтому даже после полного восстановления плодородия рекультивируемых земель при отсутствии в почве обнаруживаемых обычными методами концентраций нефтепродуктов земли, ранее загрязненные нефтью, не должны использоваться для выращивания пищевых и кормовых растений, выпаса скота, сбора грибов и ягод. Не следует и ловить рыбу в загрязненных нефтью водоемах. Единственным критерием для снятия этих ограничений могут являться результаты специальных физико-химических и токсикологических исследований почвы, флоры и фауны.

К сожалению, практически все действующие нормативные документы, регламентирующие рекультивационные работы и приемку рекультивированных земель, не учитывают этого обстоятельства.

3. Как рекультивировать земли, загрязненные нефтью

Подготовительные работы

На первых этапах ликвидации последствий аварии, сопряженной с разливом нефти, основной задачей является локализация загрязненного участка для предотвращения распространения нефтяного пятна и сбор максимально возможного количества разлитой нефти. Эти работы должны выполняться немедленно после аварии. И чем тщательней они выполнены, тем благоприятнее прогноз результатов рекультивации.

Но в любом случае значительную часть нефти, сорбировавшуюся на грунте и в растительно-моховом покрове и затонувшую в водоемах, собрать невозможно. В случае своевременно неликвидированных разливов нефть, разлитая на почву, частично или полностью битуминизируется, покрывая почву плотной коркой. Нефть, разлитая на поверхности водоемов, вследствие сорбции на твердых частицах, а также из-за увеличения плотности при выветривании и микробиологическом разложении легких фракций оказывается на дне водоема.

Рекультивационные работы

В состав собственно рекультивационных работ входят работы по очистке рекультивируемых земель от оставшейся нефти до пределов фитотоксичности с последующим созданием на них устойчивого растительного покрова.

Первым и главным этапом рекультивации нефтезагрязненных земель является очистка почв и грунтов от нефти и нефтепродуктов. В случаях рекультивации шламовых амбаров, заполненных нефтесодержащим отработанным буровым раствором, содержимое амбара перед захоронением также должно быть очищено.

В мировой практике используют достаточно много методов и приемов, рекомендуемых для не-

фтяной промышленности, очистки и утилизации нефтесодержащих фунтов и отходов^{3,4-6}.

Для ликвидации нефтяного загрязнения земель рекомендуется полное удаление загрязненного грунта с последующей экстракцией нефти жидкой CO_2 органическими растворителями или отмывкой раствором ПАВ, а при наличии благоприятных условий — биохимическим разложением углеводов нефти почвенной микрофлорой в специально отведенных местах. При использовании этого метода содержание углеводов в почве может быть снижено с 10% до долей процента за 4—8 недель. В качестве биохимических методов очистки собранного с разливов грунта и прочих нефтесодержащих отходов предлагается устройство орошения полей, компостирование либо просто разбрасывание на почву и заплата нефтесодержащих отходов в расчете на последующее микробиологическое разложение почвенной углеводородокисляющей микрофлорой. Предлагаемые методы эффективны. Но при значительных площадях и объемах загрязнений, характерных для Западной Сибири, возможности их массового применения проблематичны. Тем не менее они могут оказаться полезными при ликвидации шламовых амбаров, загрязненных нефтью, и при рекультивации небольших участков с высокой интенсивностью загрязнения и очистке кустовых площадок.

4. Микробиологическая очистка земель на местах разливов

При значительных масштабах загрязнения земель и закрытых водоемов наиболее приемлемым методом очистки земель и вод является повсеместно применяемый в мировой и отечественной практике метод, использующий микробиологическое разложение нефти на месте разлива с последующим самозаращением очищенных земель или высевом многолетних трав на очищенных участках³⁻⁴.

Этот метод прост в реализации и заключается в проведении на загрязненных землях ряда агротехнических мероприятий, направленных на активизацию развития и повышение активности почвенных нефтеокисляющих микроорганизмов, обладающих способностью использовать в качестве единственного источника питания углеводороды нефти, в конечном счете, окисляя их до CO_2 и воды. Первичное окисление нефти до органических кислот, спиртов, кетонов и альдегидов обеспечивается именно углеводородокисляющими микроорганизмами. На последующих этапах разрушения продуктов первичного окисления нефти в процесс вовлекаются и другие физиологические группы почвенных микроорганизмов, простейших и водорослей, обычно обитающие в почве и водоемах. Учитывая слож-

ный состав нефтей и различную способность разных родов и даже видов углеводородокисляющих микроорганизмов к усвоению различных компонентов нефти, для обеспечения высоких темпов разрушения всех компонентов нефти необходимо воздействие на нефть возможно большого числа видов, родов и физиологических групп организмов^{7-8,9}.

К счастью, в составах микробных сообществ, сложившихся в почвах, грунтах и поверхностных водах на территориях месторождений нефти, присутствуют все необходимые микроорганизмы. Особенно активны эти сообщества на участках, постоянно но не обильно загрязняемых нефтепродуктами, и на старых, но не особенно массивных разливах нефти. На Самотлорском месторождении нами было обследовано более 20 участков, загрязненных нефтью. На всех участках были обнаружены весьма активные многовидовые сообщества нефтеокисляющих микроорганизмов. В семи случаях из 20 отмечалась уникально высокая углеводородокисляющая активность почвенных микробных сообществ. Исключение составили только участки, никогда ранее не подвергавшиеся загрязнению нефтью и нефтепродуктами. Но и в этих случаях в пробах почвы и воды обнаруживались от 10 до 1000 клеток/г, углеводородокисляющих бактерий. Правда, их видовой состав не отличался разнообразием и был представлен, в основном, представителями рода *Pseudomonas*. Соответственно, их активность оказалась сравнительно невысокой. Однако и в этом случае, при создании благоприятных условий, со временем развиваются весьма активные микробиоценозы⁴. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев, характерных для западносибирских месторождений нефти, необходимые для быстрого разрушения разлитой нефти микроорганизмы уже содержатся в почве и водоемах. Их численность может быть и невысока, но в результате проведенных рекультивационных мероприятий — внесения удобрений и т.д. — в течение нескольких суток она возрастает от единичных клеток в грамме почвы или воды до величин порядка 10^{12} — 10^{15} кл/г. Но, в отдельных случаях, когда аборигенная нефтеокисляющая микрофлора представлена малоактивными микриофильными микроорганизмами или была уничтожена при воздействии концентрированными растворами химреагентов или выжиганием нефти, для ускорения процесса очищения может быть оправдано внесение на рекультивируемые участки бактериальных препаратов на основе культур высокоактивных штаммов углеводородокисляющих микроорганизмов, выпускаемых рядом предприятий. В последние годы ассортимент микробиологиче-

ских препаратов, разрешенных к применению Госсанэпиднадзором и предлагаемых к продаже, ежегодно увеличивается, но их применение чаще всего нецелесообразно. Более того, в мировой практике внесение микробных препаратов для микробиологической очистки земель от нефтепродуктов относят к числу малоэффективных методов¹⁰.

При использовании микробных препаратов следует учитывать, что для получения быстрых результатов целесообразно использование комбинаций из нескольких, различных по видовому составу, предпочтительно — многовидовых препаратов. Но и в этом случае, чаще всего через несколько недель, наблюдается вытеснение внесенных в почву микроорганизмов аборигенными микробными сообществами, развивающимися после внесения удобрений, вносимых с микробными препаратами.

При необходимости быстрой ликвидации загрязнения нефтью ограниченных участков земель возможно применение ферментных препаратов, не содержащих живых клеток, но сохранивших неповрежденные фрагменты ферментных систем углеводородокисляющих микроорганизмов, быстро разрушающих углеводороды нефти. Как правило, эти препараты содержат многочисленные добавки — витамины, микроэлементы и проч., стимулирующие ускоренное развитие почвенной микрофлоры, разрушающей продукты первичного окисления нефтепродуктов ферментными добавками. Разработаны, но пока не нашли широкого применения отечественные препараты, содержащие ферментные системы углеводородокисляющих бактерий, иммобилизованные на поверхности твердого сорбента. К сожалению, эти препараты весьма дороги, что препятствует их массовому применению на значительных площадях.

Весьма перспективным направлением является разработка микробных препаратов углеводородокисляющих микроорганизмов, иммобилизованных на твердых субстратах, способных сорбировать нефть.

В любом случае при использовании аборигенных микробных сообществ или при внесении микробных препаратов для обеспечения приемлемой скорости аэробного окисления нефти необходимо создать в очищаемой среде условия приближенные, по мере возможности, к оптимальным для развития и активной жизнедеятельности углеводородокисляющей микрофлоры.

Совершенно необходимыми условиями микробиологического окисления нефти являются:

- поступление кислорода к зонам жизнедеятельности микроорганизмов;
- наличие в очищаемой среде достаточных концентраций жизненно необходимых для разви-

тия микроорганизмов и накопления их биомассы усвояемых форм минеральных веществ, в первую очередь — калия, азота и фосфора;

— поддержания кислотности и влажности очищаемой среды в пределах, обеспечивающих жизнедеятельность микроорганизмов и достаточную активность ферментных систем.

На обеспечение этих условий и должны быть направлены основные усилия при проведении рекультивационных работ. Как правило, для этого достаточно проведения обычных для сельскохозяйственной практики агрохимических и агротехнических мероприятий — внесения раскислителей, комплексов минеральных удобрений и рыхления почвы.

При выборе конкретных наименований минеральных азотных удобрений следует учитывать, что некоторые микроорганизмы, участвующие в процессе разрушения нефти (*Rhodococcus* sp., *Acinetobacter valentis*), при внесении нитратного азота резко снижают углеводородокисляющую активность. Поэтому к вопросу о применении нитратных форм азотных удобрений следует подходить с осторожностью. А научно обоснованный выбор оптимального типа удобрений может быть сделан лишь после изучения реакции почвенной микрофлоры на подлежащих рекультивации участках на нитраты⁴. Если в практических условиях такие исследования не проводятся, предпочтение целесообразно отдавать безнитратным формам минеральных удобрений. А для предотвращения «концентрационного шока», приводящего к длительным задержкам в биодеградации нефти, минеральные удобрения лучше вносить дробными долями, поддерживая концентрацию калия, фосфора и азота близкой к оптимуму в течение всего периода очищения участка. Причем при первом внесении доза вносимых удобрений должна составлять 10—20% от расчетного количества. Этим достигается мягкая адаптация аборигенной почвенной микрофлоры к повышению содержания в почвенных водах усвояемых химических веществ. При этом в первые же дни на поверхности загрязненного грунта развиваются мощные колонии нефтеокисляющих микроорганизмов. А это, в свою очередь, повышает эффективность очистки грунта в первые же дни после внесения удобрений и последующего рыхления. Нами рекомендуется периодически, с частотой не менее 2 раз в месяц, контролировать содержание в почве N, K, P и, при снижении их концентрации более чем в 5 раз ниже рекомендованных, вносить дополнительные количества соответствующих удобрений.

Следует учитывать, что низкие значения pH приводят к сильному замедлению процесса биодеградации углеводов. В то же время при микробиологическом окислении нефти в усло-

виях дефицита кислорода происходит накопление органических кислот, сопровождающееся снижением рН. Причем чем более затруднен доступ кислорода к зонам биоокисления нефти, тем интенсивнее накапливаются кислоты и, соответственно, снижается скорость биodeградации нефти и промежуточных продуктов ее распада. Для поддержания рН почвы на оптимальном уровне (7.5—8.2), следует вносить карбонатные раскислители (мел, доломитовую или известняковую муку) в избыточном количестве. Нормы внесения раскислителей принимают в соответствии с обычной агротехнической практикой¹². Передозировка карбонатных материалов не приводит к нежелательным последствиям. А избыточный, на момент внесения, раскислитель расходуется по мере распада нефти и образования карбоновых кислот, предотвращая последующее закисление почвы. Образующиеся при этом кальциевые соли карбоновых кислот усваиваются почвенными микроорганизмами легче, чем свободные кислоты. Следует учитывать и то, что при поверхностном загрязнении нефтью переувлажненных грунтов, цеолит, доломитовая и известняковая мука хорошо сорбируют разлитую нефть и одновременно играют роль коллекторов, на поверхности которых микроорганизмы развиваются более интенсивно.

Совершенно необходимым условием для обеспечения процесса микробиологического очищения почв и воды от нефти и нефтепродуктов является аэрация зон активной деятельности микроорганизмов любым доступным в данных конкретных условиях методом. В природных условиях зона, в которой протекают процессы ускоренной биodeградации нефти, ограничивается поверхностным слоем грунта, доступным для проникновения кислорода воздуха и аэрированных поверхностных вод. Наличие сплошных слоев нефти на поверхности грунта и воды сильно ограничивает зону аэрации и тем сильнее, чем больше толщина слоя, вязкость и степень выветренности нефти, разлитой на поверхности загрязненного участка. Именно поэтому предварительный сбор нефти с поверхности разлива может стать решающим фактором, определяющим эффективность всего комплекса рекультивационных работ. А в случаях проникновения разлитой нефти в толщу грунта следует принимать дополнительные меры для обеспечения аэрирования всей толщи загрязненного грунта. Наиболее распространенным способом аэрации загрязненного нефтью грунта является его рыхление фрезерованием на всю глубину проникновения нефти или несколько превышающую её. При этом достигается эффект снижения концентрации нефти в

грунте за счет смешения нефтезагрязненного грунта с незагрязненным или менее загрязненным грунтом из нижележащих его слоев. Если грунтовые воды достигают дневной поверхности грунта, рекомендуется перепашка корпусными плугами с образованием глубоких борозд и высоких гряд, возвышающихся над поверхностью воды в бороздах³.

При поверхностном характере загрязнения нефтью переувлажненных грунтов или водной поверхности участков болот, мочажин, маленьких болотных озерков и т.п. для ускорения разрушения нефти может быть использован предложенный нами прием орошения поверхности рекультивируемого участка аэрированной водой форсуночными или струйными разбрызгивателями воды, применяемыми обычно для поливки парковых газонов. Этот прием обеспечивает непрерывное или периодическое орошение всей поверхности участка аэрированной водой, содержащей минеральные удобрения и смыв остатков нефти в углубления, из которых ее легко откачивать, что значительно ускоряет микро-биологическое окисление поверхностных загрязнений и предотвращает проникновение нефти в глубину грунта.

На слабозагрязненных участках, в случаях, когда рыхление с применением пахотной техники невозможно, а толщина слоя нефти на поверхности грунта не превышает 2—3 мм и особенно если поверхность грунта покрыта плотными корочками выветренной нефти, рекомендуется обеспечить принудительную аэрацию любыми доступными средствами. Плотный слой выветренной нефти можно разрушить накануне проведения рекультивационных работ просто траками гусениц болотоходов или, в зимний сезон, после промерзания грунта, — гусеницами тяжелого трактора. На небольших участках корочки нефти можно разрушить вручную, с использованием мотоблоков или ручного инвентаря — грабель, мотыг и т.п.

На небольших замкнутых водоемах, покрытых слоем нефти, аэрация воды может быть обеспечена установкой в водоеме плавающих аэраторов типа АП-24, выпускаемых фирмой «Новые технологии» (г. Нижневартовск), представляющих собой небольшие по габаритам турбинные мешатки с электроприводом, смонтированные на поплавках. С меньшей эффективностью могут использоваться и любые насосные агрегаты, способные обеспечить подачу в водоем с берега сильных струй воды, отбираемой из того же водоема.

В случаях обнаружения нефти в донных отложениях, помимо принудительной аэрации воды, рекомендуется периодически производить рыхление донных отложений в водоеме путем многократного протаскивания по дну водоема с помощью канатов обычных зубчатых борон.

В случаях, если по каким-либо причинам невозможно организовать принудительную аэрацию вод и фунтов любым из доступных методов, продолжительность периода очистки, при условии продолжения работ на участке, может составить 3-5 и более лет. А затонувшая нефть останется на дне водоема на многие десятилетия¹³.

После снижения содержания нефтепродуктов в почве на рекультивируемых участках до значений, обеспечивающих возможность роста и размножения наиболее нефтестойких зеленых растений, приступают к фиторекультивации загрязненных земель путем посева многолетних трав с развитой корневой системой. Но в большинстве случаев в этом нет необходимости. Рекультивируемые участки уже к концу первого полевого сезона заселяются местными травами самопроизвольно, после чего в течение многих лет происходит дальнейшее самоочищение земель. Арекультивационные работы можно считать законченными. Но, до снижения содержания канцерогенных веществ и тяжелых металлов в почве и растительности на участке, использование «рекультивированных» земель должно быть ограничено только промышленными целями. Рекультивированный участок должен быть обозначен вешками и аншлагами, запрещающими сбор ягод, грибов, сенокосение, выращивание продуктов питания и корма для животных. Снятие этих ограничений возможно только после проведения специальных, кстати, весьма дорогостоящих исследований, подтверждающих экологическую безопасность почв и растительности на участке, что и является достижением конечной цели рекультивации загрязненных нефтью земель.

К сожалению, по ряду причин, преимущественно экономических, очень часто рекультивация загрязненных нефтью земель производится с грубыми ошибками, приводящими к превращению «рекультивированных» таким образом земель в постоянно действующий источник загрязнения.

Наиболее грубой и опасной ошибкой, допускаемой при рекультивации земель, является засыпка разлитой нефти привозным фунтом — песком или торфом. При этом разлитая нефть, погребенная под слоем переувлажненного грунта, просто выводится из процесса микробиологического окисления. А «рекультивированный» таким образом участок на многие десятилетия становится источником постоянного зафазнения грунтовых и подземных вод.

Распространенной ошибкой, приводящей к напрасному расходованию денег, является бесконтрольное применение разного рода бактериальных препаратов без предварительного микробиологического обследования загрязненных участков земель.

Наиболее распространенным заблуждением, нашедшим отражение в практике рекультивации нефтезагрязненных земель, является убеждение, что единожды внесенные даже большие дозы минеральных удобрений обеспечивают высокую активность нефтеокисляющей микрофлоры в течение всего периода рекультивационных работ. Пренебрежение периодическим лабораторным контролем содержания в почве растворимых форм калия, азота и фосфора и внесением, при необходимости, минеральных подкормок значительно снижает темпы очищения земель.

Существенной ошибкой является и оценка эффективности рекультивационных работ по интенсивности роста на них трав в течение первого года рекультивационных работ, поскольку просчеты при рекультивации, следствием которых является оставление значительных количеств нефти в подповерхностных слоях грунта на глубинах 15-50 см, неизбежно приведут к гибели растительности (кроме рогоза и некоторых других трав) через 1-2 года. А загрязнение компонентами нефти почвенных и подземных вод будет продолжаться. Таким образом, ни одна из целей рекультивационных работ не останется достигнутой при явном внешнем благополучии на момент завершения работ.

В заключение следует отметить, что в последние годы многочисленными фирмами предлагаются к массовой реализации многочисленные препараты, технические средства и технологии для рекультивации нефтезагрязненных земель. Аprobация их непосредственно в процессе крупномасштабных работ по рекультивации земель может привести к весьма нежелательным последствиям, не самым худшим из которых является бесполезное вложение денежных средств. В то же время чрезмерная осторожность может привести к неиспользованию действительно высокоэффективных средств и технологий, позволяющих повысить темпы и качество рекультивационных работ. Таким образом, назрела необходимость создания на территории Ханты-Мансийского автономного округа полномасштабного полигона для аprobации предлагаемых к внедрению техники и технологии рекультивационных работ.

Реализация этой идеи позволит значительно улучшить состояние дел с рекультивацией нефтезагрязненных земель в специфических климатогеографических и ландшафтных условиях месторождений нефти Западной Сибири.

¹³ Отчет «Состояние окружающей среды и природных ресурсов в Нижневартовском районе, 1996 г.». Ежегодник. Вып. I. Научный руководитель Н.Я. Крупинин. Научный редактор В.И. Вавер. Нижневартовский межрайонный комитет по охране окружающей среды. Изд. газеты «Нефтяник. Нижневартовск, 1997.

- Вавер В.И. «О проблемах оценки ущерба окружающей среде при авариях нефтепромысловых трубопроводов» в сб. «Победить нефтяное загрязнение». Материалы окружного совещания по теме «Создание комплексной системы предупреждения и ликвидации нефтяных загрязнений и механизма ее финансирования на территории Ханты-Мансийского округа», г. Нефтеюганск, 13 марта 1997г. Государственный комитет по охране окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа, 1997 г.
- ¹ Чижов Б.Е., Вавер В.И. Долингер В.А., Крупинин Н.Я., Пауничев Е.А. Лекции по рекультивации нефтезагрязненных земель в Ханты-Мансийском автономном округе. Изд. Тюменского гос. университета, 2000 г.
- ⁴ Вавер В.И. Рекультивация земель, загрязненных нефтью. В сб. «Биологические ресурсы и природопользование». Вып. 1. г. Нижнеуртовск, Издательство Нижнеуртовского пединститута. 1997, С. 114-136.
- ⁵ Tarshis, I. B., and Rattner, B. A. 1982. Accumulation of C-naphthalene in the tissues of redhead ducks fed oil-contaminated crayfish. Arch. Environ. Contain. toxicol. 11:155-159.
- ⁶ Разведка на нефть и ее добыча (Р и Д). Руководство по переработке и удалению отходов. Отчет '2.58/196. Сентябрь 1993г.: E & P Forum, 25-28 Old Burlington Street. London, W1 X 1 LB.
- ⁷ Bossert and R. Bartha. 1984. The fate of petroleum in soil ecosystems. In: Petroleum microbiology. (R.M. Atlas ed.). Macmillan Publishing Company. A division of Macmillan, Inc. New York. Collier Macmillan Publisher. London.
- *> Alexander. M. 1977. Introduction to Soil Microbiology. Wiley, New York.
- ¹ Jensen, V. 1975b. Bacterial flora of soil after application of oily waste. Oikos 26:152-158.
- ¹⁰ Atlas, R. H. 1977. Stimulated petroleum biodegradation. Crit. Rev. Microbiol. 5:371-386.
- ¹¹ Jobson, A., McLaughlin. M., Cook, F. D., and Westlake, D. W. S. 1974. Effect of amendments on the microbial utilization of oil applied to soil, Appl. Microbiol., 27:166-171. Zobelt, C, E. 1973. Bacterial degradation of mineral oils at low temperatures. In: The Microbial Degradation of Oil Pollutants (D. G. Aheam, and S. P. Meyers, eds.), pp. 153-161. LSU-SG-73-01. Center for Wetlands Resources. Louisiana State University, Baton Rouge, Louisiana.
- ¹² Бендилио Г.Г., Микапаев Т.А., Петриченко В.Н., Скаржинский А.Л. Удобрение овощных культур. Справочное руководство. М.: Агропромиздат, 1986 г.
- ¹³ Hughes, D. E., and McKenzie, P. 1975. The microbial degradation of oil in the sea. Proc. R. Soc. Lond. B (Biol. Sci.) 189:375-390

Р.Р. Мухамедьярова

Экологическая школа — центр экологического образования в регионе

Впервые о системе экологического образования в г. Нижнеуртовске было заявлено на семинаре по вопросам экологического образования и воспитания, состоявшемся в октябре 1993 г. В работе семинара принимали участие ученые и специалисты в области экологии и экологического образования гг. Москвы, Нижнего Новгорода, Тюмени, Перми, Тобольска и Нижнеуртовска. По итогам прошедшего семинара была принята «Резолюция регионального семинара по вопросам экологического образования и воспитания», в основу которой легли положения о разработке, внедрении и необходимости организации системы непрерывного экологического образования в регионе.

По инициативе отдела экологии администрации г. Нижнеуртовска и администрации педагогического колледжа была создана экологическая школа с целью эколого-профессиональной подготовки работников образования и обновления содержания подготовки специалистов.

Основными задачами экологической школы явились:

- формирование знаний и умений в области экологии;
- развитие психолого-педагогических знаний и опыта творческой и эмоционально-ценностной деятельности по экологическому образованию детей и подростков;
- обобщение передового опыта воспитателей детских садов, учителей, преподавателей в области экологического образования;

— содействие открытию и развитию экспериментальных площадок по экологическому образованию детей и подростков.

В период с 1993 по 2001 годы экологической школой проведено:

14 семинаров для педагогов дошкольных учреждений в городах: Нижнеуртовск, Лангепас, Ханты-Мансийск, Мегионидр.

15 семинаров для учителей начальных классов и студентов г. Нижнеуртовска и региона.

5 семинаров для учителей географии, биологии, химии школ и учебных заведений региона.

8 семинаров-практикумов для студентов колледжа.

В работе учебных семинаров по программам экологического образования приняли участие и повысили квалификацию более 800 человек: воспитатели, методисты, заведующие детскими садами, отделами образования, педагоги и методисты Центра внешкольной работы, эколого-биологического центра, учителя начальных классов, учителя биологии, географии, экологии.

В настоящее время экологическая школа привлекает к консультированию, проведению семинаров, руководству и курированию экспериментальных площадок специалистов и ученых региона и страны.

Эколого-педагогическая подготовка осуществляется по двум направлениям: общекультурная (то есть изучение основ экологических знаний как элемента повышения общегуманитарного мировоззренческого уровня).

Профессиональная подготовка студентов по специальности «Педагог дополнительного образования» с дополнительной специализацией «Экологическая культура детей и подростков» ведется по программе специализации, которая включает блок специальных дисциплин по экологии, региональному краеведению, современным технологиям в области экологического образования.

В 1998 году состоялся выпуск экологов-воспитателей. В настоящее время ведется подготовка педагогов дополнительного образования с дополнительной специализацией «Экологическая культура детей и подростков».

Под руководством экологической школы в базовой школе педагогического колледжа — школе № 41 уже 4 год успешно ведется эксперимент по постановке модели эколого-эстетической школы.

В Новоанганском детском саду «Лесная сказка» начат эксперимент по созданию модели детского сада эколого-эстетической направленности с внедрением регионального компонента в содержание экологического образования дошкольников.

Экологическая школа является и учебно-методическим центром по организации внеклассной работы по **эколого-этнографическим** проектам «ДОМ» и «Дерево земли, на которой я живу». В сотрудничестве с экологической школой и при ее научно-методической поддержке в Центре детского творчества и в школах города Нижневартовска ведется внеклассная работа по изучению природы нашего края. По результатам этой работы традиционной стала городская детская экологическая конференция «Сохраним нашу Землю голубой и зеленой».

Научно-исследовательская работа студентов и преподавателей в области экологии, краеведения и экологического образования в сотрудничестве со специалистами-экологами города Нижневартовска, учеными страны обеспечивает научный поиск современных технологий экологического образования.

Внедряются в учебный процесс базовой школы и колледжа эколого-валеологические программы, разработан учебно-методический комплекс для младших школьников (программа, пособие для учителя и тетрадь учащегося) по разделу «Человек и его здоровье в условиях ХМАО», имеются богатый библиотечный и видео фонды.

Традиционными в работе экологической школы стали Дни защиты от экологической опасности, в рамках которых проводятся акции «Зеленый десант», «Зеленый лист», «Мусор микрорайонов», а также экологические праздники, капустники, конкурсы, конференции для детей и взрослых.

Обобщение опыта работы экологической школы состоялось на:

— Выездной сессии экспертов Европейского союза по экологическому образованию в г. Нижневартовске (май, 1998 г.)

— 27-й конференции Севере-Американской ассоциации по экологическому образованию (США, г.Атланта)

— Межрегиональной конференции северных регионов РФ «Север и экология — 21 век: экологическое образование и воспитание», г.Ухта (сентябрь, 1999 г.)

— 1,2 Окружных научно-практических конференциях по проблемам экологического образования в ХМАО, г. Ханты-Мансийск (февраль 1998 г., февраль 2000 г., май 2001 г.)

— Всероссийской научно-практической конференции «Игровая экология в России», г. Обнинск (март, 2000 г.)

— Выставке «Югра. Экология-2000», г. Ханты-Мансийск (июнь, 2000 г.)

В 2000 г. по рекомендации учредителей и решением Координационного совета по экологическому образованию г.Нижневартовска в связи с расширением направлений деятельности, состоянием материально-технической базы и качеством работы экологическая школа преобразована в Региональный центр экологического образования при Нижневартовском социально-гуманитарном колледже. Региональный центр экологического образования сегодня ставит следующие общие задачи для реализации:

- удовлетворение потребностей работников образования и студентов педагогических профессиональных учреждений региона в получении новых знаний о достижениях в области экологии и методики экологического образования, передовом отечественном и зарубежном опыте;

- проведение повышения квалификации и профессиональной подготовки и переподготовки специалистов в области экологии и методики экологического образования;

- содействие открытию и развитию экспериментальных площадок по экологическому образованию детей;

- осуществление консультационной деятельности;

- организация издательской деятельности по выпуску научно-методической литературы.

Реализация именно таких задач должна способствовать дальнейшему развитию системы непрерывного экологического образования в регионе.

Экологическое образование для устойчивого развития региона

В 1992 году в Рио-де-Жанейро на второй конференции по охране окружающей среды и развитию одним из документов, одобренных на конференции, — «Повестка дня — 21 век», в котором обозначены проблемы устойчивого развития.

Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности в настоящее время, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Для того, чтобы жить в приближающемся будущем, детям нужны особые знания, умения и навыки. Для их становления и реализации необходима система особых ценностей и отношений, которые смогут влиять на поведение в окружающей среде.

С целью оценки уровня экологических знаний учащихся и студенческой молодежи, а также населения и хозяйственных руководителей предприятий и организаций ХМАО в 1999 году институтом социальных исследований (под рук. Бойкова В.Э.) проведен социологический опрос, в котором приняли участие 840 учащихся и студентов учебных заведений округа, 688 человек населения, 134 экспертов-руководителей и главных специалистов предприятий, производство которых связано с активным вмешательством в окружающую природную среду, и сотрудников экологических служб, контролирующих состояние почвы, воды и воздуха.

На вопрос, какие из проблем жизни вас тревожат больше всего, на проблему ухудшения состояния окружающей среды указали 47% опрошенных экспертов и 27% населения.

В перечне многих социальных проблем (удорожание жизни, рост преступности, недостаток рабочих мест, социальное расслоение и др.), вызывающих общую тревогу, деградация природной среды, по количеству проявляющих беспокойство на этот счет, находится на одном из первых мест.

42% опрошенного населения и большинство экспертов (55%) оценили состояние окружающей среды как весьма плохое.

Особое беспокойство у опрошенных вызывает:

1) загрязнение воды (67% экспертов и 73% населения)

2) загрязнение атмосферы вызывает беспокойство у 61 % экспертов и 56% населения

3) загрязнение земли (56% экспертов и 55% населения)

4) радиоактивное загрязнение вызывает тревогу у 37% экспертов и населения

5) отрицательные генетические последствия экологических катастроф являются наибольшим источником тревоги у более чем 30% экспертов и населения.

И только у 2% опрошенного населения состояние окружающей среды не вызывает никаких опасений.

Уровень обеспокоенности экологической проблемой у специалистов предприятий выше, чем у населения в целом. Это обусловлено тем,

что специалисты черпают информацию о степени загрязнения окружающей среды, главным образом, из реальной картины техногенного воздействия на природу. Основная масса специалистов достаточно хорошо информирована о частоте и объемах выбросов вредных веществ в почву, водную среду и атмосферу. Что касается населения и студенческой молодежи, то основным источником информации для них являются средства массовой информации.

В этой связи, в целях повышения уровня экологической образованности необходимо более активно привлекать специалистов к экологической пропаганде среди населения и студенческой молодежи. Это встречи со специалистами-экологами, которые традиционно проводятся в рамках Дней защиты от экологической опасности, экскурсии на предприятия, где наиболее удачно и эффективно решаются экологические проблемы.

С учетом сложившейся ситуации органы власти ХМАО принимают меры, направленные на охрану среды обитания. В числе таких мер — усилия по улучшению экологической грамотности специалистов и экологического образования населения, в первую очередь молодежи.

Приоритетными задачами дальнейшего экологического образования могут быть признаны следующие:

1. Добиться всеми структурами власти первоочередности решения экологических проблем в регионе путем созыва регионального экологического форума и принятия экологического меморандума, обязательного для исполнения всеми юридическими и физическими лицами (16—20 мая 2001 г.)

2. Совершенствование и систематизация процесса экологического обучения и просвещения. Разработка специальных мер повышения экологической подготовки для различных категорий населения. В решении этой задачи в городе на базе Центра экологического образования колледжа по инициативе отдела экологии администрации г. Нижневартовска создан Координационный Совет, в состав которого входят представители различных структур города. В настоящее время проведен анализ состояния экологического образования в городе и ведется работа по составлению городской программы «Экологическое образование населения г. Нижневартовска».

3. Научный подход к проведению экологического образования, привлечение для этой работы специалистов-практиков и ученых. В решении данной задачи интересен опыт Центров экологического образования г. Нижневартовска.

Центр экологического образования Ханты-Мансийского регионального отделения РАЕН проводит обучение и непрерывное повышение квалификации руководителей и сотрудников

предприятий и организаций, ответственных за экологическое состояние предприятий и природопользование.

Эколого-просветительская работа является одной из задач Заповедно-природного парка «Сибирские увалы», который осуществляет эколого-просветительскую деятельность по программе, включающей такие вопросы, как «Особо охраняемые территории ХМАО», «Безопасность поведения людей на природных ландшафтах» и др. В сотрудничестве с этнографическим музейным комплексом, кинотеатром «Мир», библиотеками ведется работа по экологическому просвещению населения.

Работа по подготовке педагогических кадров и повышению их квалификации с привлечением ученых, разработка методических материалов с региональным компонентом содержания ведется в Центре экологического образования Нижневартовского социально-гуманитарного колледжа. Под руководством и в сотрудничестве с Центром экологического образования колледжа ведется работа экспериментальных площадок по внедрению современных технологий в области экологического образования. Обобщение и распространение передового опыта как в области экологии, так и в области экологического образования проводится на базе таких учебных

заведений, как школы № 41, № 6, ДОУ № 71, № 30, ДОУ «Лесная сказка» п.Новоаганск.

Среди задач, которые планируется решить в рамках программы Экологическое образование населения г.Нижневартовска на 2001—2005 годы, наиболее важными являются:

— Усиление экологического просвещения через окружные и муниципальные средства массовой информации и профессиональная подготовка специалистов в области экологии на телевидении, радио, в газетах. Решение этой задачи предполагается на базе Нижневартовского экономико-правового института на специальности «Журналистика».

— Организация экологического лектория для различных слоев населения.

— Формирование на базе учебных заведений экологических групп для активной практической работы по охране окружающей среды.

— Активное формирование экологического общественного мнения, оперативное доведение до общественности результатов экологических экспертиз и другой информации об экологической ситуации в регионе.

Решение именно этих задач в области экологического образования может и должно обеспечить устойчивое развитие региона.

Г.П. Майснер, М.Н. Шишицына

Влияние природной среды на культуру и этнические обычаи народов Севера

Изучение взаимодействия общества и природы, человека и природы в наше время особенно злободневно. Не преувеличивая влияния географической среды, нельзя не сознавать недоразумения, грубые ошибки, которые может повлечь ее недооценка или просто игнорирование. Как подчеркивал видный географ В.А.Анучин, воздействие географического фактора на жизнь человечества было, есть и будет неотъемлемым условием во времени и пространстве, фактором, по-разному влияющим на общественное развитие в каждом отдельно взятых исторических условиях, что и обуславливает географические различия между странами, районами, а в известном смысле — и народами.

Родная географическая среда, местность, где человек появился на свет и живет, — это не просто материальная, естественно-природная, но и духовно-нравственная ценность, источник исторически сложившейся силы народа. И любые изменения, которые вольно или невольно вносятся в географическую среду района, отражаются на нравственном облике его жителей. Меняется среда обитания — меняется и человек. Пусть незаметно, но меняется.

Родившись в **географически** определенной среде, человек ведет себя сообразно ее канонам, потому что с молоком матери впитал понятия своего мира. Более того — врос в него. Да может ли быть иначе? Природные условия совершенно конкретно влияют на здоровье обитателей ареала, на их выносливость, трудовую активность, плодовитость, жизнестойкость, вкус. В этом смысле родина — не только высшая духовная ценность, нигде человек не сможет чувствовать себя физически лучше, чем на родной земле. В психологию человека вносят свою лепту погодные условия, времена года, местный рельеф и почва.

Географическая среда влияет на людей и их культуру. По-своему размещая моря, пустыни, горы, реки, болота, природа затрудняет контакты и обмены между народами и областями. Все упомянутые и другие факторы вносят завершенность в физический и духовный портрет любого народа. И как бы человек ни подновлял, ни приспособливал природу к своим потребностям, сколько бы ни возвышался над ней, сам он, подобно другим живым существам, остается ее детищем.

Земля выковывает и закаляет характер! Истина, верная повсюду. Волей исторических судеб народам сибирского Севера достался материк с трудными природными условиями. То соперничая с окружающей средой, то ловко приспособившись к ней, люди выработали в себе качества, понятия, мышление, без которых им бы не преодолеть тяготы жизни, не укротить стихию, просто не выжить. И, выказав твердость духа, коренное население выстояло: они удовлетворяют свои потребности в питании и жилье. Мало того, они вступили в гармоничный союз с природой. Голос земли слышен в их мыслях, поступках, манерах и привычках.

Ханты и манси издавна обеспечивали свое существование в основном охотой и рыбной ловлей. Причем они были типичными пешими таежными охотниками, которые промышляли зверя.

Пушная охота первоначально являлась второстепенным занятием — пушнина шла лишь на украшение одежды. Однако в XIV-XV веках пушнина стала определяющим фактором товарообмена между населением тайги с ближними и дальними его соседями. Драгоценная пушнина выменивалась на посуду, узорчатые ткани, металлическое сырье.

Возможность реализации продуктов охоты привела к гипертрофированному развитию охотничьих промыслов с преимущественной ориентацией на добычу пушного зверя. Расширение пушных промыслов, увеличение добычи зверя вступало в противоречие с природными ресурсами конкретных охотничьих территорий. Проблема стабильного жизнеобеспечения обострялась. Увеличение добычи пушнины было возможно только за счет новых территорий, что создавало обстановку неизбежной войны между родственными племенами.

Помимо охоты, функционировало также гончарное производство. Глиняная посуда лепилась вручную, без гончарного круга, и украшалась геометрическим орнаментом с помощью специальных костяных или деревянных штампов.

Хорошо знакомо было коренному населению и ткацкое дело. Ткань производилась из крапивного волокна, которое вырабатывалось по технологии, сходной с обработкой льна. Крапиву мяти, чесали и пряли в нить. Затем на примитивном станке делали ткань, которая шла на изготовление одежды. Постепенно все эти промыслы в XVII-XVIII вв. практически полностью исчезли, так как из России стали поступать более дешевые и качественные ткани, посуда и железные изделия.

Наиболее устойчивыми оказались деревообработка и производство берестяной утвари. Из дерева делали чашки, черпаки и другую посуду, а также лыжи, нарты, музыкальные инструменты.

Биологические ресурсы западносибирской тайги ограничивали возможности появления производящих видов хозяйств. Племенам, живущим охотой, необходимо было иметь на одного человека в среднем по 10 кв. км угодий, а от этого зависела численность населения.

Погодные условия определяли не только численность населения, но и формы расселения людей. Жизнь в тайге — это жизнь в небольших поселках, в маленьких коллективах. Разобщенность людей, их разбросанность по таежным селениям — нелегкое испытание для культуры, которая создается усилиями общими, а не едиными. Большие же общности и селения не могли существовать: слишком далеко в этом случае приходилось бы людям уходить на охоту, а окрестных водоемов не хватило бы для обеспечения всех самым необходимым продуктом питания — рыбой. Рациональнее всего было рассеянное, редкое расселение. Культурная модель аборигенов тайги, сложившаяся еще в эпоху бронзы, мало изменилась до XVI века. Слишком велик был риск внести что-то новое, отказавшись от опыта предков. Поэтому ведущей, определяющей чертой древних культур можно считать их традиционность, консервативность.

Природа сибирского Севера никогда не была декорацией в исторической драме северных народов, она была одним из действующих лиц. В полярных областях природа ставит людей в такие условия, когда максимум усилий направляется на выживание. И — как следствие — культура жестко детерминирована экологией, а любое нарушение баланса чревато голодом и эпидемиями.

Природа дает жителям тайги бесценные богатства. Бесконечные торфяные болота являются источником пищи для птиц и зверей, да и люди издавна оценили вкус и пользу клюквы, морошки и голубики. Озера и реки кормят людей с глубокой древности, и рыба была и остается их основным продуктом. Тайга дает аборигенам кедровый орех, древесину, веревки из корневищ кедра, в тайге добывают оленя и лося.

Любовь к природе, которой учат с детства, является неписанным законом. Люди радуются первому снегу, дождю, ветру и бурану, морозу и жаре. От души радуются прилету весенних птиц, даже появлению комаров, началу ледохода, любому изменению природы и берегут ее. Детей учат, что без надобности нельзя рубить лес, рвать траву, загрязнять водоемы, что надо быть осторожными с огнем. Основным законом во взаимоотношениях человека с природой было: ты можешь брать столько, сколько тебе требуется для жизни, но не сверх того. Все, что взял у природы, должен употребить с пользой, но не с жадностью.

Ханты и манси глубоко верили в существование духов. И поскольку основным источником их существования в прошлом были охотничий и рыболовный промыслы, то ясно, что именно духи этих сфер деятельности занимали наиболее значительное место в мировоззрении. Они верили в лесных и водных духов, от которых во многом зависели удачная охота и рыбная ловля. Были широко распространены тотемизм (вера в священность животного), а также культ священных деревьев. Какое же современное состояние материальной культуры народов Севера? В настоящее время остро встал вопрос о сохранении памятников культуры народов коренного населения, что вызвано ростом национального самосознания, интереса населения к своей собственной культуре.

Уже довольно долгое время многие издания с разных точек зрения освещают национальные проблемы: проблемы экологии, культуры и родного языка ханты и манси. Это три «слона», на которых держится вся жизнь коренных народностей. От их решения зависит: быть или не быть северянину.

Природа для него — всегда вершина живого мира. С детства она была не только кормилицей, но и нравственным богом. Тысячелетиями жил северянин душа в душу с природой. Но наступил момент, когда питательная пуповина оборвалась. Оборвалась не естественным путем, а под воздействием внешних сил — промышленного прогресса. Сознание аборигена оказалось не подготовленным: консервативная культура, находясь на мистической стадии отображения окружающей среды, встретила многоликую культуру пришельцев, стала деформироваться.

Где же истина? Совсем недавно бытовало ходячее понятие, что живучесть культуры ханты и манси в ее оригинальности, неповторимости и совершенстве, что именно это спасло ее от ассимиляции с другими культурами. Это мнение могло иметь место, пока северянин не столкнулся с натиском прогресса.

Наш сибирский катаклизм — явление не насильственное, а результат деятельности человека, последствия неуправляемого прогресса. Обширная и непокорная Сибирь поставила перед разведчиками и добытчиками нефти и газа сложные задачи. Чтобы решить их, человеку нужно было проявить мужество и упорство, любой ценой взять от природы то, что она не так просто отдавала. Результат этого отразился на экологии человека и природы.

Застонала хрупкая душа аборигена, кровью заплакало его сердце, и, может быть, первый раз в своей исторической жизни он опустился на колени и обратился не к богу, а к человеку: пощади! Это не вымысел. Просто не всем хочется слышать этого стога.

Настало время «собирать камни». Если мы будем продолжать их разбрасывать, то ничего не останется под ногами. Истину надо искать не спорами: чья земля Югра, а конкретными действиями. Надо всем признать себя виновными в нависшей над нами трагедии округа.

Гибнет природа, да что там природа — гибнет народ. Не просто этнос ассимилируется — вымирает.

Литература

- Бах. Ыков П.* История, быт, культура юганских хантов// Югра. № 4, 5. 1992.
- Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв.
- Зув В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в.
- Кулемзин В.П., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Этнографические очерки.
- Илесовских В.* Система религиозных представлений ханты и манси//Югра, № 8. 1992.
- Ромбадзева Е.И.* История народов манси (вогулов) и его духовная культура.
- Соколова З.И.* Легенды Вут-Ими. Путешествие по Оби и ее притоками к ханты и манси.
- Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских тиров.
- Федорова Е.* Проблемы развития традиционной культуры// Югра, № 3. 1993.
- Чернецов В.Н.* Периодические обряды и церемонии у обских угров.

НА. Иванова, Н.Р.Яхьина

Исторические аспекты природопользования.

Экологические проблемы Ханты-Мансийского автономного округа

Для того, чтобы лучше понять происхождение современных экологических проблем в Ханты-Мансийском автономном округе, целесообразно оглянуться в прошлое и проследить взаимоотношения человека с природой на разных этапах развития общества.

Антропогенное воздействие на природные экосистемы на разных этапах человеческой цивилизации и в отдельных регионах планеты было разным, что определялось особенностями их заселения почвенно-климатическими условиями,

природно-ресурсным потенциалом, типом культуры и природопользования, но в целом можно отметить возрастание влияния человека на развитие природы, особенно в период научно-технического процесса.

Заселение Сибири человеком было длительным и очень сложным процессом, оно должно было происходить из различных областей Азии и Европы, где давно уже проходила эволюция человека и его культуры. Процесс распространения древнейших людей и освоения ими но-

вых районов с суровым климатом потребовал, очевидно, значительного времени, измеряемого если не сотнями, то десятками тысяч лет, в процессе расселения происходило активное приспособление человека к новым условиям существования.

Продвижение первобытных охотников имело в основе прямую жизненную необходимость. Являясь охотниками и собирателями, они нуждались для своего существования в обширных по масштабу площадях земли, и потому рост населения неизбежно выталкивал его избыток из густонаселенных районов в области с более суровым климатом, но богатые дичью. Этот процесс ускорялся образом жизни и условиями охоты, создавшими особую психологию бродячих охотничьих племен.

Вдоль рек, в том числе в бассейне р. Оби, и по берегам многочисленных озер Западной Сибири издавна обитали различные неолитические племена, имевшие много общего в своей культуре.

К несколько более позднему времени, примерно к половине III тыс. до н. э., как полагают исследователи, относятся неолитические поселения в низовьях р. Оби, в северной части его бассейна. Таковы, например, поселения на мысе Чэстый-яг на р. Ляпине, Сортынья и Хулюм-Сунт на Северной Сосьве. Эти поселения расположены на мысах и ярках, в болотистых приозерных местах и потому не имеют следов укреплений. В них нет ни рвов, ни валов. Достаточной защитой им служила окружающая их дикая природа. Обитатели таких поселений жили зимой в постоянных жилищах типа землянок. Землянки квадратные в плане, очень велики по размерам. В это время у них существовали общественно-родовые отношения.

В неолите жители Приобья жили не столько охотой, сколько рыболовством. Огромная река с ее многочисленными старицами, протоками и озерами доставляла людям значительно более верный источник существования, чем охота. Рыболовство определило не только относительную оседлость, тип жилищ — землянок, но и другие черты быта, в том числе и одежду из рыбьих шкур, характерную для приобских племен как в глубоком прошлом, так и вплоть до самого недавнего времени, до XIX в.

Население Прииртышья и частично Нижнего Приобья относилось тогда к праугорской ветви уральской языковой общности предков манси (вогулов) и хантов (остяков), а племена Среднего и Верхнего Приобья представляли прасамоедские этнические группы предков ненцев, селькупов, юраков.

Территория одной из этих культур, наиболее изученной, усть-полуйской, на севере ограничена устьем Оби, южнее ее пределы доходят до ус-

тья Иртыша, на западе в область усть-полуйской культуры входит весь бассейн Северной Сосьвы, бассейны Лозьвы и Верхней Тавды.

Поселения усть-полуйцев располагались на речных мысах и высоких надпойменных террасах. В ряде случаев поселения укреплялись рвом и валом. Жители этих поселков вели комплексное хозяйство, основанное на рыболовстве, сухопутной охоте и зверобойном промысле. Жители Усть-Полуя охотились главным образом на дикого оленя.

Объектами охоты являлись также лось, северный олень, песец, лисица, заяц, куница, соболь, выдра, бобр и птицы. Охотились усть-полуйцы луком.

Важное значение имела рыбная ловля.

В экономике северных районов усть-полуйской культуры существенную роль играл зверобойный промысел. Обская губа богата морским зверем — нерпой и белухой, которых привлекает сюда рыба, устремляющаяся из моря в Обь. По данным И. И. Лепехина, в прошлом белухи доходили даже до Березова, до устья Северной Сосьвы.

Основу питания усть-полуйцев составляли оленьи мясо и рыба, немаловажную роль должны были играть также ягоды, орехи и съедобные корни.

Весь облик усть-полуйской культуры свидетельствует о том, что она принадлежала оседлому населению. Наряду с наземными постройками существовали углубленные полуземлянки.

В усть-полуйское время появляются укрепленные городища на севере Западной Сибири. Это свидетельствует о том, что в этот период участились военные столкновения; они были связаны, вероятно, с тем, что в руках некоторых родов накапливались крупные богатства. Должно было иметь значение и изменение в брачных нормах — переход от брака матрилокального к патрилокальному.

Таким образом, в то время, когда в степях происходили передвижения кочевников, в соседней лесостепи и в лесах Западной Сибири, в лесном Прииртышье и Нижнем Приобье продолжали устойчиво жить коренные местные племена — автохтоны, у коренных народов сохранились старые присваивающие формы хозяйства, и суровые природные условия Севера способствовали консервации древнего бытового уклада.

В этот период система миропонимания людей, тип хозяйствования, численность населения не оказывали большого влияния на развитие природной среды.

В XIII—XVI вв. на территории Западной Сибири население было редким, разбросанным по берегам многочисленных рек, речек, озер, пестрым по этническому составу и языку.

К концу XVI в. ханты жили по Оби и ее притокам, от устья Иртыша вниз по Оби до ее устья и по ее левым и правым притокам (Кунювати, Казыму, Ендыру), а также от устья Иртыша вверх по Оби и по притокам Салыму, Бардаковке, Югану, Ваху (с Ларьяком), Васюгану.

Главными занятиями хантов и манси были рыболовство и охота. Удельный вес этих занятий в разных районах был неодинаков и зависел от природных условий. Население, жившее по рекам, особенно по Оби и ее притокам, главным образом занималось рыболовством. Население, жившее по лесистым склонам Уральского хребта, а также по верховьям рек, занималось охотой.

В «лесных промыслах» основное значение имела охота на лося и оленя. Ставили «изгороди» и зверя загоняли в «ловчие ямы». Охотились также на лесную и водяную птицу.

Известное значение имело бортничество. Всюду было распространено собирательство.

В низовьях Оби у северных хантов имелись домашние олени. Во всех районах держали собак, которые использовались и для охоты, и для передвижения.

В это время уже существовали укрепленные городки — «городки угров».

В это время у обских угров имелись обменные, торговые связи с соседними народами, в первую очередь торговые связи с ненцами, татарами и русскими. Ханты обменивали сухую рыбу, рыбий жир и оленей на пушнину. От татар в южные районы шло оружие, хлеб и другие товары. Важное место занимают торговые связи с русскими. Угры покупали у русских торговцев «для промыслов топоры и котлы и платишко». В обмен шли меха.

Религия угров соответствовала уровню их социальных отношений. Характерными чертами их религии были анимизм и фетишизм.

Культура палеолитических племен Сибири, какой она окончательно сложилась к концу ледникового периода, обнаруживает удивительную устойчивость. Здесь не произошло такого крутого перелома, каким была «микролитическая революция» на Западе. Минувя ее, древние племена Сибири вступили в новую, неолитическую эру своей истории.

В Сибири 4—5 тыс. лет тому назад потомки палеолитических людей, люди неолита, все еще в подавляющем своем большинстве находились на уровне древнего охотничье-собирательского и рыболовецкого хозяйства. Однако это хозяйство уже нельзя было назвать примитивным.

К началу присоединения Западной Сибири к Русскому государству коренные ее жители находились еще на стадии первобытнообщинного строя,

в большей или меньшей степени затронутого процессом разложения.

Присоединение и освоение Сибири было положено не правительственными отрядами, а выходцами из народа — донскими и волжскими казаками с Ермаком во главе. Царское правительство использовало победу для распространения своей власти на Сибирь.

Заинтересованное в получении пушнины государство стремилось сохранить охотничий характер хозяйства местного населения. Последнее должно было добывать пушнину, а производство хлеба ложилось на русских переселенцев.

Приток в Сибирь беглецов, уходивших от растущего в центре феодального гнета, пополнял сибирские деревни и определял характер их населения.

Соотношение территории промысловых угодий и величины промыслового населения (коренного и русского) было все еще таким, что обеспечивало добычей и тех, и других. В этом, очевидно, нужно видеть причину того, что и в районе промысловой деятельности русского населения, и в районах земледельческих очагов наблюдается, как правило, рост численности коренного населения.

В рыбном промысле одиночки были более частым явлением.

В отличие от пушного промысла рыбный промысел не привел в XVII в. к оскудению рыбных запасов.

Приток русского населения в Сибирь вызывал необходимость обеспечения его не только продуктами питания, но и промышленными изделиями.

Вопрос о снабжении населения промышленными изделиями разрешался почти исключительно самими населением.

Некоторым количеством промышленных изделий русское население обеспечивала домашняя промышленность местного населения.

В течение XVII в. в Сибири возникают кожевенно-обувное, деревообделочное, пищевое, металлообрабатывающее, портняжное, гончарное, ювелирное и другие производства. По целому ряду предметов потребления Сибирь оставалась в полной зависимости от Европейской России. Примером могут служить текстильные товары. Ткани по-прежнему составляют основную долю ввоза.

Рост местного сибирского производства изделий сопровождался рядом важных явлений.

Быстро растет специализация. Исследователи этого вопроса (О. Н. Вилков, А. Н. Копылов, Е. И. Заозерская и др.) выявили большое количество специалистов, которых им удалось зарегистрировать по сибирским материалам.

Таким образом, в Сибири выделяется особый слой ремесленного населения. Этот слой населе-

ния образовывался из ремесленников, приходивших из Европейской России, оседавших в Сибири и использующих здесь свои трудовые навыки. С другой стороны, он выделялся и из среды сибирского крестьянства.

В XVII в. начинается добыча металлических руд и выплавка металлов.

В сибирских городах происходит сосредоточение торговли, возникшей первоначально лишь на базе специфически негородского промысла пушнины.

В конце XVII в. и в начале XVIII в. становится значительной концентрация ремесленного населения в ряде сибирских городов.

Таким образом, в XVII в. связь ремесла с деревней, а города — с сельским хозяйством выступает весьма очевидно. Город как ремесленный центр в XVII в. еще только формируется.

Наряду с развитием промышленности экономическую жизнь Сибири в XVII в. характеризует и бурное развитие торговли.

Торговые операции в Сибири разворачивались в различных направлениях. Одно направление связано с установлением торговых связей Сибири с Европейской Россией, другое — с образованием местных сибирских торговых связей.

Города становятся центрами хлебной торговли, куда стягивается хлеб из деревни.

Поступление на городские рынки живого скота и кож говорит о том, что в сферу товарооборота входили и продукты животноводства.

Торговые связи выходили за пределы экономических районов и связывали одну округу с другой. Так, например, хлеб, закупленный в Верхотурко-Тобольском районе, шел на север и северо-восток по направлению на Березов, Мангазею, Туруханск.

Наблюдения за торговой и ремесленной деятельностью в Сибири XVII в. свидетельствуют об активной роли русского населения в ее экономическом развитии. Экономические связи Сибири с европейской частью России постепенно включали Сибирь в формирующийся всероссийский рынок, делая Сибирь неотъемлемой частью России. В товарооборот постепенно вовлекается и местное коренное население.

Пушное дело и поставка русских товаров в Сибирь находились в основном в руках феодального государства и богатеев Северной и Центральной Руси, сибирская ремесленная промышленность создавалась инициативой и трудами русского трудового населения (крестьяне, посадские люди, низы служилых людей). Их деятельность не только обеспечивала потребности русского населения, но и создавала предпосылки для глубоких изменений в жизни местного коренного населения.

Ханты по нижнему течению Иртыша и манси по притокам Тобола — Тавде и Туре — нахо-

дились в XVI в. в зависимости от Сибирского татарского царства. Она выражалась в уплате ясака и в военной помощи. После разгрома Кучума Ермаком «данные» ханты и манси (т. е. платившие дань Кучуму) «от Кучумова повеления и рамента отступиша» и добровольно перешли в русское подданство.

Угры — ханты и манси в XVII в. уже не знали родовой организации в ее классическом виде. Они делились по уездам, волостям и юртам. В каждом из уездов (а их тогда было 6) насчитывалось от 9 до 16 волостей. Волости значительно различались друг от друга: в одних было 10, в других — до 650 плательщиков налога (ясака). Самые большие волости находились в Березовском и Сургутском уездах. Здесь в каждой волости имелось до 30 юрт, а в юрте — до 30 ясакоплательщиков.

В XVIII столетии Западная Сибирь, включая и территории, которые ныне занимает Ханты-Мансийский автономный округ, окончательно закрепились за Российским государством.

Для правительства этот край был источником поступления в казну пушнины и других природных богатств приобской тайги, поэтому власти всячески поощряли традиционные занятия аборигенного населения, не вмешиваясь в организацию промыслов. Так, в XVI веке Сибирь давала только казне ежегодно по 200 тысяч соболей, 10 тыс. черных лисиц и 500 тыс. лучших белок и, кроме того, бобров и горностаев. По мере того, как русские проникали в Сибирь, количество добываемых ценных мехов возрастало.

В результате интенсивного промысла пушных зверей происходит истощение их запасов, однако общая экологическая обстановка не изменилась, природные экосистемы оставались устойчивыми.

Сибирские города, возникнув как военные укрепленные пункты, игравшие одновременно роль административных центров (при этом сбор ясака был ведущей военно-административной функцией), переживают затем длительный процесс становления в качестве городов в социально-экономическом значении этого термина, т. е. процесс превращения в центры ремесла и торговли. Некоторые из них ко второй четверти XVIII в. прошли уже значительный путь ремесленно-торгового развития. Многие потеряли к этому времени военное значение.

Значительным своеобразием отличались города, расположенные в северных тундровых районах Западной Сибири. К ним название города может быть применено только условно, но они сыграли видную роль в истории Сибири как опорные пункты освоения труднодоступных по природным условиям территорий и как центры экономических связей с коренными народами Севера.

В Сургуте, по сведениям миллеровской анкеты, насчитывалось 165 дворов. Этот город был

не больше среднего села тюменско-тобольского района. Здесь были сосредоточены администрация с соответствующей канцелярией, небольшие военные силы и духовенство, обслуживающее русских жителей и занимающееся миссионерской деятельностью среди коренного населения. В Сургуте, как и в Нарыме, и Кетском остроге, крестьяне совсем отсутствовали. Не было и ремесленно-торгового населения (мыло, например, ввозилось в Березов и Сургут из Тюмени, Тобольска или Томска). Несколько более, чем в других городах северного района, развито было ремесло в Пельше.

Основным в жизни всех северных уездов был пушной промысел. Назначением городов типа Сургута с их военно-административно-церковным населением оставался прежде всего сбор ясака. Далеко не вся пушнина шла в казну, много ее скупалось частными лицами. В Сургут и Нарым специально для торговли ездили редко, но проездом купцы скупали там «мягкую рухлядь».

Самым значительным торговым центром севера Западной Сибири был Березов.

Большое значение в экономике народов северо-западной Сибири получила торговля с русским населением. О нижеобских хантах имеются свидетельства, что они покупали у русских «муку, холст, шубы, сукна цветные и русские, железные веши, топоры, ножи, копыя, стрелы, огнива, капканы для промысла звериного, котлы медные и железные, коноплю, кожи красные».

В конце XVIII—первой половине XIX в. в России шел процесс разложения феодально-крепостнического строя и роста в его недрах капиталистических отношений. Этот процесс охватил и сибирские окраины страны.

Возрастали экономические связи с центральными районами страны. Это стимулировало приток населения в города и села, расположенные на торговых путях, особенно на главном Московско-Сибирском тракте.

Первой крупной реформой, затронувшей аборигенов Севера, явилась реформа 1822 г., связанная с именем М. М. Сперанского. Народы Севера были отнесены по преимуществу к разрядам кочевым и бродячим согласно «Уставу об управлении инородцев Сибири».

Национально-демографическую и социальную картину края в XIX веке характеризуют следующие моменты. Общая численность нерусского населения превышала численность русских жителей. В это время этнографический состав населения следующий: русские, зыряне, остяки, вогулы и самоеды. Из них первое место по численности занимают остяки, затем следуют русские, самоеды, вогулы и зыряне. Русские, продолжая жить пре-

имущественно в городах, к середине века довольно активно стали осваивать округ, проникая на территории ясачных волостей. Количество пришлых народов увеличивается.

По переписи 1897 г. общая численность коренного населения Обь-Иртышского Севера (сосредоточивались в Березовском, Сургутском и северной части Тобольского уездов Тобольской губернии) составила 24 768 чел., в т. ч. хантов — 16 495, манси — 3 842, ненцев — 4 431. Основная масса северян обитала и Березовском уезде: 8 560 хантов, 2 606 манси. 4 431 ненец. В Сургутском уезде перепись учла 5 570 хантов, в Тобольском — 1 236 манси и 2 365 хантов.

В это же время численность коренных народов начинает снижаться из-за достаточно естественных причин.

Вступление России в эпоху капитализма открыло полосу массовых переселений крестьян из европейской части страны в Сибирь.

Из промыслов в Сибири были распространены охота, рыболовство, добыча кедровых орехов, заготовка дров и строевого леса. Жители селений, примыкавших к трактовым дорогам, особенно к Московскому тракту, занимались извозом.

С развитием капитализма в традиционные крестьянские промыслы внедрялись капиталистические отношения. В районах широкого развития рыболовства его вели капиталисты-рыбопромышленники «на коммерческих началах при помощи многочисленных партий наемных рабочих».

Во второй половине XIX в. купцы-рыбопромышленники стали господствовать на Обском Севере. К концу XIX в. почти вся рыбная промышленность Обского Севера сконцентрировалась в руках нескольких крупных капиталистов. У рыбопромышленников находились большие неводы, крупные запасы соли для засолки рыбы, амбары для ее хранения, пароходы и буксирный флот. Количество нанятых рабочих достигало 6000.

Сравнение данных 1879—1892 гг. показывает, что почти ежегодно происходили заметные колебания в добыче пушнины. Как на рыболовстве, так и на пушном промысле отрицательно сказывались хищнические приемы рыбной ловли и охоты. Пушнина составляла один из главных видов товарной продукции.

Положение коренных народностей не было сколько-нибудь удовлетворительным. Царская администрация не препятствовала русским купцам и промышленникам жесточайшим образом эксплуатировать аборигенов и расхищать природные ресурсы (неэквивалентный обмен, кабальные условия аренды промысловых угодий, не менее кабальный кредит и т. п.). За три века царизм почти ничего не сделал для того, чтобы приобщить северян к современной цивилизации. На Севере по существу не было создано ни системы здравооох-

ранения, ни сети школ, ни надежной ветеринарной службы. По наблюдению ряда исследователей, народности Севера переживали процесс медленного, но неуклонного вымирания.

В советское время 16 октября 1925 г. правительство отменило налог (ясак) с коренного населения. В годы Советской власти набирала силу интегральная кооперация, лучшим образом отвечающая природе комплексного северного хозяйства. Север становится объектом интенсивного научного изучения. Многочисленные экспедиции исследуют недра, почвы, леса, животный мир, реки, озера, хозяйство, быт, язык северных этносов. Началась работа по земле-, водоустройству по программе, учитывающей жизненные интересы и традиции северян.

Массовый приток на Север так называемых спецпереселенцев в ходе сплошной коллективизации («кулаки» и «подкулачники») привел к тому, что в некоторых районах переселенцы стали численно преобладать над коренным населением, тесня его даже в местах исконного обитания.

К концу 30-х годов основная масса жителей тайги и тундры оказалась в колхозах и совхозах, сбалансированный с природой рациональный уклад жизни местного населения был нарушен.

Во второй половине XIX—начале XX вв. у хантов и манси наиболее распространенным типом хозяйства было сочетание рыболовства и охоты с оленеводством. Некоторые хозяйства в небольших размерах занимались также земледелием. Подсобным промыслом был сбор кедровых орехов. В низовьях Оби и по ее притокам главное занятие ненцев — рыболовство. Кроме основного лова в низовьях Оби, ханты и манси весь год ловили рыбу в ближайших от них протоках и озерах, используя сети, плетеные ловушки и заграждения из кольев.

Охотились ханты и манси главным образом на пушных зверей: белок, зайцев-беляков, песцов, лисиц. Сравнительно реже попадались соболи, черно-бурые лисицы, голубые песцы. В верховьях р. Конды промышляли бобра. В некоторых местах производилась охота на медведей. Кроме ружей, заимствованных у русских, ханты и манси применяли старинные орудия и способы охоты: самострелы, ручные луки со стрелами, западны, капканы, сети, рогатины (на медведей). При охоте на лосей их загоняли в ямы. Пушнину сбывали на ярмарках и приезжим зажиточным мешанам, кулакам. Продавали также рыбу, собачьи и олени шкуры, татары (травяные циновки), морошку, замороженный жир.

Некоторые небольшие группы манси и хантов почти не отличались по своему быту от

русских крестьян. Например, среди хантов, живших у р. Оби, между русскими селениями Кетской и Парабельской волостей, были, по официальному сообщению 1854 г., «почти русские». Они имели «довольно порядочные дома, домашний рогатый скот и лошадей, обзаводясь разной потребной для домашности посудой наравне с крестьянами, и даже некоторые (но весьма еще мало) обучались и российской грамоте, читать и писать, а между тем и плотничному мастерству».

Обмен продуктами оленеводства, рыболовства, морского промысла и различными изделиями (нарты, шесты, береста для чумов) между оленеводами, зверобоями и рыболовами совершался у ненцев, хантов и манси, коряков и других народов. Наконец, происходил обмен промысловой продукции на привозные товары (металлические и текстильные изделия, хлеб и пр.), К натуральному обмену присоединялось денежное обращение.

В начале XX века основой существования населения Обь-Иртышья оставалось традиционное хозяйство, связанное с присваивающими промыслами. Скудела тайга, не лучшие дни переживали города Обь-Иртышья, в сельской местности нередкими были случаи голода, в условиях плохого медицинского обслуживания угрожающий характер приобретали тяжелые заболевания, особенно среди коренных народов, серьезным социальным злом стало пьянство.

10 декабря 1930 года был создан Остяко-Вогульский национальный округ (впоследствии Ханты-Мансийский). В 30-е годы Среднее Приобье приобщилось к цивилизации. Существовавший ранее порядок жизни за это время был основательно подорван, уничтожен слой носителей традиционной культуры и религии народа — шаманов, сказителей, музыкантов. Вместо него усиленно создается прослойка советской интеллигенции из «числа коренных народов Севера».

Военные годы во всех отношениях отрицательно повлияли на экономическое состояние ХМАО. Свыше 17 тысяч уроженцев округа участвовали в Великой Отечественной войне. За время войны округ поставил стране около полутора миллионов кубометров древесины, более миллиона центнеров рыбы, более 32 тысяч банок консервов.

К середине 1960 годов на территории округа в результате долгих целенаправленных поисков были обнаружены колоссальные запасы нефти и газа. За этим последовало интенсивное освоение природных топливных богатств. В короткие сроки в крае был создан гигантский топливно-энергетический комплекс. Если на начальных этапах взаимоотношений человека с природой основными промыслами были: охота, рыболовство, звероловство, собирательство,

то в настоящее время основной специализацией округа является добыча нефти и газа (топливная промышленность — 84,4%, электроэнергетика — 12,6%), также развиты лесная и деревообрабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов. В сельском хозяйстве преобладают животноводство молочно-мясного направления, оленеводство. В пригородных районах развиты овощеводство и картофельное водство.

Массовый приток рабочей силы, создание новых производств повлекли за собой структурные перемены в социально-демографической и культурной жизни округа. Население региона возросло многократно. В связи с ускоренным и экологически безграмотным освоением региона проблемы коренных народностей Севера обострились, а именно: происходит деформация национального самосознания, национальной культуры, национальных ремесел, исконно-хозяйственной деятельности, рост миграции в города и поселки, сокращение оленьих пастбищ, промысловых угодий, которые вытесняются современным промышленным производством.

Хрупкое равновесие природной среды и традиционного общества в 60—80-х годах нарушила варварская эксплуатация нефтяных и газовых месторождений, в результате чего был подорван базис этнокультурной и психологической уникальности угров и самодийцев. Возникла реальная угроза их исчезновения.

Назрела необходимость осуществить широкую программу укрепления государственности на Севере, создать национальные территории с особым статусом управления, принять законы, обеспечивающие сохранение и развитие языков, самобытной культуры и традиций. А главное — предоставить самим народам право свободно распоряжаться на своей земле, ибо никто не может этого сделать заинтересованнее и мудрее.

Динамику изменения численности населения ХМАО можно проследить на примере Нижневартовского района. По данным переписей 1926 и 1939 гг., численность населения составляла 1800 и 5403 чел., 1965-1970 гг. - 14900-26849 чел., 1977 г. — 122246 чел. До освоения нефти 100% населения проживало в сельской местности, ситуация изменилась в 1976 году, с появлением городского населения, которое составило 75%.

В настоящее время численность постоянного населения ХМАО регулярно возрастает, так, в 1995 г. население составило 1 340 212 чел., в 1996 г. - 1 344 771 чел., в 1997 г. - 1 350 332 чел., в 1998г. - 1 371 500 чел.

В течение 30-летнего периода освоения нефтегазовых месторождений экологические условия ХМАО коренным образом изменились: резко возросли нагрузки на природную среду, уси-

лилась деградация возобновимых ресурсов, ухудшилась санитарно-гигиеническая обстановка. Соответствующие локальные причины: загрязнение территорий и акваторий нефтью и попутными минерализованными водами, в т.ч. неизбежное при крупномасштабной добыче нефти и вызванное применением устаревших технологий, несоблюдением регламентов, технологий и бесхозяйственностью; увеличение уровня эксплуатации возобновимых ресурсов и прямое их уничтожение в процессе промышленного и гражданского строительства; применение стандартных приемов освоения территории, не учитывающих природно-климатической обстановки региона. В городах и поселках упомянутые факторы обнаруживают себя в наиболее концентрированном виде.

Условия строительства в Среднем и Нижнем Приобье сильно осложнены широким распространением малосвязных песчаных и тонкодисперсных пылеватых суглинистых грунтов, их сильной обводненностью, глубоким и длительным промерзанием, а также комплексом неблагоприятных климатических факторов, препятствующих восстановлению растительного покрова и увеличивающих опасность эрозии.

Традиционные приемы освоения территорий, не учитывающие особенности ландшафтов ХМАО, приводят к резкому ухудшению инженерно-геологической, гидрогеологической, геокриологической и санитарно-гигиенической обстановки в городах и на промплощадах.

Экстенсивный характер развития производительных сил ХМАО, ориентированных на добычу сырьевых ресурсов (нефть, лес в круглом виде, рыба, животное сырье), привел к опасному рубежу локальных экологических кризисов (Среднее Приобье) и к обострению угрозы экологической катастрофы — необратимому загрязнению Оби.

При решении проблемы рационального природопользования приходится исходить из признания неизбежности антропогенного воздействия на природную среду в силу все возрастающей потребности в ресурсах и невозможности полного предотвращения поступления в экосистемы загрязняющих веществ даже при условии совершенствования добычи и транспортировки нефти и газа. Научное обоснование допустимых пределов антропогенного воздействия на природные комплексы ХМАО, гарантирующее не только их благополучие, но и экономическую рентабельность природоохранных мероприятий, выдвигает на первый план задачу экологического нормирования антропогенной нагрузки.

И в заключение хотелось бы отметить, что изменение типов природопользования, демографический взрыв, расширение урбанизирован-

ных территории привели к ухудшению экологической ситуации в регионе. Урбанистические образования выступают как исключительно мощные очаги возмущения и деградации природы. Природу можно сохранить не вопреки урбанизации и не благодаря ей, а лишь преодолев отрицательные последствия и использовав преимущества этого процесса.

Таким образом, к началу третьего тысячелетия в ХМАО из-за отсутствия комплексного использования ресурсов и учета почвенно-климатических условий региона наблюдаются загрязнение всех сред жизни (почвы, воздуха, воды) и, как следствие — деградация природных экосистем, нарушение функционирования природных комплексов, ухудшение состояния здоровья населения (обострились болезни системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения, новообразований, не свойственные коренному населению до интенсивного освоения округа).

Литература

- Баранов Н.Н., Белобородое В.К., Миненко Н.А. и др. История ХМАО с древности до конца 20 в. Хрестоматия. Екатеринбург: Болот, 1999.
- Луни-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3-х т. М.: Либерия, 1995.
- Золотарев А.М., Левин М.Г. К вопросу древности и происхождения олепководства//Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных. М., Л., 1940.
- Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири 18 в. М.; Л., 1947.
- История Сибири: В 3-х т. Л., 1967.
- Кочаков Б. Из истории народов Западной Сибири во 2-й половине XVIII в. Исторический архив. М., Л., 1936.
- Машинская В.И. Материальная культура Усть-Полюя//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. №36.
- Распределение населения Тюменской области по полу и возрасту. 1995-1997: Статистический сборник. Тюмень/Госкомстат России Тюменской областной государственной статистики.
- Статистический сборник г. Нижневартовска и Нижневартовского района за 60 лет. Нижневартовск, 1997.
- Чернецов В.П. Древняя история Нижневартовского Приобья//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. №35.
- Экология ХМАО/Под. ред. В.В.Плотникова. Тюмень: Софт-Дизайн, 1997.

ЧАСТЬ V. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Развитие здравоохранения города Нижневартовска

Из Тюмени в рабочий посёлок Нижневартовский заведующая Хантыйским окрздравотделом Сагандукова Е.М., я и моя жена — врач-дерматовенеролог Белоногова Н.А. прилетели на самолёте АН-24 ясным морозным днём 2 февраля 1971 года. Грунтовый аэродром тогда находился в районе теперешнего молокозавода. Здание аэровокзала располагалось в приспособленном деревянном многоквартирном домике, половину которого занимал зал ожиданий, а другую — службы аэропорта.

На встречавшем нас автомобиле УАЗ-469 мы приехали в главный корпус центральной районной больницы, а оттуда вместе с секретарём партийной организации больницы Калгановой В.Ф. прибыли представиться к председателю райисполкома Устьянпеву Н.Я., его заместителям Салмину В.Д. и Кауртаеву А.П.

Нас с женой поселили в так называемую канадскую гостиницу «Самотлор», в которой прожили до 15 мая 1971 года, пока не переехали в трёхкомнатную квартиру единственного тогда и теперь в городе четырёхэтажного крупнопанельного жилого дома по улице Нефтяников, 56, построенного трестом «Мегионгазстрой» из панелей 3-х серий. На строительство пятого этажа не хватало панелей — застряли в Омске-Томске. Этот жилой дом мы прозвали «недоносок Пикмана» (Пикман Г. М. — управляющий трестом — «Мегионгазстрой»), или «тоска зеленая». В июле — августе 1971 года в единственные в Нижневартовске многоквартирные жилые дома — пятиэтажка Пионерская, 116 и четырёхэтажка — Нефтяников, 56 — не подавали ни электричество, ни газ, ни воду, к тому же наш был выкрашен темно-зелёной краской.

В начале 1971 года центральная районная больница располагалась на юго-восточной окраине Старого Вартовска, на самом берегу реки Обь, по соседству с одной стороны — парниками совхоза и с другой — лесопилкой совхоза. Во время весеннего половодья река почти вплотную подходила к дверям главного корпуса.

Хотя она и называлась громко — центральная районная больница — фактически материальная

база осталась от типовой сельской участковой больницы на 25 коек, только уплотнилась.

В главном корпусе центральной районной больницы располагались акушерские 15 коек, гинекологические 15 коек и хирургические 25 коек, операционная, автоклавная, физиотерапевтический кабинет. Заведовали акушерско-гинекологическим отделением Макарова В.К. и хирургическим — Самуйленко З.С.

На этой же территории по соседству с главным корпусом в маленьком домике находилась больничная кухня со складом продуктов и погребом для овощей. А еще дальше в отдельных одноэтажных деревянных домиках размещались амбулатория, терапевтическое отделение на 25 коек — заведующая Шумилова Л.А. и детское отделение на 25 коек — заведующая Яркова С.Н.; кирпичная котельная с прачечной и морг. В амбулатории имелись рентгенодиагностический и физиотерапевтический кабинеты, клинично-диагностическая лаборатория. Рентгенодиагностическим кабинетом заведовал Родионов Э.В. Амбулатория имела отдельные входы для взрослых и детей. Больничные здания имели водяное отопление от больничной котельной. Воду носили из скважины на территории больницы. Канализация местная — выгребная, вывозная.

Заведующей организационно-методическим кабинетом работала Овсянкина В.И., а заместителем главного врача по лечебной части — Пузатов В.И., районный педиатр — Ярков А.Ф.

Терапевтическое и детское отделения размещались в отдельных деревянных домиках.

Из Старого Вартовска в Новый Вартовск до осени 1973 года можно было попасть по реке Обь на плавсредствах или вездеходным транспортом АТЛ-59 и др., особенно в распутицу — весной и осенью. Осенью 1973 г. СУ-909 сдало в эксплуатацию железобетонную дорогу. До этого жители были вынуждены ходить по трубе-водоводу большого диаметра, проложенного по земле от водозабора на реке Вах мимо грунтового аэропорта через Старый Вартовск и Новый Вартовск,

В Новом Вартовске в юго-восточном углу улиц Пионерская и Мусы Джалиля в деревян-

ном одноэтажном бараке размещалось инфекционное отделение на 50 коек. Весной и осенью в отделении под полом стояла грунтовая вода, а к отделению можно было подойти только по доскам, так как кругом стояла непролазная грязь. 8 отделении работали — заведующая Попова М.П. и инфекционист Ласкавая И. В.

Под поликлинику № 2 в Новом Вартовске был приспособлен деревянный, из бруса, четырехквартирный жилой дом по ул. Таёжная, 9. В регистратуре поликлиники в проходной комнате на первом этаже располагалось отделение «скорой помощи» — дежурный диспетчер и фельдшеры Ершова Н.М., Боярских ТТ., Ганькина А.Н., Одинец Н.Г.

В марте 1971 года открывается серологическая лаборатория — заведующая Сапрунова Н.П.

1 апреля 1971 года отделение «скорой помощи» преобразуется в станцию скорой медицинской помощи, и первым главным врачом станции скорой медицинской помощи назначается врач Сидорова З.А.

Детская молочная кухня занимала половину первого этажа четырёхквартирного жилого дома по улице Мусы Джалиля, а вторую половину — филиал районной аптеки № 58.

Районная санэпидстанция третьей категории с дезотделом зам. главного врача района по санэпидработе — главный санитарный врач района Книсс Е.Д., размещалась в административном корпусе НГДУ «Мегионнефть», где занимала 6 комнат. Это здание существует и сегодня — соседнее здание с магазином «Кедр» по ул. 60 лет Октября (бывшая ул. Набережная) в сторону Старого Вартовска. В настоящее время в этом здании размещается управление по компримированию газа. В 1974 году городская санэпидстанция переехала на ул. Мусы Джалиля, 21, где заняла двухэтажный деревянный дом.

Районная аптека № 58 с небольшим холодным складом располагалась на крутом берегу реки Обь в Старом Вартовске недалеко от рыбозавода. Годовой запас медикаментов завозился баржами летом, которые швартовались к берегу напротив аптеки, и груз поднимался на 2.5—3 м вверх на склад.

Детская поликлиника — заведующая Алексеева Е.В. (Богенчук) — занимала одноквартирный домик по ул. Нефтяников, 4, на месте которого стоит 16-этажный жилой дом.

В 1971 году в рабочем посёлке Нижневартовский сложилось крайне тяжёлое положение с оказанием медицинской помощи. Численность населения росла бешеными темпами — ежегодный фактический прирост населения составлял до одной трети к прежней численности за счет тысяч непрописанных рабочих, так как город начал строиться по ташкентскому методу стро-

ителями Иркутска, Новосибирска, Омска, Башкирии, Перми, Татарии и Москвы. Город стал трижды комсомольско-молодежным строительством — по освоению нефтяных месторождений, строительству газоперерабатывающих заводов, по строительству города. В город приезжали главным образом молодые мужчины и женщины комсомольско-молодёжными десантами. Некоторые оставались, другие уезжали. По ежегодному, даже официальному, приросту населения Нижневартовск в семидесятые годы занимал первое место в области.

И поликлиника, и больница работали с большой перегрузкой.

К этому надо добавить крайнюю бедность больницы — не хватало халатов, простыней, белья для больных, тарелок, чашек и ложек.

В это тяжёлое для здравоохранения района время большую помощь оказал начальник СУ-909 Шереметьев С. Г. — приобрёл через своих снабженцев и передал больнице столовую посуду из нержавеющей стали, халаты и простыни.

С большим трудом начальник Главтюменьнефтегаза Муравленко В.И. выделил на текущий ремонт районной больницы, подготовку к зиме в 1971 — 1972 гг. 200 тысяч рублей.

Главным помощником в решении проблем по улучшению медицинской помощи населению был первый секретарь райкома КПСС, Герой Социалистического Труда Бахилев В.В., который в 1970 году был переведён в Нижневартовск из Сургута.

На заседании чрезвычайной противоэпидемической комиссии (ЧПЭК) в марте 1971 года было принято решение в срочной временной передаче (а известно, что нет более постоянного, чем временное) двух строящихся стоместных общежитий высокой степени готовности размещения поликлиники и второе для двух отделений больницы. Мне было поручено в течение 24 часов дать предложения по перепланировке зданий, исходя из функционального назначения.

Перепланировку необходимо было произвести, не передвигая несущие конструкции зданий, между тем ширина коридора в общежитиях менее двух метров, а для больницы и поликлиники требуется не менее 2.5—3 метров, чтобы свободно можно было доставлять больных на носилках и каталках, а в поликлинике пришлось сделать убирающиеся сиденья. В целях ускорения сроков сдачи здание поликлиники было решено изнутри обить сухой штукатуркой и только здание больницы отделать мокрой штукатуркой. Несмотря на жалобы нефтяников в вышестоящие организации, решение было оставлено без последствий, и нефтегазодобывающее управление «Мегионнефть» (управляющий Кузоваткин Р.К.) и начальни-

ки треста «Мегионгазстрой» (управляющий Пикман Г.И.) были вынуждены впервые выполнить решение ЧПЭК.

1 ноября 1971 года была открыта новая двухэтажная, более отвечающая требованиям своего времени, со множеством врачебных кабинетов, одновременно были ликвидированы поликлиники (амбулатория) в Старом Вартовске и поликлиника № 2 по ул. Таёжная, 9.

Новые поликлиника и больница размещались в прибрежной зоне, ограниченной ул. Набережная (в настоящее время ул. 60 лет Октября) и ул. Чапаева, через дорогу от магазина Кедр, ныне существующего. Поликлиника размещалась по ул. Набережной, недалеко от ул. Чапаева, а больница параллельно поликлинике, но в глубине квартала ближе к берегу реки Обь. В настоящее время здесь стоят 16-этажные жилые дома.

Впервые поликлиника и больница занимали не только водяное отопление, но и централизованное холодное и горячее водоснабжение, канализацию и устойчивое электроснабжение.

В новой поликлинике, помимо кабинетов участковых врачей, были организованы рентгенодиагностический и флюорографический кабинеты (зав. Родионов Э.В.), отоларингологический с измерением остроты слуха (зав. Лазуткина Л.Е.), глазной с тёмной комнатой (зав. Аладжева В.В.), хирургический с перевязочными — чистой и гнойной (зав. Якшин М.В., хирурги Самуйленко В.С., Тужик Н.К.), стоматологический (зав. Трапезников В.А., стоматолог Теленкова Л.В.), неврологический (зав. Шумилова Л.В.), фтизиатрический (зав. тубкабинетом Орловская С.К.).

Впервые в Нижневартовске в 1971 году появляются врачи узких специальностей: онколог Чмель В.Ф., уролог Мошкин С.Г., эндокринолог Журавлёва Т.И., ревматолог Орлова С.Д., психиатр Гончарова Н.М., детский хирург Антонов И.Ф.

Впервые у медицинских работников Нижневартовска появился конференц-зал, правда, он одновременно являлся и кабинетом заведующего поликлиникой Черноморченко А.В.

1 апреля 1971 года приступает к работе первый в Нижневартовске врач-лаборант Чертенко П.И., и лаборатория начинает проводить сложные клинико-диагностические и биохимические анализы.

11 сентября 1971 года организуется отделение переливания крови во главе с врачом Мошкиной А.Г., хотя нерегулярно переливания крови делались и ранее в чрезвычайных ситуациях, а донорами служили чаще всего сами медицинские работники — врачи и медицинские сестры.

8 октября 1971 года открывается больничная аптека в жилом доме по ул. Пионерская, Па, где занимал на первом этаже две перепланированные квартиры. Первой заведующей больничной аптекой назначается провизор Шевчук З.П.

3 декабря 1971 года на ул. Набережная из Старого Вартовска переезжают акушерско-гинекологическое и хирургическое отделения. Родильное и гинекологическое отделения располагаются на втором этаже, а хирургическое отделение — на первом. Число коек в хирургическом отделении увеличивается с 25 до 55 (заведующий Самуйленко В.С., хирурги Якшин М.В., Пузатов ВТ.). Число коек увеличивается в родильном отделении с 15 до 30 и в гинекологии с 20 до 35 (заведующая Макарова В.К., акушеры-гинекологи Буранов В.Н., Буранова Н.М., Замалетдинова Т.Ф., Жданова В.Л.). Персоналу новой больницы приходится очень трудно осваивать новое здание: часто рвутся трубы водяного отопления, горячего и холодного водоснабжения.

В Старом Вартовске на освободившейся площади расширяется терапевтическое отделение с 25 до 65 коек (заведующая Кравченко А.А., терапевт Усольцева В.Л.) и детское отделение с 25 до 50 коек (заведующая Яркова С.Н., педиатр Сердитых Е.Д.). Открывается впервые в Нижневартовске самостоятельное психоневрологическое отделение на 20 коек (заведующая Гончарова Н.М.).

20 декабря 1971 г. в помещении бывшей поликлиники в Старом Вартовске развёртывается районный кожно-венерологический диспансер со стационаром на 30 коек во главе с главным врачом Белоноговой Н.А.

Коллективу центральной районной больницы в буквальном смысле приходилось разрываться: обслуживать население бурно растущего рабочего посёлка и выезжать периодически в населённые пункты района для оказания квалифицированной специализированной медицинской помощи.

В 1964 году привязку больничного комплекса на 240 коек в г. Нижневартовске по заказу Тюменского облздравотдела осуществлял институт «Тюменьгражданпроект». Больничный комплекс состоял из четырёх кирпичных зданий: 1. Главный корпус на 200 коек с поликлиникой; 2. Двухэтажное инфекционное боксированное отделение на 40 коек; 3. Трёхэтажный родильный дом на 40 коек с женской консультацией; 4. Морг и 5. Хозяйственный корпус. В главном корпусе были предусмотрены: подвальный этаж — раздевалки для персонала и больных; первый этаж — приёмное отделение, детское отделение на 20 коек, аптека, физиотерапевтическое отделение; второй

этаж — хирургическое отделение на 60 коек с операционным блоком и рентгенодиагностическим кабинетом; третий этаж — родильное и гинекологическое отделения по 30 коек и четвёртый этаж — терапевтическое отделение на 60 коек.

В 1973 году вместе с начальником УКС НГДУ «Мегионнефть» Кокуевичким Г.М. нами были выбраны из официально действовавших типовых проектов учреждений здравоохранения на дальнейшее строительство в городе Нижневартовске: здания четырёхэтажного родильного дома на 60 коек с женской консультацией из кирпича, здания городской поликлиники на 1600 посещений в сутки вместе с детской поликлиникой и городской аптекой и здание городской санэпидстанции первой категории, которые были привязаны на территории строящегося больничного корпуса.

Так как существующая территория первого больничного комплекса не позволяла дальнейшего развития больничного строительства, была отведена новая площадка для строительства второго больничного комплекса северо-западнее озера Комсомольское. Там должны были строиться типовая девятиэтажная городская больница на 600 коек с поликлиникой на 1440 посещений в сутки с набором хозяйственных построек, пищеблоком и моргом, противотуберкулёзный диспансер с больницей на 300 коек, психоневрологический и кожно-венерологический диспансеры с больницами по 200 коек.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР об освоении Самотлорского нефтяного месторождения, а их в семидесятые годы было ни одно, в Нижневартовске к 1980 году должен был быть построен больничный комплекс на 600 коек с поликлиникой на 1440 посещений в сутки. Но на 1 января 1980 года на строительстве больничного комплекса было освоено всего 2 миллиона рублей только на забивку свайного фундамента.

В 1974 году начальник УКСа НГДУ «Мегионнефть» Кокуевичкий Г.М. по нашей настоятельной просьбе построил двухэтажное здание из крупных блоков для временного размещения на первом этаже городской детской поликлиники и на втором этаже — администрации медсанчасти НГДУ «Мегионнефть». Здание размещалось между двухэтажной городской поликлиникой и терапевтическим отделением. Это здание просуществовало до 1982 года — до закладки фундаментов под строительство 16-этажных московских домов на берегу реки Обь.

В 1976 году жилищно-коммунальное управление НГДУ «Мегионнефть» освободило стоечное общежитие по ул. Чапаева, расположенное параллельно зданию городской детской по-

ликлиники и администрации медсанчасти, куда переехали из соседнего здания городской поликлиники на первый этаж стоматологическое отделение, преобразованное в 1975 году в городскую стоматологическую поликлинику с главным врачом Чистяковой Д.Ф., и на второй этаж — городская женская консультация с заведующей Бурановой Н.М. В стоматологической поликлинике было открыто зубопротезное отделение — единственное отделение на севере Тюменской области, в то время получившее право работать с золотом.

В декабре 1973 года трест «Мегионгазстрой» закончил строительство трёхэтажного родильного дома на 40 коек с женской консультацией. Но все здание было отдано родильному дому, где развернули вместо сорока 80 коек.

8 1974 году объединением «Нижневартовскжилстрой» было начато строительство типового четырёхэтажного родильного дома на 60 коек с женской консультацией, пущенного в эксплуатацию в 1976 году.

Поданным Всесоюзной переписи населения 1979 года, город Нижневартовск был одним из самых молодежных городов России — средний возраст населения города составлял 26,5 лет.

По показателям рождаемости и общей смертности населения город Нижневартовск не имел себе равных в России: рождаемость была близка к 30 на 1000 населения, т.е. не уступала среднеазиатским республикам, а общая смертность от 3 до 5 на 1000 населения — самая низкая в СССР.

До середины восьмидесятых годов город Нижневартовск не имел себе равных по ежегодному естественному и механическому приросту населения — 10—12 тысяч человек в год.

9 марта 1972 года рабочий посёлок Нижневартовский Указом Верховного Совета РСФСР был преобразован в город Нижневартовск, и Нижневартовская центральная районная больница стала называться Нижневартовская центральная городская больница. Ее главный врач по-прежнему отвечал за организацию медицинской помощи не только населению города, но и района, вплоть до 1985 года.

Нижневартовская центральная городская больница постоянно ощущала недостаточное финансирование из бюджета как на приобретение хозяйственного инвентаря и медицинского оборудования, так и на текущий и капитальный ремонт зданий.

О передаче Нижневартовской центральной больницы на хозяйственное содержание нефтяников неоднократно ставили вопрос Нижневартовский райком КПСС, райисполком и Тюменский облисполком, заведующий Тюменским облздравотделом Семовских Ю.Н., но без успеха.

Летом 1972 года первый секретарь Нижневартовского горкома КПСС. Герой Социалистического Труда Бахиллов В.В., начальник НГДУ «Мегионнефть», Герой Социалистического Труда Резников А.Л. вместе со мной в гостинице «Самотлор» в очередной раз обратились к начальнику «Главтюменьнефтегаза» Муравленко В.И. с просьбой о преобразовании Нижневартовской центральной городской больницы в медико-санитарную часть нефтяников, так как нет в области более нефтяного города, чем город Нижневартовск. На нашу просьбу Виктор Иванович ответил: «Я бы в принципе не возражал против организации медсанчасти в городе Нижневартовске, если бы содержание медсанчасти можно было отнести на себестоимость нефти, а не за счет социальных отчислений. Я не могу взять больницу на хозяйственное содержание, так как мне придётся соответственно сократить премии нефтяникам, а я этого не могу допустить». А надо сказать, что в те годы все работники нефтяной промышленности Тюменской области получали регулярно премии: ежемесячные, ежеквартальные, годовые, за перевыполнение планов, за качество нефти и т.д. Не только буровики и промысловики, не только в Нижневартовске, но и в конторах Тюмени получали премии, и их зарплата в 3-4 раза превышала зарплату работников бюджетных организаций по равноценной должности.

В конце февраля 1973 года должна была состояться очередная, XV Тюменская областная отчётно-выборная партийная конференция. Я договорился с Бахилловым В.В., что меня выберут делегатом на областную партийную конференцию, я подготовлю выступление, основным смыслом которого будет необходимость преобразования центральной городской больницы в городе Нижневартовске в медико-санитарную часть нефтяников. Надо сказать, что делегация от Нижневартовска по численности уступала только Тюменской городской партийной организации. Так как на областных партийных конференциях, которые длятся, как правило, два дня, желающих выступить бывает значительно больше, чем отводится на это времени, на второй день с утра я отправил в президиум записку с просьбой, что если не будет мне дано слово для выступления, то я прошу приобщить мой текст к выступлениям на областной партийной конференции.

Не прошло после окончания Тюменской областной партийной конференции и двух недель, как мне пришел совместный приказ начальника «Главтюменьнефтегаза» Муравленко В.И. и заведующего Тюменским облздравотделом Семовских Ю.Н. за № 116/67 от 4 марта 1973 года «О преобразовании Нижневартовской центральной го-

родской больницы в медико-санитарную часть НГДУ «Мегионнефть».

В начале 1975 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР от Ханты-Мансийского автономного округа был зарегистрирован Муравленко В.И. Ему на предвыборной встрече был дан наказ избирателей: преобразовать Сургутскую центральную городскую больницу в медико-санитарную часть НГДУ «Сургутнефть». Так состоялось образование четвёртой медико-санитарной части в Ханты-Мансийском автономном округе.

В Советском Союзе существовало строго централизованное по вертикали распределение дефицитного, особенно импортного, медицинского инструментария и оборудования. Министрство здравоохранения СССР составляло разрядки по союзным республикам, а те в свою очередь — по краям и областям. Даже при наличии денег далеко не всё можно было приобрести.

За помощью в приобретении медицинского оборудования я неоднократно обращался к Муравленко В.И. во время его приезда в Нижневартовск.

Летом 1975 года начальник «Главтюменьнефтегаза» Муравленко В.И. пригласил меня и начальника медсанчасти НГДУ «Юганскнефть» Яцкив В.И. в г. Тюмень, а оттуда — в Москву на прием к министру здравоохранения РСФСР Трофимову В.В. для решения вопросов по приобретению дефицитного медицинского оборудования и инструментария. Министр здравоохранения РСФСР Трофимов В. обещал оказать нам разовую помощь.

Однако первый японский фиброгастроскопы получили не через Москву. С 1971 года в г. Нижневартовске начали строить первый газоперерабатывающий завод. ГПЗ строил трест «Мегионгазстрой» силами заключенных из специально построенной для этих целей колонии рядом с заводской площадкой. Первый ГПЗ был построен только через пять лет из-за бесконечных переделок, четвертый ГПЗ с участием японской стороны вольнонаёмными рабочими был построен всего за девять месяцев, лишний раз доказав, что самый непроизводительный труд — труд подневольный. Все годы миллиарды кубометров самотлорского газа сгорают в факелах. Я узнал, что объединение «Сибнефтегазпереработка», строящее газоперерабатывающие заводы, заключает договоры на поставку оборудования с японскими компаниями. Я обратился к генеральному директору Токареву Н.Я. с просьбой заказать для нашей больницы один японский фиброгастроскоп. Прошло недели три после этого разговора, как меня при-

гласили в отделение КГБ, где инспектор, курирующий ГПЗ, стал спрашивать, на каком основании и что я просил у генерального директора. Он советовал больше этого не делать. Не прошло и года, как представители «Сибнефтегазпереработки» и японской компании привезли в больницу и передали нам, оформив актом, один японский фиброгастроскоп, первый в нашей больнице.

По состоянию на 1 января 1971 года в рабочем посёлке Нижневартовский официально проживали 19.6 тысячи человек, а на 1 января 1984 года — 179.9 тысячи человек, или рост в 9.2 раза. За этот же период число больничных коек увеличилось со 160 до 1855, или в 11.6 раза, число врачей с 40 — до 606, или в 15.2 раза и число средних медицинских работников с 88 — до 2108, или в 24 раза.

Самой важной задачей, помимо обеспечения количественного роста кадров, является повышение их квалификации и овладение новейшими достижениями медицинской практики. Все врачи, как правило, регулярно повышали свою квалификацию или приобретали узкие специальности на кафедрах усовершенствования или специализации в институтах усовершенствования врачей в Москве, Ленинграде, Казани и Новокузнецке и на рабочем месте в областных учреждениях г. Тюмени.

Так, только в 1971 году 15 врачей и 15 средних медицинских работников прошли специализацию и усовершенствование. С каждым годом число повышающих квалификацию врачей и средних медицинских работников росло. Многие главные врачи и заведующие отделениями закончили двухгодичную заочно-очную клиническую ординатуру. К 1983 году 35 врачей успешно закончили клиническую ординатуру: по хирургии — Самуйленко Валерий Степанович, акушерству и гинекологии -- Кононова Любовь Алексеевна, инфекционным болезням — Павлова Екатерина Ивановна, детским болезням — Серебрянникова Тамара Степановна и Сердитых Екатерина Дмитриевна, терапии — Соколова Наталья Вячеславовна, кожным и венерическим болезням — Белоногова Неля Авелевна, туберкулёзу — Савченко Анна Александровна, эпидемиологии — Ягодина Людмила Александровна и другие. Перечисленные врачи и сегодня успешно трудятся у нас в городе.

Врачи и средние медицинские работники постоянно повышали свою квалификацию внутри отделений по специальности путём чтения реферативных докладов и сообщений после командировок в институты и клиники.

Лучшим моим учеником в Нижневартовске являлся мой заместитель Пузатов Виктор Тихонович, рано ушедший из жизни. В 1972 году,

после возвращения из Белорусского государственного института усовершенствования врачей, он мне заявил, что всё, что преподавали там, он уже знал по совместной работе со мной, фактически в Минске отдыхал. Он подарил мне свою фотографию с надписью на обороте: «Моему учителю», которая хранится у меня в архиве.

Большую организационно-методическую работу в медицинских учреждениях, особенно в районе, вёл другой мой ученик — Овчаров Е.А., который без отрыва от работы защитил диссертацию и в настоящее время работает заведующим кафедрой в Нижневартовском пединституте, избран профессором и членом-корреспондентом Академии естественных наук.

В настоящее время руководят здравоохранением в городе ученики моих учеников: Соколова Наталья Вячеславовна, Касицын Владимир Николаевич и другие. Следует особо отметить талантливого организатора здравоохранения Шварцбурда Бориса Ефимовича, рано трагически ушедшего из жизни в автомобильной катастрофе, который начинал работать в родильном доме со студенческой скамьи врачом микропедиатром, затем возглавил медсанчасть №2, которая выделилась из медсанчасти №1, добившись значительного снижения детской смертности, не побоявшись объединить врачей-акушеров-гинекологов и педиатров в единое территориальное медицинское учреждение «Мать и дитя» — единственное учреждение такого типа в России.

На 1 января 1983 года из 1355 больничных коек только 340 было развернуто в типовых зданиях (главный корпус — 200, родильный дом №1 — 40, родильный дом №2 — 60, инфекционный корпус — 40 и поликлиника №1 на 960 посещений в смену).

Горком КПСС и горисполком были вынуждены для выхода из кризиса постоянно передавать отделу здравоохранения для размещения больничных коек, поликлиник и диспансеров построенные жилые дома, общежития, детские сады и т.п. Так, психоневрологический диспансер занял здание гостиницы треста «Самотлортрубопроводстрой» в районе аэропорта; детское и взрослое инфекционные отделения — два подъезда 9-этажного жилого дома по ул. Спортивная, 17; больница кожнодиспансера — здание детского сада по ул. Пионерской, 5а.

В конце 1983 года терапевтическая больница заняла 9-этажный жилой дом по ул. Ленина, 29 вышла из состава МСЧ №1 под названием медсанчасти №3. В конце 1983 года городская женская консультация переезжает на первые два этажа 9-этажного жилого дома по ул. Ленина, 9. В 1984 году открывается вторая хирургическая

больница, или больница плановой хирургии, в 5-этажном жилом доме по ул. Нефтяников, 70а в седьмом микрорайоне, а городская женская консультация № 2 открывается на первом этаже 5-этажного жилого дома по ул. Дружбы народов, 27 в двенадцатом микрорайоне.

Вполне понятно, что каждое здание от нефтяников и строителей для размещения объектов здравоохранения занимали с большим боем, часто после очередной вспышки инфекционных заболеваний в городе, по решению чрезвычайной противоэпидемической комиссии.

ЧАСТЬ VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

Последняя встреча

Осенью минувшего года, в канун пуска Обского однопилонного моста, после бессонной лржкой ночи на вокзале, ранним утром посмешил я все-таки не к мостовикам на торжество, куда был зван почетным гостем, а к Геннадию Михайловичу Левину, начальнику УБР-2, Герою Социалистического Труда, и, как оказалось, своевременно. Он уезжал на курорт и вообще перебирался из Сургута в белокаменную. Насовсем. До него там закрепилась сестра Людмила Михайловна Речистова, что долгое время работала главным экономистом и заместителем генерального директора Нижневартовскнефтегаза по финансам.

Я ее знал достаточно хорошо. Она после вхождения в Нижневартовскнефтегаз «Альфа-групп» частным владельцем компании уволилась и исчезла будто. Встретил ее как-то на улице. Работы по душе, посетовала, нет. А жаль. С городом расставаться жаль, с горожанами. Привыкла. Работу, как оказалось впоследствии, сыскала в Москве, в компании «Роснефть». Тоже по экономике и финансам. Мне Виктор Остапович Палий об этом сказал и дал ее рабочие телефоны. Я очень уважаю Людмилу Михайловну, но до последнего не знал, что она сестра Геннадия Михайловича, нашего легендарного бурового мастера.

Прежние, досеверные деяния Геннадия Михайловича были в Куйбышевской области. А Нижневартовский его период знал не понаслышке. Сам буровик. Работал в бригаде основного соперника Левина Григория Кузьмича Петрова, так что дорожки производственные и соприкасались, и перекрешивались.

Все меняется, и все течет. Нет уже в Нижневартовске и Г. Петрова, Г. Левина — и того давно нет. Но имя не забылось, след сургутский Геннадия Михайловича не потерялся, живет в памяти многих этот уникальный волжанин, ставший сибиряком. Чтобы восполнить недостающее сургутское, и появился рано утром в здании УБР-2, что в промзоне, на отшибе, как принято выражаться. В здании ремонт, коридоры завалены стройматериалами. пыль, грязь, запустение. Но хозяин кабинета

согрел чаем и беседой доверительной. Принял хорошо. Не отринул.

Бурмастером Г. Левин стал в неполные двадцать четыре года. В Отрадном. И там славен был первопроходчеством. Ему благоволили управляющий трестом Василий Виссарионович Рехвиашвили, директора конторы бурения Николаи Иванович Курышев и Геннадий Иванович Папин в голос возражали его желанию уехать в Сибирь, на большую нефть. Но в конце концов уступили не только ему, но самим себе, перебрались в Тюменскую обширную область. Во многом вдохновил их земляк Вениамин Максимович Агафонов. Герой Социалистического Труда, он вместе с бригадой перебрался на северные промыслы. Процесс, что называется, пошел.

У левинцев за переезд особенно ратовал бурильщик Генят Сабиров. «Поехали — и не тут! — кипятился, наступал. — В Сибири, нот где настоящие дела, там нужней!». Убедил. Теперь все и каждый в отдельности убеждали жен. У Геннадия Михайловича к тому времени уже две дочурки росли. Возражения жен — бездорожье, грязь, комары, неизвестность. Обычный в таких случаях дискомфорт. Легко ли сняться с насиженного места. А как не заладится?

Точку в спорах поставил оказавшийся ненароком в городке на Волге заместитель директора конторы бурения Анатолий Андреевич Шемонаев, пообещал принять всех, трудоустроит. Ему поверили. И вот в феврале 1968-го левинцы — двадцать пять числом — в Тюмени. Из областного центра самолетом на Север. В Нижневартовске стужа за сорок градусов, дышать трудно. Сабиров, стусевавшийся, молчит, апломб его пропал куда-то, утратил вмиг его. Растерялся на время.

Подобные сюрпризы не столь уж и часты в Среднем Приобье. А тут угодили к их приезду низкие температуры. Такие, по словам старожил, не посещали много лет. Показала-таки Сибирь когтистые свои зажимы, показала, на что способна.

Встретил левинцев поселочек без единого каменного здания, диковатый, чужой. Упрятанный под снегами. Их разместили в Красном угол-

ке конторы, сдвинули в один угол стулья, поставили койки. На другой день отправились на освоение скважины. Довольно далеко от поселочка. А вскоре им закрепили полураскомплектрованную буровую. Один фонарь сигнальный на месте, иронизировали. Принялись восстанавливать по винтику, Геннадий Михайлович бегал по начальству, «выбивал» недостающее — все, что кроме фонаря. Был неуютим.

И вот начали они проходку.

Мороз все жмет. Поднимают из скважины очередную двухтрубку («свечу»), по трубе течет глиняный раствор, схватывается в желобах. Колочий знобкий ветер проникает в щели ограждений, одежда покрывается жесткой ледяной коркой и ломается. Буровики спешат поскорей отвернуть «свечу», иначе наверху замерзнет элеватор, и нужно будет снова свинчивать трубы, опускать их в скважину и отогревать элеватор паром. Паром отогревали манометры. И так круглые сутки, неделя за неделей...

Первая их северная скважина была разведочной, часто извлекали разбуренную породу-керна. Для проб и анализов. Но все же пробурили раньше запланированного. Постарались. А главное — получили нефть сразу из двух горизонтов общим дебитом двести тонн в сутки. Конечно, радовались. Однако в конторе это никого не взволновало, левинцам, вспоминает собеседник, даже обидно стало. Когда нефть обнаружили на Сарбайской площади в Куйбышевской области, там все ликовали, бурю овец устроили на митинге. Здравицы звучали нешуточные.

В Западной Сибири уже к тому времени перестали удивляться новым продуктивным площадям, богатырским дебитам. Привыкли ранее обожновавшиеся.

После разведочной бурили наклонно-направленную скважину на берегу Сухого Баграса, в обычное время почти сухого, безобидно-невзрачного, в низких отлогих берегах. Трудились круглые сутки. На работу и обратно добирались вертолетами. Весной осознали по иронии обстоятельств, что морозы здесь еще не самое худшее, скорее, наоборот. В известной мере благодать — морозы. Можно добраться по зимнику до любой точки, завезти оборудование, материалы. Весной кругом одна вода и хляби окружили, ни шагу не ступишь в сторону.

Сухой Баграс в половодье разлился почти на четверть километра! Буровая оказалась на крохотном насыпном островке, лишь метра не хватало, чтобы залить земляные амбары, в которых хранился раствор. До буровой теперь добирались катером. Из-за густого плотного тумана, который в здешних местах в эту пору не редкость, из-за полного отсутствия видимости однажды сутки пропутали в лабиринтах разливов.

А в это время произошла авария. На глубине 2400 метров, когда до проектной, то есть заданной отметки, оставалось лишь десять метров. При последнем наращивании инструмента бурильщик В. Кастаргин решил заменить переводник на ведущей трубе. Буквально за какие-то минуты инструмент на забое прихватило, скважину на глубине тысячи метров пришлось торпедировать и начинать проходку заново. Что было, то было. Не все складывалось успешно. Но все-таки скважину удалось закончить с ускорением — пробурить и сдать раньше, чем предполагалось. Понятно, что не жалели себя, выкладывались без остатка.

К тому времени, когда появились в Сибири, уже по всей стране летела слава о Г. Петрове, А. Шакшине, С. Ягафарове — трех уральских богатырях. Не к лицу было отставать богатырям волжским. Но, как сказано, досадные непредвиденности способствовали скромному результату в первом северном году. При плане 12.9 тысячи метров и обязательстве 18.1 прошли 15643 метра горных пород. Сказались резкая перемена условий, в каких оказались, многие организационные неурядицы. Четыре календарных месяца бурением вообще не занимались, а всякими вспомогательными операциями.

В бригаде наметились ростки уныния, пассивности. Уже не верили в большие возможности и свершения, желаемые зарплаты. Некоторые собирались в обратную дорогу, ссылаясь на одиночество жен и детей в Отрадном. Геннадий Михайлович на это прямо заявил: «Кто хочет оставить Север, может его оставить, а сеять панику в бригаде не позволю». Уехали шестеро. Один вернулся. Ему Геннадий Михайлович помог устроиться, но в свою бригаду обратно не взял. Пусть и хороший работник, но коль подвел однажды в нелегкое время, может подвести еще раз. Предательство не прощается.

Между тем бригада продолжала осваивать недра и сама осваивалась на новом месте. Красный уголок конторы через три месяца освободили, всем левинцам дали квартиры в деревянных коттеджах. К ним переехали семьи. Приехала и жена Геннадия Михайловича с двумя дочурками. Жить и работать стало веселее...

1969 год особый... В этот год левинцы заложили первую скважину на Самотлоре, ставшем вскоре самым притягательным местом во всем Среднем Приобье, самым оживленным. Сюда потянулись строители, буровики, вышкомонтажники, нефтяники, принялись завозить технику, оборудование, всевозможные материалы.

А в тот памятный ключевой 1969-й на берегу озера с громким названием в трескучий мороз давали о себе знать лишь две буровые. И вокруг не было ни души. Лишь чахлые сосенки

да зальделые снега, придавленные стужей. На одной буровой ратоборствовала бригада Степана Повха, впоследствии погибшего, на другой — Геннадия Левина. В отличие от Мегионского месторождения Самотлор — многоплановый, требовались дополнения кразобшению пластов, возникала необходимость спускать эксплуатационные колонны большего диаметра, оборудовать их специальными головками.

Приходилось тратить на «дополнения» много времени.

Наличие в разрезе газового пласта обязывало вести бурение с промывкой глинистым раствором, спускать кондуктор на большую глубину и оборудовать устье скважины двумя пре-венторами.

Дело усложнялось тем, что более трех четвертей территорий заболочено и покрыто водой. Средняя глубина болот превышает три метра. «Пять процентов суши, остальное море», — шутили буровики. В таких условиях разбуривать площадь вертикальным способом нецелесообразно ни в каком аспекте. Нецелесообразно и выборочное сезонное бурение: зимой вести проходку среди топей, а летом — на возвышениях. Не было возвышений — одни топи. И специалисты справедливо решили, что разбуривать многопластовое надо наклонно-направленно. Кустовым способом. С первых же месяцев доля наклонно-направленного превысила девяносто процентов, а ведь проводка таких скважин весьма сложна и затруднительна. Ничего, справились и с наклонно-направленной.

— Я так думаю: трудности обновляют человека, — сказал как-то Левину начальник производственно-технического отдела УБР Заки Шакирович Ахмадишин. — И обновляют, и укрепляют.

— У него есть полное право так говорить, — Геннадий Михайлович задумчиво подбирает слова и фразы, переживает заново былое и сделавшее имя волжанина легендой. — Он природный нефтяник. Когда ему во время свадьбы, еще в Татарии, сообщили об аварии на буровой, он, ни секунды не медля, покинул праздничное застолье и устремился на площадку, успев сказать невесте: «Извини, я на час». Но вернулся только через трое суток. Невеста в нетерпении сама приехала на буровую, увидела его живым-здоровым, перепачканным солянойкой и мазутом. Он обрадовался ей не меньше. Домой вернулся вместе с молодой женой, чтобы снова исчезнуть — уже на две недели, до полной ликвидации аварии.

И продолжил о том, что вскоре сам Заки Шакирович угодил в автомобильную костоломку. Выписывая его из больницы, ортопеды строго-настрого запретили Ахмадишину работать на

буровых, рекомендовали не напрягаться, беречь себя. Но он одним из первых пожелал в Нефтеюганск, возглавил бригаду. Пробурил первую в Среднем Пробые наклонно-направленную скважину с максимальным отклонением от вертикали (полтора километра). Оказался много севернее — в Игриме: услышав о Самотлоре, немедленно упаковал чемоданы. Не мог допустить, чтобы это уникальное месторождение обошлось без него. С людей, подобных Заки Шакировичу, признался Г. Левин, брали пример, встречаясь с очередными трудностями. А их было предостаточно. Заки Шакирович стал главным персонажем в различных журнальных и газетных публикациях. Стали таковыми члены бригады и сам мастер. Но это впоследствии.

Проанализировав прежние промахи, левинцы пришли к выводу, что аварии, осложнения, брак — из-за недостаточного внимания к качеству промывочной жидкости и качеству вообще. На ликвидацию аварий и осложнений тратили почти сорок процентов рабочего времени, в то время как все подготовительно-вспомогательные операции, включая заготовку и обработку промывочной жидкости и профилактику ствола скважины, занимали лишь 13,8 процента времени. Они поняли, что если уделить больше внимания глинистым растворам, тратить больше усилий на их обработку, а также на профилактику ствола скважин, то при некотором росте времени на вспомогательные операции можно резко сократить непроизводительное время в бурении.

Курс оказался верным. Непроизводительные затраты удалось сократить вчетверо. Благодаря безаварийности, снижению брака, сокращению времени на осложнения пробурили на 8226 метров больше, чем в предыдущем году. И это лишь в результате организационно-технических мероприятий!

В первый самотлорский год перед непосредственно проходкой построили сразу три куста, соединили их лежневками, подвели водоводы, смонтировали буровые установки и емкости, завезли трубы, инструмент, цемент и другие материалы.

Куст — это искусственный островок посреди воды. Когда бригада бурила первую скважину, всерьез опасались, что песчаная насыпь не выдержит. Вышка в самом деле проседала, раствор лился на площадку и уносил с собой в озеро песок. Все постоянно были в напряжении, дежурили у основания вышки, подсыпали его. Даже в суточных сводках сообщали про основание.

Тогда к Самотлору было ни подъехать, ни подойти. На пересечении лежневок, соединяв-

ших четыре куста скважин, небольшой «городок». Стояли вагончики, в которых вахты отдыхали после смены. На каждом кусте было по две вахты — одна работала двенадцать часов, другая в то время отдыхала. Вахты и все необходимое доставляли в «городки» на вертолетах. Из-за капризов погоды случалось, что вместо четырех суток вахты оставались в городках восемь-десять.

Как-то команде Валентина Васильева пришлось действовать 32 часа подряд. Был обложной дождь, стоял густой туман, и вертолетчики не могли перебросить смену из города. Геннадий Михайлович сам подменял то одного, то другого, пока ребята ходили в столовую. Когда Ми наконец пришвартовался к площадке, пилоты с удивлением смотрели на залитых глинистым раствором, с воспаленными глазами, но улыбающихся парней. Чему радуются Робинзоны? А мастер остался и на в тот раз — предстояла ответственная операция. Впрочем, в случае необходимости оставался любой. Однажды заболел бурильщик, и Геннадий Михайлович попросил Геня Сабинова, уже отбедовавшего вахту, заменить товарища. «Я понимаю», — только и молвил он. И снова натянул брезентуху, не успевшую просохнуть на батарее, курившуюся паром.

Зимой по инструкции, если мороз ниже сорока, работать запрещалось, но кто считал те дни, когда буровую нельзя было остановить, и мы продолжали работать даже и при температуре ниже пятидесяти.

Несмотря на все трудности, удалось добиться улучшения всех технико-экономических показателей. Даже перевыполнили план проходки в тот первый год. Однако эта цифра была много ниже достижений буровых бригад Еремина и В. Леванова, перешагнувших уже соткатысячный годовой рубеж проходки. Заделало за живое.

И левинцы решили догнать передовиков. Завели на буровой специальный дневник, не предусмотренный никакими инструкциями, и заносили в него некоторые наблюдения и выводы, что принесло немало пользы в деле. Помогал замечать и применять новые технологии, индивидуальные местечковые находки своих вахт, а стало быть, эффективней использовать рабочее время и оборудование этот ежедневник.

— В 1970-м за бригадой закрепили две буровые, на кустах установили по два насоса У8-4 вместо одного прежнего. Смонтировали емкости, вибросита и гидроциклоны, повысившие качество раствора. Включили в коллектив второго слесаря, помощника дизелиста. И снова взялись за расчеты — что хорошо или не

очень. Решили в первую очередь свести к минимуму простой (окна) в бурении, снизить затраты на подготовки и испытания. Перемещали буровые на специальных катках, выиграв на этом шесть суток. Буровую к работе готовили пусконаладчики, а пробуренную скважину запускали освоены, сэкономив для проходки 67 суток.

Экономили время при спуско-подъемных операциях, наращивании колонн, при механическом бурении и прочих операциях. Особенно выявились резервы новой техники и технологии на глубокой, в 2145 метров, скважине №9-бис. Для проходки ее разработали режимно-технологическую карту с расчетной коммерческой скоростью проходки 10000 метров в месяц. Применили новые турбобуры, долота с насадками. Для ускорения спуска-подъема использовали легкосплавные бурильные трубы. Тщательно подбирали параметры раствора, способствуя увеличению проходки, а в нижних интервалах — и предотвращению осложнений. Вели контроль за проходкой и обобщением данных специалиста управления, круглосуточно дежурили.

Дальше Геннадий Михайлович мог не рассказывать. Я хорошо помню тот день апреля 1970-го, когда на вахту заступил бурильщик Ингиль Хасанов со сменой. Закончил успешно первое долбление под кондуктор — 405 метров, спустил кондуктор, продолжил бурение. Все шло хорошо, но когда подняли инструмент, увидели, что долото сработалось. Одна из трех насадок осталась на забое. Посоветовавшись немного, решили бурение продолжать. Спустили инструмент, но долото словно забуксовало на месте — ни сантиметра вперед. Снова подняли инструмент и ахнули: долота практически не осталось — ни шарошек, ни насадок, ни лап. Думали, конец света! Сколько готовились, и вот тебе — все прахом.

Все же...спустили снова инструмент и — все пошло, как по маслу. Сейчас они этот эпизод вспоминают, как забавный курьез, но тогда левинцам было не до шуток, покрылись холодным потом.

Скважину првбурили за 124 часа вместо 530 по норме, установив рекорд коммерческой скорости на станок в месяц. Производительное время составило полные сто процентов. Опыт проходки №9-бис лег в основу работы других бригад на Самотлоре. А левинцы пробурили в 1970-м уже 50471 метр горных пород, установив рекорд в Среднем Приобье.

О бригаде заговорили всерьез. Г. Левину присвоили звание Героя Труда, бурильщики В. Васильев, Г. Сабинов и слесарь А.Трифонов удостоились ордена Трудового Красного Знамени. Это означало, что коллектив замечен, что он сту-

пенька за ступенькой восходит к высотам известности и славы, которые надолго. И Самотлор было не узнать. К месту работ пролегла отличная бетонка. От нее во все стороны отпочковались к кустам лежневые дороги, отпала необходимость в вертолетном дорогостоящем сообщении. Дорожники ежегодно укладывали в болотистые топи около 150 тысяч кубометров леса и до миллиона кубометров грунта, что благотворно отразилось на успехах проходчиков недр и нефтяников.

Производительность труда росла.

В 1972 году бригада пробурила уже 67094 метра. Теперь уже все ее члены награждены орденами и медалями. Бурильщики Васильев Г., Сабиров И.С., Феоктистов удостоились ордена Октябрьской Революции, шестеро, в том числе и мастер, — ордена Трудового Красного Знамени, десять — «Знака Почета», остальные — медалей. Вручал награды первый секретарь обкома Б. Щербина в присутствии начальника Главтюменьнефтегаза В. Муравленко. Поздравляли они, напутствовали, благословляли на сто тысяч метров проходки в год.

Воодушевленные левинцы обязались пока на 75 тысяч, о ста тысячах не помышляли, они казались даже им несбыточными, хоть за это и обещали поименно выбить их имена золотыми буквами.

Жили идеалами коммунизма, верили в них. А вера — великий побудитель к трудовым свершениям, гораздо хуже, когда ее нет. И хотя коллектив считался образцовым, одни трудились «от сих» до «сих», другие вкладывали в дело всю душу. Вторых было большинство. Неизменным передовиком, во всем энтузиастом оставался Геняйт Сабиров. С ним бурмастер дружил еще со времен Отрадного, когда жили они в общежитии. Обладая глубокими знаниями, опытом, превосходя многих в энтузиазме, Геняйт никогда не задавался, оставался веселым, задорным, общительным со всеми. Был душой коллектива.

Огромным авторитетом пользовались старейший бурильщик Сергей Иванович Феоктистов, и другой ветеран-дизелист Андрей Герасимович Трифионов. Любое дело они выполняли безупречно, близко к сердцу принимали интересы производства, общественные поручения. Им под стать были Юрий Егорович Песков, Флюр Сабиров, бывшие сменные мастера Игорь Сосновских, Михаил Задков и многие другие. Именно они создавали в первую очередь моральную атмосферу в коллективе, способствующую высокой повседневной активности и ответственности, росту технического творчества. Лодырей, прогульщиков и пьяниц не терпели. Дружба, спаянность, неистребимая воля к победе и совер-

шению обеспечивали успехи левинцев, а не льготные условия, как считали некоторые и считают до сих пор.

Вначале левинцам очень помог опыт соседей нефтеюганцев и сургутян, по прошествии времени их опыт помогал нижевартовским и другим коллективам. На основе бригады Геннадия Михайловича создали школу передового опыта. Учили всех желающих передовым приемам труда. Вахты приезжали из многих буровых бригад Среднего Приобья, используя достижения левинцев, сами становились лидерами. Успешно соревновались. Цифра сто, о которой говорили Б. Щербина и В. Муравленко, не казалась уже недостижимой.

Соревнование трудовых коллективов достигло небывалого размаха.

Обсудив на собрании правительственное Обращение о досрочном выполнении народнохозяйственного плана на 1974 год, бригада Г. Левина решила посостязаться в умении и сноровке с В. Громовым и Г. Петровым, заключила договоры трудового соперничества со смежниками. Дорожники обеспечивали своевременный ввод кустовых площадок и подъездных путей к буровым. Вышкомонтажники с оценками «хорошо» и «отлично» скоростным методом перемещали и готовили к работе станки.

Соревновались с Азербайджаном, ездили в гости к коллегам на месторождение Кюрсанг-Южная, знакомились с тамошними условиями проходки, или, точнее сказать, проводки глубоких скважин. Их тепло встречала бригада Салмана Нагиева. У двух известных специалистов-проходчиков завязалась теплая личная переписка, обмен опытом на расстоянии. С ответным визитом в Нижневартовске побывали азербайджанские коллеги.

Но главным соперником Геннадия Михайловича стал самотлорец, а в прошлом ураец Григорий Петров. Ему не терпелось превзойти непобедимого Г. Левина. Очень не терпелось! Он бросил в топку состязательности весь свой резерв: или-или?! Или достигнет верха, или уйдет бесславно в забвение. Иного было не дано. Достижения каждого из них неизбежно становились достижениями всего предприятия, в целом отрасли. И это еще больше добавляло огонька.

Геннадий Михайлович по прошествии лет в своем сургутском кабинете вспоминал:

— В середине года Петров нас немного обошел: пробурил 10752 метра. Нам не удалось до конца года выйти на его уровень проходки. Две тысячи 657 метров составил разрыв. И Григорию Кузьмичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, наградили членов бригады.

И для нас год 1973 выдался неплохим. Производительное время составило 98,1 процента, кроме бурения, освоили 18 скважин. В конце года завершили бригадную пятилетку. Установили новый Всесоюзный рекорд по скорости бурения. В следующем, 1974 году, очень легко обошли Петрова, и уже ни разу не уступали ему. Рубеж — сто тысяч и более метров в год — стал обычным, многие бригады справлялись с ним. Так что золотыми буквами на фронтонах можно было отмечать не одних левинцев или Петрова. Царили подлинный энтузиазм, вдохновение, казалось, что нет предела человеческим возможностям, нет предела творчеству и дерзости.

Не оставались в стороне главк и министерство. Нам крепко помогали начальник управления В. Хлюпин, главный инженер А. Усольцев, начальник ПТО Ахмадишин, главный механик Валякин, ученые из различных институтов.

Геннадия Михайловича часто спрашивали, долго ли он еще будет работать на Севере, он встречал этот вопрос с недоумением, потому что, как сказал поэт, «полюбить этот край тяжело, разлюбить этот край невозможно». Не ради славы и денег приехали — ради пользы дела. О нем в первую очередь пеклись. И те, кто приехал только что, например, бригада В. Громова, руководствовались высокими идеалами. Нашел себя на тюменской земле комсомольско-молодежный коллектив В. Китаева. Нашли другие.

Прямая противоположность нынешним рублевым и долларовым устремлениям, приземленности помыслов и неуверенности в завтрашнем дне. А все дело в том, что сменился собственник и принялся диктовать свои условия, свои правила проигрышной игры. Преемственности былой нет, инициатив снизу никаких. Есть только недовольства!* протесты.

В 1971 году Г. Левин был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Вплотную занимался городом и горожанами, занимались прямо или косвенно члены бригады. Само имя работало на прогресс — социально-бытовой и технический. И город рос, хорошел, мужал. Он процветал и после отъезда Геннадия Михайловича в Сургут, куда перевели начальником УБР-2 и где состоялась наша последняя встреча. Он покидал Север в конце двухтысячного года, вполне доказав свое левинское постоянство однажды избранному поприщу.

Спросил его о детстве, о родителях, как, где все было и что определило его жизненный путь. Раньше как-то не удавалось выйти на личные темы.

- Родился я в Баку, — сказал собеседник. — Отец мой Михаил Николаевич работал у нефтя-

ников. У нефтяников работал на берегах Волги. Застал неуклюжие деревянные вышки, паровые машины, нефтедобыча и бурение были излюбленной темой в семье. С отцом не однажды ездил па промыслы.

После окончания семилетки вопроса о профессии уже не существовало — будет заниматься тем же, чем всю жизнь занимался отец. И сестра Людмила решила так же. Оба окончили профильные учебные заведения.

После техникума в Коханской конторе бурения начинал свою трудовую биографию на дальних месторождениях, продолжил ее после службы в армии. Первой стартовой площадкой стала бригада Георгия Федоровича Ковальского. Очень мне помогли бурильщики Коробок, Низямзинов, Феоктистов. Во многом благодаря им стал мастером, добивался успехов, которые помогли поверить в свои возможности на Севере.

Всю свою последующую трудовую жизнь подпитывался этой верой, она держала на плаву в Сургуте. И в Сургуте, уже будучи первым руководителем, использовал в повседневной практике принципы общности и взаимного понимания, заложенные на берегах матушки-Волги и усовершенствованные на берегах другой могучей водной артерии — Оби.

Обстоятельства перемещения Геннадия Михайловича в Сургут покрыты дымкой загадочности. Одни утверждали, что Г. Левина, вознесшегося на гребне первопроходчества, бросили в Сургут для подъема соревновательности у соседей, другие злословили, что таким образом уведят от ответственности за огрехи в скоростной гонке. Загадочность эта, кривотолки не сняты сегодня, уж слишком крупная фигура, слишком много шума наделали они с Г. Петровым, чтобы не обсуждать и комментировать. История, одним словом. Ее бурмастера писали долотами, метрами, ударными вахтами.

Ради этого стоило приехать, зябнуть ночь на вокзале, добираться на перекладных-попутных сюда, на окраину города. В промзону. Геннадий Михайлович объяснил это просто, лаконично.

Было так.

— В конце семидесятых форсированное бурение в Нижневартовске достигло небывалого накала и размаха, предела человеческих и технических возможностей. В Сургуте оно зачахло, наблюдался своеобразный упадок. И вот когда генеральным директором здесь назначили главного инженера нашего УБР-1 Усольцева Александра Викторовича, он принялся уговаривать меня переехать вслед за ним. Больше года уговаривал. В конце концов подключился министр Николай Алексеевич Мальцев, первый секретарь Тюменского обкома КПСС

Геннадий Богомяков, я сдался. И в январе 1981 года оказался в Сургуте.

Оказался так оказался. Слово надо держать, оптимизма не утрачивать. Принялся вживлять на новом месте все самое лучшее, эффективное, чем владели на Самотлоре. Там уже несколько бригад перешагнули стотысячный рубеж, не была диковинкой эта цифра. Эту задачу поставил у себя в Сургутском управлении, ссылаясь на моего молодого самотлорского преемника Александра Кузьмина. Рубеж в сто тысяч метров он одолел без особых затруднений, почему не одолеть в Сургуте? Сможем. Вселил веру в людей, подкрепил технически. И вот в 82 году две бригады здесь тоже перешагнули заветную черту. А в 84—85-м уже все наши бригады бурили по сто и более тысяч метров. Понятно, что непросто все это давалось, предельным напряжением сил, мобилизацией всех резервов. Мобилизовались, что надо.

Моя роль организатора производства оказалась не менее необходимой. Масштаб деятельности и масштаб ответственности многократно увеличились. Но дело свойское, понятное. Бурение — и в Африке бурение. Люди и недра. И личное стремление. До перестройки и после. В достопамятные семидесятые годы мы говорили: «Бурение — сегодняшняя большая нефть». К концу пятилетки добычу сырья довели до полмиллиарда тонн, а ежегодный прирост ее достиг тридцати миллионов тонн. Таких темпов развития не знала и до сих пор не знает ни одна страна в мире. Основную долю прироста обеспечивали наши люди, наш край. И зависело это прежде всего от буровиков. В «Сургутнефтегазе» истину такую не забыли и в перестройку, не забывают и сейчас, поэтому и остаются лидерами во всех номинациях.

Ухожу, что ж, на смену пришли молодые. Мы не забываем о преемственности, не упиваемся новомоднейшими «проектами» под звездно-полосатым флагом, делаем свое дело во имя Отчества и каждого отдельного россиянина, благо, что ведет корабль «Сургутнефтегаза» великий патриот и знаток нефтяного поприща Владимир Богданов. Не отдал штурвал в частные руки, доказал ельциным и всяким младореформаторам, что их линия разбазаривания народной собственности глубоко порочна и даже преступна. Я с ним солидарен. Солидарны все мои земляки.

В 89-м году 26-летний мастер Сергей Николаевич Ворошилов из нашего УБР-2 пробурил 168 тысяч метров — поставил рекорд в области, до сих пор непревзойденный. Средняя проходка на бригаду у нас тогда составила 134 тысячи. И так мы держались уверенно до 1993 года. Перестройка все пошатнула, по-

ломала. Упали объемы, зарплата. Люди уходили на поиски больших легких денег, редко кто обретал их... Дисквалифицировались. Теряли лицо. Года три длилась неразбериха — тяжелейший период. Но мне удалось сохранить коллектив, помог и личный авторитет, мне верили, верят сегодня. И не ошибаются. В управлении восемь бригад освоения, одна подготовительная, одиннадцать буровых. Работать, конечно, труднее. Ездим за триста километров на Тянское месторождение, пятый год разбуриваем. И разбуриваем Тром-Еганское и Восточно-Тромьеганское. На пяти дальних залежах работаем, на НГДУ «Нижнесартымнефть». Есть промбазы, общежития, необходимый социалькультбыт. Метод работы вахтовый. Пятидневка. Снабжение хорошее. Станки буровые новые. Финансовые дела заказчика НГДУ и всего объединения отвечают всем мировым стандартам. И это потому, что взяли от советского периода все полезное, эффективное. Не утратили связей с поставщиками — отечественными и зарубежными. За кредитами не гонимся, обходимся своими прибылями.

Теперь, прервав монолог хозяина кабинета, скажем его же думами и чаяниями, его потаенным содержанием. К Сургуту он долго привыкал, тосковал по своей изначальной бригаде, по Самотлору и Нижневартовску. Восполнял ностальгию поездками на всевозможные юбилеи. В Нижневартовске у него родственники — свои и по жене Александре Ивановне. Две племянницы и племянник там. Сын закончил Плехановскую академию, работает экономистом в «Сургутнефтегазе». Женат. Жена Юля — сургутянка, бухгалтер.

Дочь училась в Губкинской академии в Москве, познакомилась с парнем там же. На третьем курсе они поженились. Сейчас внучке пятнадцать лет и внуку пять. Работала дочь в НГДУ «Сургутнефть». Сейчас занимается воспитанием Катюши и Ивана. Ее супруг Александр Буланов начинал в «Быстринскнефти», дослужился до главного инженера, и вот теперь — генеральный директор «Сургутнефти», той самой, где прошла трудовую школу его жена Татьяна Геннадьевна, в девичестве Левина.

Родословная, что называется, удалась.

Крепкие северные завязи оставляет Геннадий Михайлович.

В нашей беседе принимал участие заместитель по «социалке» Николай Ефимович Гольцов, он вместе с Левиным много лет, всегда оставаясь на высоте, в чести, многое делает для коллектива. С ним и отдыхает вместе — на охоте, рыбалке. Даже картины в кабинете начальника, шторы на окнах, телевизор — его рук дело. А прошел Николай Ефимович одинаковый

со всеми ветеранами путь — буровой мастер, начальник центральной инженерно-технологической службы. Увлеченно занимается социальной сферой.

— Вот такие, как Гольцов, — сказал Геннадий Михайлович, — и составляют основу коллектива, ни при каких штормах не сходят с верхней палубы. Им оставляю управление. Они остаются последующей смене.

Так получилось, что дважды бывая в УБР-2, я в первую очередь встречался именно с Николаем Ефимовичем. Один раз приехал в отсутствие Геннадия Михайловича, и Гольцов молодецки решил мои познавательные писательские дела-задачи. Именно он и породил во мне расположение к УБР. Я приехал вторично. А с Левиным встречались на общественных мероприятиях в Нижневартовске, куда его приглашают чаще других. И в этот раз Левин вызвал Гольцова, попросил опекать меня и в его предстоящее отсутствие принимать как своего, и Николай Ефимович пообещал. Так что бывать еще у сургутян.

Левин Г.М.:

— Отметь в книге Кондакова Вениамина Вениаминовича, главного геолога. Уникальной работоспособности человек и человек слова. Таким при жизни памятники ставить. С таких брать во всем пример. Ведь он так знает свое дело, что оно играет и спорится при нем. Если бы политики так владели даром анализа и прогнозирования да порядочностью обладали кондаковской, мы термины «хотели как лучше, а получилось как всегда» считали бы ругательством, воспринимали с недоумением. В нашем царстве-государстве Кондаков — светило.

Мой надежный помощник — заместитель по общим вопросам Сергей Павлович Кожевников. Под статью Гольцову и Кондакову. А прежде много лет был мастером, боевито штурмовал недра.

Главный инженер — Ануфриев Сергей Валентинович, с отличным образованием и отличной практикой. Его дистанция после студенчества — двадцать лет. За эти годы много полезного совершил, потрудился для Отечества. Иногда мне кажется, что он и не спит вовсе, не пьет, не ест. То в машине, то возле буровой, то на телефоне. А иначе как? В бурении все увлеченные, азартные. Буровик — он либо есть, либо его вовсе нет. Сергей Валентинович из одержимых. Удостоен многих нафад.

От Гольцова узнал, что уже в Сургуте Геннадий Михайлович удостоился еще трех орденов, один из них — имени Жукова: за воспитание в патриотическом настрое молодежи. Его присваивает областной Совет ветеранов войны и труда. Орден полуофициальный, народный.

Но именно его и пожелал назвать, потому что от своих сограждан.

Медали обрел новые Геннадий Михайлович. Не обделен наградами и в Сургуте, после Самотлора ставшем его главным боевым плацдармом.

Не обделен и депутатством. Избирали в областной, районный и городской Советы.

Так с 1981 года прожил он там, на улице Энтузиастов, не теряя связи с родственниками. А их немало. Семья у Левиных была многодетная. Ветви и отпочкования многочисленные. В Поволжье, на Севере, в Москве, в городах Горьком и Саранске, на Украине. В Москве у него квартира за ВДНХ. Не в центре, но местечко, считает, уютное и квартира приличная. Тыл обеспечен.

Общий стаж в бурении у Геннадия Михайловича сорок три года. С северными накрутками, вредными условиями труда — 75 лет. Вот так! При его 62 годах жизни семьдесят пять лет трудового стажа. Что-нибудь да значит!

И сургутский период не худший в этой дистанции. Непросто сменить буровую вышку на должность начальника управления, но есть в перемене и плюсы. Физически быть мастером много труднее, постоянные недосыпания, переохлаждения, осложнения технического порядка. Он, обладая отменным здоровьем, особо не уставал и на буровой, может, молодость помогала, может, вдохновение. С резервом сил перевелся в Сургут, трудился в прежнем самотлорском настрое. Помогали нашенские же Усольцев Александр и Владимир Богданов, имя которого на слуху у многих и постоянно. Он вывел в передовые компании и не отдал частникам вот с такими, как Г. Левин. Он тоже работал когда-то в Нижневартовске, в бригаде подготовителей. Усольцев был главным инженером управления. Через десятилетия Александр Викторович — председатель Совета директоров «Сургутнефтегаза».

И вот расстается. Отпуск проведет в Сочи, после отпуска передаст УБР своему преемнику. Молодежи желает быть целеустремленной, азартной. Равнодушным нет места в бурении. Добиваться все новых и новых успехов, повышать престиж своей профессии. Проходчик горных пород — это звучит гордо!

Мысленно я сравнивал его сейчас с Левиным семидесятих. Все так же крупноглаз, плотен, наполнен огромной жизненной энергией. Конечно, десятилетия сделали свое дело, вмонтировали свой след на лице, проредили шевелюру. Но ведь и оставили шлейф славы неубывающей. Наричательным стало имя. Не сотрут его ни время, ни дальность расстояний. Он так же будет приезжать на юбилеи, о нем будут говорить,

писать книги, называть в трудах историках. Осваивать и осваивать.

Мы еще бы почаевичали, повспоминали, но вошел Гольцов, коротко шутливо доложил;

— Авто подано...

Значит, ленинская «Волга» под парами, меня готовы препроводить на торжество к мостовикам.

Мы попрощались.

Больше я Геннадия Михайловича не встречал. По слухам, он переместился не в Москву, а в Тюмень. Может, и так. Не чужой ему областной центр. В любом месте Левин останется Левиным.

Он таким родился,

Таким и останется до конца своих дней.

.ЧАСТЬ VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Переплетение событий ради одухотворенности будней

(Заметки бывшего художественного руководителя Ларьякского сельского Дома культуры на основе материалов «Тобольских губернских ведомостей»)

В 1993 году газета «Новости Приобья» опубликовала мою небольшую статью о танцевальных вечерах (общественных балах), проводимых в Тобольске 1863 года. Во втором номере журнала «Югра» за 1996 появилась та же информация под заголовком «Дискоотека XIX века».

Интерес к факту культурной жизни полутравековой давности вызван тем, что содержательная сторона общественного мероприятия отдаленной эпохи фактически реализовала принципиальные подходы методологии культурно-просветительской работы клубников нашего времени.

Давнишние заметки «клубных» мероприятий XIX века были сделаны юным организатором досуговых мероприятий советского времени при помощи моего большого друга, старшего коллеги и хозяйки, у которой я квартировал студентом в культурно-просветительском училище в конце 60-х годов. Татьяна Дорофеевна Рожкова, литератор и культурный организатор, была уже на пенсии, отслужив много лет в Тобольском архиве. Мы засиживались допоздна. В долгие зимние вечера знакомился я с историей культпросветработы, которую в те времена нам не преподавали. Меня глубоко волновали факты организации интересного досуга в прошлом, события, полузабытые, прекрасные по сути своего соотношения с именами классиков литературы и искусства. Сохранились мои выписки из старых газет о формах досуговых мероприятий XIX века на Тобольском Севере, которые, надеюсь, интересны и теоретикам, и практикам культурно-просветительской работы начала XXI века.

Клубная (шире — культурно-просветительская работа) практика невозможна без инициативы общественности, без любительского творческого потенциала региона. Заметки «Тобольских губернских ведомостей» неоднократно это подчеркивали, информируя читателей в подробностях о культурных инициативах интеллигенции сибирской провинции, рассказывая о доброй воле пожертвователей, благотворителей и духовных ориентирах разных слоев общества.

Автор заметки в «Тобольских губернских ведомостях» за 1858 г. (№ 14) писал: «Артистические удовольствия так редки в Тобольске, что всякий случай, относящийся к ним, составляет истинный

праздник для любителей искусства». В Тобольском Благородном собрании 15 июля 1857 года зал был переполнен. Для собравшейся публики Э.Ф. Знаменская, А.М. Арцимович и господа Мазилев, Черненко исполнили увертюру из оперы французского композитора Франсуа Обера «Фра-Дьяволо». Кстати, произведение создано в 1830 году и было, современным для тех, кто слушал его при жизни одного из основоположников большой европейской оперы. Звучали две скрипки, четырем рукам подчинялись звуки фортепиано. В программе концерта Э.Ф. Знаменская с Г. Жилиным исполняли вариацию для скрипки и фортепиано бельгийского композитора Шарля Огюста Берио, в то время профессора Брюссельской консерватории. В программе звучала Фантазия австрийского композитора и пианиста-виртуоза Зигизмунда Гальберга из «Нормы». Этот салонный музыкант за 28 лет до описываемых в газете событий гастролировал в России (в 1829 г.) и был очень популярен среди дворянской интеллигенции. Автор же заметки так характеризует атмосферу Тобольского музыкально-театрального вечера: «Благородные артисты, кажется, состязались между собою в желании передать самые тонкие, почти неуловимые оттенки музыки».

Музыкальное отделение вечера было продолжено показом комедии «Сперва скончались, потом повенчались» (автор в заметке не указан). По именам персонажей можно судить, что комедия представляла бытовые сцены русской жизни. Хтыстикова играл Г. Измайлов, Квашнину — М. Палкевич. Аплодисменты порадовали не только артистов, но и художника-декоратора Г. Жилина, который, как мы уже поняли, был еще и музыкантом.

Списанный журналистом 50-х годов XIX века концерт был организован не только для развлечения, но и с целью вполне прозаической: собирались средства на ремя здания Губернского Благородного Собрания, где бывал государь-император. И, как указывает информатор, выручка от концерта составила 1200 рублей серебром. Деньги немалые.

А в № 6 за 1858 год «Тобольские губернские ведомости» сообщают на 86,87 страницах о культурной инициативе жителей Тюмени. Вот интересная цитата из статьи «Местные известия»: «Данас остановила сама странность факта — в Тюме-

ни благородный спектакль! Как же это так? До сих пор мы знали Тюмень как город торговый, известный своим широким хлебосольством, где самым сподручным развлечением считались карты, а на другие благородные удовольствия готовы были смотреть как на ересь. Тюменский вечер являлся, в нашем понимании, концертом художественной самодеятельности». В программе: театральные сценки, музыкальные номера, танцы.

Участвовали в мероприятии супруга окружного начальника, учитель, купеческие дочери. Упомянуты фамилии почётных граждан Тюмени середины XIX века: Решетников, Шешунов, также с уважением называются купец Просадов, две дочери купчихи Злобиной и дочери купчихи Юдиной. После мероприятия в гостиных Тюмени толковали о достоинстве концертных номеров, о скудном запасе репертуара, о более удобном месте для сцены, о талантности любителей, об единодушии общества, о стремлении к чистым (читайте: духовным) удовольствиям. В старой газете звучит очень современная мысль: «А такая потребность (к духовным удовольствиям), однажды осознанная, неудержимо поведёт к дальнейшему, более прочному образованию».

В начале своего творческого пути, работая художественным руководителем в Ларьякском ДК, я неоднократно обращался к своим записям. И в исторических экскурсах находил необходимые ориентиры организатора досуга односельчан. Не по этой ли причине в первые концерты были включены арии из популярных опер, танцевальные номера на музыку Римского-Корсакова, Брамса, мини-спектакли Чехова «Юбилей», «Злоумышленник», сцены из пьес Островского «Лес», «Без вины виноватые», «Правда — хорошо, а счастье лучше». В этих и других номерах концертных программ реализовали свои творческие способности сельские артисты-любители: Надежда Свищёва (в девичестве Тапкенова), Иван Бутаков, Галина Тюльканова, Гачина Титова, Василий Чупурноб. Любовь Бутакова и многие-многие другие, кто помогал девятнадцатилетнему клубнику соотносить модели духовной организации досуга с практикой культурно-просветительных мероприятий.

Вспоминаются и невдвуг возникшие именные балы в сельском Доме культуры. Проводили мы их, отмечая заслуги профессионалов, чувствуя медицинских работников, рабочих рыбоучастка, советских служащих. Интересно, что идея таких балов была заимствована из информации той же старой газеты.

В № 15 за 1958 год «Тобольские губернские ведомости» писали, что друг за другом прошли три бала: первый в честь губернского начальника Виктора Антоновича Арцымовича и супруги его Анны Михайловны, второй — в честь начальника дивизии генерал-лейтенанта Александра Карловича Домети и его супруги Ольги Александровны, а третий проходил в честь Густава Христиановича Госфорда.

Персоналии на клубной площадке, личностное ориентирование в программе досугового мероприятия — эти непривычные для коллективистского сознания социалистического работника позиционные идеи могли родиться при относительной свободе клубной практики на селе. Были очень привлекательными описания именных балов, сделанные журналистом в 1856 году: начался бал венгерским маршем с барабанами, после приветствия гостей выходил распорядитель, в честь героя бала объявлялась кадрили. В танце участвовали 64 пары. Информатор выражал удовольствие: «Еще года три тому назад что у нас было? Соберутся, бывало, 10—15 пар, так и слава Богу! Общество не могло не заметить, что в последнее время обращено внимание на его пользы и нужды...».

Так, оказывается, в активности танцующих на балах выражается отношение людей к происходящим общественным явлениям: улучшается внимание властей к нуждам общества, активизируется творческий потенциал посетителей клубных мероприятий! Еще одно существенное замечание из прошлого: умеющих танцевать стало больше. Вот почему и мы организовали в 1971 году на селе школу танцев для взрослых, чего никогда не было. Жаль, что теперь школ массового танцевания очень мало. Бальный танец стал развиваться лишь в формах показательных выступлений, в формах, ориентированных на соревнования, конкурсы. В клубных залах бытуют бесталанные и бессознательные прыганья под и поперёк музыкальных ритмов. Может быть, и в первом десятилетии XXI века обратиться к опыту века девятнадцатого?

С Татьяной Дорофеевной Рожковой до 1970 года часто говорили о балах. Мне было интересно слушать о том, как проходили танцевальные вечера в 30-е, 40-е, 50-е годы. Татьяна Дорофеевна подробно рассказывала о танцевальных программах Тюмени, где она жила и работала до приезда в город Ермака — так она нередко называла Тобольск. Все это пригодилось.

В № 20 за 1858 год старинная губернская газета сообщала о весенних гуляниях: «Народ густою толпою обступил танцующих. Хотелось бы и нам забраться в эту толпу, послушать, как говорит наш православный народ о ганцах. Да остались на месте. На первый раз у нас мало было охотников танцевать на открытом месте. Впрочем, и то сказать, при дневном свете не всякая девица, не всякий молодой человек решатся танцевать, дневной свет беспощадный, ни одна самая малая неприятная черта на лице не укроется от дневного свету. Что ж мы говорим? Кого это может испугать? Новичков только одних, людей, не знакомых друг с другом, а у нас в небольшом городе и без танцев при дневном свете очень хорошо знают друг друга...» Озорной автор далёкого прошлого верно замечает, что места для танцев надо благоустраивать, тогда и кадрили будут массовыми, и вальсы закружатся.

Кстати, и мне посчастливилось откровенно делиться опытом организации вечеров танцев в клубном учреждении на страницах газеты «Ленинское знамя» (нынешнее название: «Местное время») в статьях 1971—1974 годов.

А с Т.Д. Рожковой вели мы долгую переписку, которая оборвалась лишь в начале 80-х. Незабвенный образ архивиста и практика организации культурно-просветительной *работы* много раз воскресал в памяти. Татьяна Дорофеевна до последних дней читала лекции о русских художниках, много лет в составе культурно-художественных бригад ездила на агиттеплоходах по Иртышу и Оби от Тобольска до Салехарда. Сельскому клубнику, а потом и студенту на берегах Невы были очень нужны советы умудрённого опытом общения, знаниями сибирской истории человека с душой деятельного клубника.

Неоднократно я обращался к тетрадным листочкам, где были выписаны информации о праздниках XIX века. Вот ещё зарисовка из «Тобольских губернских ведомостей», №15 за 1857 год. На страницах 138, 139 рассказывается о празднике, проходившем 27 и 28 июля. Гуляния горожане устроили в честь рождения государыни-императрицы Александры. При памятнике Ермаку в новоустроенном саду проходили главные торжества. Информатор говорит об иллюминации в Тобольске, о ярких фонарях на ограде памятника. Недалеко была выстроена танцевальная дощатая площадка. По сторонам помоста установлены кресла, стулья и скамейки. Военный оркестр исполнял песни и танцевальную музыку. Гости праздника танцевали кадрили, вальсы и были в самом радужном расположении духа. Автор статьи поясняет: «Да и как не быть весёлым там, где не увидишь ни одного наморщенного лица, не услышишь ни одного жестокого слова и где царствуют ласка и приветливость?».

Не правда ли, праздник XIX века напоминает нам дух весёлости и благочинности, который пытались и пытаются каждое лето создать устроители фестиваля «Самотлорские ночи»? Среди этих уст-

роителей был и автор данных заметок. Но вернёмся к далёким событиям полуторавековой давности.

«Тобольские губернские ведомости» информируют, что и краткий дождик не решился помешать празднику, что вечерний мрак рельефно выделил иллюминацию, при свете которой «кавалеры и дамы опять выступили на помост и еще около часу кружились в танцах, не чувствуя усталости». Картину праздника дополняет неустаревшая подробность: «Любопытно было видеть, как многие мальчики и девочки простого звания, взобравшись на фундамент ограды, глядели на танцующих из-за решётки, как бы не веря тому, что свершается перед их глазами». Далее записана такая подробность: «Музыканты и песенники, подкреплённые доброю чаркою водки, не умолкали и во время фейерверка». Обильный поток дождя хлынул, как рассказывает журналист середины XIX века, через полчаса после завершения гуляний, продлившись до 22 часов.

Наши предшественники жили в другом ритме, чтли установленный порядок. И мне кажется, затягивания нынешних гуляний до утренней зари не на пользу общественному сознанию. Всё хорошо в меру.

Ещё немало выписок из старых газет хранится в растрепавшейся школьной папке, которую раскрывал я тысячи раз, находя немало возможностей соотнести свою практику клубника с опытом организации досуга на Тобольском Севере в XIX веке. Переплетение разновременных событий ради одухотворения будней позволяло достойно оценить опыт предшественников, понять, что духовные ценности должны занимать приоритетное положение при организации досуга.

Освобождённого от духовного обогащения времени не может быть. Свободное от культурно-просветительной работы время занимается антиобщественными компонентами субкультур. И опыт прошлого необходим, чтобы осознать целостность отечественных традиций в ориентации к духовному обогащению общественного сознания.

Н. Зинненко

Миражи над Паэн-Келэм

Если смежить веки и посмотреть на озеро Паэн-Келэм, то можно увидеть, как по его узкому песчаному берегу не спеша идут гиганты-мамонты. Они движутся со стороны востока, подгоняемые молочным стелющимся туманом. Следом за великанами трусит маленький рыже-бурый мамонтенок. Он тянет хобот, пытаясь поймать раскачивающийся хвост последнего ископаемого слона. После долгих попыток мамонтенок хватается за него своим уставшим тонким хобо-

точком и смешно семенит, легонько раскачиваясь из стороны в сторону.

Миражи прошлого живут только в тех местах, которые отмечены печатью древности. Озеро Паэн-Келэм принадлежит к этому редкостному исключению. Ведь все меняется на планете. Появляются и исчезают озера, и реки теряют и находят свои старые русла, только Паэн-Келэм остается верным своему однажды выбранному месту. Оно по-прежнему вбирает в себя все реки и речушки, которые

с торжественным величественным постоянством несут в него свои воды с разных сторон света.

Весной в озеро Паэн-Келэм заходит рыба. Щука, язь, окунь оставляют здесь свою икру, кормятся и, преодолевая напор воды, поднимаются в верховья таежных и болотных речек.

Древнее озеро Паэн-Келэм и его тихие, неспешные речки, которые коренные народы Севера издавна считали священными, верили, что сам Торум, однажды спустившись на землю, сделал углубление в земле и наполнил его водой, развернул к озеру реки, чтобы рыба могла приходиться сюда на нерест... Торум, создавая озеро, заботился о людях, о том, чтобы и они, и их дети всегда были сыты. И поэтому ханты, которые из поколения в поколение рыбачили на Паэн-Келэм, поклонялись озеру, благодарили Торума за такую щедрую заботу о людских родах и их потомках. Наивные ханты считали, что с таким же трепетным восторгом в сердце должны относиться к Паэн-Келэм все, кто живет на земле. Каково же было их удивление, когда однажды летом они увидели на одной из речек две длинные ржавые трубы. Трубы лежали поперек русла. И вода старательно прыгала через них, легкими, светлыми, как туман, длинными волнами.

С этой печальной вестью владелец родового угодья Кузьма Покачев, на чьей территории находится священное озеро Паэн-Келэм, прибыл к депутату Думы Нижневартовского района Сергею Лейкову. Тот внимательно выслушал его и отправился к руководителю Северо-Покачевского нефтяного месторождения.

Нефтяники **разбуривали** кусты в окрестностях озера Паэн-Келэм и, не мудрствуя лукаво, наспех проложили дорогу через рыбную речку. Они спешили добыть много нефти и получить деньги, чтобы жить на них: покупать продукты, ездить отды-

хать, учить детей. У любого человека всегда много забот, и все они требуют затрат. Недалеко не каждый из тех, кто трудится на промыслах, думает о том, что несут будущим поколениям их деяния.

Быстро и легко шагая по улицам города Покачи, Сергей думал о том, что он скажет нефтяникам. Можно погорячиться и обидеть людей. Они все еще не приучены оберегать природу, которая для них — мертвый подсобный материал, и поэтому не поймут его запальчивости. Можно вежливо попросить, чтобы убрали трубы с речки. И можно не сомневаться, что их скоро там не будет. Но не будет и гарантии, что это многотонное железо преспокойно уложат на другом участке реки. После долгих раздумий Лейков решил, что самой лучшей тактикой в этом спорном вопросе по защите речки будет объяснение. Хотя доброе слово не всегда воспринимается так, как оно звучит, но оно имеет магическую силу вновь и вновь напоминать о себе. Невольно человек начинает размышлять о смысле некогда сказанного и, в конце концов, соглашается с тем, чему раньше противился.

В тот день Сергей Лейков вместе с нефтяниками выехал на озеро. Рассказал им о его особенностях в естественном воспроизводстве рыбы, о том, что оно всегда в достатке кормило и поило людей и заслужило, чтобы его берегли и дальше.

Разговор по душам принес свои положительные результаты. Нефтяники подогнали мощные тракторы и отбуксировали трубы на месторождение. Клятвенно пообещав больше не нарушать естественный сток воды в реках. И пока держат свое слово.

С. Лейков верит: пока слово нефтяников будет крепким, по плоскому песчаному берегу Паэн-Келэма будут ходить гиганты-мамонты. Эти мифические ископаемые крепким узлом прошедших поколений связывают прошлое с настоящим и своим сказочным присутствием заботятся о будущем.

Последний оплот на Чахрын Урий Ран

Сергей Лейков потерял мать в шесть лет, а когда ему было тринадцать — умер отец. Круглую сироту приютила сестра. Но и с дорогим ему человеком Сергей жил рядышком недолго. Когда пошел в первый класс, пришлось из родной тайги уехать в неизвестный и чужой ему город.

В пору детства Лейкова советская власть внедряла в жизнь программу обучения детей коренной национальности в общеобразовательных школах. Малышей и подростков собирали по стойбищам, селили их в интернаты. Возможно, сама идея ликвидировать неграмотность среди аборигенов была и неплохой. Но, как часто это случается на практике, ее инициаторы не приняли в расчет ни традиционный образ жизни хантов и ненцев, ни их привязанность и лю-

бовь к земле, ни стремление к сохранению вековых традиций и обычаев.

Несмотря на явные перегибы в массовой ликвидации неграмотности среди аборигенов, противостоять им никто в то время не мог. Слишком велико было стремление советского общества и его руководителей любыми путями построить светлое будущее человечества — коммунизм. Сергей Лейков вынужден был подчиниться стремительному напору общеобразовательного приказа и учиться в городе, забывая при этом свои исконные обычаи и традиции, без которых невозможно прожить в тайге и вообще на лоне природы.

За время долгих странствий по городам и весям Нижневартовского района Сергей Лейков приобрел много специальностей, сменил рабочих мест. И

езде трудился так, как если бы сдавал самый важный экзамен в жизни. Был у Лейкова и почет, и слава добросовестного труженика ходила за ним по пятам, словно привязанная собачонка. И каждый год он ездил семьей отдыхать в отпуск. И не в соседнюю деревню, а на юг, к теплому ласковому морю. Но, несмотря на такой устойчивый и приятный круговорот событий, душа у Сергея была не на месте. Часто, очень часто, без видимой на то причины она начинала тосковать и тосковала так сильно, что Лейков не находил себе места.

Однажды тоска привела его на стойбище. И на земле, освещенной ярким летним солнцем, Сергей вдруг понял, почувствовал каждой своей клеточкой, что здесь его дом и здесь он должен прожить остаток своей жизни. Сергей обрадовался зову земли и безропотно повиновался ее молчаливому, но чувственно-красноречивому повелению. В Усть-Ватьегане срубил дом и необходимые традиционные постройки к нему. Приловчился ловить в Агане и его притоках рыбу, заготавливать ее на зиму. В сезон охоты Сергей уходит на промысл в тайгу, но много дичи не приносит домой. Жалеет зверье. Мало его осталось в урмане. И если не попридержать дробь в кармане, завтра уже нельзя будет показать внукам и правнукам медведя или капапуху. Понимает Сергей, что вместе с исчезновением зверья в тайге потеряется и великий смысл традиционного уклада жизни аборигенов. А ему хочется, чтобы он существовал всегда.

Пристрастился Сергей Лейков и к разведению оленей. В уходе за этими парнокопытными животными ему помогает генетическая память. Ведь не одно тысячелетие его предки приручали оленей, а потом трепетно ухаживали за ними.

У ханты не принято вести счет своим оленям при посторонних. Это держится в секрете. Мне удалось выяснить, что в стаде оленевода-частника Сергея Лейкова их меньше, чем пальцев на одной руке. Такой же короткий счет и у других владельцев, проживающих на территории Аганского сельского совета. И виной тому интенсивные разработки нефтяных месторождений, которые потеснили оленей с их исконных пастбищных земель. На священной реке Аган, почитаемой хантами издревле, остался маленький нетронутый цивилизацией островок тайги, пригодный для содержания оленей. Здесь, в Чахрыш Урий Рапе, отстроил свое новое стойбище хранитель Святого Бора Дмитрий Айпин. И все аганские ханты, в их числе и Сергей Лейков, привели сюда своих оленей. За этим сборным стадом животных сегодня присматривает хранитель Святого Бора Дмитрий Айпин, а Сергей Лей-

ков часто навещается к нему. У них много общих тем для разговора. На последнем съезде оленеводов Нижневартовского района Лейкова избрали председателем оленеводов района. И теперь он беспокоится не только за своих подопечных, но и за всех парнокопытных, которых содержат оленеводы-частники на угодьях в Корликах, Варьегане и других населенных пунктах района.

Сегодня Сергей Лейков обеспокоен тем, как оградить Чахрын Урий Рап от нефтяников. Они приступили к разработке Кураганского нефтяного месторождения в трех километрах от стойбища Д. Айпина. По большой воде пришел в одну из протоков Агана земснаряд, который ведет здесь намыв песка под будущие буровые. Лейков часто навещается к нефтяникам. Пристально следит за всем, что и как они делают. Но пока ни к чему не может придраться. Нефтяники неукоснительно соблюдают все меры предосторожности и не наносят вреда природе, не разрушают ее. Но Лейков не успокаивается. Он вновь и вновь появляется на Кураганском месторождении. И его можно понять. Для коренных жителей Аганского сельского Совета стойбище Чахрын Урий Рап осталось последним оленьим оплотом. Если они и его сдадут нефтяникам, то придется навсегда распрощаться с традиционным образом жизни и с северными красавцами оленями.

Жители стойбища в Устье-Ватьегане избрали Сергея Лейкова старостой, а чуть позже он баллотировался в депутаты районной Думы и получил активную поддержку избирателей. Надеются аборигены на Сергея и верят: Лейков защитит их права на всех уровнях власти.

В настоящее время Лейков обеспокоен строительством школы на стойбище в Устье-Ватьегане. Здесь проживают в общей сложности 27 человек, 14 из них — дети разного возраста. С приходом осени они почти все вынуждены покидать привычные родные места и жить в интернатах под присмотром воспитателей и нянечек. Но какой бы щедрой и предусмотрительной ни была забота чужих людей, они не смогут заменить мальчикам и девочкам их матерей и отцов. И чтобы не травмировать детскую психику, надо строить и открывать школы непосредственно на стойбищах. Главе местного самоуправления Нижневартовский район Борису Хохрякову понравилось предложение Сергея Лейкова, он выделил средства на строительство школы. Сергею Лейкову осталось только нанять хороших мастеров, завести строительные материалы и построить школу на стойбище в Устье-Ватьегане, где он пустил свои корни жизни.

Народная педагогика от Бога

Мудрецы древности утверждали, что человек состоит только в том случае, если он вырастит

сына, посадит дерево и построит дом. Лейков дом построил, дерево посадил, и не одно, осталось

вырастить сына. Сыну Денису 13 лет, но в смекалке и выносливости он не уступает подросткам старше себя. И смелости ему не занимать. В этом году принимал участие в районных соревнованиях по обласу. Показал хорошие результаты. Глядя на него, Сергей еще раз утвердился к мысли, что народная педагогика, по которой он воспитывает сына, самая мудрая и жизнеспособная. Она советует приучать ребенка к труду и самостоятельности с раннего возраста. Поэтому когда Денису исполнилось три года, Сергей стал брать его на рыбалку, позже — на охоту, учил держать в руках рубанок и другие инструменты, без которых не может обойтись ни один мужчина, ведущий традиционный образ жизни.

Благодаря мудрой опеке отца Денис в свои тринадцать лет хорошо управляет моторной лодкой, умеет ловить и готовить рыбу на костре, неплохо держит в руках рубанок и другие плотницкие инструменты. Не боится тайги. Она для него давно прочитанная книга, но книга любимая, которую он готов перечитывать еще и еще.

На время летних каникул Сергей пристраивает сына в местный лесхоз. Там он занимался посадкой семян сосны и зарабатывал на карманные расходы. Но вышел закон Государственной Думы, запрещающий детский труд, и на карманные расходы сына теперь зарабатывает Сергей Лейков. Будь его воля, он бы этот закон отменил. Потому что этот закон, на взгляд Сергея, способствует тунеядству и лени у подростков. И это происходит в то золотое время, когда у детей наиболее активно проявляется природное стремление к труду.

А коль их вынуждают лениться, то волшебное вдохновение созидания покидает их навсегда. И как закономерный результат: страна теряет поколение за поколением и упорно борется с наркоманией, алкоголизмом и другими изъятиями цивилизованного общества.

Будь на то воля Сергей Лейкова, он бы отменил этот уничтожающий будущее страны закон и принял бы другой, обязывающий предоставить подросткам посильную работу на время летних каникул и возможность подработки на карманные расходы в свободное от учебы время. Такой подход к воспитанию будущего поколения способствовал бы его физическому и нравственному здоровью, а следовательно, и процветанию страны. Пока же Лейкову приходится идти на разные ухищрения, чтобы его сын не потерял великой и окрыляющей радости что-то сделать своими руками, кому-то помочь и заработать посильным трудом на карманные расходы. Сергей ни на йоту не отступает от мудрой древней педагогики. Она проверена тысячелетиями. Сохранила человека в веках. И он хочет, чтобы эта педагогика помогла ему сохранить и потомков. Это одна из главнейших забот мужчины, главы семейства и рода. Сергей Лейков согласен поспорить на эту важную тему с древними мудрецами, и к тем трем постулатам, которые они завещали людям, добавить свой: мужчина должен вырастить сына таким, чтобы он мог им гордиться и быть уверенным, что он, в свою очередь, вырастит такого же крепкого и жизнеспособного сына. Иначе жизнь на земле потеряет свой волшебный вещий смысл, тот смысл, который завешан человеку Богом.

А. Б. Даутбеков

Мой город

Доброе утро, мой город! Как прошла твоя ночь? Как справились твои службы с ночными проблемами? Просыпаясь рано утром, я прежде всего подхожу к окнам на восьмом этаже и смотрю на тебя. Слегка подёрнутый утренним морозцем, твой воздух играет на оставшихся от осени листьях медленный вальс марта. Уже прошли морозные дни, когда утром заворачивало уши и трещали щеки от нещадного мороза с ветром. Сегодня прекрасный март, уже тепло, где-то под — 4°C. Какой-то серый туман гуляет по крышам пятиэтажек, от этого кажется город приземлённым. А московские дома, словно бело-голубые лебеди, парят на крыльях этого тумана. А девятиэтажек нет на земле, их окутал белесый туман и увлёк их верхние этажи в фантастическую игру в салочки. В южной части города дружно перекликаются петухи местной породы, чего-то брехает собака, звенит бензопила, и столбом вьётся дым из печек домов Старого Варговска.

Сегодня воскресенье — выходной день. Редкие прохожие тянутся из подъездов домов, зябко ёжась от прилипшего холода, уходят в туман. Кто-то лезет, видимо, от нужды, в холодную машину и мучается вместе с ней, пытаясь ее завести. Женщина вывела на прогулку собаку, которая жалобно и верно смотрит хозяйке в глаза и просится обратно домой. Но ей некогда, она в мыслях уже бродит далеко от дома, не замечая, что идёт по кругу бытия. Одно и то же: утро, собака, работа, собака, вечер и, слава Богу, — ночь! Хорошо, хоть дети выросли, вдалеке от неё, вот и мысли о них.

Голубое небо и весеннее солнце потихоньку вступают в свои права. Прячется в тени домов сероватый туман. В высоком югорском небе бродят одинокие облака, не зная, куда исчезнуть от солнца хотя бы на время. Постепенно оживает мой город от ночного сна, субботних шалостей гостей, обильных застолий и безденежья. Загорается

лампочка на кухне, где-то раздаётся музыка, в открытую форточку врываются новые звуки начинающегося дня. На улице становится больше машин, стали появляться люди, слышны визгливые голоса женщин, убирающих снег во дворе.

Мой город, мне нравятся твои улицы и перекрёстки, кедровый парк и красивая строящаяся набережная, высотные дома, которые с реки Оби кажутся лебедями, летящими под облаками. Люблю ночное освещение твоих дорог, разнообразие архитектуры и твоё разноцветное небо с яркой радугой в полнеба после дождя...

Мой город, ты, словно белое полотно, разукрашенное цветной полосой окрашенных домов, весь засутолоченный, сотрясаемый воем машин у светофоров. Мне особенно нравятся твои чистые дворы, застаиваемые автомобилями. Возвращаясь вечером с работы домой, любуюсь витринами магазинов, редкими прохожими, боящимися себя и других, светом занавешенных окон, дикими выходками запоздалых гуляк, что не редкость у тебя и днём, и ночью...

Мой город, по твоим тротуарам идет человек. По походке и внешности видно, что у него очень много проблем, а в голове тысяча мыслей. Забегает в микрорайон и исчезает в подъезде какого-нибудь дома, заходит в квартиру и переводит дух за железными дверями. У него ослабевает внутреннее напряжение, спадает тревога, он — дома. Здесь надо думать о семье, о ее проблемах, как помочь детям, находящимся вдалеке. Это происходит постоянно и ежедневно, повторяясь в различных вариантах: работа — неприятности — дом или наоборот...

Как-то по первой программе радио я услышал слова, что нет жизни без судьбы. Правильно сказано: всё предначертано судьбой, ни отвернуться, ни уклониться от линий жизни. Наверно, и мне суждено было судьбой оказаться в далёком сибирском городе Нижневартовске. Более 20 лет я живу здесь, влюблённый в него телом и душой. Где бы я ни был, в ближней или дальней сторонке, сытом или уютном краю, через три или четыре дня тянет обратно домой, к тебе, мой город. Там, в тёплых краях, откуда родом, казалось бы, всё хорошо, и дети рядом, и благополучие вокруг, но нет, тянет в снежные и болотистые, душные и комариные края. В края, где 7 месяцев зима, а остальное — всё вместе. Так незаметно в суете жизни и проходят здесь наши самые лучшие, памятные и зрелые годы. Всё идёт своим чередом по непонятно кем писанным законам, лишь только успеваешь подстроиться и стараешься жить так, чтобы потом не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Мне нравится мой город! И в зимнюю пору, и дождливой весной, и в комариное лето, ну, а осень — это моя любовь к Югории, особый период жизни. Великолепие цветосочстаний и многообразия в природе. Особенно если это бабье лето. Люди и машины, дети и работа, рыбалка и охота, ягоды и огороды. И

фантастика цветов природы, на любой вкус и желание, только открой нараспашку свою душу...

Мой юрод, мне хорошо с тобой, но зато в погожую пору особенно стылыми кажутся шумы и запахи твои, асфальт и бетон, уличная суета и грязный снег. Никого не хочется видеть и ничего не слышать, уединиться и исчезнуть из взбалмошного мира проблем и забот. Иногда просто мерещатся речка, озеро или сосновый бор с перелесками из берёзы, ольхи, рябины, кедра, сосны, осины и кустарников, тропки, проложенные на ягеле, влажные грибные запахи и попискивание синицы...

Мой город, я люблю тебя, но устаю от твоей суеты, вечного движения и нескончаемых умственных нагрузок на работе и дома. Начинаются конфликты на местном уровне, почти переходящие в боевые действия сторон. Моя семья не выдерживает твоей нагрузки и просится на природу, на базу отдыха «Татра». Сборы недолги, урчит двигатель «волжанки» в общем шуме города — и мы на природе. По старой исхоженной тропинке идём в лес, а там терпкий запах хвои, свежий воздух, пьянящий привкус шашлыка и другая жизнь...

Мы, я и жена, думаем, что самое главное для человека, живя своим миром, не вмешиваться в жизнь леса и речки, не вносить свои правила, не предъявлять условия, а бездейтельно глядеть и созерцать, накапливать впечатления. Ощущение неповторимости не притупляется, нет двух одинаковых деревьев, схожих волн и берегов, как не бывает, чтобы повторились оттенки красок природы или освещения дня. Всякий раз, когда мы выезжаем в окрестности города, открываем картину, до этого невиданную. Мне особо нравится похвастать перед семьёй знакомым видом Оби и его притоками Вах или Ватинский Ёган, где мшистая и болотистая долина, заливные луга, усыпанные ягодами и зелёным ковром диковинного узора...

Грива шириной метров в сто и длиною с километр, поросшая высокой сосной и кедром, легла между озером и болотом. У озера росла высокая, изумрудная, густая, как мех, осока. Главная красота откроется завтра на рассвете, когда на утренней заре из болотного пара выкатится огромный пылающий диск солнца и на миг осветит гриву, и все стволы сосен вспыхнут медью, а песок будет золотым. Это завтра. А сейчас, минуя опушку соснового бора, обойдя стороной болото и переправившись через ручей с топкими берегами, мы осторожно вышли к поляне, заросшей кустами голубики и брусники, и тихонько пошли по старой, давно заброшенной дороге. Я раньше бывал в этих местах и знал, что здесь бывает осенняя боровая птица. В этот момент всё — зрение и слух, вся жизнь моей семьи, предупрежденной заранее, свелась к ожиданию взлёта и лихорадочным догадкам — где они затаились. Всё произошло неожиданно: шедшая сзади дочка Олеся наступила на сухую

веточку. Раздался треск, охнула супруга, и тетерева, большие и маленькие, начали суматошно вылетать со всех сторон, заполняя поляну мельканием и хлопанием крыльев.

Молоденький косач, взлетев на ближайшую сосну, отряхнувшись и приведя себя в порядок, вытягивая шейку и смешно вертя головкой, стал смотреть по сторонам. Замерло всё, и жизнь, и суета, а мы, как зачарованные странники, смотрели на эту красоту. Долго, не шевелясь, рассматривали и любовались птицей со светло-коричневым оперением, её прыжками по веткам, до тех пор, пока дочка не сдвинулась с места. Черныш вспорхнул и исчез в дальней стороне гривы...

Проходя по тёплым буграм гривы, мы часто входим в тень, отбрасываемую смолистым кедром, гладкоствольной осинкой, шершавой сосной или тонкоствольной белой берёзой. Лес словно насторожился. Внутри него царствуют запахи смолистых сосен и разных кустарников. Тишина такая, что подумалось: не оглохли ли мы случайно? Над нами листва всех оттенков вперемежку с тёмными пятнами хвои. Даже нет привычного ветра. Красочен сентябрьский день. Солнце уже достигло зенита. Прохладен лесной воздух. Мы подходим к краю леса, где начинается другое болото, заросшее травой и мелким кустарником, низеньким кедром, кое-где мелькают берёзки, краснеет клюква, наливается голубика, иногда видно перезревшую чернику. Прибавилось света, воздух стал прозрачнее и чище. Внимательному взгляду открывается изменившийся характер леса, много лиственных деревьев, малорослых, с искривленными стволами, угнетенными ветрами и стужей.

Словно нет ничего впечатляющего, поражающего, а глаза не оторвать. Здесь — болото с травой, на которую боишься ступить, она ходуном ходит под ногами, там — синяя гладь озера, вдалеке, в синей дымке, — островки леса и далеко-далеко у горизонта — дымчатое облако. Пустынна ширь озера, безлюден лес и как будто нет суеты городской жизни, всё так тихо, празднично и неподвижно. Закат всегда и везде

— зрелище красочное и величественное. Но здесь, у гривы и края болота, он почему-то особому торжественно красив. Спокойны приглушённые краски неба с перламутровой грядой неподвижных облаков, застрявших на севере, спокойна синь неба, отражённая в озере на юге, ни один звук не нарушает восток, там оседает темнеющая мгла, а на западе, краснеющем от заходящего солнца, ширь и покой. Закат раскаляется, опускается верхний ободок солнца за горизонт, и небо полыхает разноцветными огнями фейерверка...

Закончился день. Семья возвращается к машине. Песчаная дорога петляет по лесу, выходит на край болота и вырывается на асфальтовый простор. Всё позади, можно подводить итоги, охватив прощальным взглядом озеро, тёмно-зелёную гриву, петляющую речку и травянистое болото. На них со всех сторон давит цивилизация со своими бедами и проблемами. Озеру постоянно грозит заиление, река отравлена отходами производства и нефтепродуктами, нарушается их кислородный баланс и скудеют рыбные запасы. Картина не ахти какая, если хоть чуть-чуть заглядывать в будущее, там будут жить наши потомки. Что мы им оставим?

Неужели не хватит мудрости у наших правителей, больших и маменьких, сохранить на земле места, где не нарушается покой природы, где она своей красотой и чистотой способна благотворно влиять на душенное состояние человека. Вдохнуть в него силу и бодрость, просто дать возможность прийти в себя после суеты и гонки современной жизни, отрешиться от придавивших сиюминутных забот. Ещё в своё время **Н.В. Гоголь** писал, что человеку, дабы не оскотиниться, следует почаще смотреть вверх — на небо. Если понимать это широко и ёмко, то в этом заключён смысл жизни — надо знать, как всходят звёзды, осязать вершащийся в природе великий круг жизни, с его ритмом и закономерностями, какой-то частичей души остаться его детьми. Душа и мысли человека скудеют в отрыве от природы, а возможно, сбиваются с истинного пути...

А.Б. Даутбеков

Ван-Ёган

Имя у этой речки Ван-Ёган. Она не знаменита, но чиста и полноводна до автодороги Нижневартовск—Радужный. Дальше начинаются болота, где расположены нефтяные вышки, которые бурят землю и достают нефть. Изгибаясь и петляя в Аганских увалах, таёжная речка плавно и тихо течёт по равнине. На холмах-увалах сухие места, хвойные леса и лиственница. А в лесах и перелесках, озёрах и болотах много дичи, река богата

рыбой. Местами речку ни проехать, ни пройти, надо далеко обходить завалы чистыми сосновыми борами. Красочна изначальная осень. Наступило бабье лето. Лес разоделся в золото и пурпур, наполнился тихим шелестом начинающегося листопада. К речке местами подступают то стройный кедровый лес вперемежку с ельником, то старые сучкастые сосны с солнечными кронами и курчавым брусничником вокруг тёмных комлей. В ни-

зинах и сырых местах зреют черника и голубика. Иногда желтеют песчаные отмели, крутые откосы на мелких речушках, неизвестно откуда берущих начало.

Иду с сыном на рыбалку. За плечами увесистые рюкзаки, шагаем тяжело, сгорбившись. В руках снасти, лёгкая резиновая лодка. На голову наброшен накомарник, на ногах — тяжёлые болотники. Позади мелкий березняк, в который загнали и спрятали легковой автомобиль. Тальниковые заросли мешают ходьбе, цепляясь буквально за всё — одежду, рюкзак, снасти и сапоги. Пот шиплет глаза, стекает по шее, спина мокрая. Трудно дышать, особенно не привыкшему сыну. Небо открытое, хоть и примглённое суховецной белесой дымкой, но светоносное и палящее. Стоит густая, сиропная тишина, только гул мошки и комаров. Даже лёгкий ветерок не лепечет листвою деревьев. Берёзки в перелеске стоят, бесильно свесив ветки. Тропинку местами преграждали упавшие деревья. Мы настолько устали, что сказочное окончательно спуталось в нашем мозгу с реальным. Из-за холма показалась речка с широким песчаным берегом. Ни души кругом, тишь и благодать, только в кедраче цокочет белка, и где-то стучит дятел. На песчаной отмели сын сбрасывает с себя одежду, неторопливо забредает в воду выше колен и ложится на шелковистый песок. Ложится на живот, раскинув руки. Струи воды подхватывают его, отрывают от песка и пытаются стащить вниз по течению. Он упирается ногами в дно речки, чтобы спокойно парить в струе воды, а течение оmyвает и ласкает тело. Песчинки копошатся под ним, перебегают от ямки к ямке. А я развожу костёр и строю шалаш из тальника. С Ван-Ёганом у меня давние и сложные отношения...

Впервые я увидел его с борта вертолётa. Тогда-то и заприметил эту песчаную отмель, а через горку — глухое озеро с песчаным берегом на краю ельника. Второй раз увидел холодной слякотной октябрьской порой, когда шёл пешком в размокших ботинках домой, в пос. Радужный. Тогда ещё не было моста через речку, а бетонная дорога заканчивалась в трёх километрах по каждую сторону речки. Эти шесть километров нужно было прошагать, чтобы попасть на вахтовый автобус. Вот тогда-то впервые, будучи директором восьмилетки вахтового посёлка Радужный, я ощутил на себе осень Ван-Ёгана. От земли, мокрой после проливных дождей, у моих туфель отвалилась подошва. И надо же этому случиться как раз на берегу речки. Пока искал, чем перевязать, попутчики уже ушли... Третий раз я в этих местах ходил на лыжах и впервые ночевал в лесу на открытом воздухе зимой. Куропаток было много, и охота доставило откровенное удовольствие.

Струится на плёсе прозрачная, с коричневатым оттенком таёжная вода. С противоположного берега смотрится в неё тёмный строй кедра. Красиво, тихо и заманчиво. Желтоватый песок, шалаш и костёр. Сложены рюкзаки, накачана лодка, и сын выехал на воду. Он разматывает бамбуковые удочки и забрасывает леску с наживкой на край травника. Течение ровное, спокойное, глубина около метра, и тихая заводь покачивает водорослями. Как всегда, замирает душа при встрече с новым, сулящим рыбацкую удачу местом! Поплавок только успокоился, красный кончик торчком — и тут же дрогнул. Сын уже почувствовал поклёвку, лёгкая подсечка — и на удочке затрепетал подъязык. Вот оно, рыбацкое счастье! С удачей, сынок! Клевало бойко — сорожка, язь, окуни. Сыну сначала пришлось отложить одну удочку, потом — вторую, стал рыбачить одной. Уху-ассорти мы себе обеспечили. Но хотелось чего-то особенного, и тут внезапно прекратилась поклёвка. Поручив сыну варить на свой вкус и талант похлёбку, я пошёл искать то дивное озеро.

Благополучно переплыв на резиновой лодке речку, я пошёл по кедровому лесу. Меня удивило, что трава была совершенно сухая. В воздухе звенело и пело. Дикой силой, несказанной красотой дышала вокруг меня первобытная природа, рождая в душе тысячу мыслей, видений и безотчётных чувств. Поднялся на гору и между деревьями увидел озеро. Вспомнил картину озера, которую видел с борта вертолётa, и почти точно вышел на песчаный берег. Постоял, присмотрелся к очаровательному озеру, как недалеко у осоки пошла кругами вода. Покрошил в воду хлеба с добавкой анисовых капель и вернулся к шалашу. Когда тропа вывела меня к берегу речки, предзакатное небо уже оделось в яркое золото. За дальним лесом причудливыми очертаниями обрисовывались фантастические фигуры: то медведь, то белка или Баба-яга верхом на помеле из лиственницы. Но главным в этот вечер оставалась тишина, которая переключалась с шелестом листвы и журчанием воды.

Ночью прошёл проливной короткий дождь. На песке он шумит глухо и монотонно, а в лесу говорливей — что ни лист, ветка или султан хвои, то свой неподражаемый звук. Дивный аккорд льётся под сводами деревьев, навевая лёгкую грусть. Для тех, кто не слышит этой музыки, это просто сплошной и тревожный шум. Ещё темно. Мы, ёжась от прохлады и сырости, развернули удочки, поплавки спокойно лежали на воде. Теперь самое волнующее в рыбалке — это ужение, умение ждать, созерцая утренний мир озера. Терпеливо и настороженно ждем момента, когда поплавок вздрогнет, ляжет, поведёт в сторону и утонет под воду. Проходит час. Рассвело, начал подниматься туман над озером, и тогда произошло чудо. Край-

ний справа, со стороны сына, поплавок начал кивать, а потом улёгся и тихонько поплыл к траве. Короткий взмах удилищем, и сын подсекает рыбу. После недолгой борьбы он вытаскивает карася и, полюбовавшись им, кладёт в садок. Знакомство состоялось. Через несколько минут очередная поклёвка, сын, подняв удилище, выволакивает очередного карася-лаптя. Рыба тупорылая, короткий горбач, с округлыми боками, сверкает чешуей и блестит, словно глянцевый. Поклёвка идёт за поклёвкой в течение получаса. Потом всё стихает надолго. Прикормили место и ушли в лес. Приличный улов приятно тяготит руки сына.

На обед мы варим уху. Я вожусь у костра, готовлю дрова. Сын почистил рыбу и картошку, лук и зелень. Настоящая уха — это целое искусство! Разумеется, она должна быть тройной. Ерши, окуни — на первое, белая рыба — на второе, за неимением лучшего, карась — на третье. Первая и вторая рыба выбрасываются, уха процеживается и снова кипятится, закладываются картошка, лук и рыба. Зелёный лук, укроп и петрушка, перец чёрный и красный — для полного натюрморта — и благовония. Наконец без суеты рассаживаемся вокруг котелка, от которого плывёт умопомрачительный аромат. Шумно хлебаем уху в полном молчании, наслаждаясь тишиной...

Отдохнув, мы снова уходим на озеро, на вечернюю рыбалку. Мелкая рыба нас не интересовала, не затем ехали за сотни вёрст. Забросили удочки. Поплавок из гусяного пера нырнул и спокойно лег на воду. Я посмотрел на сына и удивился его состоянию. Он был очарован, широко раскрылся, вдыхая запахи воды и тайги. Для него всё исчезло: и небо, и лес, остались только поплавок и кусочек озера, смотрел на них, не отрываясь. Глядя на него, я верил, что нас ждет необыкновенная рыба. Рыбацкое счастье не покинет нас, и мы поймем неведомую и огромную рыбку. Поплавок по-прежнему лежал спокойно. Я глянул на воду, синее небо, на темно-зелёную тайгу. Может, мне почудилось, что поплавок дрогнул? Но нет — вот он дрогнул опять, потом ещё и, наконец, резко ушёл под воду. Какая-то рыба увлекла его в подводную бездну, натянула леску и согнула конец моего удилища. Однако я успел подсесть и порывистым движением дёрнул удочку. Руки почувствовали приятное сопротивление. Я рванул на себя удочку, и на конце лески вылетела чудо-юдо рыба-кит. Маленький-премаленький ёрш. Мы расхохотались, и ещё долго на берегу озера и в тайге раздавался здоровый, от души смех. А рыбалка продолжалась...

Вот она, та самая
рыбка, которую
я так долго искал

Наши авторы

- Аитов Нариман Абдрахманович** Доктор философских наук, профессор КАЗГУ, заслуженный деятель наук РФ
- Алексеева Любовь Васильевна** Кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана исторического факультета НГПИ
- Архипова Марина Дмитриевна** Соискатель кафедры истории России НГПИ
- Афанасьева Наталья Николаевна** Преподаватель МОСШ № 41
- Баранова Ольга Витальевна** Кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой русского языка НГПИ
- Бородин Юрий Петрович** Завлаборатории акустико-эмиссионной диагностики ВНИИСТ
- Вавер Виктор Игоревич** Заместитель директора исполнительной дирекции Ханты-Мансийского регионального отделения межотраслевых эколого-экономических исследований РАЕН
- Величко Наталья Ивановна** Старший научный сотрудник этнографического музея «Торум-маа» (г.Ханты-Мансийск), соискатель кафедры истории России НГПИ
- Даутбеков Амирсет Бикмурзаевич** Учитель физики МОСШ № 22
- Дворецкий Евгений Владимирович** Кандидат исторических наук, доцент, первый проректор Белгородского ГУ
- Дронкина Ольга Игоревна** Заведующая кабинетом истории, аспирантка кафедры истории России НГПИ
- Захарова Наталья Викторовна** Ассистент кафедры истории России, заместитель декана исторического факультета НГПИ
- Зинченко Нина Николаевна** Тележурналист ТК «ТНР» член Союза журналистов России
- Зубов Виталий Николаевич** Ассистент кафедры истории России НГПИ
- Иванова Нина Александровна** Кандидат биологических наук, доцент кафедры географии, экологии, естествознания НГПИ
- Икингрин Елена Николаевна** Доцент кафедры философии и социологии НГПИ, кандидат социологических наук
- Кондрахина Светлана Станиславовна** Учитель истории школы № 5 г. Нижневартовска, аспирантка кафедры истории России НГПИ
- Кошкарева Альбина Михайловна** Доцент кафедры русского языка НГПИ
- Лопатин Константин Иванович** Директор исполнительной дирекции ХМРО РАЕН, кандидат с/х наук
- Майснер Галина Гибровна** Старший преподаватель ТГУ
- Митрофанов Виктор Владимирович** Завуч школы № 31 города Нижневартовска
- Московкин Павел Тимофеевич** Врач центра медицинской профилактики
- Мухамедьярова Рамиля Рашидовна** Директор центра экологического образования Нижневартовского социально-гуманитарного колледжа
- Овечкин Федор Юрьевич** Главный специалист ХНРО РАЕН
- Панков Андрей Игоревич** Кандидат исторических наук, зав.отделом досоветской истории Белгородского государственного историко-краеведческого музея
- Симачкова Наталья Николаевна** Старший преподаватель Нижневартовского экономико-правового института Тюменского госуниверситета, соискатель кафедры истории России НГПИ.
- Смирнов Николай Павлович** Писатель, член Союза писателей и Союза журналистов России
- Солодкин Яков Григорьевич** Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России НГПИ

Стадник Анатолий Николаевич	Учитель истории средней школы № 31 г. Нижневартовска
Староверова Ольга Николаевна	Преподаватель МОСШ № 41
Угрюмова Мария Викторовна	Кандидат исторических наук, ассистент кафедры философии НЭПИ (филиал ТГУ)
Цысь Валерий Валентинович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГПИ
Шипичина Милена Наильевна	Преподаватель ТГУ
Щербина Сергей Иванович	Доцент кафедры русского языка НГПИ, кандидат филоло- гических наук
Яковлева Анастасия Михайловна	Ассистент кафедры романо-германской филологии, аспирантка кафедры истории России НГПИ
Яхина Надежда Рафиковна	Студентка III курса НГПИ

Оглавление

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ	3
<i>Н.Н.Симачкова.</i> Военные функции воевод западносибирских городов {кон. XVI - нач. XVII вв.).....	4
<i>Я. Г. Солодкин.</i> Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования.....	10
<i>Я. Г. Солодкин.</i> Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (Новые материалы).....	16
<i>Е.В.Дворецкий, А.И.Попков.</i> Основание первых русских городов на «крымской уkraine» и в Сибири: опыт сопоставления.....	19
<i>О.И. Дронкиш.</i> Известия «Книги записной» о первоначальном освоении Сибири и их источники.....	22
<i>М.Д.Архипова.</i> Первый тобольский архиепископ Киприан и светская администрация в Сибири . . .	26
<i>В.В.Митрофанов.</i> Проблемы первоначального освоения Сибири в трудах С.Ф. Платонова.....	29
<i>Я.М.Яковлева.</i> Происхождение Строгановской летописи в исследованиях XX века.....	34
<i>В.Н.Зубов.</i> К оценке роли С.В. Бахрушина в изучении русско-сибирских отношений XVI века.....	39
<i>В. 5. Степанова.</i> Немецкие переселенцы в Сибири.....	42
<i>Н.В.Захарова.</i> Подготовка колонизационного земельного фонда в Тобольской губернии в начале XX века.....	45
<i>М. В. Угрюмова.</i> Замена земств Советами на территории Тобольской губернии зимой-весной 1918 года.....	50
<i>Л.В.Алексеева.</i> Национальный состав, размещение, социальная организация населения северо-западной Сибири в первой трети XX в.....	55
<i>Н.А. Аитов, Е.Н. Икингрин.</i> Общее и особенное в социальной защите населения северных городов .	59
ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРАЯ.	
ЭТНОЛОГИЯ	63
<i>Н. И. Величко.</i> М. Б. Шатилов как исследователь материальной культуры ваховских хантов.....	64
<i>О.Н.Староверова, Н.Н.Афанасьева.</i> «Обычаи и традиции народов ханты и манси». Фестиваль сказок-2001. (Из опыта работы эколого-эстетической школы по эколого-этнографическому проекту «ДОМ»).....	67
<i>В.В.Цысь.</i> П. И. Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы гражданской войны.....	72
Акт обследования Юганской туземной школы-интерната, произведенного 6 января 1928 года представителем ОКРИКа, предкомсевера Первухиным при участии предрайтузсовета Когончина, зав. школой Тетюцкой и второго учителя школы Чемагина.....	83
<i>Л.В.Алексеева.</i> Комментарий к документу.....	84
ЧАСТЬ III. ЛЕКСИКОГРАФИЯ	85
<i>С.И.Щербина.</i> К вопросу об образовании специальной лексики северных районов Тюменской области.....	86
<i>А. М.Кошкарёва.</i> Источники «Словаря специальной лексики северных районов Тюменской области».....	89
<i>О.В.Баракова.</i> Жанрово-стилевая обусловленность лексического наполнения тюменского документа XVIII века.....	92

ЧАСТЬ IV. ПРИРОДА. ЭКОЛОГИЯ	95
<i>К.И.Лопатин, Ф.Ю.Овечкин.</i> Эколого-рыбохозяйственная характеристика водоемов бассейна реки Глубокий Сабун в пределах заповедно-природного комплекса «Сибирские увалы».....	96
<i>В.И. Вавер, Ю.П. Бородин.</i> Вопросы диагностики нефтепромысловых трубопроводов.....	105
<i>В.И.Вавер.</i> Рекультивация земель, загрязненных нефтью.....	108
<i>Р.Р.Мухамедьярова.</i> Экологическая школа — центр экологического образования в регионе.....	114
<i>ГМ.Майснер, М.Н.Шипицына.</i> Влияние природной среды на культуру и этнические обычаи народов Севера.....	117
<i>Н.А.Иванова, Н.Р.Яхина.</i> Исторические аспекты природопользования. Экологические проблемы Ханты-Мансийского автономного округа.....	119
ЧАСТЬ V. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ	127
<i>П. Т.Московкин.</i> Развитие здравоохранения города Нижневартовска.....	128
ЧАСТЬ VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ	135
<i>Н.П. Смирнов.</i> Последняя встреча.....	136
ЧАСТЬ VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	145
<i>В.А.Мазин.</i> Переплетение событий ради одухотворенности будней. (Заметки бывшего художественного руководителя Ларьякского сельского Дома культуры на основе материалов «Тобольских губернских ведомостей»).....	146
<i>Н.Зинченко.</i> Миражи над Паэн-Келэм.....	148
<i>Н.Зинченко.</i> Последний оплот на Чахрын Урий Рап.....	149
<i>Н. Зинченко.</i> Народная педагогика от Бога.....	150
<i>А.Б.Даутбеков.</i> Мой город.....	151
<i>А.Б.Даутбеков.</i> Ван-Ёган.....	153
Наши авторы.....	156

Западная Сибирь: история и современность
Краеведческие записки. Выпуск IV

**(Книга издана по заказу МУ «Библиотечно-информационная система»
г. Нижневартовска;
директор В.И. Чернышева)**

Оператор ПЭВМ Г. Гришин
Корректор Т. Назырова

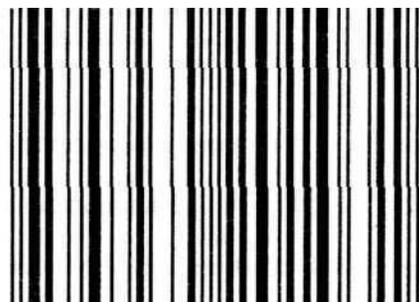
Предприниматель Мандрика Ю. Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел.(3452) 25-12-84.
e-mail: mandrika@sbt.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/-mandrika>

Сдано в набор 10.08.2001 г.
Подписано в печать 01.10.2001 г.
Формат 60x84/8. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл.-печ. 18,6. Тираж 1000 экз. Заказ № 3139.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Заураль».

ISBN 5-93020-103-X

9 785930 201031

